

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

А. КАЗАНЦЕВ

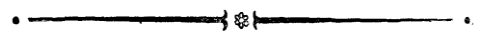
ПЛАНЕТА ПЕПЛА (ЛУННАЯ ДОРОГА)

*Ранние редакции
научно-фантастической повести
«Лунная дорога»*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2020

ПЛАНЕТА ПЕПЛА

Научно-фантастическая повесть

Иллюстрации Ю. Макарова

Газета «Советский патриот» с 13.12 1959 г. по 13.03 1960 г.

*На страницах 7, 8, 27 – иллюстрации Ю. Макарова из публикации
в газете «Советский патриот».*

Прочие иллюстрации из разных изданий повести.

Художники Ю. (Г.) Макаров и А.М. Еремин.

Александр КАЗАНЦЕВ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

В беседе с корреспондентом «Советского патриота» писатель Александр Петрович Казанцев сказал:

— Я заканчиваю повесть «Лунная дорога», которая будет опубликована в журнале «Нева». Вторую часть этой повести «Планета пепла» я с радостью передаю для опубликования в газету «Советский патриот», рассчитывая, что ее читатели в свое время прочтут и ее продолжение.

Кстати, продолжением повести будут еще две. Одна из них, посвященная полету на Венеру, уже опубликована в октябре в «Комсомольской правде» («Планета бурь»), а заключительная повесть «Марсианин» пока существует в виде небольшого рассказа, пролога этой повести. Мне хочется в ближайший год — два закончить эту трилогию, и не без основания думаю, что наши советские люди к этому времени догонят моих героев и сами доберутся до других планет.

Глава первая **ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ**

ЧЕЛОВЕК за бортом!..

Второй пилот Аникин отпрянул от телевизионного экрана.

Громов, командир космического корабля «Искатель», вскочил с кресла. Высокий, он уперся рукой в потолок кабины.

На экране четко был виден американский «Колумб». От него отделился скафандр, с силой выброшенный из люка.

Нет, это не космонавт, осматривающий корпус... Американская ракета была одноместной и... быстро удалялась.

Громов посмотрел в лицо Аникину.

Широкоплечий, сбитый крепыш с веселым вздернутым носом и внимательными глазами понял его без слов. Он включил дальний радиолокатор, чтобы держать скафандр в поле зрения телеэкрана. Результаты наблюдений поступят в

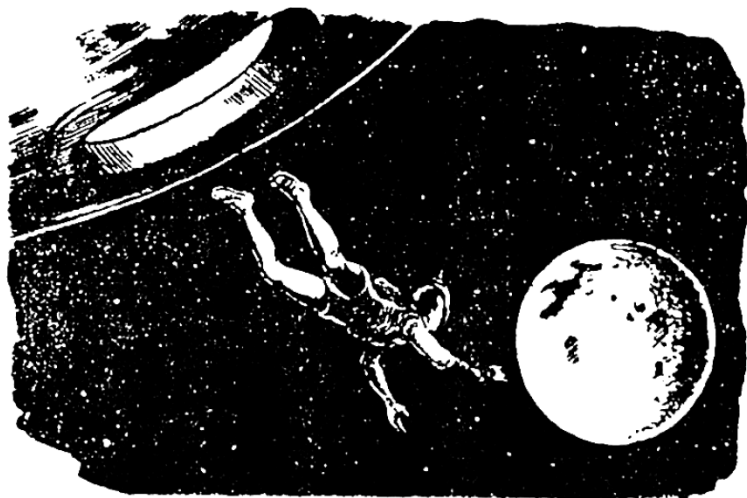

Рис. Ю. Макарова.

электронно-вычислительную машину. Аникин заложил в нее перфорированную карточку, задав программу работы.

Громов смотрел на телеэкран. Скафандр был сделан из гибкой пластмассы, точно воспроизводя человеческое тело, для которого здесь не было ни верха, ни низа. Распростертое, противостоительно невесомое, с торчащими в верхней части экрана ногами и раскинутыми руками, оно медленно вращалось от полученного толчка.

Громов нахмурился, и стал старше своих тридцати пяти лет. У него было лоб мыслителя, добрые глаза семьянина и тяжеловатые рубленые черты скуластого лица. Он представил, что чувствует одинокий человек в пустоте среди звезд, и передернул плечами.

Разноцветные колючие звезды горели без мерцания, мертвым жгучим светом, который не рассеивал окружающую их черноту. Несовместимое соседство света и тьмы было особенно диким и странным близ злобно яркого, взъерошенного солнца, огненно-косматого, похожего на ослепительную медузу в море мрака.

Странен был гигантский диск уже близкой планеты, не серебристой теперь, а серой, изрытой оспинами. Она напоминала клокотавшую и вдруг замерзшую массу, на которой, как на закипевшей каше в котелке, вздувались пузыри, оставив контуры кратеров.

Частью затененная, выпуклая, вся в зубцах гор, шероховатая, рельефная, она казалась мрачным центром чужой Вселенной.

— Упадет на Луну? — с тревогой спросил Громов.

Аникин молча указал глазами на считавшую машину. Она деловито постукивала.

ТОЧНО так же постукивала двадцать семь минут назад кибернетическая машина американской ракеты «Колумб». Перфорированную карточку взял с пульта жесткой, чуть дрожавшей рукой пилот Том Годвин.

На карточке стояла только одна цифра: «27».

Том Годвин не смел поднять глаза...

Все произошло так неожиданно!.. Одетый в скафандр с откинутым шлемом Том Годвин лишь недавно пришел в себя. По разработанной для пилота инструкции, которая в космосе имела силу Закона, он обязан был перенести взлет и начало пути усыпленным. Перед взлетом он расположился удобно в кресле пилота и принял таблетку. В сладкой истоме он бросил последний взгляд через иллюминатор кабины, как через окно нью-йоркского небоскреба, увидел отъезжающую решетчатую башню подъемного крана, далекий забор космодрома и за ним толпу репортеров и работников «Америкэн-моторс». Над волнистой линией гор простиралось удивительное синее небо...

И вот недавно, придя в себя, он ощутил в теле пугающую легкость, а в голове гнетущую тяжесть. Небо с вбитыми в него гвоздями звезд было черным...

По инструкции пилоту предлагалось после пробуждения прочесть свою судьбу. Но не по звездам, как это делают модные астрологи в Америке, а по циферблатам приборов.

Автоматы прекрасно вывели ракету на орбиту. Шершавая Луна почти закрывала правое окно. Отвратительный шар без облаков! Кстати, Том Годвин так и не увидел прикрытый облаками земной шар... Теперь Земля была уже диском, огромным, но куда меньшим, чем надвигающийся тысячеглазый лунный шар. Край земного диска был съеден тенью, он походил на гигантский полумесяц с расплывчатыми краями и каким-то странным рисунком, в котором невозможно было угадать очертания материков.

Стрелки на циферблатах дрожали.

Спина у пилота похолодела. Он не верил глазам. Указатель топлива показывал почти нуль... Годвин откинулся на спинку кресла.

Что случилось? Как мог получиться такой перерасход?.. Остатка топлива едва хватит, чтобы посадить ракету на Луну. А как вернуться? Просить, чтобы забросили на Луну топливо? Да разве попадет автоматическая ракета в нужное место? Через непроходимые лунные горы одному человеку топлива не доставить...

Пилот умел держать себя в руках, даже когда был совершенно один среди звезд и приборов. Недаром он проходил на Земле жестокую тренировку одиночеством.

Он не боялся одиночества. Во всяком случае, считал, что оказаться на Земле за бортом жизни куда хуже, чем лететь одному на борту надежной ракеты в космосе.

А вылететь «за борт» на Земле у Тома Годвина было много возможностей. Его отец был убит в корейскую войну. Зачем было погибать Сельвину Годвину, понять было очень трудно... До того, как попасть в злосчастную армию генерала Макартура, он работал в Детройте на автомобильном заводе «Америкэн-моторс», но остался без работы... Вот и пошел воевать... Он думал, что умеет это делать, набив руку еще в Африке против фашистских полчищ генерал-фельдмаршала Роммеля.

Сельвина Годвина провозгласили в Америке героем, и фирма «Америкэн-моторс» даже взяла на себя заботу о его сыне Томе, еще в раннем детстве оставшемся без матери.

Он получил кое-какое образование, а когда подросток, встал к конвейеру...

Но на беду в Америке стали покупать меньше автомобилей. Был год, когда их осталось непроданными 600 тысяч штук. Кроме того, и у Форда, и на заводах «Америкэн-моторс» целые линии станков и даже конвейеров начинали работать... без людей.

Словом, Том Годвин остался за бортом...

А русские запустили первый искусственный спутник Земли...

Фирма «Америкэн-моторс» взялась делать ракеты... не только космические, конечно.

Тому Годвину, напоминая об отце, удалось-таки устроиться. Он изучал ракеты, участвовал в их испытаниях, а когда понадобилось, изъявил готовность лететь в космос и даже пройти пытку одиночеством, которая называлась испытанием. Нужно было сутками без отдыха, в полной, «вакуумной» тишине сидеть в одиночной камере модели кабины и до чертиков в глазах смотреть на стрелки приборов. А

чертики появлялись, они взбирались на стрелки, строили рожи и сводили Тома с ума...

Некоторые американские психиатры считали, что космический пилот непременно должен сойти с ума...

Том Годвин надеялся на себя, и он летел в космосе один. Говорят, буддийские монахи в Гималаях добровольно замуровывают себя на несколько лет в каменный мешок, где нет ни света, ни звука... Они остаются наедине с самими собой, отрешаясь от мира, постигая «высшее совершенство», не отвлекаемые от самосозерцания ничем... Впрочем, может быть, это и есть сумасшествие...

Черт возьми! По сравнению с гималайским каменным мешком космос с его светлыми гвоздиками звезд не так уж и плох!.. Но если из каменного мешка хоть через несколько лет можно было выйти, то из космоса без топлива не вернешься...

И Том Годвин затосковал... Он затосковал вдруг по Земле, по людям, по человеческому голосу...

Тоска эта была подобна зубной боли. Том Годвин даже сжал руками щеки.

Потом судорожно начал налаживать радиосвязь. Может быть, его считают погибшим или сошедшим с ума!..

В наушниках зашуршало. Это были звуки Земли. И вдруг раздался голос, человеческий голос славного парня Джона Смита!..

— Хэлло, «Колумб»!.. Я — Америка.

У Тома Годвина даже слезы выступили на глазах. Но разве мог он показать людям на Земле свою слабость...

— Эгей, Джон! — бодро крикнул он. — Чертовски рад услышать твой хриплый голос! Только что очухался от проклятого снадобья. Голова гудит, но кости целы. — Он знал, что его голос запишут на пластинки, их будет слушать вся Америка: в барах, на квартирах и в школах... голос первого американца из космоса, которому надо держаться достойно. — Что там подсчитали астрологи, звездочеты и кибернетические машины? — весело спросил он. — Врежусь в Луну? Скорость как надо?

— Все о'кэй! — слышалось в наушниках.

Том Годвин отодвинулся от пульта с приборами. У него было некрасивое лицо с широко расставленными глазами, чуть простоватое, но мужественное и открытое. Он с неприязнью смотрел на одну из стрелок циферблата...

— Нет, не все «о'кэй»... — медленно произнес он. — Или указатель топлива врет, как профессиональный свидетель под присягой, или... Черт его знает, почему получился перерасход топлива. Чье-то грязное дело!.. Лишь бы сесть на лунный шарик... А по поводу возвращения, — мрачно добавил он, — памятника мне не ставьте... Лучше забросьте на место посадки топливо.

ОН УСЛЫШАЛ какой-то шорох.

— Ох уж эти мне помехи! — проворчал он и сдвинул наушники.

Но шорох продолжался. Годвин обернулся и вскочил. Глаза его округлились. Вот оно что! Все-таки правы проклятые психиатры...

— К дьяволу! — крикнул Годвин больше для того, чтобы от звука собственного толоса прийти в себя.

Но видение не исчезло.

Перед ним в облегающем тело скафандре с откинутым шлемом стояла миниатюрная молодая и изящная женщина с чуть сощуренными тревожными глазами и застывшей полуулыбкой на тонких губах.

— Хэллоу, Годвин! Я тоже спала при взлете, — нарочито бодро произнесла она.

— К дьяволу! — взревел, не помня себя, Годвин. — Я вышвырну тебя вон, даже если ты привидение!

— Тогда дайте закурить сигарету, — улыбнулась незнакомка. — Привидения не курят.

— Тем хуже, — сипло произнес Годвин, садясь. — Духи, по крайней мере, не имеют веса. Но если вы женщина...

— Вы сомневаетесь в этом? — с вызывающей насмешкой спросила неизвестная.

— В вас должно быть фунтов сто... сто лишних фунтов, мэм! — тяжело сказал Годвин.

— Может быть, вы пригласите даму сесть? — сказала она, стараясь установить отношения.

— Гм... Сесть? Мне нужно думать о том, как сесть на Луну, — неприязненно ответил Годвин. — А кабина... вернее, ракета рассчитана на одного... человекообразного...

Молодая женщина мило поморщилась.

Годвин вскочил. На него накатился припадок ярости, что с ним иногда бывало. Он дал ей выход в том, что стал вырывать из пульта приборы. Обладая недюжинной силой, он выворотил из панели два или три, потом в бессилье опустился в кресло.

Незнакомка спокойно наблюдала за ним.

— О черт! — простонал пилот. — Разве наберешь сто фунтов! Здесь высчитаны унции...

— Что вы думаете обо мне, Годвин? — спросила незнакомка, усаживаясь на край пульта и покачивая ногой. — Я выдержала взлет отнюдь не в вашем удобном кресле.

— Что я думаю, мэм? — раздраженно повторил он. — О том топливе, которое перерасходовано на вас при взлете. Как вы сюда попали?

— Сообщите на Землю. Там ждут этой сенсации.

— Слушайте, мэм, черт вас возьми! — вскипел Годвин. — Нам никогда не сесть вместе ни на Землю, ни на Луну... Топлива не хватит... Я вас не знаю... Может быть, вы славная девушка...

— Вы славный парень, Годвин. Включите радио.

— Не торопитесь, мэм. Я даю задание кибернетической машине... Кое-какой подсчет, прежде чем... Вы сами не понимаете, в какое скверное дело вас впутали...

— Меня? — рассмеялась незнакомка. — Если бы вы знали, кто я!...

— Очень приятно познакомиться, — пробурчал Годвин.

— Эллен Кенни, Годвин... Эллен Кенни из газеты Хента «Уорльд курьер»...

— Мисс Кенни?.. Слышал. На многое способна...

— Вы так думаете, Годвин?..

Глава вторая **ВОЛОСЫ ВЕРОНИКИ**

В ТАИНСТВЕННЫЙ мир космоса, в беспредельный простор миллионов световых лет, к сверкающим центрам атомного кипения материи, к звездам, живущим и рождающимся, гигантским или карликовым, двойным, белым, желтым, голубым, ослепительным или черным, в мир феерических комет и задумчивых лун, планет цветущих или обледеленых, в бездонный космос, мир миров стремится теперь уже не только взглядом человек...

Силы тяготения собрали миллионы миллионов звезд в правильные, объемные, сплюснутые в одной плоскости геометрические фигуры, напоминающие колоссальные диски галактических дискоболов. Смотри ясной ночью на Млечный путь, мы видим изнутри обод такого звездного диска нашей галактики через всю его толщу. Наблюдая в сильнейший телескоп далекую спиральную туманность в созвездии Волосы Вероники, мы рассматриваем извне обод, но только другого, стоящего к нам ребром диска, чужого, бесконечно далекого звездного мира. Множество таких галактических дисков различимы в небе под самыми разными углами, в том числе, и сбоку. Тогда отчетливо вырисовывается огненное колесо со спиральными спицами, поражая строгой единообразностью звездных миров.

Сила тяготения заставляет частицы материи сближаться. Неотвратно сгущаются туманности космической пыли, и внезапно загораются новые звезды. Извечные катаклизмы Вселенной накаляют до миллионов градусов колоссальные массы вещества, пронизывают бесконечное пространство потоками космических лучей, порождают бесконечные формы материи, создают условия для ее самосовершенствования, венчаясь — тайной тайн космоса — Жизнью, в которой Природа познает сама себя!.. Даже если исходить из условий, близких земным, жизнь может существовать на великом множестве миров бесконечных галактик. Ведь об-

разование солнечной системы отнюдь не исключительно. Планеты, несомненно, существуют у многих звезд. Жизнь, возникнув в самых простейших формах, неуклонно развивается, стремясь к высшему совершенству — мыслящему существу.

Оно всеильно — мыслящее существо, и где-нибудь на планетной песчинке близ светлой точки спирального острова в созвездии Волосы Вероники «оно» так же оглядывает мир иных вселенных, как оглядывает их с Земли человек...

Эллен Кенни читала эти строки о космосе, и все ее существо наполнялось сладостным волнением, она ощущала себя в храме космического божества. Но она не казалась себе беспомощно ничтожной. Нет!.. Она хотела быть такой же гордой, как и воображаемое мыслящее существо в созвездии Волосы Вероники, о котором писал в своей статье Петр Громов...

Волосы Вероники!..

Эллен возбужденно прошла по своей комнате с креслами на крохотных ножках и низенькими столиками, широкой тахтой, на которой можно было лежать и вдоль, и поперек, и окнами, выходящими прямо в стену соседнего небоскреба, не позволяющего ощутить высоты двадцать четвертого этажа. Она закинула руки за голову и одним движением распустила заложенные узлом на затылке волосы. Они волнами рассыпались по плечам. Эллен привычно тряхнула головой, и они пенным потоком заструились по спине. Эллен едва охватила их обеими ладонями.

Волосы космической Вероники!..

КОСМОС. В него, ощущая жуть, взволнованно смотрел русский гений Ломоносова, смотрел, как в звездную бездну, где звездам нет счета, а бездне дна... Он так немыслимо огромен, что его измеряют не мерами длины, а годами пути лучистой энергии. До одной из далеких галактик в созвездии Волопаса расстояние составляет 230 миллионов световых лет. Пока летел оттуда луч света, на Земле сменялись геологические периоды, поднимались и опускались матери-

ки, размножались и вымирали гигантские пресмыкающиеся, и, наконец, появился, неудержимо развиваясь, Человек. Космическое пространство, чрезмерное даже для воображения, оказалось доступным для его острого глаза, пытливого ума, математического анализа, железной логики, охватываемая его мыслью, осознается его разумом.

Но почему же не раздавлен величием необъятного Дерзкий человек? Ведь никогда не пересечь ему непостижимо огромных просторов космоса. Ничто в природе не может двигаться со скоростью, превышающей скорость света, и если даже мыслящий безумец найдет способ достичь этой скорости, то всё равно ему лететь до далекой галактики в созвездии Волопаса 230 миллионов лет, и его биологические потомки походили бы на улетевшего предка не больше, чем человек на амебу!.. Надо пасть ниц перед потрясающей неохватностью космоса, перед ужасающей беспощадностью времени, ничтожно краткой и жалкой признать человеческую жизнь...

Но нет! Стоит послушать, что говорит святотатец, вторгшийся в храм Вселенной. Не пугается он бездонных глубин космоса, а уверенно вспоминает теорию относительности, утверждающую, что «время космонавта», летящего с огромной скоростью, будет течь медленнее, чем для наблюдателя, оставшегося на Земле, и если скорость его приблизится к скорости света, то «время космонавта» с точки зрения земного наблюдателя почти остановится... То есть, на Земле пройдут года, века, а на звездолете лишь секунды и минуты... Так неужели же за реальные годы своей жизни мудрый безумец дерзновенно пересечет весь космос, по крайней мере, в обозримой с Земли его части? Правда, вернувшись обратно к планете Земля, он может и не застать «древней солнечной системы», которая уже пройдет свою космическую жизнь.

Безумец или гордец?

Тем и прекрасен человек, что он горд!

Если, русский Петр Громов властно распахивает ворота Храма Космоса, то американка Эллен Кенни станет жрицей

этого храма, хотя бы ей пришлось для этого влезть в окно. Она попадет в этот храм, откуда люди шагнут на другую планету.

ДРУГАЯ планета!

Самая близкая, но отделенная более чем третью миллиона километров межпланетного пространства неосознанных тайн; самая знакомая на ночном небосводе, но полная волшебного очарования и гипнотической силы; самая безучастная ко всему земному, но поднимающая воды наших океанов в живом дыхании приливов и даже тормозящая вращение Земли до двух тысячных секунды каждый век; самая изученная астрономами, наименовавшими ее условные моря и безусловные горы, но полная необъяснимых загадок гигантских кратеров и светлых геометрических лучей; самая обозримая, но никогда не показывающая человеку оборотной своей стороны; самая родная Земле, будто оторвавшаяся от нее, оставив впадину Великого океана, и самая на нее непохожая, мертвая, безвоздушная, покрытая циклопическими цирками и острозубыми, невыветривающимися скалами, дорогами лавы, равнинами без растений и почвы, с золотыми и железными жилами прямо на поверхности.

Удивительная Луна!

Так пусть это будет не только Луна Петра Громова, Луна русских...

Эллен остановилась перед зеркалом, решительно взяла большие ножницы и, не раздумывая, обрезала за маленьким ухом прядь волос. Прядь скатилась к ее ногам, свернулась там кольцом. Эллен захватывала все новые и новые пряди, и безжалостно отстригала свои чудесные волосы, они пышным ковром ложились на пол.

Эллен, привычно щурясь, вглядывалась в зеркало, но не видела там себя. На нее чуть растерянно смотрела маленькая, незнакомая привлекательная женщина с совсем коротенькими волосами, «космическая Вероника»...

Эллен наклонилась и потрогала волосы на полу, нежные, пушистые. Она собрала их в горсть и прижала к

лицу. Они тонко и грустно пахли. Эллен уткнулась в них лицом и заплакала.

Женщины часто плачут, срезав волосы.

Но ведь они не помещались в скафандре... их нельзя было бы там расчесывать...

Об этом сказала Эллен сама миссис Хент, после смерти газетного короля взявшая в свои верные руки дело мужа.

Это была худая, религиозная и энергичная дама с седыми буклями и ележным голосом.

Она благоволила к Эллен, и охотно напечатала ее статьи «Вавилонская башня» и «Нога или лапа?», наделавшие, кстати сказать, немало шуму. Она огорчалась, что мисс Кенни все еще не устроила свою жизнь, и беззаботно живет одинокой молодой женщиной, привлекающей к себе взгляды мужчин.

Вскоре после опубликования статьи «Нога или лапа?» миссис Хент вызвала к себе мисс Кенни.

Эллен стерла помаду с губ, вздохнула и отправилась к высокой покровительнице.

Секретарь Сэм с лоснящимся пробором и красивым угодливым лицом успел шепнуть, что у Биг-мэм (Большой мадам) что-то есть на уме.

«Очередное трудное интервью, поездка в Африку или светский скандал», решила Эллен, сощурилась и открыла дверь.

Кабинет остался таким же, как при мистере Хенте, — совершенно пустой, из стекла и полированного дерева. Холодные, отделанные сверкающими панелями стены, жесткая блестящая мебель, огромные матовые стекла окон и тоже матовые стеклянные, но звуконепроницаемые двери.

— Садитесь, детка, — ласково сказала миссис Хент, снимая огромные очки в тяжелой темной оправе, которые делали ее чем-то похожей на покойного Хента, седого, жилистого и привычно здорового дельца, смерть которого вызвала недоумение.

Эллен скромно села на краешек стула и опустила ресницы.

— Вы знаете, как я забочусь о вашей судьбе, Эллен, —

вкрадчиво начала Биг-мэм. — Я не остановилась бы ни перед чем, чтобы выдвинуть вас вперед. Газеты — вот что может сделать вам всемирное имя, детка. Не просто слава или деньги, даже много денег... Нет! Поколение молодых людей у ваших ног... Что вы скажете на это, дорогая?

— А как вы думаете, мэм? Это не слишком много — целое поколение?

— Для выбора? Совсем не так много. Вы стоите этого. Надеюсь, вы сумеете сделать удачный выбор, дорогая. Вы стали бы самой популярной женщиной мира.

Сердце Эллен сжалось. Она слишком все понимала, чтобы не догадаться, к чему клонит миссис Хент. Ведь где-то в глубине души Эллен и сама тайно думала об этом. Но разве можно говорить всерьез?... Нужна специальная подготовка, огромные знания, как у Громова...

Эллен искоса посмотрела на Биг-мэм.

— Газеты вышли бы трижды тройным тиражом, — продолжала та. — Весь мир следил бы за вашей судьбой, за каждым вашим шагом... Вы помните об этом парне, проводнике туристов, которого завалило в пещере? Репортеры пробирались в горы и брали у него интервью через щель между камнями. У бедняги была придавлена нога, но он бодрился. Вся страна неистовствовала от интереса. Печаталось каждое слово о нем. Парень очень хотел пить... А сколько было сделано для его спасения? Вы, конечно, знаете всю эту историю?..

— А что вы о ней думаете, мэм?

— Жаль, что он все-таки умер. С вами совсем иное дело. Конечно, надо уметь рисковать. Но мой покойный муж говорил, что, будь он губернатором или гангстером, самые трудные дела он поручал бы вам.

— От кого же из них я получу задание? — не удержалась Эллен.

Миссис Хент нахмурилась:

— Не надо быть колючей, как кактус. Мы с вами добрые христианки. Я забочусь о вас. Что будут стоять все мужчины на Луне, если там будет женщина!..

На Луне!.. У Эллен пробежал холодок по спине.

— Газета возьмет на себя все расходы, — откинулась на высокую и узкую спинку кресла миссис Хент.

— Сенсация принесет хороший доход, — борясь с волнением, деловито заметила Эллен.

— Не беспокойтесь, детка, вы получите свою долю. Но ваш бизнес будет куда большим. Вы сможете выйти замуж за короля или банкира, породниться с Рокфеллером, быть может... Целая эпоха будет носить ваше имя.

— Но я не умею управлять космическим кораблем. В Америке есть лишь одноместная ракета «Колумб». «Вавилонская башня», куда можно было бы стремиться попасть репортером — не строится...

Миссис Хент торжественно поднялась, широкими шагами девы из Армии спасения прошла по кабинету, остановилась перед маленьким столиком и взяла в руки Библию, потом положила ее на то же место, где она лежала.

— Во всяком деле нужно что-нибудь необычное, запоминающееся, — назидательно сказала она. — Не исполнительность службиста, а дерзость инициативы, вот что привлечет симпатии и интерес. Вы попадете на космический корабль в баллоне из-под кислорода. Это правильно, ибо женщина подобно кислороду — источник жизни. Дышать будете через аппарат скафандра, как на Луне. Только вам придется остричь волосы, у вас их слишком много, чтобы они поместились в шлеме. Вам не удалось бы их расчесывать. Впрочем, короткая стрижка считается модной. Вы согласны, детка?

— А как вы думаете?

— Я думаю, как переправить вас на ракету. Вы, кажется, работали секретарем у бизнесмена?

— Он оказался гангстером.

— Так что вы знаете, дорогая, с кем вам придется иметь дело. Но лишь бы цель была святая, дочь моя, Каждый, кто будет помогать нам, сделает угодное Богу дело. Это зачтется ему. Решайтесь, дорогая. Мне кажется, что вы из тех женщин, которые могут расстаться с волосами...

И вот, «волосы Вероники» лежали у ног Эллен, а она сидела перед зеркалом, уже не плача, и долгим взглядом всматривалась в себя. Она видела перед собой ту, которая по своей воле, вопреки всем, ступит на Луну, полную тайн, волшебного очарования и гипотической силы, ступит на Луну с ее дорогами лавы, равнинами без почвы и золотыми жилами на поверхности... Из зеркала на нее тревожно смотрела та, кто дерзко, первой войдет в таинственный мир миров, мир несчетных звезд и еще более несчетных и неведомых планет, ступит на первую из них... Такого случая не было за всю историю человечества... И не будет больше никогда... Первыми бывают только однажды. Можно ли это упустить?..

Глава третья **НЕУМОЛИМОЕ УРАВНЕНИЕ**

— Как вас зовут, детка? — спросил Малютка Билл.

— Вероника Лоуэлл, — сказала Эллен, разглядывая знаменитого гангстера, которого знала по фотографиям в журналах, правда, сама его еще никогда не фотографировала. Не так давно он угодил в тюрьму за... неуплату налога с очень значительных доходов. В тюрьме он давал интервью, и вышел из нее, сопровождаемый адвокатами и почитателями, как триумфатор.

Малютка Билл вовсе не был бандитом, соскочившим с обложки комикса. Он не носил мягкую шляпу на затылке, не курил сигар и не говорил на ужасном нью-йоркском жаргоне — сленде. Малютка Билл назывался Антонио Скиапорелли, и очень гордился своей фамилией. Ведь итальянский астроном Скиапорелли первый открыл марсианские каналы! Говорят, в итальянском квартале у него жила семья: ревнивая жена и трое детей. Малютка Билл был низенького роста, благообразен, напоминал владельца магазина, был вежлив, жесток, рано полысел, но не утратил подвижности. Конечно, он не был бандитом в обычном понимании слова. Но его

бизнес, которым он занимался с большим размахом, не укладывался, мягко говоря, в обычные, допустимые рамки. Хорошо оплачиваемые юристы почти всегда могли доказать, что его действия, по существу говоря, были законными. В самом деле, что незаконного можно усмотреть в том, что Малютка Билл помогал отправиться в путешествие «без билета» какой-то Веронике Лоуэлл. Если вы подсаживаете безбилетного пассажира в вагон частной железной дороги, то закон этого не карает, он предоставляет администрации дороги возможность взыскать с безбилетного штраф.

— Мне нужно снять с вас размеры, мисс Вероника — сказал Малютка Билл тоном портного, принимающего заказ.

— Я вешу сто три фунта, — сказала Эллен.

— Что значат сто фунтиков там, где они насчитываются десятками тысяч!

Малютка Билл не любил пустых разговоров. С заказчицей, с Большой Мадам, как ее зовут, у него особых разговоров о лишних фунтах не было. Когда об этом зашла речь, то она сказала, что все будет так, как угодно Богу; важно, чтобы читатели волновались, они станут больше покупать газет. Значит, основная забота — сделать для девочки скафандр и поместить ее в баллон, с виду точно такой же, как те, которые будут грузиться в ракету. Подменить один из них будет не так уж трудно. Кто заметит, что у него отвинчивается изнутри крышка? Вероника Лоуэлл! Это имя, пожалуй, в самом деле станет знаменитым...

Малютка Билл в своем бизнесе считал себя вполне добросовестным. Баллон переделывали хорошие инженеры. В нем было устроено сиденье немногим хуже, чем кресло пилота. Всякие там пружинные амортизаторы, смягчающие толчок взлета, и прочие премудрости были предусмотрены. Баллон «с содержимым» получился, конечно, тяжелее других, но на руках его никто таскать не будет, а машины лишнего груза и не почувствуют...

Расчет Малютки Билла был абсолютно точен. Фирма, поставлявшая баллоны с кислородом, получила один из них

в готовом виде. Он был погружен вместе со всеми в грузовик. Вернее, он уже стоял в кузове грузовика, когда тот въехал во двор завода. Приглашенный из цирка иллюзионист очень искусно скрыл его от взглядов зеркалом, которое исчезало по желанию шофера. Оно и исчезло, когда баллоны начали грузить. Баллоны пересчитали, и оказалось, их было уже достаточно, напрасно хотели грузить еще один.

Грузовик благополучно выехал со двора и доставил баллоны прямо в космопорт, где погрузочные краны тотчас поместили их в ракету «Колумб», готовящуюся к полету.

В одном из баллонов сидела Эллен. Она очень страдала, но не от духоты или жары. Чудесный космический костюм, который был на нее надет, автоматически поддерживал нормальную температуру, дыхательный аппарат работал безукоризненно. Эллен могла бы уже чувствовать себя в космосе. Страдала она от другого — от темноты, от крошечной тьмы, которая ее окружала... Это было оплошностью Малютки Билла, но ее не снабдили электрическим фонариком. Эллен не побоялась отправиться в космос, но темноты она боялась... Темноты и тишины... Ей бывало лучше, когда снаружи доносились звуки, грохот машин, крики людей. Но перед стартом ракеты все стихло, и это были самые страшные минуты. Предстоящего взлета Эллен ждала как избавления, она знала, что перегрузка при взлете не превышает перегрузки организма при пикировании самолета, а она сама водила спортивные самолеты и проделывала на них опасные фигуры пилотажа... Кроме того, у нее была пилуля снотворного средства, которое должен был по инструкции принять и пилот. Взлет пройдет легко, но вот темнота и тишина...

И Эллен приняла таблетку раньше, чем это было нужно для взлета. Сознание затуманилось. Она почему-то подумала о Громе. Увидела себя в спортивном зале космического института. Люди с пружинной сетки подпрыгивали высоко под потолок. Так будет на Луне... Там будет легко, совсем легко...

И она провалилась в пустоту...

Сознание возвращалось постепенно. Почему-то она сначала увидела маму. Мама была жива. У нее было ласковое, озабоченное лицо, и она все время поправляла так знакомые Эллен с детства очки. Потом очки исчезли, и милые близорукие глаза стали еще ласковее.

— Мама! — крикнула Эллен и проснулась.

ХОЛОДНЫЙ ужас объял ее... Ей показалось, что она перестала существовать. Она не ощущала себя... она ничего не видела, ничего не слышала, и она... ничего не весила... Вокруг были стенки гроба... Она коснулась их руками...

И это было первым ощущением, вернувшимся, наконец, ее к действительности...

Ее тело ничего не весит! Она — в космосе! Но, может быть, она погибла при взлете? Нет! Все так, как надо. Она — первая американка в межпланетном пространстве, она будет первой женщиной на Луне. Предстоит только открыть крышку баллона и... подружиться с пилотом Томом Годвином. Для настоящей женщины, какой себя Эллен считала, это будет не так уж трудно...

Эллен легко отвинтила крышку баллона и высунула голову. В складском отсеке «Колумба», где хранились баллоны, было темно.

Эллен осторожно выбралась. Вернее, держась за край баллона, она легко всплыла из него и ударилась о потолок отсека.

Эллен хорошо изучила план расположения помещений «Колумба», широкоवेशательно разрекламированный в Печати. Ей удалось отыскать люк в кабину пилота и открыть его. К счастью, он не был плотно задраен...

Едва отодвинула она крышку люка, как в грузовой отсек ворвался луч света.

И все страхи Эллен сразу исчезли. Цель ее достигнута.

Она летит в американской ракете среди звезд, в вечном космосе!.. Она невесома, значит, двигатели ракеты даже не почувствовали её веса, или он был предусмотрительно компенсирован Антонио Скиопорелли...

Пилот Том Годвин спал. Действие снотворного ещё не кончилось. Очевидно, он принял его позже. Он лежал, огромный, в кажущемся еще более огромным кресле. Перед ним жили, двигались стрелки приборов, зажигались и гасли лампочки, отражающие работу автоматов.

Но Эллен не обратила на них внимания. Она была заворожена окном впереди. В нем было видно страшное, спрутообразное, яркое Солнце, рядом с которым на неправдоподобно черной саже неба пристально горели немигающие звезды.

А справа была Луна... Она закрывала половину окна, похожая на огромную учебную карту, объемную, с резкими тенями, заметными больше, чем неровности планеты...

Эллен улыбнулась Луне. Это была «ее Луна»... Потом попыталась понять, что она в ста тысячах километров от Земли... Осознать это все равно было невозможно, и она, как в ознобе, передернула плечами.

Том Годвин шевельнулся. Эллен спряталась за его спиной, ожидая, когда он проснется.

И он проснулся... Что-то встревожило его. Он стал говорить с Землей... о топливе. Наконец он увидел Эллен... Может быть, испугался, но скорее, был раздосадован... Во всяком случае, он не очень считался с тем, как должен говорить джентльмен. Может быть, ему не хватало воспитания. Во всяком случае, она старалась установить с ним хорошие отношения и призналась ему, что она и как попала на космический корабль.

Эллен сидела на краю пульта и покачивала ногой. Скафандр, пожалуй, был даже элегантен. По крайней мере, она выглядела в нем эффектно, откинув шлем за спину...

— Слушайте, мэм, — сказал Том Годвин, вынимая из какого-то прибора перфорированную карточку. — Понимаете ли вы, что ваш Малютка Билл вместе с миссис Хент не позаботились о том, чтобы вес ракеты не превышал расчетного? Понимаете ли вы теперь, что ваши сто фунтов здесь лишние? — Том Годвин посмотрел Эллен прямо в лицо и невольно подумал, что на Земле она показалась бы ему интересной. Он спохватился и внушительно добавил: — При взлете автоматы делали свое дело, набирали нужную скорость и перерасходовали на ваш лишний вес топливо, и теперь...

— Что теперь? — спокойно поинтересовалась Эллен, с любопытством разглядывая обстановку кабины.

Том Годвин взглянул на перфорированную карточку.

— Вы можете находиться на борту еще 27 минут.

— Поезд подходит к станции? — чуть насмешливо спросила Эллен, отлично понимая, что выйти в космосе негде.

— Нет. В математическое уравнение приходят ваши сто лишних фунтов, и оно становится неумолимым уравнением...

— Можно закурить сигарету? — спросила Эллен, тревожно вглядываясь в суровое лицо астронавта.

— На горение табака тратится кислород. А он рассчитан на одного... человекообразного... — с нарочитой жесткостью произнес пилот.

— Годвин! С вами женщина!..

— Черт возьми! В этом вся и беда! — в отчаянии стукнул кулаком по пульту пилот. — Закон космоса не делает разницы между мужчинами и женщинами.

— А вы? — вызывающе бросила Эллен.

— Я не закон, мэм. Я только служака. Вот радиограмма, ответ на мой рапорт о вашем появлении. — И он устало прочитал:

«Выполняйте инструкцию».

Эллен улыбнулась.

Тогда он начал говорить терпеливо, как школьнице:

— Топлива, как подсчитала вычислительная машина, не хватит, чтобы посадить на Луну двух человек, а врученная мне инструкция гласит, что всякий, незаконно оказавшийся на борту космического корабля, подлежит немедленному уничтожению... в данном случае, через двадцать семь... нет, уже через двадцать три минуты...

— Вы шутите, Годвин! — едва сдерживая себя, воскликнула начинающая все понимать. Эллен.

— Я хотел бы проснуться, мэм; — упавшим голосом ответил Годвин.

Он с болью смотрел на молодую женщину. Он видел ужас на ее лице. Раздражение против нее сразу исчезло. Что чувствует сейчас она, бедняжка?.. Что привело ее сюда? Легкомыслие, авантюризм или отвага? Что она рассчитывала найти? Шум всемирной славы на Земле и таинственный мир покоя в космосе? Эх, девчонка! Здесь нет покоя! В космосе движется все; ничтожная молекула газового облака и планетная система звезды, одинокий метеорит или медленно вращающийся, но летящий с жуткой скоростью звездный остров галактики... Здесь нет покоя, как нет пощады или жалости! Законы космоса так же просты и ясны, как притяжение, и так же неумолимы... Энергия, скорость, вес... Лишний вес может находиться на борту еще двадцать одну минуту. Инструкция ясна, как алгебраическая формула.

Все это сбивчиво, стараясь теперь щадить Эллен, объяснял ей Том Годвин, космический пилот...

Он встал с кресла, усадил в него Эллен, сам взволнованно ходил по тесной кабине.

— Теперь я понял, что такое неумолимое уравнение. Спасибо, Годвин, — чужим, каким-то пустым голосом произнесла она...

Да, внутри у нее была пустота, пришедшая взамен мгновенному ужасу, который холодом обжег ее. Теперь осталась только пустота.

— Слушайте, Эллен. Это чертовски глупо, — сказал Годвин, в растерянности останавливаясь у кресла.

— Глупо, Том. Очень глупо, — послушно согласилась она.

Они впервые назвали друг друга по имени. Это произошло само собой; произвольно и просто.

— И вы так спокойны? — спросил Годвин.

— Нет, Годвин. Нет, Том... Я не спокойна... — не меняя голоса, но доверительно сказала Эллен.

— Вы настоящая девушка! — воскликнул Годвин и отвернулся к окну.

— Сколько осталось минут? — донесся до него усталый голос Эллен.

— Тринадцать, — сказал он, боясь обернуться.

— Она сдержит свое слово, — в раздумье говорила Эллен. — Моё имя будет набрано только крупным шрифтом. Газеты выйдут тройным тиражом...

— Все Хенты — подлецы — в бешенстве крикнул Годвин. Эллен потянулась к нему:

— Годвин! Для меня вы — весь мир, который я покидаю.

Годвин почувствовал в этих словах столько искренности, отчаяния и в то же время силы, что мог только промычать:

— Да, мэм, но...

Потом она откинулась на спинку кресла, и сказала с горькой иронией:

— А я всегда говорила, прощаясь: «Может быть, увидимся»...

Глава четвертая **ИСКАТЕЛЬ**

— Ну, как? Упадет на Луну? — глухо спросил командир «Искателя».

— Проверяю ответ, — отозвался Аникин.

Громов подошел к окну. Магнитные подошвы ботинок, прилипая к полу, позволяли ходить по кабине и при невесомости.

В окне виднелось красноватое, как на закате, солнце. Если бы не огненная корона на черном небе, оно было бы совсем земным. Громов нажал кнопку. Пленка светофильтра сбежала с окна. Ворвались ослепительные лучи космического светила, не живительно ласковые, смягченные атмосферой, как на Земле, а яростно резкие, жесткие...

Аникин, не поворачивая к командиру лица, чтобы не смотреть на солнце и не встречаться с Громовым глазами, сказал:

— Никуда и никогда не упадет. Станет вечным спутником Луны. Орбита — вытянутый эллипс. Пройдет над лунными горами и уйдет далеко к Солнцу...

Из репродуктора послышался бас академика Белоусова, начальника штаба перелета:

— Искатель! Искатель! Я — Земля!

Громов сел к пульту и пододвинул к себе микрофон:

— Я — Громов. Слушаю, Василий Афанасьевич.

— Определили орбиту?

— Станет спутником Луны. Кто этот несчастный?

— На борту «Колумба» оказалась журналистка Эллен Кенни.

— Эллен Кенни! Она же была у нас!.. Называла нас лунатиками...

— Американский пилот Том Годвин получил приказ выполнить инструкцию и уничтожить незаконного пассажира.

Громов перевел взгляд на экран. Скафандр по-прежнему был опрокинут ногами вверх и медленно поворачивался. Его раскинутые руки уходили за край экрана, но колпак шлема был отчетливо виден в его нижней части.

— Если бы он уничтожил ее, он не надел бы на нее шлема, — сказал Громов. — Что это? Жестокая пытка времем или надежда на нашу помощь?

— Оказать помощь можете, если вам позволят резервы топлива. Решение за вами, Петр Сергеевич, — закончил академик.

— Ваня! — позвал Громов, выключив связь.

— Есть дать ведомость резервов, — угадал приказание Аникин.

Громов встал к окну, уперся руками в его раму. Перед ним были острые гребни кольцевых гор, черные резкие тени, извилистые трещины, дикий, контрастный ландшафт... Желанная планета...

Аникин пододвинул Громову конторскую книгу.

— Задавай программу электронно-вычислительной машине выбросить все, что возможно, — скомандовал Громов.
— На борту нас будет трое...

Сравнительно недалеко от «Искателя» шел второй такой же корабль «Искатель-II». Вместо кабины звездолетчиков на нем помещалась танкетка Евгения Громова.

А в Москве, в лаборатории космического института, внутри макета летящей в космосе танкетки сидел Евгений Громов. В окнах-телеэкранах он видел небо мрака с мертвыми огнями звезд и ослепительным спрутом Солнца, надвигающуюся Луну цирков и теней. Со штабом перелета он поддерживал связь через обычный телефон, перенесенный из лаборатории. Раздался звонок, и Евгений снял трубку:

— Слушаю, Василий Афанасьевич. Не может быть! Это невероятно!.. Позвольте, я оставляю управлять ракетой Наташу, сам забегу к вам... Хорошо. Остаюсь... Будет исполнено.

Евгений открыл дверцу макета танкетки.

— Наташа! — громко крикнул Евгений. — Ты слышишь, что творится?..

— Я здесь, Женя. — Наташа выбежала из соседней комнаты. Порывистая, она остановилась перед дверцей, тяжело дыша.

— Нам приказано изменить место посадки... — сказал Евгений. — Сесть рядом с «Колумбом», где бы тот ни опустился. Что там стряслось?

— С «Колумбом» потеряна связь. В космосе — женщина... — выпалила Наташа.

— Какая женщина? Что за чепуха!..

— Тебя не отрывали, Женя, пока ты вел ракету. Тому Годвину приказали выбросить женщину, журналистку Эллен Кенни.

— Как же она там оказалась?.. Погибнуть так нелепо!..

— Из-за нее еще могут погибнуть Петр и Ваня Аникин, — с тоской сказала Наташа. — Они пойдут на пересечение с ее орбитой...

— Ах, вот как!.. Так мне спускаться около ракеты Годвина! Ну, хорошо же!.. У меня будет с ним мужской разговор!..

— Женя, будь осторожен. Танкетка может еще очень понадобиться. Для Петра... — тихо добавила Наташа.

Евгений захлопнул дверцу макета...

Громов выжидательно повернулся к Аникину. Рубленые черты его лица стали резче. Казалось, он уже знает ответ...

— Математика — точная наука, — смущенно сказал Аникин и протянул командиру перфорированную карточку.

— Если пойдем догонять — резерва топлива не хватит... На Землю уже всем троим не вернуться...

Громов поморщился:

— Читаешь, как смертный приговор.

— Так это и есть приговор. Ей или нам всем.

Лицо Громова окаменело.

— Высший суд математики... Нет, ведь есть еще Совесть и Долг. Меняем курс. Пересечем ее орбиту... Приготовиться!

— Петр Сергеевич! — Аникин вскочил. — Не могу я... Инструкция... Земля!..

— Прекрати, — отрезал Громов. — Если человек за бортом, капитан не запрашивает порт.

Громов сел за пульт управления.

Аникин почувствовал, что его прижало к сиденью, тело налилось свинцом, в глазах потемнело... Заработали двигатели, меняя курс, выводя ракету на новую орбиту, расходуя невозполнимое топливо...

Аникин сидел хмурый.

— Так держать! — повторил он и мрачно добавил: — А как вернемся... втроем-то?

Громов надевал скафандр. Он внушительно сказал:

— Сначала выполни долг человека...

Громов надел космический костюм с откинутым за спину колпаком шлема. Он следил за экраном локатора и все

время уменьшал увеличение, потому что скафандр рос, не уминаясь на экране. Летя к точке пересечения орбит, он приближался к «Искателю».

Время текло бесконечно медленно, но настал, наконец, миг, когда Громов выключил локатор. Экран потух. Одинокий скафандр был виден меж звезд через окно. Он летел ногами вперед...

Аникин включил дюзы торможения, уравнивая скорости. Громов взял ракетницу, напоминающую дульный пистолет, и молча пожал Аникину руку. Но тот вскочил и обнял командира.

Громов вошел в воздушный шлюз. Аникин запер за ним дверь, включил насосы, перекачивавшие воздух из шлюза в кабину.

Перед самым лицом Громова, прикрытого прозрачным колпаком, двигалась стрелка манометра. Она дошла до красной черты. Наружный люк сам собой открылся.

Перед Громовым был черный беспредельный простор миллионов световых лет, сверкающих центров атомного кипения материи, звезд горящих и рождающихся, планет цветущих, выжженных или обледенелых, бездонный мир миров, в котором человек ничтожнее песчинки...

Озноб прошел по спине у Громова. Магнитные подошвы словно приросли к металлу «Искателя».

Но Громов шагнул все-таки вперед, оттолкнулся ногой и почувствовал, что летит в пустоте... Мир звезд закрутился перед ним огненным колесом.

Пока Громов был в ракете, он находился в окружении знакомых вещей, с ним был Ваня, а здесь... Громов закусил губу и почувствовал соленый вкус во рту. Очень трудно было повернуться... На Земле он тренировался в затяжных прыжках с парашютом, но сейчас земные навыки исчезли. Тело его при прыжке получило вращение, с которым, казалось, невозможно было справиться.

Собственно, он не ощущал вращения. Вращался вокруг него небосвод. Когда он прижимал к себе руки, косматое Солнце превращалось в огненный круг, а звезды исчезали в

сетке светлых нитей... Носились вокруг него по кругу и скафандр, цель его путешествия, и ракета, которую он только что оставил.

Громов нацелился в «Искатель», нажал спусковой курок ракетницы, и тотчас корабль понесся уже не по кругу, а по развертывающейся спирали, он стал удаляться, словно Аникин решил бросить командира в межзвездной пустоте...

Одиноким же скафандр тоже по спирали стал приближаться. Человек в нем, очевидно, уже давно потерял сознание, если вообще был жив...

Используя как внешнюю силу легкую отдачу ракетницы, Громову, наконец, удалось остановить свое вращение.

Звезды, Солнце, ракетный корабль и скафандр остановились, тревожно замерли. Двигался только Громов. Приближаясь к скафандру, он старался разглядеть в шлеме лицо межзвездного скитальца, но приходилось смотреть почти прямо на Солнце, и оно слепило.

Наконец Громов налетел на скафандр, крепко обхватил его и почувствовал, что начал снова вращаться, но теперь уже вдвоем...

Аникин с волнением наблюдал за маневром командира. Два скафандра сначала вращались, как в борьбе, потом замерли в дружеском объятии.

— Петр Сергеевич, жива ли она? — спросил Аникин по радио. Ему вдруг стало страшно от мысли, что Громов оттолкнет сейчас от себя труп и вернется на корабль один.

Но Громов крепко обнимал скафандр.

— Приготовь нашатырный спирт, — послышался его голос из репродуктора.

Громову не сразу удалось добраться до люка. Он ударился о корпус ракеты, ближе к хвостовым дюзам. Пот заливал ему глаза, казалось, что они полны слез... Может быть, это так и было...

Хватаясь одной рукой за наружные скобы, другой держа спасенного, он достиг, наконец, люка шлюза. Он был открыт и ждал его. Громов ступил в него, почти как домой...

Аникин не мог побороть дрожь, смотря на стрелку манометра. Наконец, она показала, что давление в шлюзе и кабине одинаково, и дверь открылась.

В кабину медленно вплыл чужой скафандр с невесомым телом человека.

Аникин принял его на руки и заглянул в прозрачный шлем. Какова она, побывавшая меж звезд?..

Глаза Аникина широко открылись.

Громов откидывал колпак шлема спасенного.

Звездолетчики рассматривали некрасивое лицо с тяжелым щетинистым подбородком, широко расставленными глазами и неожиданно смешной ямочкой на правой щеке...

Том Годвин!..

— Да... человек! — протянул Аникин.

— Он решил по-своему неумолимое уравнение, — сказал Громов, — как не пришло в голову его хозяевам. Они считали космос жестоким и всесильным, а этот простой американский парень...

— Настоящий парень... Этот не стал бы вам мешать...

— Нашатырь!.. Растирай как следует... Теперь забота о ней, о мисс Кенни. Надеюсь, он включил автоматы спуска.

Звездолетчики расстегнули скафандр американца, растерли его грудь, дали понюхать нашатырного спирта.

Американский пилот вздохнул, открыл глаза, зажмурил их, словно боясь проснуться, наконец, снова открыл и улыбнулся.

— Русские, — прошептал он.

— Будем жить! — сказал Громов по-английски, потрепав американца по плечу, и добавил: — Вместе.

Глава пятая

ЛАПА

Над сверкающими в лучах солнца скалами в черном звездном небе появился хвост кометы.

Комета быстро росла, проходя одно созвездие за другим. Она летела к Луне хвостом вперед.

Совершенно беззвучно, без всякого грохота вырывались из дюз раскаленные газы, тормозя снижающийся космический корабль.

Могло показаться, что кинолента с заснятым взлетом ракеты запущена сейчас в обратную сторону. Все медленнее падало, наконец, почти повисло над скалами серебристое тело. Огненный луч уперся в камни, сдул с них вековую пыль. Клубы дыма и пыли впервые за многие лунные века расплылись внизу...

На серое облако, как на мягкую подушку, осторожно сажился космический снаряд. В нижней части аппарата появились три металлических лапы, полускрытые дымом.

В настороженной тишине одна из лап оперлась о лунную скалу, словно осуществляя впервые в космосе межпланетное «рукопожатие».

Потом коснулась лунного камня и вторая лапа, а третья...

Третья лапа повисла над обрывом.

Ощувив опору первой лапы, послушные автоматы в тупой исполнительности выключили дюзы. Исчезло пламя, но продолжал еще клубиться дым...

Серебристый каплевидный гигант стал крениться... Беспомощным движением слепца искала протянутая лапа опору. Под нею была пропасть...

Опасно накренился межпланетный корабль, но никто не выправил ошибку автоматов, не включил дюзы, не предотвратил падения.

В немом ужасе застыла у окна единственная пассажирка корабля, так и не пришедшая в себя после исчезновения пилота...

Пилот исчез, зайдя ей за спину, когда она сидела в кресле, закинув назад голову, готовая к удару в висок или выстрелу из револьвера, который она сама же вынула из сумочки и положила на пульт. Этой игрушкой она хотела утратить космического пилота, теперь исполнителя закона космоса, закона жестокого, неотвратимого...

С горькой иронией она сказала:

— А я говорила: «Может быть, увидимся...».

Никогда он не увидит ее, никогда...

Но истинный смысл этого она поняла, лишь заметив на пульте записку: «Включил автоматы спуска и сигнал бедствия. Бог да поможет вам, Эль, на Луне. Том».

И больше ни слова.

Он ушел, уступив ей жизнь и место в ракете, которая расчетливо снижалась теперь над лунной пустыней.

Том Годвин по-своему решил неумолимое уравнение, а маленькая Эллен Кенни вдруг в холодном ознобе ощутила, что она совершенно одна в космосе, беспомощная и обреченная...

Она сидела в кресле пилота, сжав виски ладонями. В репродукторе слышалось имя Тома Годвина. Его вызывали с Земли. Очевидно, он ничего не сказал о своем решении, о своем поступке...

Эллен не отвечала. Ей казалось кощунством отозваться вместо Тома Годвина, заставить людей на Земле содрогнуться при звуке ее голоса...

Луна приближалась. Эллен летела уже не в космосе, а над гигантской, распростершейся под нею страной острых гор.

Ракета сама собой поворачивалась, лунные хребты были теперь под кабиной пилота, но поверхность планеты все равно была видна в боковые окна... Горизонт казался огромным, но четким, не расплывался в дымке, как на Земле...

Все ближе были лунные скалы.

С болью обреченности воспринимала Эллен никогда, никем не виденный пейзаж, жадно впитывала каждую его

деталь... Ах, если бы она могла его описать!.. Но этого никогда не будет... И все же...

Как поражали эти дикие скалы, сверкавшие платиной на фоне... черного звездного неба! Раскаленные разящим солнцем, они возвышались над пепельно-серой равниной, крутые, отвесные, как грозные берега взбешенного моря. Но море здесь было твердым, каменным, мертвым, засыпанным тысячелетней пылью. Трещины, широкие и извилистые, с острыми краями пропастей, там и тут разрывали его. Резкие тени гор были крошечной тьмой среди белого дня. Они поглощали часть равнины, выглядя провалами в бездну...

В мире без полутонов и полутеней, где нет рассеянного в воздухе света, все, что под солнцем, — ослепительно, что не освещено, — невидимо.

Платиновые скалы резко, без уступов, уходили ввысь, превращаясь в горный хребет, зубцами закрывший горизонт. В противоположной горам стороне он был удивительно близким и выпуклым, как огромный холм.

И, конечно, ни кустика, ни травинки не увидела Эллен вокруг. Здесь ничто не росло... И здесь не было движения. Ни один камешек не скатывался с крутых склонов, ветер не тревожил пыльный налет, не вздымал слежавшиеся хлопья, не гнал их облачком над камнями. Полная и безусловная тишина вечно стояла там, где не было звуков и не было ветра, более того, не было воздуха, который передал бы звук, не было дыхания и всего, что дышит; не было жизни... И само время, казалось, не властно было что-либо изменить в неизменном лунном мире, где ничто не начиналось и не кончалось, где все уже кончилось...

И все же он был странно красив, этот мрачный лунный мир, первозданно дикий, ничем не тронутый — ни ветром, ни временем, отталкивающе страшный и притягательно таинственный...

Эллен ощутила крен корабля. Мелькнуло вверху черное небо космоса, наклонились готовые рухнуть на Эллен лунные скалы.

Она судорожно вцепилась в ручки кресла, пол кабины уходил из-под ног...

Потом все завертелось. Приборы пульта оказались над Эллен. Разжались ее руки, она вывалилась из кресла, ударилась о потолок, который был теперь внизу.

Серебристая ракета с надписью «Колумб» сорвалась в пропасть... Она задевала выступы обрыва, подпрыгивала на них и скатывалась все ниже, изуродованная, с вмятинами, потеряв усы антенн, обломав посадочные лапы.

Будь это на Земле, от аппарата давно ничего не осталось бы, но здесь, на Луне, где тяжесть была в шесть раз меньше, соответственно медленнее набиралась скорость падения... И только на Луне мог задержаться на незаметном выступе корабль, повиснув над пропастью...

Оглушенная Эллен уцелела только потому, что успела надеть перед посадкой колпак шлема на голову. Удар о потолок кабины пришелся по колпаку и передался на плечи,

Все же сотрясение было очень сильным. Перекатываясь по кабине, Эллен несколько раз ударилась головой о стенки шлема и почувствовала, что проваливается в лунную тень...

Неизменен лунный мир.

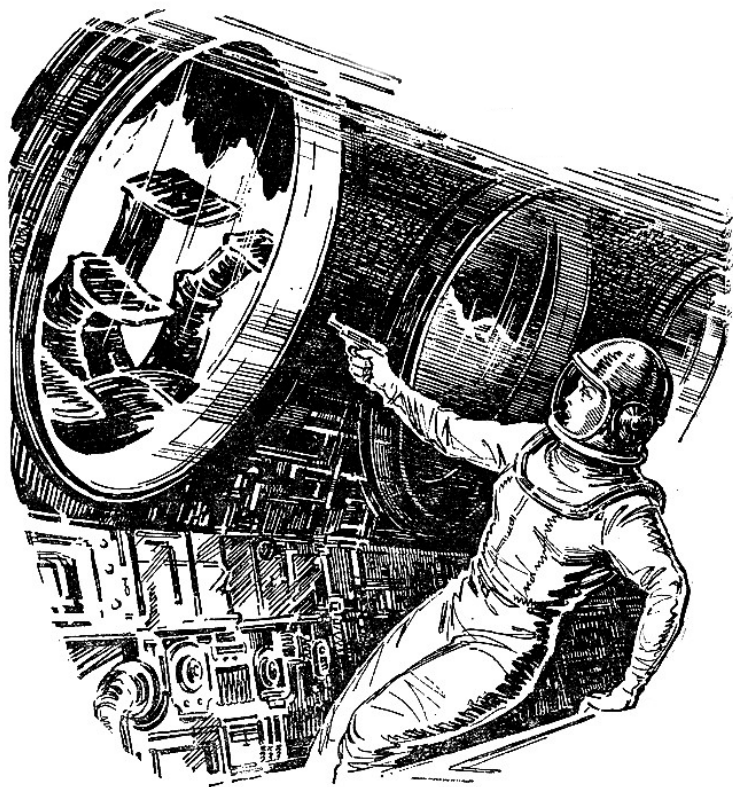
Недвижны даже тени. Казалось, ночь никогда не сменит ослепительно жуткий день...

По крайней мере, за то время, пока Эллен была без сознания, тени, если и передвинулись, то неощутимо. Можно было подумать, что Эллен очнулась через несколько минут, а не через несколько часов... Сутки на Луне равны земному месяцу...

Сознание возвращалось постепенно. Все плыло перед взором. Свод потолка, ночное небо в проеме...

Где она?

Сквозь слезы помутнел сводчатый потолок, превратился в зеркало, в которое смотрелась космическая Вероника, отстригая себе пряди волос...

Волосы Вероники!.. Планетная песчинка где-то в глубинах созвездия... и ужас перед необъятностью космоса.

Эллен приподнялась на локте и осмотрелась.

В окна заглядывали яркие на солнце, в тени черные острые камни, незакругленные, словно недавно расколотые... И всюду камни, одни камни...

Есть ли что-нибудь на Луне, кроме камней?

На Луне!..

Никакой гордости не ощущала Эллен, достигшая другой планеты, ничего, кроме боли, усталости и ужаса,

Что, если среди этих камней живут неведомые чудовища? Что, если напрасно принес себя в жертву отважный пилот Том Годвин?

Краска стыда залила лицо Эллен. Она даже не сообщила о его подвиге на Землю.

Репродуктор свисал на обрывках проводов у Эллен над головой. Битые стекла циферблатов засыпали оказавшуюся внизу стенку. Там же валялся несчастный дамский пистолет Эллен...

Эллен попробовала встать. Голова кружилась. Хотелось вытереть платком лицо, но снять шлем было страшно. Кабина могла быть повреждена, воздух — выйти наружу!..

Но какая страшная тишина небытия вокруг!..

Эллен вздрогнула и замерла... Конечно, это уже галлюцинация слуха. В тишине бывают свои миражи, как в пустыне...

И снова она услышала продирающий по коже, скрежещущий звук.

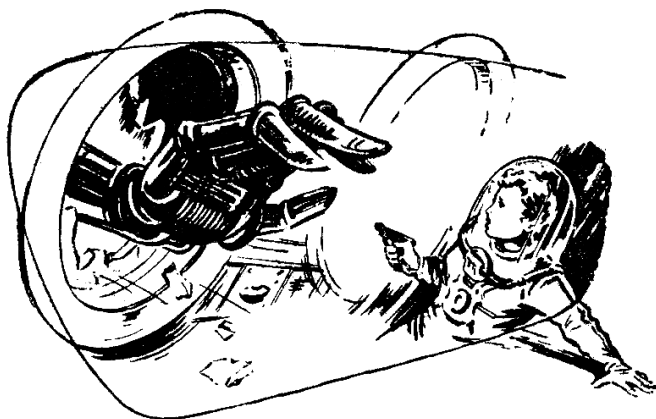
Эллен отвернулась от окна, заслоненного острыми скалами, и едва не вскрикнула от ужаса.

В противоположном окне она увидела страшную когтистую лапу...

Холод пробежал по спине и прояснил голову.

Не спуская глаз со скрежещущей по металлу лапы, она подняла револьвер.

Одну за другой выпускала она пули в лапу, но все они

отскакивали от стекла-брони, рассчитанного на встречи с мелкими метеоритами.

В отчаянье отбросила Эллен револьвер.

Лапа исчезла.

Может быть, все это лишь почудилось ей? На Луне не может быть ничего живого...

Но лапа, опровергая все земные гипотезы, снова появилась в окне. На этот раз она держала огромный камень, который на Земле мог бы поднять лишь мощный подъемный кран.

Эллен отступила, прижалась спиной к противоположной стенке. Она не верила глазам. Она поняла, что это конец, сдвинула брови, закусил тонкие губы.

Страшный стук и звон сотрясли кабину. Лапа с непостижимой силой била глыбой по стеклу.

На Луне меньший, чем на Земле, вес, но сила инерции та же самая, она зависит лишь от массы и скорости ее движения...

Чудовищная лапа с сокрушительной силой ударяла глыбой по окну.

Стекло выдержало, но рама окна подалась.

С грохотом влетела она в кабину.

Эллен стояла окаменевшая, готовая к борьбе...

В образовавшийся проем просунулись две лапы. Они шарили по кабине, приближаясь к несчастной Эллен.

Все ближе были растопыренные когтистые пальцы... Да, да! Пальцы!.. «Значит, у них здесь на Луне тоже пальцы!» — мелькнуло в мозгу Эллен, словно это могло бы иметь сейчас хоть какое-то значение.

Пальцы коснулись Эллен. Они сжали тщетно вырывавшуюся Эллен и выволокли ее через проем выбитого окна наружу, на поверхность Луны...

Поднятая высоко над камнями Эллен успела увидеть, как «Колумб», потеряв равновесие, качнулся и сорвался в пропасть. На выступе обрыва космический корабль подпрыгнул и исчез в кромешной тьме трещины...

С ним было все кончено.

Глава шестая **МИРАЖ И СЕЛЕНА**

ГАЗЕТЫ вышли трижды тройным тиражом. Особенно преуспела «Уорльд курьер», специальная корреспондентка которой стала космической героиней.

Не было семьи на Земле, где не считали бы своими близкими лунных путешественников, где не тревожились бы о них. Специальные бюллетени ежечасно сообщали о движении ракет.

Из сообщения ТАСС мир узнал об уходе «Искателя» в сторону от Луны и спасении американского звездного пилота Тома Годвина.

Президент США прислал правительству СССР телеграмму сердечной благодарности от имени всех американцев.

Об Эллен Кенни ничего не было известно. Ее портреты, напечатанные в миллионах экземпляров, все до последнего были вырезаны читателями газет, спрятаны в бумажники, сумочки, наклеены в тетради, альбомы, приколоты на стенах...

Маленькая американка, щурясь, улыбалась людям Земли...

ЭЛЛЕН зажмурилась. У нее не хватало силы открыть глаза. Сейчас когти начнут рвать ее тело. Если бы сбросить шлем, покончить все разом... Но страшные, жесткие лапы держали крепко.

Она почувствовала, что ее осторожно поставили на камни... и отпустили.

Глаза открылись.

Лунные скалы, свет и тень, черное небо, косматое Солнце, звезды. Нет! Ничего этого она не заметила.

Перед ней стояла знакомая танкетка, а в ней за стеклом кабины сидел земной, близкий, встревоженно улыбающийся Евгений Громов в голубой тенниске с короткими рукавами...

Эллен сквозь слезы улыбнулась молодому Громову, ничего не понимая.

— Да! А лапы? — спохватилась она.

Они лежали, огромные, металлические, у ее ног. Боже! Да ведь это же манипулятор, механические руки, которыми была оборудована предназначенная для Луны танкетка. Ими управляет этот юноша изнутри...

— Мисс Кенни! — услышала Эллен в шлемофоне. — У вас включено радио? Как это получилось?.. Я искал «Колумб», но рассчитывал на мужской разговор.

— Оказывается, я совсем не понимала мужчин! — борясь с рыданием, воскликнула Эллен. — Когда мы с вами вернемся на Землю...

Громов смутился:

— Мисс Кенни, я первый встречу вас на Земле...

Эллен побледнела. Она вдруг поняла все, вспомнила... Этой танкеткой управляют с Земли. Никакого ее спасителя нет на Луне, он находится на Земле, в корпусе Космического института на липовой аллее. А здесь... в этом чужом страшном мире, среди нависших скал и бездонной тьмы провалов, здесь она одна...

И она рванулась вперед, прижалась к металлу земной машины.

— Я с вами, мисс Кенни... с вами, — твердил Евгений.

— Вы правда со мной? — прошептала она. — Я так испугалась... этих лап... А сейчас еще страшнее... Можно мне к вам?

— Конечно. Забирайтесь на корпус танкетки. Я помогу манипулятором. Можно?

— Да. Теперь можно...

— «Искатель» пошел спасать человека в космосе...

— Как? Его можно спасти? Боже! Вы можете запросить о нем Землю? Ах, да!.. Вы же ведь сами на Земле!..

СИГНАЛЬНАЯ лампочка замигала на пульте «Искателя».

— Внимание! Вызывает Земля! — крикнул Аникин.

Петр Громов и американец Годвин, стоявшие у окна кабины, повернулись к пульту.

— Это Евгений. Он разыскал «Колумб» между Озером Снов и Заливом Мертвых. Он выручил девушку из неприятности. Пляши, Том!

— Можно было бы выбрать более приятные названия, — ворчливо отозвался Годвин, тщетно стараясь скрыть радость.

— Вы хотели сесть за рули, Годвин, — позвал Громов. — Выводите корабль на вычисленную орбиту. К сожалению, не придется облететь Луну...

— Спасибо за честь, командор. Никогда не хотел быть пассажиром. Теперь я спокоен за девочку. А что касается другого лунного полушария, то нам и на этом дело найдется. Луна — планета сокровищ. Надо только нагнуться. Я сумею вам хорошо заплатить, командор. Спасательная экспедиция, топливо — все за мой счет.

Американец говорил совершенно серьезно. Петр Громов сдержал улыбку и промолчал. Но Аникин лукаво спросил:

— А у тебя много на банковском счете, приятель?

— Пока только тридцать пять прожитых лет, — ответил Годвин.

ТАНКЕТКА двигалась под отвесными скалами. На серопепельной равнине застывшими волнами поднимались длинные гряды камней. Пепел не удержался на острых гребнях, и они, беловатые, издали напоминали барашки, с которых морской ветер срывает брызги...

За танкеткой тянулся след гусениц. Они отпечатались в пепле, оттененные черной, как сажа, кромкой.

Танкетку трясло и бросало. Ровное каменное море оказалось «бурным»... Эллен не удержалась бы на кузове, если бы ее не полуобняла, заботливо поддерживая, механическая рука манипулятора.

Эллен переводила взгляд с бело-черных лунных красок на мягкий, голубовато-ласковый тон панели, видимой через прозрачную полусферу, на пластмассовые ручки слоновой

кости, на ткань тенниски, на волосы Евгения, отливавшие на солнце...

Эллен поджала ноги и сказала, смотря вниз:

— Древние в гóре посыпали пеплом голову. Здесь в пепле целая планета.

Танкетка остановилась. Вторая рука-манипулятор протянулась к следу гусеницы и подобрала блеснувший в колее камешек. Железные пальцы осторожно протянули находку Эллен.

— Ой! Какая прелесть! — воскликнула она.

— Для вас, мисс Кенни. Первый лунный камень.

— Как вы думаете, я буду хранить его всю жизнь? — с милым лукавством спросила Эллен. В ее руке мерцал алый огонек.

— Я совсем не знаю вас, — смешался Громов.

— А вам этого хочется?

— Боюсь, что сюрпризов в вас не меньше, чем на Луне, — нашелся Евгений и добавил: — Эллен — по-русски Елена. Можно мне называть вас... Селена?

Эллен посмотрела вверх, где сверкали в солнечных лучах верхушки скал:

— Селене — по-гречески Луна. Мне это нравится. А вы... ведь не вы... только ваше изображение...

— Я называю вас мой Мираж.

Эллен задумчиво перебирала огромные железные пальцы поддерживавшего ее манипулятора. Устройство было таково, что каждый железный палец был связан с пальцем Евгения, малейшее движение руки Евгения тотчас передавалось могучим стальным мышцам манипулятора. Но и Евгений сейчас чувствовал, как один за другим сгибались его пальцы.

— Как ярко здесь! — сказала Эллен, с восхищением озираясь вокруг.

— Не только ярко, но и жарко, — чуть взволнованно отозвался Евгений. — Выше ста градусов.

— Мне прохладно, — беспечно отозвалась Эллен.

— На вас хороший костюм.

— Вы находите?

— В вашем костюме полупроводники двух родов. Одни, нагреваясь, дают электрический ток, а другие, под влиянием этого тока, охлаждают ваш костюм.

— Как много надо знать, когда быть на Луне, — вздохнула Эллен. — Я без вас уже не могу здесь... Ой! Что это?

Танкетка выехала из-за скалы, и в звездном небе появился огромный, полузатененный, ярко сияющий диск, во много раз больше Солнца.

— Это наша Земля, — сказал Евгений.

— Земля? Боже! И вы там?

— Да. Я здесь, — виновато признался Евгений.

— Я не верю, мой Мираж. Вы со мной, — упрямо сказала Эллен. — Вы со мной... А там, — и сразу изменился ее голос, стал жестким. — Там — миссис Хент, газеты, гангстеры, бизнес... Между нами — неумолимое уравнение. Остановитесь. Я хочу смотреть на Землю отсюда, с лунной высоты. Дайте вашу руку.

Эллен соскользнула с танкетки и запрокинула голову, держа пальцы манипулятора в своей руке. Евгений ощущал еежатие. — Неумолимое уравнение? — переспросил он.

— О да! — глаза у Эллен сузились. — Миссис Хент, оказывается, прекрасный математик. В ее уравнении с одной стороны бизнес, с другой — подлость. В большом бизнесе чьи-то сто фунтов живого тела не играют никакой роли. Я плохо разбиралась в этой «математике»... Мистер Громов, не могли бы вы оказать услугу — передать мою корреспонденцию с Луны?

— Миссис Хент?

— Нет, о ней. Кому-нибудь другому. Например... О да! «Юманите»! Или «Комсомольской правде»! Это будет восхитительное решение уравнения. О'кэй! У меня очень злые глаза? Вы согласны?

— Я передам ваше сообщение. Но сейчас нам надо браться за работу, выложить опознавательный знак для посадки «Искателя».

— Хорошо! — согласилась Эллен. — На Луне даже женщина очень сильна. Будем ворочать камни!

И маленькая Эллен схватила огромный камень. Казалось непостижимым, что она подняла его и держит над головой, такая маленькая и слабая.

— Да, да! Вот так! — подхватил Евгений.

Руки манипулятора подняли большой камень и, стряхнув с него пыль, положили его рядом с камнем, который бросила Эллен.

Это была спорая, веселая работа. Эллен забыла, где она находится. Она наслаждалась своей невиданной силой, способностью перебрасывать огромные каменные глыбы. Она звонко смеялась.

— Эй! Живей! Живей! — кричала она. — Я никогда не думала, что стану тяжелоатлетом.

— Вы здесь весите в шесть раз меньше, чем на Земле!

Танкетка ловко маневрировала. Ее стальные руки подбрасывали камни, и пыль с них вздымалась долго не оседающим облаком. Эллен едва различала танкетку в пыльном тумане.

— Мне даже хочется чихнуть, — смеялась она. — Здесь тысячелетиями не стирали пыль.

Постепенно стал вырисовываться традиционный Т-образный знак, какой выкладывают для самолетов. Он был уложен из камней, с которых «стряхнули» пыль, и потому был другого цвета, чем пепельная равнина.

— Как красиво! — радовалась Эллен, смотря на темно-гранатовые камни. — А я думала, что на Луне все серо.

— Подождите, мы ее еще выметим! — пообещал Евгений.

Эллен оглянулась и вдруг заметила, что изображение в окнах танкетки стало бледнее, полусфера потускнела, стала непрозрачной, молочно-стеклянной, холодной, мертвой...

Евгений исчез.

У Эллен захватило дух. С ужасом посмотрела она вокруг.

Она осталась на Луне одна.

Глава седьмая **ЛУННЫЙ УДАР**

ЕВГЕНИЙ Громов был первым человеком Земли, который увидел Луну с ее поверхности.

«Искатель-II» в последний раз качнулся, лег на лунные камни и замер.

Сердце у Евгения бешено колотилось, лоб стал влажным, руки на рычагах управления дрожали, глаза старались хоть что-нибудь рассмотреть за окнами танкетки. Но ракета опустилась в облако поднятого ею пепла, и туман тысячекратней лунной пыли окутал танкетку мглой.

Евгению, после того, как он доложил по телефону о благополучном спуске, еще долго пришлось ждать, прежде чем в окнах танкетки стали проступать сначала мутные, потом все более резкие очертания острых лунных скал. На Луне все так медленно падает!..

Но вот они, лунные камни, до которых можно дотронуться рукой! Вот он, лунный окаём, поразительно близкий, выпуклый, как край огромного цирка!.. Вот оно, каменное море, изрезанное застывшими молниями трещин!..

Евгений готов был кричать от радости, выскочить из макета танкетки, расцеловать Наташу, скакать по лаборатории в диком танце. Но он не чувствовал себя больше на Земле. Даже рассердился на заглянувшую было к нему Наташу. Цветное, стереоскопическое изображение в окнах-телеэкранах создавало такую иллюзию, что Евгений полностью ощущал себя на Луне. Он не устоял от соблазна и протянул обнаженную руку — он был в тенниске с короткими рукавами. Огромная железная рука манипулятора послушно повторила его движение и дотронулась до ближней скалы. Евгений ощутил пальцами ее твердость.

В этом прикосновении было торжество человеческой мысли, торжество земной техники, торжество неумемной дерзновенности человеческого знания...

Глаза у Евгения стали влажными. Он принялся насыпать железными руками большую грудку камней на месте первого спуска земного космического корабля.

«Искатель-II» лежал на боку. Он оперся сначала о камни лапами танкетки, которые постепенно согнулись и плавно положили корабль так, чтобы танкетка могла из него выползти.

Евгений нажал рычаги, и танкетка, припадая на заднюю часть гусениц, рывком выскочила из космической кабины. Она стала резвиться на лунных камнях, как выпущенный на волю звереныш. Могучие железные лапы разбрасывали камни. Гусеницы взбирались на скалу. Лапы, хватаясь за выступы, помогали им.

Торжество Евгения было полным. Он на Луне, он может взять «руками» любой камень, сфотографировать любой пейзаж, установить любой прибор, провести любое исследование! Он на Луне, на Луне, на Луне!.. И никто не нужен ему в помощь! Никто! Он утвердит на Луне победу того направления в изучении космоса, которому посвятил свою жизнь!

Однако Евгений не просто давал выход своему торжеству, он приравнивался к предстоящему путешествию к месту посадки «Колумба».

На экране радиолокатора отчетливо виднелось очертание американской металлической ракеты, лежащей на боку среди камней. Очевидно, спуск был неудачным, и надо спешить на выручку злосчастному астронавту.

На протяжении первого километра пути Евгений сделал столько открытий, что лишь малая их доля принесла бы исследователю мировую славу.

Магнитное поле Луны!.. Его, безусловно, нет на лунной поверхности... Объяснение только одно: ведь Луна не обладает, как Земля, тяжелым центральным ядром!..

Евгений обнаружил радиоактивность лунной коры, заметную радиоактивность, которая менялась, а не была общим фоном планеты... Сколько задач для исследователя! И

этим исследователем вполне может быть лунная дистанционно управляемая лаборатория в танкетке.

Евгений первым точно измерил температуру поверхности Луны на солнце и в тени. Перепад температур был равен почти двадцати градусам! Какие великолепные энергетические возможности! На грани любой тени здесь могут работать паротурбинные установки, использующие неистощаемую солнечную энергию!.. Солнечный паровой котел и холодильник в тени.

Камни и очертания скал в тени были невидимы. Конец спорам о вакуумной оптике... Но атмосфера! Есть ли на Луне атмосфера?

Анализаторы автоматически делали свое дело. Да! На Луне есть ничтожные остатки атмосферы... Их плотность такова, как на высоте почти ста километров над Землей. Состав этой атмосферы — в основном углекислота, продукт бурной вулканической деятельности. Ее больше, чем нейтрального азота, но есть и кислород. Черт возьми! Если насосы будут выкачивать снаружи лунную атмосферу и сжимать ее, то можно получить ощутимые количества кислорода... Может быть, для будущих лунных городов... А углекислота насытит лунные оранжереи...

Впрочем, зачем заглядывать так далеко! Сейчас эра лунных разведчиков.

Евгений досадовал, что не может целиком отдаться исследованиям лунной поверхности. Приходилось мчаться по камням к американской ракете.

Но что это был за путь! Даже во сне, в больном воображении нельзя было увидеть или представить таких небывалых пейзажей. Они менялись за каждым поворотом, за каждым выступом скалы...

Соседство дня и ночи, Солнца и звезд, ослепительного света и мрачной тени, незаживающие рубцы на голом теле планеты, никогда не знавшей покрова, смягчающего действия воды или ветра. Острые углы, кристаллические грани камней, игольчатый щебень. Вот они, единственные следы разрушения на Луне. Разрушения от вечной смены раска-

ленного дня и космически холодной ночи. Лунный мир — это мир трещин, мельчайших, крошащих поверхность скал, огромных, бороздящих морщинами склоны гор, и, наконец, гигантских разломов, глубиной чуть ли не в сотни километров, заметных даже с Земли!

Как хотелось Евгению остановиться хоть около одной трещины, заглянуть вглубь. Впрочем, что там можно было увидеть, кроме крошечной тьмы!..

И танкетка, разбежавшись, птицей перелетела трещины шириной в добрый десяток-другой метров.

Евгений наслаждался ощущением полета. Его танкетка летала! В дальнейшем надо будет снабдить ее реактивными двигателями, которые позволят ей перелететь через горный хребет, заглянуть в глубину кратера, чтобы убедиться, нет ли на аренах лунных цирков более плотных остатков атмосферы... И кто знает, что можно там обнаружить?.. Ведь есть кратеры, которые ниже поверхности лунных морей-равнин на несколько километров. Там могут быть совсем особые, лунные микромиры...

И вот вдруг... картину таинственной мертвой природы заслонил Евгению живой человек, удивительный человек, заставивший его видеть перед собой лишь маленькую хрупкую фигурку, а не грозные скалы за ней, слышать ее голос с чуть нерусским произношением, а не впитывать в себя торжественное величие лунной тишины.

Почему, придя к нему в лабораторию на Земле, она лишь на минуту остановила на себе его взгляд, а здесь, на Луне, так потрясла?

У Евгения было ощущение внутреннего взрыва или... солнечного удара, ощущение яркости, внезапности и затмения сознания. Нет! Это был не солнечный удар. Это был лунный удар!..

И так же, как явилась она с «лунным ударом», так же внезапно и исчезла, померкнув вместе с лунным миром на экране...

В окнах макета танкетки не было больше Луны... Евгений «свалился» с Луны на Землю, в знакомую лабораторию

с длинными столами в сети проводов... Взмешенный, раздосадованный, не могущий извинить себя за оплошность, он распахнул дверцу макета и выскочил в комнату...

А ЭЛЛЕН, на Луне, в тревоге стояла перед омертвевшей танкеткой, тшчетно вглядываясь в непрозрачную полусферическую кабину. Что произошло?

Она невольно посмотрела на небо. Не исчезла ли Земля?

Нет! Голубоватый шар стоял недвижно в небе; и в незатененной части диска можно было угадать очертания знакомых материков.

Эллен перевела взгляд на скалы. Они показались ей ужасными, придвинулись, нависли над ней, разрезанные там и тут чернотой теней.

Если бы они рухнули, увлекая вниз лавину камней, Эллен было бы легче. Ее угнетала мрачная неизменность всего, что она видела. Ведь каждый готовый ворваться камень так и висел здесь вечно, а каждая пылинка пролежала миллионы лет, не тронутая ни ветром, ни временем... И пусть упадет Эллен сейчас навзничь с широко открытыми от ужаса глазами, стеклянный ее взгляд будет миллионы лет все так же смотреть на любимую Землю, которая не сдвинется с места, не зайдет и не взойдет...

Ужас приходил вместе с мыслью о неизменности, но сводящий с ума страх таился в охватившем Эллен сознании одиночества.

Одна на всей планете...

Нет для человека большей пытки, чем одиночество.

Эллен посмотрела по сторонам и, окруженная мертвым и жадным миром, панически побежала к танкетке, стала трясти ствол антенны:

— Хэллоу! Хэллоу! — в иступлении кричала она. — Говорит Кенни, журналистка Эллен Кенни. Слушайте меня! Ответьте кто-нибудь. Одно только слово...

Она сползла к гусеницам танкетки, припала к ним шлемом.

— Не слышат меня, — шептала она. — Им всем нет дела... Даже ему... Хэллоу! Мистер Громов! — все тише звала она. — Мой Мираж! — и, упав на след гусеницы, по-детски крикнула: — О-о! Мама!..

Недвижный скафандр лежал подле неподвижной танкетки в неподвижном лунном мире...

Глава восьмая **КОСМИЧЕСКИЕ ТОВАРИЩИ**

«Искатель-I» шел над поверхностью Луны. Корабль вел Громов. Аникин тщетно пытался вызвать по радио Эллен. Том Годвин был мрачен.

Внизу плыла страна голых скал и серых равнин, изрезанных трещинами.

Вот она, другая планета, цель путешествия!

Но все три звездолетчика не испытывали торжества. Они думали о судьбе закинутой раньше них на Луну Эллен.

— Командор! — крикнул Том Годвин. — Посадочный знак!

Крохотная темно-красная буква «Т» была чуть заметна на грани скал и равнины.

Громов уверенно посадил «Искатель-I» близ лежащего на боку «Искателя-II». В окнах кабины стоял мутный туман. Облако пепла, поднятое струей газа при посадке, оседало очень медленно. Мгла закрывала чужой мир...

Один за другим спускались исследователи по лесенке, выброшенной из люка.

Том Годвин задержался на последней ступеньке:

— Командор, прошу вас. Ваше право ступить на Луну первым.

Петр Громов рассмеялся:

— Наука не имеет ничего общего с рекордсменством. Советские люди давно забросили на Луну выпелы, но не заявили территориальных претензий.

— Все же я прошу вас, командор.

— Извольте, Том... Кстати, на Луне уже мисс Кенни.

— О нет, командор! Она не ступила на Луну, а упала на нее, и вынута была из кабины манипуляторами советской машины. Первым исследователем Луны, вступившим на нее, должны быть вы.

Петр Громов не стал спорить.

И вот все трое уже стояли на лунной поверхности в облегающих тело скафандрах с начинающимися от плеч прозрачными колпаками. Они не рисковали двинуться в путь и стояли у посадочных лап корабля.

Хмурые скалы едва вырисовывались во мгле, словно постепенно попадая в фокус изображения,

Наконец видимость улучшилась. Серая каменная пустыня тянулась к горбатому горизонту. Совсем в неожиданной стороне оказалось гранатовое пятно...

Том Годвин первый прыгнул в его сторону. Тело астронавта взлетело высоко над камнями. Ему едва удалось опуститься на ноги метрах в тридцати.

— Осторожно, Годвин! — крикнул Громов.

Громов и Аникин двигались медленно, держась за руки. Годвин остановился, чтобы подобрать яркий камешек. Тот самый, который Эллен в минуту отчаяния бросила в Небо...

Еще один прыжок — и Годвин опустил на колено около лежащего скафандра.

Вот она, его незнакомая пассажирка. Не думал он встретиться с ней... Что почувствовала, оставшись одна на ракете, что перенесла здесь, на чужой планете? Дышит ровно, глубоко... Неужели спит?

От взгляда Годвина Эллен проснулась. Она спала! Усталость и переживания сломили ее. Пришел сон, спасший от помешательства.

Она открыла глаза и увидела простоватое лицо с широко расставленными маленькими, но добрыми глазами...

— Том! — только и могла выговорить она.

Годвин не услышал. Он догадался, что выключено радио, и повернул рычажок на ее шлеме, сдвинутый при падении.

Эллен села и припала к плечу пилота:

— Том! Все-таки прилетел... Сейчас я могу только обнять. Они спасли вас? Когда будет воздух, я поцелую им руки...

— Эль! Здорово все получилось, — сказал Том Годвин.

Эллен тихо засмеялась:

— Я еще вас совсем не знаю. Но вы должны быть именно таким. А меня вы сделали другой. Я родилась здесь, на Луне. Я селенитка. И всем, почти всем обязана вам...

Только теперь заметила Эллен Громова и Аникина.

— Здравствуйте, — сказала она, вскакивая. — Я же говорила, что мы, может быть, увидимся. Извините. Я не слышала, как вы подошли.

— На Луне мог подкрасться и слон, — пошутил Аникин. — Звуков нет... Слонов тоже.

— А воздуха здесь столько же, сколько совести у миссис Хент, — вставил Том Годвин, стараясь скрыть смущение.

Эллен неуверенно сделала шаг к Громову. Тот протянул обе руки и с душевной простотой обнял ее.

— Вот теперь можно и осмотреться, — сказал Аникин. — А то мисс Кенни заслонила нам всю планету.

— А я уже здесь такого насмотрелась!.. — вздохнула Эллен.

— Где ж тут у вас кратер Эллен Кенни? Где ущелье Евгения Громова? — с напускной серьезностью спрашивал Аникин.

Эллен опустила голову:

— Евгений Громов!.. Простите, командор, он ваш брат, но он не джентльмен. Ему быстро надоело мое общество. Он счел возможным оставить меня здесь совершенно одну...

— Вращение Земли оставило вас одну, мисс Кенни, — мягко объяснил Громов. — Луна зашла в Москве за горизонт. Вот и все.

Эллен посмотрела на голубоватый шар в небе:

— Нет, Земля не заходила за горизонт.

— Лунный шар не вертится. А на Земле Луна заходит. И тогда теряется радиосвязь с танкеткой, ее телеэкраны гаснут.

— Боже! — воскликнула Эллен. — Это ужасно! Так подумать о человеке!.. Как, однако, много надо знать о Земле... и о людях Земли, — тихо добавила она.

Том Годвин повел Эллен в ракету.

Громов поднимал острые, словно колотые камни, с интересом рассматривал их, брал в горсть пепел, пересыпал его с ладони на ладонь...

ПОТЕРЯВ связь с танкеткой, Евгений не находил себе в лаборатории места, уныло бродя между длинными столами.

Спокойная Наташа с укором смотрела на него.

— Понимаю, — в смятении остановился он перед нею. — Думаешь, тот уступил ей жизнь, как уступают стул, а я... не могу даже поддержать ее...

— Думай о другом, Женя, — рассудительно ответила Наташа. — Луну сейчас видно в Америке.

— Проникновенная мысль! К сожалению, из Америки нельзя управлять танкеткой.

— Сядь и приди в себя, — внушительно сказала Наташа. — Сейчас американке без тебя страшно, а может случиться, что без танкетки они погибнут.

— Почему погибнут?

— Потому что Луна не будет в Москве видна... и они в решительную минуту не смогут воспользоваться танкеткой... Вот если бы в мире обменивались телепередачами...

— Фантастика! Цепь поднятых в небо антенн вокруг всего мира?

— А почему нет? — упрямо спросила Наташа. — Американские самолеты в свое время летали с атомными бомбами? Грозили силой? Почему бы не летать теперь, чтобы помочь тем, кто на Луне?

— Да разве можно договориться с их генералами! — махнул рукой Евгений.

КАБИНА «Искателя-1», когда в него вернулись Громов с Аникиным, приобрела неожиданный уют.

Эллен накрыла стол.

— Прошу всех садиться... Будет очень вкусно. Нельзя ли включить земную музыку? Люблю симфонии, но обожаю танцевать.

Аникин кинулся к радиоаппаратуре.

На Луне Землю было лучше слышно, чем на самой Земле... Некоторое время все молча слушали музыку, несущуюся через межпланетное пространство.

— Вот что, товарищи, — сказал Громов, решительно усаживаясь.

— Товарищи по несчастью, — подхватила Эллен.

— Нет, товарищи по работе, — поправил Громов. — Нужно подумать о завтрашнем дне.

— Стоит ли думать... о смерти? — сказала Эллен.

Громов пристально посмотрел на нее:

— Мы обеспечены четырнадцатью баллонами кислорода. По одному на земной день.

— Разве есть ракеты, которые смогут прилететь за нами? — повернулась к Громову Эллен.

— Есть две резервные ракеты типа «Искатель-I», — ответил Громов. — Но они двухместные... Пилоты смогли бы взять отсюда лишь двоих...

— Понимаю, — с горечью сказала Эллен. — Здесь есть лишние.

— До наступления лунной ночи сюда прилетит международная космическая экспедиция, — раздельно произнес Громов.

— Вавилонскую башню не могут достроить с библейских времен!

— Я говорил с академиком Белоусовым. Весь мир занят нашей судьбой. Сейчас трудно препятствовать завершению строительства.

— Я только описывала международные конфликты... Неужели теперь придется стать их причиной?

— Скорее, причиной международного единения. Нужно думать, как не остаться в долгу перед человечеством.

— Признаю ваше руководство, командор, — вмешался Том Годвин, — пока не выплачу вам долг. Какова задача?

— Собрать образцы пород, наблюдать лунную природу... и дойти до края видимого с Земли лунного диска.

— Черт возьми! Это меня устраивает. Расставляю по пути заявки. Тут кое-что валяется под ногами. Посмотрите, что я нашел. Это вам, Эль, ко дню вашего лунного рождения.

И Том Годвин протянул Эллен найденный им камешек.

— О-о! Том! — воскликнула Эллен и смутилась. — Мне кажется, что... мне однажды дарили его здесь...

— Кто дарил? — изумился Годвин.

— Может быть, во сне... Я хотела бы уснуть, — растерянно говорила Эллен. — Годвин, у вас не осталось пилуль? Я ведь не пойду с вами.

— Чепуха! — возмутился Годвин. — Как вы можете остаться здесь одна?

— Но я не люблю ходить пешком. — упрямилась Эллен, думая о чем-то своем.

— Вас повезет танкетка, — сказал Громов, внимательно наблюдавший за Эллен. — Вы будете отдыхать вместе с ней.

— Танкетка? — сразу оживилась Эллен и чуть покраснела. Потом, сощурившись, посмотрела на Громова. — Вы романтик, командор. Хотите пройти сотни километров без асфальта, пренебрегая золотом и алмазами, чтобы увидеть лишь «ту сторону»!..

— Я ищу клад куда больший, — улыбнулся Громов. — Ищу и вспоминаю, что Колумб не поворачивал вспять от неведомых берегов. Амундсен не возвращался, не дойдя до открытого острова.

— Я готов, командор, — заявил Том Годвин.

ЕЩЕ за час до того, как Луна должна была взойти над Москвой, Эллен стояла у танкетки, устремив взгляд на темную полусферу.

Мужчины неподалеку устанавливали автоматическую радиостанцию наблюдения. Она в течение года должна была сообщать показания различных измерительных приборов.

Опершись о борт танкетки, Эллен задумчиво смотрела на матовую полусферу. И, наконец, полусфера начала светлеть, как бы наполняясь воздухом и светом. Постепенно, словно выходя из тумана, стало вырисовываться изображение Евгения... Нет! Преодолевая расстояние в 384 тысячи километров, он сам, живой, бодрый, взволнованный, появлялся перед Эллен.

Том Годвин, оторвавшись от работы, издали видел, как вздрогнула Эллен, очевидно, встретившись с Евгением взглядом.

— Мой Мираж! Я так вас жду, — тихо сказала Эллен.

— Селена!..

— Я подумала, что вы обиделись. Я восхищалась Годвином.

— Я тоже.

— Но я знаю... Вы спасли меня с Земли. На Луне вы поступили бы так же.

— Это верно, Селена, — горячо сказал Евгений.

Эллен заметила, что Том Годвин как-то боком направился к танкетке.

— Здесь все очень сложно, — быстро заговорила она. Вот камешек... Даже о нем думать сложно... У вас сложный брат... Рыцарь науки в скафандре... Ведет за собой всех, чтобы взглянуть за край лунного диска... А я остаюсь...

— Селена! Я считал минуты, ждал, когда взойдет Луна.

Годвин был уже в нескольких шагах. Эллен загородила собой полусферу.

— Разве я причинила мало хлопот? Надо ли быть обузой?

— Селена! Я не оставлю вас одну!

— А вы сможете это повторить? Нет, нет! Не на Луне?

— Эль пойдет с нами, — сказал подошедший Годвин. — Надеюсь, ваш автокар сможет помочь ей в трудных местах?

— Конечно, — сказал Евгений.

Глава девятая **КРУШЕНИЕ НЕИЗМЕННОСТИ**

Четыре человека в скафандрах извилистым путем пробирались между зигзагами трещин.

Петр Сергеевич Громов, провозглашенный на Луне командором экспедиции, и пилот погибшей на Луне американской ракеты «Колумб» Том Годвин, деля опасность первого шага, как слепцы, ощупывали палками путь. О прыжках, столь легких на Луне, не могло быть и речи. Под пеплом всюду ждали бездонные пропасти.

Позади двигалась управляемая с Земли, снабженная двусторонней телевизионной связью танкетка, нагруженная кладью экспедиции и баллонами кислорода. В ней сидел, вернее, лунным исследователям казалось, что в ней сидит, Евгений Громов, ее создатель и страстный сторонник исследования планет с помощью подобных автоматов. На самом деле Евгений находился в лаборатории дальнеуправления Московского космического института в макете движущейся по Луне танкетки, но, видя в окнах-телеэкранах лунный пейзаж, идущих рядом с танкеткой путников в скафандрах, ощущая повиновение пробирающейся по лунным камням машины, Евгений полностью ощущал себя на Луне, забывая, где он на самом деле находится. Он напряженно следил за каждым путником, готовый ринуться на помощь.

Эллен Кенни, американская журналистка, волею судьбы и вопреки планам и здравому смыслу оказавшаяся вместе со всеми на Луне, часто оглядывалась на Евгения. Ведь она была ему обязана жизнью, так же, как и американскому пилоту... И всякий раз, словно чувствуя, оборачивался и Том Годвин, угрюмый и встревоженный...

Природа угнетала маленькую Эллен. Ее глаза были тревожно сощурены, на тонких губах застыла полуулыбка, которой она словно боролась со всем, что ее окружало.

Обрывы «берегов» лунного моря ослепительными стенами уходили в черное звездное море. Голые утесы нависали над окаменевшими грядами волн, посыпанных пеплом.

Острые, как ножи, ребра скал и рваные кромки трещин остались нетронутыми после древних катаклизмов, словно все остановилось с тех пор, как кончилось...

Ужас неизменности охватывал Эллен. Она не могла примириться с тем, что все вокруг не менялось уже миллионы лет, каждая пылинка, не зная ветра, лежала вечно недвижно, камень не мог сорваться в пропасть, нависая над нею. Что может быть страшнее конца?.. Нельзя жить и двигаться, если все вокруг мертво. Кошунство оставлять здесь следы. Надо пасть ниц и замереть на тысячелетия... Так сходят с ума...

Евгений угадывал, что происходило с Эллен, которую он называл с ее согласия Селеной, по имени греческой богини Луны. Она же в ответ называла его, видя лишь его изображение в окнах танкетки, Миражом... Евгению хотелось бы отвлечь едва держащую себя в руках американку разговором, но как это сделать, если каждое слово обрело, как ему казалось, особый смысл, а слышат его сразу во всех шлемофонах!.. Он попросил Петра, своего старшего брата, подойти и показал ему глазами на Эллен.

Петр, огромный, атлетически сложенный, с крупными рублеными чертами лица, пронизательно посмотрел на младшего брата и все понял.

— Мисс Кенни, — сказал он, нагоняя Эллен. — Мы нуждаемся в вашей помощи.

— Вы зло шутите, командор, — нервно обернулась Эллен.

— Нисколько. Вот киноаппарат, — он протянул ей портативную кинокамеру. — Вы опытный репортер, и можете стать кинооператором экспедиции. Снимайте этот мир.

— Святотатство, — сказала Эллен, смущенно беря киноаппарат. — Снимать пейзажи Дантова ада? Бороться с ними, подчинять их себе... Я могу это сделать? Как вы думаете? — и Эллен, привычно наведя кинокамеру, сняла цепочку вдавненных в пепел лунок, как тушью, обведенных густой тенью.

— Следы человека на Луне, — сказал Петр Громов. — Вы сами ответили на свой вопрос.

— Я подумала, что боюсь темноты... Неизменности и пустоты... Они отнимают рассудок...

— А их вовсе нет и в космосе, — отозвался Аникин, дальше всех бывший от Эллен. — Космос переполнен метеоритами любых размеров, начиная с пылинок и кончая планетами, составленными из тех же метеоритов; даже звездами...

— Даже звездами? — удивилась Эллен не столько составу звезд, сколько тому, что слышит это от Аникина, от славного паренька, которого она считала механиком, пилотом, помощником, тенью командора, повторяющего его шаги, слова, мысли...

— И звезды, — подтвердил Аникин. — Они вспыхивают при сгущении туманностей космической пыли. И кто знает, что это за пыль? Быть может, она состоит не только из частиц обычного вещества, но также и из частиц антивещества с обратным электрическим зарядом ядра и оболочки. Тогда, соприкасаясь, частицы вещества и антивещества перестают существовать, превращаясь в носителей энергии — в фотоны, которые раскаляют оставшуюся массу вещества. Если метеоритная пыль образовала таким образом звезды, то более крупные метеориты, захваченные когда-то Солнцем при прохождении темной туманности, образовали Луну, Землю и все другие планеты солнечной системы. Они продолжают каждую секунду встречаться с Землей, падают на нее, увеличивая ее объем и массу. Правда, большинство из них не долетает до поверхности, сгорает в атмосфере. У Земли крыша надежная.

— А на Луне? — спросила Эллен, с интересом разглядывая Аникина.

— Никакой нет. Метеориты каждую минуту оставляют здесь след. Вот об этом я и хотел сказать. Какая же тут неизменность!.. Что тут может подавлять? Кольцевые горы цирков, глубокие кратеры — все это следы метеоритов.

— Вывод поспешный и неверный, — вмешался Петр Сергеевич Громов, получивший докторскую степень и про-

фессорское звание во время работы в Пулковской обсерватории за труды по исследованию лунных вулканов.

— Война белой и алой розы, извечная борьба двух гипотез, — заметил чувствовавший себя на Луне Евгений.

— Не надо превращать ее в войну жрецов, — резко сказал Петр Громов. — Только в религиозном экстазе можно забыть о лунных вулканах.

— Их нет на Луне, — решительно заявил Аникин, — а метеориты продолжают менять ее лицо.

Разговор был начат, чтобы отвлечь Эллен, помочь ей справиться с подавленным состоянием, но он уже перерос в жаркий спор.

— А лунное извержение, которое в 1958 году наблюдал Козырев? — напомнил Петр Сергеевич.

— Просто увидел тучу пепла, которая поднялась при падении метеорита. Такая же туча скрыла кратер при падении на Луну первой ракеты с советским вымпелом. Это видели венгры. Вот так. Просто туча.

— Старая песня академика Коваленкова.

— Берусь доказать на Луне любое его утверждение, — запальчиво сказал Аникин.

Эллен растерянно смотрела на него, не понимая теперь расстановки сил на Луне.

А расстановка эта определялась тем, что Ваня Аникин, оставленный после окончания университета в аспирантуре у академика Коваленкова, попал в состав первой лунной экспедиции именно по его настоянию. Академик Коваленков, желчный, сухой, нетерпимый к чужим мнениям педант, нашел в Аникине яростного последователя близкой ему теории о метеоритном происхождении космических тел. Ему важно было подтвердить на Луне, где нет воды и атмосферы, где картина образования планеты, отличающейся от всех других лишь характером орбиты, осталась нетронутой. Академик Коваленков хотел, чтобы в лунной экспедиции его точка зрения противостояла вулканическим гипотезам «малоопытного пулковского астронома, явно преждевременно ставшего профессором».

Академик Белоусов, комплектовавший экипаж «Искателя», не считал возможным отказать маститому академику, который сам, по состоянию здоровья, конечно, не мог лететь на Луну.

Ну, а у Вани здоровье было отменным. Футболист, правый крайний московской команды «Спартак», он оказался вполне подходящим для звездолетчика.

Он проходил подготовку в космическом институте под руководством Петра Сергеевича Громова и проникся к нему таким уважением и преданностью, что чуть не возненавидел себя за неверность академику, поклявшись, что не сдаст на Луне ни единой из его научных позиций.

Федор Афанасьевич Коваленков сам побывал в семье Аникиных, чтобы получить согласие на космический полет Вани.

Отец Вани, полковник в отставке, Герой Советского Союза, отличившийся в войну с гитлеровцами, сыном гордился.

Когда-то тяжело раненного летчика выходила в госпитале маленькая женщина, военврач, которая потом стала его женой. Ваня был у них младшим сыном и слабостью отца. На семейный совет собрались и три старшие сестры: учительница, мастер химического завода и актриса.

Послушный сын сидел, хитровато поглядывая на всех. Мать-то знала: как ни реши, а сынок поступит по-своему. Упрямство в нем она так и не искоренила...

Отец видел в назначении сына в лунную экспедицию боевое задание. Две старшие сестры всплакнули, но отговаривать Ваню не решились. Младшая сказала, что, зная влюбчивость Ванн, отпускает его на Луну только потому, что там нет женщин... и расцеловала его.

На Луне оказалась Эллен...

Ваня вдвойне ощущал себя закованным в скафандр. Он иронически поглядывал на полусферу танкетки, отлично заметив, что телевизионное изображение помогало «кое-кому» позабыть о 384 тысячах километров расстояния!..

Впрочем, ему пришлось мысленно прикусить язык. Он-то знал, что дикторы Московского телецентра получают немало писем с признанием в любви и назначением свиданий... от людей, видевших их только на экране... И немало таких писем написал, кстати, он сам... А как он был обижен, когда узнал, что девушка-диктор встретила с ним лишь потому, что он упомянул в последнем письме о своем близком полете на Луну!..

Все же он подружился с этой чудесной девушкой, и в последний вечер перед отлетом они даже поцеловались. Она обещала ему смотреть на Луну...

Он сказал ей на прощанье, что Луна «слепилась» из метеоритов... Девушка охотно с ним согласилась...

Эллен решительно не знала, что думать по этому поводу, Петр Сергеевич был раздражен, а Том Годвин решил вмешаться:

— Чтобы поднять хорошую тучу, метеориту надо было угодить в скопление пыли, как вон в той расщелине. Она полна рыхлым пеплом, как биржа рыхлыми прохвостами. — и он указал на клинообразную расщелину в береговых скалах лунного моря.

— А если поставить опыт? — предложил Евгений. — Для того и есть у нас танкетка. Вы отойдете на безопасное расстояние, а я метну туда манипуляторами камень.

— Какая же у него будет скорость? Не сравнимая с космической, — сопротивлялся Петр Сергеевич.

— Но мы проверим, как ведет себя пепел, — настаивал Аникин. — И если простого камня будет достаточно, чтобы взбаламутить пепел, то... прав Коваленков!.. Вам ли этого бояться?

Петру Сергеевичу пришлось уступить.

Люди отошли от расщелины подальше. Видимость была превосходной.

— Мне хочется пожать вам руку, — сказала Эллен Евгению. — Вы словно идете на подвиг.

Евгений поднял высоко над танкеткой обе железные руки и соединил их в рукопожатии.

Танкетка помчалась к скалистым обрывам, подскакивая на камнях. Эллен снимала ее кинокамерой...

У расщелины танкетка остановилась.

Могучие железные руки подобрали огромный камень, замахнулись им, далеко закинув назад, и метнули вверх.

Камень описал дугу и зарылся в рыхлый слой пепла с краю расщелины.

Ничего не произошло.

— Ну вот, — снисходительно заметил Петр Громов. — Теперь скажете, что скорость была мала.

Эллен, целясь телескопическим объективом, продолжала снимать. Она первая заметила, что даже слабого удара «импровизированного метеорита» оказалось достаточно, чтобы вывести пепел из состояния неустойчивого равновесия.

Он потек... потек, напоминая темную жидкость. Сначала он падал с высоты струйкой, но скоро таких струек появилось множество. Закрученные спиралями, они слились в пепельный «водопад».

Внизу с камней стало подниматься черное облако.

Что там медлит Евгений?

И вдруг пепел рухнул черной Ниагарой. Танкетка исчезла из виду. Нельзя было понять, что с ней случилось.

— Мой Мираж? Он утонул!.. — крикнула Эллен.

— Гусеницы буксуют, — слышался в шлемофонах голос Евгения.

— Скорее на помощь! Его засыплет! — крикнул Петр Сергеевич.

Пепельный водопад разрастался с пугающей быстротой. Но люди, не раздумывая, бросились в черную тучу, клубами поднимавшуюся с поверхности.

Евгений мигал прожектором. Свет едва был виден во мгле.

Исследователи держались за руки, чтобы не потеряться. Добрались до танкетки, когда пепел стал им по колено.

— Как в Помпеях, — прошептала Эллен. На миг она представила себе, что всех их засыплет навеки... Они сядут,

безвольные, покорные судьбе... Их найдут, окаменевших, через сто тысяч лет, и поместят под стеклянные колпаки в музеях, как в Помпеях... Она передернула плечами.

Попробовали толкнуть танкетку, она не двинулась.

— Поднимайте за гусеницы! — приказал Петр Громов.

Эллен наравне с другими уцепилась за гусеничную ленту. Ослепительный день превратился в непроглядную ночь. Казалось, что люди в водолазных костюмах спустились на дно темного моря.

Только на Луне можно было поднять вчетвером такую тяжесть. Танкетка помогала манипуляторами, приподнимаясь на них.

Спотыкаясь, еле вытаскивая из пепла ноги, Эллен тащила танкетку вместе со всеми и уже не думала о Помпеях. Она спасала Евгения!.. Она не могла допустить, что тот сидит в безопасности на далекой Земле в лаборатории и переговаривается со своей помощницей Наташей, которая варит ему кофе...

Наконец, слой пепла стал мельче, танкетка оказалась на камнях. Эллен почувствовала, что механическая рука подхватывает ее.

— Все на вездеход! — скомандовал Петр Громов.

Перегруженная танкетка тяжело переваливалась через камни.

Сквозь мглу стало просвечивать Солнце, напоминая земное Солнце перед закатом, но лишь не красное, а серое, затянутое дымкой и лишенное короны пламенных языков.

Солнце выступало все ярче. Стали различимы каменные торосы и трещины, через которые перебиралась танкетка.

Пепельная туча редела. Однако, от нее нужно было бежать, как можно скорее.

— Здорово получилось! — торжествуя заметил Аникин. — Федор Афанасьевич будет рад!..

— Крушение неизменности, — отвечая своим мыслям, сказала Эллен.

— Нет! — решительно заявил Петр Громов. — Козырев не мог ошибиться. Он видел извержение. Но наша ошибка

ясна. На Луне все было неизменно, пока человек не ступил на нее.

— Нельзя трогать Луну? Вы так думаете? — спросила Эллен.

— Напротив! Именно человек изменит ее, — смазал Петр Громов.

Танкетка вырвалась из черной тучи.

Эллен снова увидела платиновые скалы и черные тени, и облегченно вздохнула.

Она наклонилась к прозрачной полусфере и тихо сказала:

— Я так испугалась за вас, мой Мираж...

Глава десятая

МОРЩИНЫ

Эллен очень хотелось снять лунный цирк, который виднелся справа. Издалека это можно было сделать лишь с высокой точки. Резкость очертаний была одинакова и вблизи и вдали. На Луне все казалось обманчиво близким... Можно было идти бесконечно долго, не приближаясь к цели.

Эллен выбрала скалу с пологим подъемом, удобным для танкетки. Она показала ее Петру Сергеевичу, добавив, что ей не хотелось бы для предполагаемой съемки отвлекать кого-нибудь от сбора коллекции камней.

Громов покосился на нее и сказал, что танкетка доставит ее наверх.

Эллен сощурилась.

Том Годвин, конечно, слышал этот разговор. Ведь каждое слово звучало во всех шлемофонах...

Эллен вскочила на танкетку. Сердце у нее взволнованно билось. Танкетка стала круто взбираться по камням,

— Селена!. — сказал Евгений.

— Мой Мираж! — тихо ответила Эллен и предостерегающе подняла палец.

Три фигурки виднелись внизу. Они наклонялись и выпрямлялись.

Эллен отлично слышала голоса Громова и Аникина. Том Годвин молчал.

Эллен пожалела в душе, что связь ухудшается так медленно...

— Селена, вы почти совсем не подходите ко мне, — сказал Евгений.

— Тссс, мой Мираж!.. Здесь все очень сложно... И потом... Я уже совсем по-другому воспринимаю Луну...

— Почему же вы не напишете этого в корреспонденциях? Я так жду, когда вы будете диктовать их мне.

— Корреспонденции?.. Ах, мой Мираж!.. Чтобы написать, почему Луна стала для меня другой, мне надо стать такой, как Жорж Санд.

— Вам Луна кажется иной?

— А как вы думаете?

— Скажите... Потому, что мы встретились здесь?

— Вы так считаете?

— Я считаю... мне кажется.. если в самом деле... На Земле сейчас ночь... В небе светит Луна... Она так красива! Хотите, я открою дверцу танкетки... вы увидите край окна и Луну над деревьями...

— Откройте, мой Мираж... Это будет, как во сне.

Эллен наблюдала за Евгением. Он, взволнованный, распахнул дверцу танкетки. В окне виднелись деревья. Подоконник был залит белым светом.

Эллен соскочила с танкетки, стала искать, откуда лучше будет видна Луна в полусфере. И она увидела Луну, совсем круглую, яркую, с отчетливым рисунком теней...

Какое странное чувство! Она видела Луну почти за четыреста тысяч километров и одновременно находилась на ней...

— Я хочу, чтобы вы стали лунатиком, слышите... Я хочу этого, — сказала Эллен.

— Удивительная Луна, — отозвался Евгений.

— Наша Луна!

— Да, да! Наша...

— Теперь смотрите сюда, мой Мираж. Буду показывать я... — и Эллен протянула руку.

Среди хаоса скал лунный цирк поражал геометричностью форм. Горный хребет кольцом охватывал глубокую равнину. Тени делали кольцевые горы рельефными, словно нарисованными тушью. В первый момент казалось, что среди скал высится искусственное сооружение титанов. Исполинский амфитеатр уступами спускался к немыслимо огромной арене, посередине которой стоял, как ось колеса, одинокий горный пик, отбрасывая на арену острую тень.

— Правда, красиво, мой Мираж? Когда я перестала бояться, я полюбила Луну.

— Я... я тоже, Селена.

— Мужественная, суровая красота, строгая, могучая, ничем не тронутая и таинственная. Командор и Аникин спорят о происхождении лунных цирков. А если... если они... построены? Что римский Колизей! Я бродила по нему ночью при лунном свете... Там было очень много кошек. Кромка стен была волнистой и серебрилась. Вместо арены виднелись темные провалы когда-то скрытых под ней помещений для диких зверей и гладиаторов. Что скрыто под ареной лунных цирков?

— Заложить бы буровую скважину...

— Да, да... буровую скважину, — рассеянно повторила Эллен. — Я сейчас видела Луну, словно отраженную в земном зеркале... Послушайте, мой Мираж. Простите меня. Вы подумаете, что я только женщина, глупая и смешная. Ведь если она даже среди лунных скал... И все-таки... Скажите, если у вас в танкетке будет зеркало, я увижусь в него?

Евгений удивился, но ответил:

— Конечно, вы увидите себя в зеркале, если его поместить здесь, около меня, перед аппаратурой.

— Мой Мираж, милый... Я очень попрошу. Это рискованно — посмотреть на себя.

— Я сейчас... я попрошу зеркальце у Наташи.

А через минуту маленькая женщина всматривалась в свое изображение. Это изображение сначала было передано через космос на телеэкран в макете танкетки, установленной в лаборатории, отразилось в зеркале, которое держал в

руках Евгений, и вместе с зеркалом было воспроизведено аппаратурой на Луне.

Но Эллен вовсе не думала, «как» она видит себя, она лишь тревожно всматривалась в свое лицо, измененное новой прической, утомленное, и... пожалуй, чуть выигравшее от этого... или от причуд резкого лунного освещения,

— Вы знаете, мой Мираж, я вижу у себя новые морщины.

— Селена! Смотрите! — крикнул Евгений, и едва не выронил зеркало.

Эллен обернулась.

На выпуклом горизонте лунного моря, недавно покинутого путниками, что-то сверкнуло. Звездой рванулись во все стороны ослепительные лучи, и зеленое облако светящейся короной стало расплываться по черному небу, как заря неведомого светила.

— Это не пепел! — воскликнула Эллен.

— Это метеорит, Селена.

— Неужели прав этот милый забияка Ваня, а не ваш брат?

— Прыгайте на танкетку! Скорее! Помчимся!

— О да, скорее! Что там случилось, мой Мираж, на... нашей Луне?

Сверху было видно, как три фигурки, делая большие прыжки, спускались к равнине.

Танкетка мчалась следом, подпрыгивая на камнях, перелетая по несколько метров над поверхностью.

Танкетке не сразу удалось догнать бегущих.

На небосводе был виден огромный, расплывающийся шар.

— Метеорит, Леночка, метеорит! — кричал Аникин, ловко вскакивая на танкетку. — Что я тебе говорил! — перешел он с Эллен на «ты». — Мы сами увидим сейчас оставленный им след! Конец спорам!

— Клянусь долларом, не похоже на атомную бомбу, совсем не похоже! — бормотал Том Годвин, ухватившись за выступ на танкетке и вскакивая на нее, как ковбой на коня.

Маленькая танкетка мчалась к месту взрыва, как славной памяти тачанка во время атаки.

Перегруженные моторы грелись.

Скоро небо из черного стало зеленым. Танкетка вошла в поднятое взрывом облако. Оно было более разреженным, чем во время недавнего «пеплопада». Однако Евгений замедлил скорость и включил прожектор.

Солнце просвечивало через зеленый туман, и само казалось странным, ярко-зеленым...

Зелеными казались и скрытые за прозрачными колпаками лица людей.

Евгений совсем замедлил ход.

Сверху падал твердый дождь. Это были хлопья пепла и мелкие, медленно оседающие песчинки.

Танкетка остановилась около дымящегося кольцевого вала.

Все соскочили на камни и осторожно подошли к новому образованию.

Том Годвин попробовал вал ногой. Он был рыхлым.

Аникин прикинул размеры образовавшегося кратера:

— Метров сто.

На дне кратера лежали осколки небесного камня.

— Какой гигантский снаряд! — сказала Эллен.

— Это что! — отозвался Аникин. — А ты представь себе древние небесные снаряды с озеро Байкал величиной. Падал такой камушек и насыпал кольцевые горные хребты при взрыве...

— Этого никогда не было, — спокойно заметил Петр Сергеевич.

— Это почему же? — возмутился Аникин.

— Как видите, характер взрыва метеорита совершенно не напоминает извержение вулкана. Камни разбрасывались не из жерла вулкана, направляющего, как ствол орудия, их полет, а во все стороны; мельчайшая пыль образовала расширяющееся шаровое облако. Вся выброшенная порода оседает не кольцевым хребтом, как в лунных цирках, а по всему диаметру шара. И только вот эта морщина, — указал

он на образованный взрывом вал, — представляет собой кольцо.

— Морщина! — отвечая своим мыслям, воскликнула Эллен. — Как это верно!

— Да, морщина, — подтвердил Громов. — От встречи с метеоритами на Луне появлялись только морщины, но отнюдь не горные кряжи.

— Морщины и раны, — поправила Эллен.

Громов пристально посмотрел на нее:

— Да, если хотите, то морщины и раны-кратеры.

— А кратер лунного цирка — не рана?

— Конечно, нет. В его центре вовсе не лежат осколки упавшего когда-то метеорита, а высится прежде действовавший вулкан.

— Не думаю, что Федор Афанасьевич согласится с этим, — сказал Аникин.

— Не ручаюсь за академика Коваленкова, но тебе, Ваня, очевидно, все же придется с этим согласиться.

— Если бы на Земле взорвалась такая чертовщина, — сказал Том Годвин, — там немедленно решили бы, что сброшена атомная бомба... и начали бы войну.

— Видите, Годвин, как опасно играть с атомным оружием, бряцать им, грозить применить при первом подозрении... На Земле действие метеоритов ослаблено атмосферой, но и там остался кратер в Аризонской пустыне диаметром более километра. Тысячи лет назад там упал гигантский метеорит. А в тунгусской тайге в 1908 году ударился уже не метеорит, как установили последние экспедиции, а произошел ядерный взрыв. Можно спорить, что было его причиной: гибель ли марсианского корабля или неизвестный феномен природы, но одно можно сказать — начинать атомную войну из-за первого взрыва, не разобравшись в его происхождении, нельзя. Однажды я присутствовал на собрании физиков в Москве, где всеми уважаемый академик, анализируя тунгусскую катастрофу, подсчитал, что вероятность такого явления на Земле, могущего послужить началом атомной войны, вовсе не так уж мала. Она равна,

как он сказал, вероятности выигрыша автомобиля в лотерее...

— Черт возьми! Если мне придется снова попасть в Америку, я расскажу, какой видел взрыв, и посоветую президенту от любых других взрывов воздержаться.

— Хотите, Годвин, я напишу это в своей очередной лунной корреспонденции на Землю? — предложила Эллен. — И знаете, что я еще добавлю к ней? Я расскажу людям о морщинах, которые остаются после космических встреч... И не только от космических встреч, но и от всяких других... иногда на лице, иногда в сердце... Если бы я могла показать вам зеркало, Том... я подсказала бы вам, какие морщины у меня появились вновь.

— От встреч с Луной? — спросил Годвин.

— Нет... Не только... Начиная с встречи с вами... Лучше, когда морщины бывают без ран.

Глава одиннадцатая

ТРЕЩИНА

Пейзаж Луны изменился. Исчез пепельно-серый покров. Каменное море, по которому двигались путники, казалось глазурию и отливало синеватой сталью с фиолетовыми блестками. Оно напоминало застывший шлак, местами гладкий, как лед, местами волнистый, с расходящимися кругами морщин, шероховатый и пористый.

Эллен вскрикнула, увидев из-за поворота глазурный настил равнины, по которому протянулись две полосы: одна золотистая — к косматому Солнцу, другая нежно-синеватая — к исполинскому шару Земли, висевшему над зубцами горного кряжа.

Эллен сидела на кузове танкетки у самой полусферы и опиралась на железную руку манипулятора.

— Как странно... лунная дорожка на Луне... На Земле верят, что лунная дорожка ведет к счастью.

— Может быть, потому... — тихо начал Евгений.

— Что она ведет к нам, на Луну, — договорила за него Эллен. — А эта дорожка ведет обратно... к синему небу, к полутеням, к мягкому рассеянному свету, к дождику, ко всему тому, что мы не ценили дома... на Земле. И, конечно, к счастью...

Танкетка с ходу остановилась.

Петр Громов и Аникин, ушедшие вперед, стояли неподвижно.

Все молчали.

Лунный шар, когда-то сжимаясь, здесь раскололся, как исполинский орех. Первозданная сила, словно мечом, разрубила планету. Гигантская трещина пропастью рассекла равнину Моря, крутостенным ущельем надвое развалила горный кряж. Части гор сместились относительно друг друга. Море делало огромный уступ, простираясь за трещиной уже метров на сто ниже.

Эллен соскользнула с танкетки и подошла к обрыву. Петр Громов придержал ее за руку.

— Да, это страшно! — сказала она.

Громов стоял, скрестив на груди руки и глубоко задумавшись. Он смотрел на противоположный, недоступный край трещины. Ее острая кромка была там совсем другого цвета, обведенная красноватой каймой. Розовые пятна причудливым узором отходили от нее на десятки метров, заполняя ямы и впадины равнины.

— Вот это я хотел увидеть больше всего в жизни, — сказал Петр Громов.

— Не знаю, сэр, что вы хотели, но я уже вижу, и, к счастью, на этой стороне, именно то, что по сердцу всякому, живущему в кредит.

Аникин удивленно наблюдал, как Том Годвин поспешно насыпал пирамидку камней.

— Что это ты? — поинтересовался он.

— Том Годвин платит по векселям, Ван! Спасательная экспедиция, топливо — все за мой счет.

— На котором лишь прожитые годы?

— Все они не стоят последнего часа. Теперь на счете прииск имени невесты.

— Вот как? — заинтересовалась Эллен.

— Золотых слитков не меньше, чем в Нью-Йорке религиозных сект. Забирайте, сколько хотите, самородков. О'кэй! Прииск мой!

Аникин брал из рук Годвина темно-червонные, оструганные слитки с пятнами слежавшейся пыли в углублениях и возвращал их ему. Скоро тот уже не знал, куда их девать, заполнив карманы скафандра.

— На Луне, — сказал Аникин, — железный гвоздь, привезенный с Земли, становится золотым. По цене... Твои самородки, доставленные с Луны, обойдутся на Земле не дешевле искусственных изотопов золота.

Годвин не слушал. Он что-то написал на бумажке и положил ее на вершину горки.

— Не придавливай, — посоветовал Аникин. — И так пролежит тысячелетия, дождем не вымочит, ветром не сдует.

— Записку можно предъявить и раньше, — сказал Годвин и, вынув бумажку из-под камня, протянул ее Эллен.

Эллен прочла, нахмурилась и молча возвратила.

— В ракете... я выдумал невесту, — буркнул Годвин.

Озабоченная Эллен подошла к Петру Громову:

— Командор. Трещина — это страшно.

— Вы так считаете? — покосился на нее Петр Громов.

— А как вы думаете, чьим именем назван прииск?

Петр Громов пристально посмотрел на Эллен:

— Опасаетесь всяческих трещин?

Эллен посмотрела не на трещину, а на бумажку в камнях, на которой было написано: «Прииск Эллен».

— Объяснение было не лишено оригинальности, — сказала она.

— Что там вам объясняют, Эль? — тревожно спросил Годвин.

— Вред трещин, — ответила Эллен.

— Трещину нужно преодолеть, — внушительно произнес Петр Громов.

— К черту; командор! Головой рискуют бедняки, а сейчас вы имеете дело с богатым человеком, жизнь которого в Америке принято оберегать частными детективами.

— Мы рискуем не вашей жизнью, Годвин, а танкеткой.

— Жалею, что она пуста.

Эллен обернулась.

Танкетка приближалась к краю трещины, отбрасывая манипулятором крупные самородки. За полусферой виднелся Евгений.

— Напрасно золотом бросаешься, — заметил Петр Громов. — Тяжелые камни пригодятся для трамплина.

— Это не щедрость смертника с электрического стула? — поинтересовался Годвин.

— Нет. Трезвый расчет, Петр Сергеевич.

— Наташа уже побежала в соседний корпус, — сказал Евгений. — На дворе ливень. А она, в чем была, выскочила. Электронно-математическая машина сейчас высчитает скорость разбега, угол взлета, силу удара...

Эллен восхищенно смотрела на Евгения:

— И вы прыгаете?

— Даже если бы находился в кабине, — ответил он.

Через пять минут в полусфере танкетки рядом с Евгением появилась голова Наташи. Мокрые волосы свисали на плечи прядями, на озабоченном лице виднелись капли дождя. Она тяжело дышала.

Евгений взял у нее перфорированную карточку.

— Ну как? — спросил Петр Сергеевич.

Евгений посмотрел отсутствующим взглядом на брата, потом обернулся к горному склону, словно оценивая его:

— Может быть, с него удастся разбежаться. Скорость нужна не ниже ста сорока трех километров в час. Угол взлета — 45 градусов.

— Как у старых гаубиц, — заметил Аникин.

— Так и думал. Будем насыпать трамплин, — решил Петр Громов. — А удар? — и он посмотрел на Наташу.

Она смутилась: — Здравствуйте, Петр Сергеевич. Простите, я совсем вымокла. Математическая машина сейчас заново проверяет все узлы на удар.

— Спасибо, Наташа, — сказал Петр Громов и скомандовал: — За работу, друзья!

Наташа долго наблюдала через приоткрытую дверь макета танкетки, как люди на Луне поднимали огромные камни и возводили каменный трамплин, похожий на снежную катушку для детей.

Танкетка приволокла в железных руках глыбу камня, которая не уступала постаменту памятника Петру I в Ленинграде. Ее положили у самого края пропасти.

Трамплин был готов.

Побледневшая Эллен наблюдала, как танкетка, примеряясь, заезжала на насыпанную крутую каменную горку. Трамплин обрывался на краю трещины. Эллен с сомнением измеряла глазами расстояние до противоположного края. Трудно было поверить, что машина долетит до него.

Петр Громов угадал ее мысли. Он сказал:

— На Земле лава вулканов, выброшенная из кратера, тут же стекает по склонам. На Луне тяжесть меньше, и лава пролетала над поверхностью десятки километров, образуя кольцевые хребты цирков.

— Ну, это еще не доказано! — запротестовал Аникин.

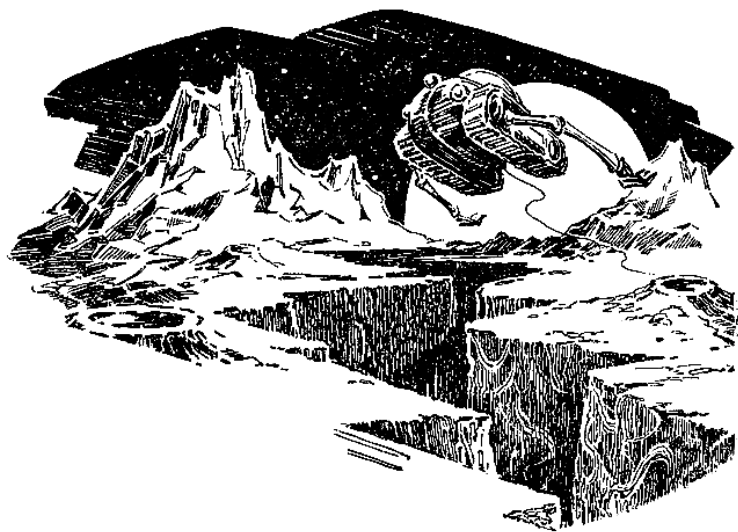
— Сейчас убедишься. Евгений с танкеткой уподобится вылетающей из жерла вулкана каменной глыбе.

Танкетка забралась высоко на горный склон и замерла там, словно не решаясь ринуться вниз.

В шлемофонах ощущались шорохи, похожие на шум дождя. Они доносились с Земли, из лаборатории дальнего управления, в которой было открыто окно.

Но вот танкетка двинулась, помчалась, подпрыгивая на камнях, кренясь то в одну, то в другую сторону. Бег ее все ускорялся, она уже пролетала по десятку метров над камнями, снова касалась их и вновь взлетала, готовая оторваться от поверхности. Нужно было обладать феноменально быстрой реакцией и точной интуицией, чтобы рассчитать на три секунды раньше толчки и повороты танкетки. Ведь Евгений видел все с опозданием на полторы секунды, и столько же тратилось на то, чтобы его команда достигла аппаратов танкетки...

Совершенно беззвучно, подпрыгивая и грохаясь на камни, танкетка подлетела к трамплину, задела его одной гусеницей, накренилась и вдруг вывернулась, но не опрокинулась, оказалась на узкой взбегающей дорожке. Еще мгновение — и она, устремясь носом к звездному небу, сорвалась с вертикального обрыва и, как по воздуху, которого нет на Луне, подобно выпущенному снаряду, полетела над мрачной пропастью. За ней змеилась веревка...

Танкетка достигла высшей точки полета и стала падать в пропасть. Для тех, кто смотрел сверху, казалось невозможным, что она долетит до другого края.

Эллен вскрикнула и отвернулась.

— Ох, черт возьми! — простонал Том Годвин.

— Есть! — крикнул Аникин. — Ну и молодец!

Танкетка пробежала несколько метров по камням и остановилась.

Петр Громов обнял Эллен за плечи. Аникин и Годвин стали вытаскивать провисшую через пропасть веревку. Другой ее конец был так далеко, что казался светящейся ниточкой на фоне черного провала, глубину которого невозможно было даже представить.

— Не удивлюсь, — тихо сказал Петр Громов, — если здесь можно почувствовать дыхание еще не остывшей планеты.

— Вы хотите сказать, что там, куда можно сорваться, — не просто холодная тьма, а расплавленная магма? — подняла на него глаза Эллен.

— Я знаю, что это за красные пятна на той стороне! Если бы я мог перепрыгнуть, как танкетка, я был бы уже там. Мы переправимся с вами вместе, первыми...

— В вагончике канатной дороги над Ниагарой мне казалось... что я сорвусь. Внизу были пенные струи, как на море.

— Канатная дорога готова, — отозвался Аникин. — Только вместо вагона — крюк.

Натянутая между трамплином и танкеткой веревка шла круто вниз, провисая над черным проемом.

Громов решительно подошел к трамплину.

— Аленушка! — неожиданно ласково позвал он Эллен.

Эллен подняла брови, улыбнулась и покорно подошла. Том Годвин дотронулся до руки командора:

— Обязан вам жизнью. Сейчас речь о большем.

Громов кивнул.

Аникин надел на веревку крюк и приспособил к нему веревочную петлю, в которую можно было вдеть одну ногу,

как на гигантских шагах. Потом накинул на канат вторую веревочную петлю для торможения.

Петр Громов скрепил свой пояс с поясом Эллен.

Том Годвин хотел было попрощаться с Эллен, но Громов так свирепо взглянул на него, что он отступил. Аникин вел себя так, словно ничего особенного не происходит.

Вниз по канату скользнули две тесно обнявшиеся фигурки. Скафандры казались ослепительными на фоне черноты провала.

Эллен не хотела смотреть вниз, но она не простила бы себе, если бы не взглянула.

В бездне густела неимоверная чернота, как в космическом небе, даже еще темнее, потому что не было звезд. Впрочем, если не звезды, то что же светилось там, в глубине? Или это причуды головокругения?

Нет! У Эллен не кружилась голова. Она упивалась свободным полетом, не чувствовала собственного веса, не замечала поддерживавшей ее веревки. Рядом был могучий человек, для которого она была легче пушинки, и который заставлял ее летать... и она летала. Это было самое острое, самое невозможное ощущение... Нет! Наслаждение!.. Какое бывает во сне, когда одного усилия воли достаточно, чтобы оторваться от земли, взмыть над миром, парить, торжествуя!

Движение стало замедляться, полет прекратился. Громов уперся ногами в камни и помог Эллен встать. Он легко приподнял ее одной левой рукой.

— Мы летали, — слабо сказала она. Громов опустил ее на колени, снимая с камней странный красноватый налет.

— Жизнь! Слышите, Аленушка, это жизнь!

Он растирал что-то, подобное плесени, на перчатке.

— Жизнь? удивилась Эллен. — А это? — и она указала на беспомощно расстелившуюся на камнях гусеницу трака.

Петр Громов выпрямился. Только сейчас он увидел страшную аварию, которая произошла с танкеткой при ударе. Глаза его тревожно сузились, но на губах еще застыла торжествующая улыбка ученого, открывшего жизнь на Луне.

Глава двенадцатая **ПЕЩЕРА СОКРОВИЩ**

ПЕРВЫЕ люди на Луне молча стояли над разбитой машиной. Полусфера стала молочно-белой. Изображения на ней не было. Танкетка казалась пустой.

Аникин и Петр Громов определили повреждения. Повралась гусеница, лопнул поддерживающий ролик. Были обрывы в радиосхеме телевизионного устройства. Нужно было восстановить и питание аккумуляторов от солнечных батарей. Часть полупроводниковых элементов должна была быть на солнце, а часть в тени. Перепад температур более ста градусов обеспечивал большую мощность. От удара щиток, создававший тень, отлетел и потерялся.

Эллен все дальше удалялась от танкетки, стараясь разыскать щиток.

Она ходила по красным пятнам «лунного леса». Лунный лес, как назвала его Эллен, выглядел ржавчиной на камнях. Рассмотреть эту плесень можно было лишь в микроскоп. Может быть, это были мельчайшие грибки.

Танкетка уже не двинется, экспедиция останется здесь. Это и лучше, стоит ли уходить от «прииска невесты»? Пусть уж лучше сюда прилетит большая ракета с Земли. Можно будет больше увезти самородков. Нет худа без добра.

Все это Годвин сказал Эллен, догнав ее.

— Боюсь, что вы плохо знаете, Том, командора, — задумчиво ответила она. — Он нашел здесь лунный лес и лунный ветер. Найдет и вулканы.

— Вулканы еще туда-сюда... Но ветер?..

— А что вы думаете? Почему равнина у трещины гладкая, глянцеви́тая и без пыли? Через трещину из глубин планеты вырываются углекислые газы. Они питают эту жалкую растительность. Они, растекаясь по равнине моря, сметали с нее пыль.

— У вас это здорово получается, Эль. Вы прекрасная ученица.

— Вы так думаете, Том?

Эллен и Годвин нашли щиток и принесли его к танкетке.

Аникин уже устранил повреждение в схеме, и танкетка теперь не была пуста.

— Как вы поживаете, мистер Громов? — приветствовал Евгения Годвин. — Вы снова здесь, чтобы доказать ненужность присутствия людей на Луне?

— Без вашей помощи не двинусь, — признался Евгений.

— Скажи об этом матери, — попросил Петр Громов. — Скажи, что мы друг без друга — никуда.

Подошел Аникин:

— Все ясно. На день работы — не меньше.

— Мы не можем терять целый день, — решительно сказал Петр Громов. — До лунной ночи их не так много. Мы должны идти дальше. Аникин останется ремонтировать танкетку.

— Как? — ужаснулась Эллен. — Идти без танкетки?

— Годвин понесет запасной баллон кислорода. Танкетка через сутки догонит нас.

— Вам мало сделанных открытий?

— Открытия еще ждут нас.

— Вы ненасытны, командор... Вы слишком сильны, чтобы идти с вами рядом.

— Я понесу вас на плече.

Том Годвин согласился неохотно. Командор посадил Эллен к себе на плечо. Годвин же взвалил на плечо кислородный баллон.

Эллен часто оглядывалась назад. Какой близкий, оказывается, на Луне горизонт, как скоро скрылась за его выпуклостью танкетка с фигуркой возившегося около нее Аникина.

— Жизнь на Луне допускали многие ученые, — говорил Петр Громов. — Даже с Земли на лунном диске вблизи некоторых трещин замечалось изменение цвета поверхности. Жизнь удивительно цепка. Она существует в самых невероятных условиях: в стратосфере и в глубине океана, в Антарктиде и в земле без доступа кислорода. Я собрал лунную плесень в пробирку.

— Вы знаете, командор, я уже люблю Луну. Кто солгал, что природа ее однообразна?

После нескольких часов пути равнина моря не напоминала уже больше ни застывшие каменные волны, ни расплескавшийся шлак. Она была покрыта круглыми холмами, похожими на вздувшиеся пузыри. Кое-где пузыри прорвались, и их края в миниатюре напоминали лунные цирки.

— Может быть, и цирки образовались когда-то так же? — сказала Эллен. — Я представляю себе клоочущую поверхность планеты. Вздуваются исполинские пузыри, лопаются, взрывом взлетает газ, а по краям пузыря остаются кольцевые горные хребты.

— Расскажите это все Аникину, Аленушка. Самой большой научной ошибкой бывает попытка все объяснять единой причиной. Метеориты, так уж одни метеориты... Вулканы, так уж только одни вулканы... На структуру лунной поверхности влияет множество причин. В том числе, и газовые пузыри. Кстати, Годвин, я прошу вас, будьте осторожным, поднимаясь на вздутость.

— К черту, командор! Я не хочу ограничиваться только приисками. Если мисс Кенни открыла на Луне газовые пузыри, то позвольте уж мне поплясать на макушке одного из них.

Эллен и Громов увидели, что Годвин со своей ношей стал взбираться на пологую вздутость. Из-под его ног стали разбегаться трещины.

— Осторожно! — крикнул Громов. — Проваливается...

Годвин и сам почувствовал, что почва колеблется. Инстинктивно он сбросил тяжесть. Кислородный баллон упал на корку пузыря и пробил ее. Сверкнули черные трещины. Из них стал подниматься оранжевый дым.

Спохватившийся Годвин встал на колени, протягивая к баллону руки.

Громов спустил Эллен на камни.

Баллон исчез в зияющей дыре. Желтое облако вырвалось из отверстия и окутало Годвина.

— Том! Ложитесь и не шевелитесь! Ползу с веревкой.

Желтая дымка рассеивалась медленно.

Эллен в ужасе стояла у основания холма. Командор полз по-пластунски к едва видневшемуся на вершине Годвину.

Но командор весил слишком много даже для Луны. За ним оставался след разбегающихся зигзагообразных трещин.

— Черт возьми! — сдавленным голосом сказал Годвин. — Как бы достать снизу этот дьявольский баллон. Я готов спуститься за ним на веревке.

— Не шевелитесь, — скомандовал Громов.

Он почти добрался до Годвина и бросил ему конец веревки. Но корка была слишком тонкой. Она провалилась...

— Боже! — крикнула Эллен.

— Стойте! Не подходите! — крикнул ей Громов.

И Громов и Годвин провалились по пояс, едва удерживаясь, распластав руки. Корка оседала.

— SOS! SOS! — в отчаянии кричала в шлемофон Эллен. — Ваня! Мираж! Несчастье! Они проваливаются. Скорее на помощь! Вы слышите меня? На помощь, на помощь!

Аникин слышал ее голос. Он вскочил и обменялся взглядами с Евгением. Евгений подал ему манипулятором брошенный молоток.

— Чинить солнечную батарею не будем. Склепай хотя бы гусеницу, — сказал он. — Скорей!

...Эллен видела зияющую дыру на вершине вздутости. Ни Громова, ни Годвина на поверхности больше не было. Эллен легла на живот и стала медленно подползать к краю провала.

Она была легче мужчин, и корка держала ее. Она добралась до рваного края. За ним была черная пустота. Эллен заглянула вниз:

— Командор! Том! Отзовитесь!

— Аленушка! Не подползай! Поберегись!.. На Земле мы бы разбились...

— Зацепились за выступ, — донесся голос Годвина. — Баллон погиб. Отсюда не выберешься. Скоро конец, Эль.

Из глубины, образованной газовым пузырем пещеры, был виден круг черного звездного неба, а на нем светлое пятнышко шлема скафандра.

— Простить меня, командор, знаю, нельзя, но... так уж принято перед концом.

— Виноват скорее я, Том. Нельзя было уходить от танкетки. Кислорода хватит на несколько часов.

— Будем считать, что похороны состоялись. Дым салюта печально лег на землю. Тела опустились в заготовленную яму. А давно она была для нас заготовлена, командор?

— Думаю, что миллионы лет. У нас есть достаточно времени, чтобы изучить ее. — Громов зажег электрический фонарик, и тотчас пещера засверкала разноцветными кристаллами, сплошь покрывшими ее стены.

Том Годвин даже присвистнул:

— Недурная штатулочка!

— Еще одна научная находка. Что это у вас в руке?

— Наверное, алмаз. Прозрачен, как слеза, которую никто из-за меня не прольет. Черт возьми, командор! Лунный алмаз тает в руках, как моя надежда...

— Подождите, Годвин! Вы сделали бесценное открытие! Это лед... Ископаемая вода!.. Аленушка! Вы слышите там, наверху? Здесь вода.

— Ваня торопится! Он скоро выедет. Не падайте духом, — слышался в шлемофонах голос Эллен.

— Духом мы не упадем, лишь бы не свалиться вниз телом, — отозвался Громов, освещая дно пещеры. — Стойте! Что это там за лужа? Вода? Но почему она черная!.. Том! Скорее! Помогайте мне, пока жидкость не испарилась.

— Черт возьми, командор! Нужно думать о спасении души, о Земле, хотя бы, а вы...

— Я думаю о Земле, Том! О сокровищах Земли.

— Как так? — удивился Годвин, помогая командору спускаться по отвесной стене, усыпанной иглами самоцветных кристаллов.

— Здесь когда-то кристаллизовались пары магмы, — говорил Громов.

— Вы удивительный человек, командор. С вами не затоскуешь и в чистилище.

— Том! Аленушка! Я успел взять жидкость в пробирку! Если это то, что я думаю, то люди откроют на Земле бесценные сокровища.

— Ваня сейчас выезжает! — кричала сверху Эллен.

— Передайте... когда бы ни добрались... обязательно... непременно пусть возьмут у меня эту пробирку. Очень важно.

Эллен плакала. Она передала по радио странный приказ командора.

...Аникин с силой ударил в последний раз молотком и отбросил его в сторону:

— Ну, Евгений, теперь все от тебя!.. У них скоро не останется кислорода...

Танкетка рванулась с места, присев на заднюю часть гусениц. Она помчалась по камням, словно разбегаясь для нового прыжка.

...Эллен первая почувствовала нехватку кислорода. Она лежала у края провала и все смотрела вниз, в темноту,

Командор запретил ей говорить, советовал уснуть. Во сне меньше расходуется кислорода.

Она лежала и думала... О Евгении и о командоре... и еще о Томе. Ей казалось все таким странным, как во сне... Ведь она должна была спать... В висках стучало. Она действительно скоро уснет. И совсем это не страшно.

...Танкетка мчалась по следам людей. Здесь уже не мели лунные ветры, и пепел, как и в других местах, лежал миллионы лет.

Аникин стоял, нагнувшись вперед, подталкивая рукой полусферу, словно мог ускорить бег машины.

И вдруг машина остановилась... Она бессильно пробежала несколько метров и застыла, накренившись на камне.

Аникин соскочил:

— Что? Толкануть? — тревожно спросил он, и вдруг увидел, что в полусфере нет изображения. Он бросился к проводам радиосхемы и вдруг понял... Он упал на камни и зарыдал.

Евгений Громов распахнул дверцу макета танкетки и вихрем выскочил в лабораторию.

— Наташа! Наташа! — кричал он. — Где же ты, Наташа! Погибло все, все... Луна зашла за горизонт.

Наташи не было. Евгений не мог понять, как она могла оставить лабораторию в такую минуту. Он опустился на стул, зажав руками голову.

Глава тринадцатая **КОЛЬЦО ДРУЖБЫ**

ПОД КРЫЛОМ самолета плыли прямоугольники разграфленных каналами полей. Страна трудолюбия, отгороженная от моря дамбами, осушенная каналами и насосными станциями, качавшими воду в море, уровень которого был выше крыш, казалась огромной шахматной доской.

Широкий канал натянутой лентой разделял поставленные рядом клетчатые доски. Пароходы и моторные барки рассыпались по нему пятнами. Рядом тянулись линейки рельсов. Игрушечный поезд на них будто стоял. Параллельная полоска шоссе была усеяна автомобильчиками, а вереница велосипедистов на бетонной тропинке казалась цепочкой.

Резко к самому крылу вдруг поднялись домики с крутыми крышами, стали видны переброшенные с порога мостики, замелькали кроны редких деревьев. Самолет шел так низко, что должен был врезаться в забор.

Но заборов в Голландии не строят.

Не было забора и у Амстердамского аэродрома, центрального узла западных воздушных путей. Джон Смит прекрасно знал это еще в пору, когда сам летал. Теперь он был... пассажиром. В последний раз на этот аэродром он сажал самолет трансатлантической линии вместе со вторым пилотом Томом Годвином, который бродит теперь где-то по Луне, а тогда, готовясь к космическим полетам, проходил практику на современных реактивных самолетах.

Здесь, в ресторане для экипажей, состоялись проводы Джона Смита. Он восседал на высоком табурете у стойки

рядом с Томом Годвином, и отечески поглядывал на то-
неньких, затянутых в форменные костюмы девушек, кото-
рые вбегали с летного поля на игольчатых каблучках. А
парни со всех линий — англичане, поляки, русские, немцы,
французы, чехи, шведы и, конечно, голландцы — в различ-
ных, но чем-то похожих формах подходили к Смиту, едва
появляясь в ресторане, и чокались, опрокидывали вместе с
ним стаканчик. Все они были здесь друзья: и польский лет-
чик Казимир Нагурский, гордившийся своим родственни-
ком — первым русским полярным летчиком, и француз Ла-
веню, неистощимый весельчак, и грузный Герберт Шварц,
отказавшийся в свое время служить в военной авиации, и
даже отсидевший за это в Западной Германии, и ирониче-
ский Джолиан Сомс, сын лондонского докера и поэт, нако-
нец, эти советские парни, только что прилетевшие на обго-
няющем время «ТУ». Все, все они знали друг друга, приса-
живались за один столик и обменивались шутками, и жале-
ли старого Джона Смита, который заканчивал свой послед-
ний рейс.

— Нет, не последний, — толковал каждому Джон Смит.
— Я еще полечу, вернее, вылечу с места. Вот это и будет
последний полет.

Летчики хохотали, тревожно поглядывая на старого лет-
чика. Трудно будет ему, многосемейному, найти работу.

Тогда и сказал Том Годвин:

— Хэлло, Джон, не терзайте всем душу, словно вас уже
наняли на постоянную работу в ад. Я устрою вас в космо-
порт. Не хотите ли поддерживать со мной связь через кос-
мические бездны, наполненные надеждами?

— О'кэй! — сказал Джон Смит. — Это не хуже, чем
просто выть на Луну.

На самом деле это оказалось почти одним и тем же.
Джон Смит работал в радиорубке космопорта, но Годвина
не слышал... Американская ракета «Колумб» разбилась о
лунные скалы. Том Годвин и эта молодчина Кенни, полу-
чившая во всем мире прозвище Космической Элен, при-
мкнули к русским, и все вместе, бросив русскую ракету с

радиоаппаратурой, отправились пересекать лунный диск!.. А связь с Землей поддерживали через телеуправляемую танкетку только в те часы, когда Луну было видно в Москве.

Джон Смит чувствовал, что даром ест хлеб и имеет все шансы вылететь с места. Однако не только забота о себе и семье привела его на Амстердамский аэродром. Ему казалось очень важным поддерживать с Луной связь круглосуточно. Многие газеты хорошо бы заплатили, чтобы получать корреспонденции от Космической Эллен и, на худой конец, от Тома Годвина непосредственно, а не через русских.

За окном самолета замелькали бетонные плиты. Негр Джонсон недурно посадил самолет. Смит всегда считал, что эти черные ребята на многое способны.

Пассажирам не полагалось ходить по летному полю, они должны были сесть в автобус, смешной и необычный. Его кузов почти касался дном бетонных плит, сзади опираясь на колеса, а впереди на моторную тележку, которая как угодно поворачивалась под ним и возила не только его, но и бензоцистерну.

Джон Смит с удовольствием нарушил правила и шел в ресторан экипажей вместе с Джонсоном пешком.

Джонсон был гигантского роста. Джон Смит не уступал ему в ширине плеч, но ростом был вдвое ниже. Словом, он не стал бы выставять свою фигуру на конкурс красоты.

Впервые входил Джон Смит в знакомый ресторан, одетый в сидящий мешком штатский костюм.

Но его узнали, стали подниматься от разных столиков, звали выпить стаканчик.

И все говорили о Томе Годвине. Вот это парень, он нашел себе на Луне подходящую компанию! Черт возьми, если бы нужно было послать на Луну целую армаду ракет, недостатка в пилотах наверняка не было бы.

— Он сидел вот на этом табурете у стойки, — говорил Джон Смит, — а я не могу с ним даже говорить, хоть он специально для этого устроил меня в космопорт. Когда из

Америки видно Луну, то сопровождающая Тома танкетка глохнет, как старый джентльмен, у которого просят взаймы.

— Нужен голос погромче? — спросил грузный Шварц.

Джон Смит сделал в воздухе неопределенный жест.

— Если бы все парни захотели...

— Я понимаю вас, Смит, — сказал Казимир Нагурский.

— Поднять в воздух антенны, наладить ретрансляцию?

— О'кэй! — воскликнул Джон Смит. — Именно это я и думал.

— Если бы генералы приказали вместо атомных бомб брать антенны и патрулировать с ними в воздухе, все было бы в порядке, — заметил Джолиан Сомс.

— А не у нас ли за спиной жезлы маршалов авиации? — заметил Жак Лавеню.

— Самовольно подняться в небо и крутить там? — осведомился Шварц.

Лавеню не успел ответить. С летного поля вбежала взволнованная голландка в сером, перетянutom в поясе костюме и в сбившемся берете.

— Джентльмены! — крикнула она. — Москва!..

Все насторожились.

— Москва... О Луне... Телефонный вызов... Всем вам... Включаю репродуктор.

В репродукторе зазвучал женский голос. Казимир Нагурский и Жак Лавеню переводили с русского на английский язык.

— ...положение почти безнадежное. Советское правительство еще вчера обратилось по дипломатическим каналам, а ждать уже нельзя. Они погибают.

— Кто? Кто? — слышалось в зале.

— Петр Громов и Том Годвин... и Эллен Кенни. Все они задыхаются, а танкетка не может доставить им кислород. Луна зашла в Москве за горизонт.

— А что я говорил! — в отчаянии крикнул Джон Смит.

— Тише! — громовым голосом потребовал негр Джонсон.

— ...спасти их еще возможно. Если бы каждый вылетающий самолет нес на себе антенну...

— Блестяще! — не выдержал Жак Лавеню. — Именно каждый!

— ...весь мир фактически был бы опоясан кольцом антенн...

— Кольцом дружбы, — вставил Джолиан Сомс.

— Так ведь это я и хотел предложить! — сказал Джон Смит. — Ведь если бы все парни...

— Друзья! Я говорю прямо из лаборатории, — взволнованно продолжала Наташа. — От вас зависит спасение первых исследователей Луны...

ПЕРВЫЕ исследователи Луны задыхались...

Сознание у Громова помутилось. Хотелось сорвать колпаки шлемов, разорвать на груди скафандр...

Эллен потеряла сознание. Она лежала около провала и словно спала, положив под шлем руку. Ведь командор приказал ей уснуть...

Танкетка, беспомощно накренившись на камне, стояла среди пустынных лунных скал. Вокруг никого не было...

Аникин давно скрылся за утесами. Он бежал, держа баллон на плече. При каждом шаге он взвизывал над поверхностью, пролетал два — три десятка метров, едва касался ногой камня, отталкивался и снова взмывал...

Петр Сергеевич не позволял прыгать на Луне, боясь неожиданностей. Теперь Аникин мог не считаться с запретом. Все решала скорость. Он не бежал, а летел, лишь изредка касаясь ногой камней. Такое чувство полета бывает лишь во сне!.. Вместе с баллоном он весил едва треть того, что весил на Земле. Хорошо натренированные мускулы спортсмена как нельзя более нужны были сейчас. Что-то подобное он испытывал на пружинной сетке, подбрасывавшей его в тренировочном зале. На ней он привык владеть телом в прыжке.

Редкий спортсмен может бежать в течение часа. В висках у Вани стучало: не хватало кислорода.

Прыжки становились все короче, ноги не повиновались. Казалось, после следующего шага он упадет и не встанет.

И Ваня упал. Острая боль ожгла ногу. Он застонал и стиснул зубы. Ведь его могут услышать в шлемофоны!..

Он поднялся, хотел: еще раз прыгнуть, но снова упал.

Встать он уже не мог, но не остановился, пополз, волоча кислородный баллон, с трудом перебираясь через трещины.

Надежды не было. Было лишь тупое упорство, невыключенная воля и тревога за дорогих и близких людей...

На слое тысячетлетней пыли оставался извилистый след. На миллионы лет сохранится эта странная запись первой лунной трагедии...

На Луне нет звука, на ней не может быть звуков!.. Что это? Галлюцинация?

Или так сердце стучит? В висках шумит! А этот грохот?

Это ж по камням звук передается!..

И вдруг что-то промелькнуло мимо ползущего Аникина.

Не веря глазам, он смотрел вслед мчащейся танкетке, за которой поднималась медленно оседающая пыль.

Ужас сковал Аникина, сердце словно остановилось, перед глазами пошли круги... Танкетка промчалась мимо. Аникин поднялся на колени и закричал... Но кричал он уже от радости, еще ничего не понимая, но ликуя:

— Жми, жми! Гони! Успеешь! Эх, молодец!..

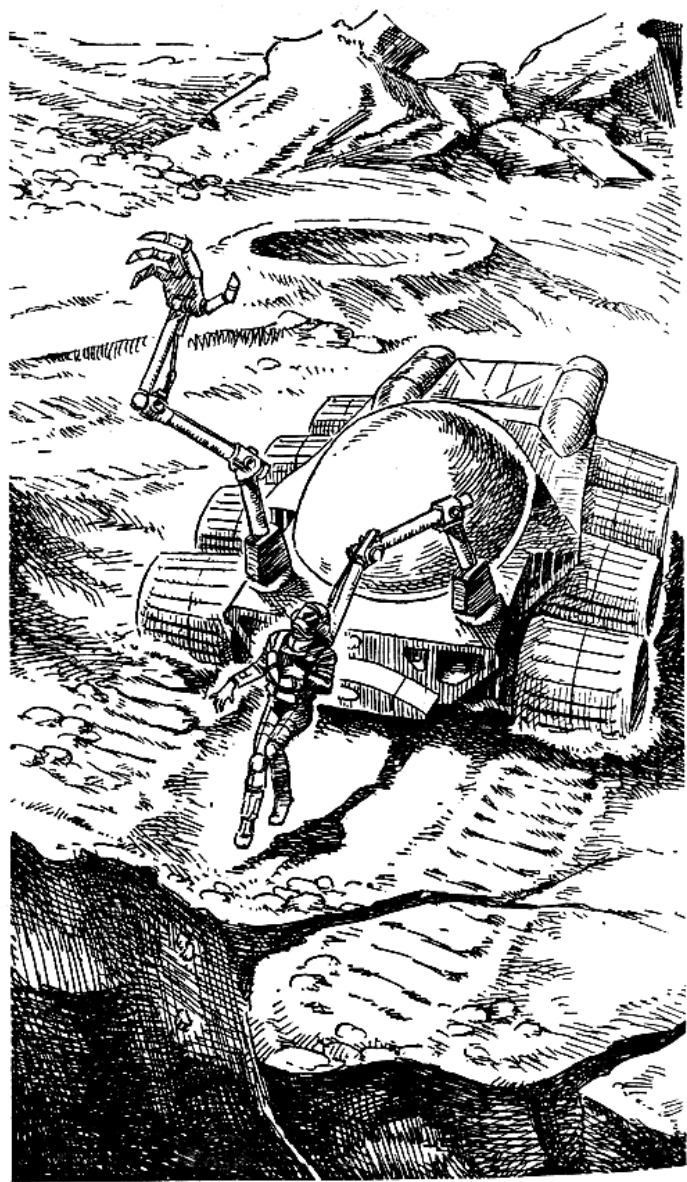
Он видел, как танкетка взлетала на воздух, перелетая над трещинами или подскакивая на неровностях.

В последний раз она подскочила, сверкнула на черном небе и исчезла уже за горизонтом.

КОГДА она подлетела к провалу, корка затрещала под ее гусеницами. Только быстрота могла предотвратить катастрофу. Железные руки на ходу подхватили лежащую неподвижно Эллен, оттащили ее от провала и стали присоединять баллон кислорода к дыхательному аппарату скафандра.

Евгений действовал быстро и четко. Никогда не ощущал он так этих бесконечных трех секунд, которые отделяли его мысль и команду от ее выполнения. Ему казалось, что манипуляторы не повинуются ему... Эллен пришла в себя.

— Аникин отстал... Надо спуститься... Вы сможете, Селена?

Эллен постаралась улыбнуться, но слишком велика была тревога. Она вскочила на ноги и хотела бежать к провалу. Евгений остановил ее.

Через минуту, привязанная за пояс, она нерешительно передвигала ноги, приближаясь к чернеющему проему.

Танкетка медленно двигалась за ней в отдалении. Укрепленная за ее передний крюк веревка все время оставалась натянутой.

Эллен бесстрашно бросилась в черную пропасть.

Танкетка так же медленно приближалась к ней.

Веревка ослабла... Танкетка остановилась...

Мучительно текли секунды. Евгению казалось, что испортилась аппаратура, что она не передает больше движения. Все было мертво и недвижно на Луне...

Но вот веревка слабо натянулась.

Три секунды, три бесконечные секунды понадобились Евгению, чтобы танкетка; выполняя его приказ, начала пятиться...

Переброшенная через край веревка прорезала в кромке углубление, превратившееся в трещину. Эллен не показывалась, хотя танкетка дошла до нужного места... Корка нависла над Эллен!..

Но вот отвалился у края провала большой кусок корки, из проема высунулась рука...

Маленькая женщина выбралась. Почти с противоестественной силой вытащила она двух грузных мужчин. Это можно было сделать только на Луне...

Танкетка стала пятиться, оттаскивая всех троих от опасного места.

Волосы слиплись у Евгения на лбу, тенниска прилипла к спине...

Глава четырнадцатая

ПЕНА ЖИЗНИ

Аникин и Годвин возились с баллоном. Петр Сергеевич сидел поодаль на камне и писал дневник.

На серых, покрытых слоем пыли камнях лежала темная масса. От нее тянулся шланг к баллону с надписью «Воздух».

Эллен наблюдала, как надувается резиновая палатка, в которую Аникин впускал воздух. Том Годвин расправлял складки.

С камней стала вздыматься бесформенная масса, постепенно обретая неожиданные для дикого пейзажа формы земного дома.

Резиновая палатка не нуждалась ни в каких подпорках. Внутреннее давление наполнившего ее воздуха заменяло балки, стропила, каркас и колонны. Среди лунных скал возник маленький домик с полусферической крышей, похожий на фургончик, только без колес. В нем были два целлулоидных окна и тамбур.

Петр Сергеевич встал и указал Эллен на баллон с водой:

— Сегодня у вас будет праздник, Аленушка.

— Я подумала и не нашла, как благодарить вас, командор.

— Что ж, друзья, войдем в дом, — предложил Петр Сергеевич. — Жаль, Жёне придется остаться на улице.

Петр Громов взял Эллен за руку и ввел ее в тамбур воздушного шлюза. Дверь за ними закрылась. Он зажег электрический фонарик. Стали видны гармошки сморщенных стен. Но они быстро расправлялись. Тамбур заполнялся воздухом.

Наконец Громов с улыбкой посмотрел на Эллен и легко открыл дверь в домик.

Он вошел в небольшую комнатку и с облегчением снял шлем скафандра, потом помог освободиться от шлема и Эллен.

Счастливая и растерянная, она оглядывалась. Резиновые стенки словно состояли из отдельных подушечек, напоми-

ная стеганое одеяло. Посередине тумбой возвышался надувной столик с алюминиевым верхом. По обе стороны его, как в железнодорожном купе, поднялись надутые воздухом резиновые диваны.

Эллен несколько раз вдохнула в себя воздух.

— Как на Земле! Как на Земле! — сказала она и вдруг заплакала.

Открылась дверь, и один за другим в дом вошли Аникин и Том Годвин.

Эллен засуетилась у стола:

— Что вы подумаете, — говорила она, — в первый раз мы пообедаем без этих противных резиновых трубок, через которые приходилось сосать питательную кашу. Но прежде я должна воспользоваться сокровищем, которое презентовал мне командор.

Том Годвин сел за стол и, совершенно подавленный земной обстановкой, сжал голову руками, поставив локти на стол.

— Обедом займусь я, — предложил Аникин. — Поджарю филе соус мадера! А ты, Леночка, займись собой. Мы отвернулись.

Петр Громов расставлял на столе реактивы и две пробирки, одну с темной жидкостью, найденной на дне пещеры, другую с красноватой плесенью, соскобленной с камней.

— А знаете ли вы, что это за черная жидкость? — отозвался Петр Сергеевич. — Это нефть!

— Вода превосходнее! — беспечно засмеялась Эллен.

— Кристаллик воды тоже был найден на Луне. Но нефть!.. Да вы знаете ли, что это означает?.. Если нефть есть на таком космическом теле, как Луна, то...

— То нефть не биологического происхождения! — договорил за Громова Аникин.

— Вот именно. Пусть Луна и оторвалась когда-то от Земли, оставив выемку Великого океана, это было еще до поры, когда появилась жизнь на Земле.

— Земля! — прервал Годвин. — У меня все внутри перевертывается, когда я слышу это слово.

— У многих сейчас перевернутся представления о ней. Нефть — это не остатки живых существ, как думали многие, а химическое соединение, образовавшееся при формировании земной коры, — ее жидкая составляющая наряду с водой. В глубине Земли можно найти океаны нефти. Чем глубже в Землю, тем ее будет все больше!.. Никогда не наступит нефтяной голод на Земле...

— Слушайте, друзья, — продолжал Громов. — Эта лунная плесень оказалась белковым веществом. Она наверняка питательна!

Он откинулся на спину дивана и торжествующе оглядел всех. Перед ним на столе, как трубки маленького органа, стояли ряды стеклянных пробирок с разноцветными светящимися реактивами, лежали стеклянные квадратики с помутневшими каплями и крупинками красноватого вещества.

Годвин снова охватил голову руками:

— К черту! Я не двинусь дальше с места. Мы с мисс Кенни — американцы. Смысл жизни — в комфорте. Мы остаемся здесь,

— Годвин, тише, — остановил Петр Сергеевич. — Вы только посмотрите. Плесень бурно реагирует на новые условия. Она поглощает углекислоту и, вероятно, даже азот!.. Она увеличивается в объеме на глазах. А что, если перенести лунную плесень на Землю? Вы только посмотрите, она поднимается, как на дрожжах...

Годвин покосился на красноватую массу, занявшую уже часть стола

— Черт возьми, «оно» пухнет, — проворчал он.

— Вы представляете, какие урожаи белкового вещества можно получить, если перенести споры этой плесени на Землю? Это необыкновенное наше открытие, друзья!.. Если мне посчастливится, и я увижу с горного края «ту сторону» и вулкан, который нельзя разобрать на фотографиях, если докажу вулканическое происхождение лунных гор, то задача нашей экспедиции будет выполнена!

— Я пойду с вами, командор! — заявила Эллен.

— Вы же хотели остаться еще в ракете!.. — запротестовал Годвин.

— Нет, Аленушка, — мягко сказал Громов. — Никто не пойдет, кроме меня. Я получил такое указание из Москвы. Годвин прав. Вы все останетесь здесь. Нельзя рисковать всеми членами экспедиции, отрывать их от танкетки, от нашей базы, от связи с Землей. Вы подождете меня здесь.

Петр Громов восхищенно смотрел, как расплзается красноватая масса по столу, уже стекает с него на диван и на пол:

— Пена жизни! Как это необыкновенно красиво! Пена жизни! Всепобеждающая жизнь! Она попала в лучшие условия, и вы посмотрите, какая неотвратимая жадность роста. Живое сокровище!.. Им будет питаться скот Земли. Еще Тимирязев мечтал о «хлебе из воздуха». Ведь в воздухе есть все материалы для создания питательных белков. И вот видите, где был скрыт механизм такого преобразования. На Луне!..

— Черт возьми, командор! Я бы не так восхищался этим дьявольским тестом. Оно растет, как банковский счет у Рокфеллера.

На столе творилось нечто невероятное. Эллен в ужасе смотрела, как вздымается, стекая на диваны и на пол, красноватая шевелящаяся пена. Она, словно из невидимого крана, вливалась в резиновую палатку, взбухая, заполняя собой все...

— Лучше выбросить ее наружу, — предложил Аникин.

Он и Годвин стали сгребать живую пену и выбрасывать через открытую дверь в шлюз. Эллен после брезгливого колебания присоединилась к ним. Основную массу удалось удалить, закрыв в тамбур дверь. Но оставшаяся плесень, размазанная по столу и полу, вновь набухла, пузырясь и шевелясь.

Стало тяжелее дышать. Аникин добавил воздуха, который расходовался на рост пены.

И пена сразу взбесилась, словно прорвала плотину. На полу уже некуда было ступить. Ноги утопали в ней по щиколотку.

— Придется отступить, — решил Петр Сергеевич. — Это будет самое приятное отступление, какое только можно себе представить. Какова сила жизни! Какова! Недаром находили микробы на метеоритах, лишенных всякой атмосферы, блуждавших в космосе...

Годвин вдруг расхохотался:

— Черт возьми, командор! Это веселое тесто привело меня в себя.

— Ничего, Годвин... Надевайте скафандры.

— Жаль покидать такой уютный коттедж. Но лунные туземцы выживают нас отсюда, как англичан из Африки.

— Может быть, успеем пообедать по-человечески? — спросил Аникин. — У меня все готово.

— К вам на сковородку попала плесень! — в ужасе всплеснула руками Эллен.

— Вот и прекрасно. Можно теперь попробовать, — сказал Петр Громов и неожиданно для всех подцепил со сковородки кусочек коричневой корки, в которую превратилась лунная пена жизни.

Все в ужасе замерли.

— Может быть, коровам и свиньям понравится, — сказал он, поморщившись.

— Надо выпускать из палатки воздух, — предложил Годвин.

Аникин тщетно старался открыть дверь в шлюз. Очевидно, пена там слишком разрослась.

Люди уже с ногами забрались на диваны.

— Высаживать окно? — осведомился Аникин.

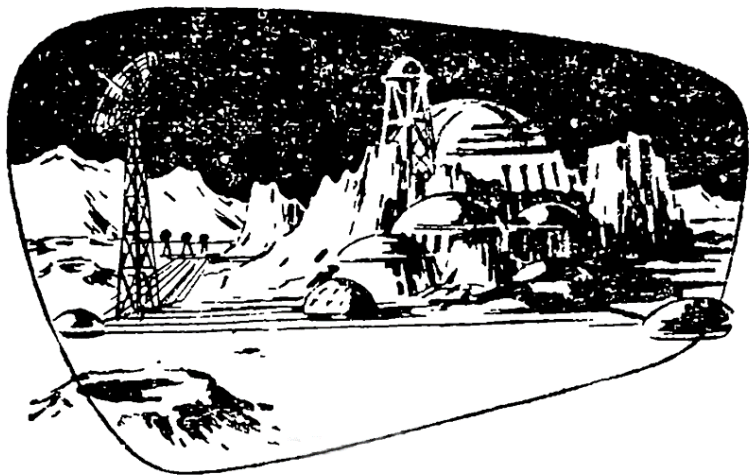
Спрашивать было уже поздно. Пена поднялась вровень с диванами. Петр Громов ударом ноги высадил окно. Стены домика сморщились, потолок навис. Громов помог Эллен первой выбраться наружу.

Глава пятнадцатая ОГНЕННЫЙ ДОЖДЬ

— Может быть, мне и не так интересно взглянуть на «ту сторону Луны», — заявил Том Годвин. — Я ведь не угадал, что там лунные черти через какой-то кратер проветривают преисподнюю. Но я не хочу попасть к ним на рога и иду с вами, командор.

Эллен пошла проводить исследователей в последний переход. Они шли вдвоем вдоль светлой полосы, которая тянулась по долине от самого горизонта и, словно нырнув в одном месте под серый пепел, поднималась круто по горному склону.

Это был один из тех таинственных «лучей», над загадкой которого ломали голову ученые. Радиально расходясь от лунных цирков, лучи эти оказались полосами вулканических выбросов. Возвышаясь над остальной местностью, они поразительно напоминали исполинские железнодорожные насыпи. Пузыристые, пористые, шлакообразные, более позднего происхождения, чем лунные моря, и потому не покрытые слоем метеоритной пыли, они казались с большого расстояния более светлыми.

— Что вы подумаете? — сказала Элен. — Не могу побороть чувства, что это кем-то насыпано.

— Лунные города выгодно будет строить вдоль этих естественных насыпей, — отозвался Петр Сергеевич. — Их легко превратить в шоссе.

— Лунные города! — восхищенно повторила Эллен.

— Видите это нагромождение скал? — продолжал Громов. — В середине их будет венчать купол, по бокам поднимутся малые купола, напоминая восточные храмы. Это будет сказочный герметический город с искусственной атмосферой внутри. От него радиально разойдутся трубы оранжерей. В них необыкновенно разрастутся без оков земного тяготения земные растения. Как дозорные башни, поднимутся вокруг города мачты гелиостанций с исполинскими зеркалами. Самый верхний купол будет принадлежать «храму обсерватории». Оттуда жрецы-звездочеты, не зная помех атмосферы, откроют науке вековые тайны соседних планет...

Петр Сергеевич остановился и крепко пожал руку Эллен:

— ...А теперь вам нужно вернуться.

— О кэй, Эль! Я тоже пожму вам руку!

— О, Том! Довольны ли вы, что обрели на Луне сестру?

— Сестра? Это, наверное, хорошо. У меня никогда не было сестры.

— На Луне можно очень многое найти. Я думала, что мы здесь нашли Дон Кихота Космического, а ведь командор скорее Георгий Седов.

— Это, Аленушка, слишком высокий пример. Георгий Седов, даже умирая, приказывал матросам везти себя к Северному полюсу.

— Считайте меня своим матросом, командор, — сказал Том Годвин. — Слово «вперед» меня устраивает.

— Я завидую вам, Том! И я завидую вам, Георгий Седов!.. — Эллен обеими руками потрянула руки мужчин.

Эллен долго смотрела вслед уходящим. Они двигались осторожно, избегая прыжков. Их светлые силуэты становились все меньше и меньше.

ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ был мастером альпинизма. Он обладал прекрасной техникой восхождения, которая пригодилась ему сейчас.

На Луне подниматься было и легче, и труднее. Можно было совершать огромные прыжки, запрыгивать снизу на скалы, можно было взбираться на совершенно отвесные скалы, уцепившись пальцами за почти неощутимые шероховатости, но очень трудно было рассчитать свою силу и движения. Малейшая оплошность грозила гибелью.

Годвин, менее опытный в горном спорте, но сильный и отважный, старался не отставать от командора-

Преодолев особенно трудную кручу, Петр Громов бросал вниз веревку, и Годвин ловко взбирался по ней.

Пробираясь по узеньким карнизам над пропастями, они старались не смотреть в их непроглядную черноту. Впрочем, любая тень казалась пропастью или провалом, хотя нога и могла свободно ступить на нее.

Остановились передохнуть. Внизу раскинулась горная страна острых скал, еще ниже простиралась равнина моря с круглыми, казалось бы, полузатопленными островками с подобием лагуны посередине каждого из них.

— Походит на отпечатки гигантских копыт, — сказал Годвин, — или на коралловые острова, которые я видел в Тихом океане.

— Острова, это верно. Но, конечно, не коралловые. Перед нами, Годвин, те же вулканы, те же образованные ими кольцевые горы, но только затопленные.

— Горы кольцами... Странно... Может быть, у лунных чертей действительно такие огромные копыта? -

— Нет. Просто на Луне сила тяжести мала. И лава, выброшенная из кратера, разлеталась гигантской хризантемой.

— Недурной цветочек Вельзевула

— Не соприкасаясь с отсутствующим воздухом, не теряя из-за этого тепла, которое расходовалось лишь на излучение, расплавленная лава падала кольцом. Она застывала и постепенно возводила вокруг вулкана, в десятке километров от него, кольцевой барьер, который, в конце концов, пре-

вращался в кольцевой горный хребет. На такой хребет, Годвин, мы сейчас и поднимемся...

— А потом?

— А потом горная страна, состоящая из лунных цирков, при сжатии лунного шара опустилась. Из раскаленных недр через образовавшиеся трещины поднялась расплавленная магма и затопила старые горы.

— Черт возьми, командор! Выходит, лунные цирки рождались и умирали.

— Как и все в природе, Годвин. Вы хорошо сказали. В огне рождались горы, в огне умирали, опускаясь в сверкающее море. Оно дышало здесь тектонической зыбью, золотистое, местами красное, все в фиолетовых блестках. Я живо представляю его себе. Пологие волны тяжело ударяли в подножия этих гор, сотрясая лунные утесы. Огненный прибой внизу рассыпался мириадами искр. Магма вгрызалась в скалы проплавленными гротами и тут же затвердевала камнем. И базальтовым льдом покрылись все лунные моря, напоминая земные ледовитые океаны.

— Черт возьми, командор! Жаль, шлемофоны включены на ближний прием, и мисс Кенни не слышит ваших слов. Прекрасная получилась бы корреспонденция.

— Когда будет нужно, Годвин, мы включим шлемофоны на дальнюю связь. Мы еще сверху сообщим Эллен, а она на Землю, что на «той стороне»... Впрочем, не будем сейчас гадать. Уже близко.

— Я не знаю, что мы увидим на той стороне, командор, но на этой я уже вижу какую-то чертовщину. На Земле я всегда что-нибудь загадывал, когда падали звезды.

— Годвин! Кажется, пора включать шлемофоны на дальнюю связь!.. В черном небе летят звезды... Это капли лавы!.. Ради этого, опираясь на ум и труд сотен тысяч человек, стоило оказаться на Луне!..

Как замороженные, смотрели исследователи на черное небо, где вспыхивали, проносясь, золотистые звездочки.

— Что-то не походит на хризантему...

— Это огненный дождь, Годвин.

Звездочки вспыхивали не только в небе, но во всех черных провалах, какими казались тени ближних скал, на освещенных камнях, превращаясь в дымки. Капли шлепались и совсем неподалеку от исследователей,

— Как это прекрасно, Годвин! — разглядывал Громов одну из них. — Она застывает на глазах! На миллиметр сделала выше скалу. Из миллиметров слагаются километры высоты!..

Весь горный склон покрылся дымками.

— Железные зонтикигодились бы. Я предпочел бы, командор, чтобы вы скрылись под каким-нибудь уступом.

— Да, да, Годвин! Вот здесь безопасно. Идите сюда. Давайте наблюдать. Хорошо, что я взял у Эллен кинокамеру! Великолепный получится фильм! Пусть его посмотрит академик Коваленков!..

Петр Сергеевич увлеченно снимал, как падали огненные капли на камни, как рассыпались сверкающими фонтанчиками, особенно эффектными в непроглядной тени. Капли застывали шлаковыми наростами.

Громов переключил шлемофон:

— Друзья! Аленушка! Ваня! Женя!.. Лунный дождь!.. У нас на глазах растут камни, поднимаются горы лунного цирка!..

— Мы слышим вас, командор! — издалека донесся голос Эллен.

— Петр Сергеевич! Я шлю через Евгения радиogramму Коваленкову. Я даже рад, что вы правы, — слышался голос Аникина.

Огненный дождь усиливался. Лава не успевала застывать, огненными струйками она стекала вниз, подтекая под самые ноги стоявших в укрытии исследователей.

— Надо бежать, командор!..

Ручеек лавы образовал лужу, пенящуюся, всю в пузырях. Она дымилась.

Громов и Годвин стали осторожно спускаться. Однако об осторожности пришлось забыть.

Струйки лавы стекали, казалось, отовсюду. Они набухали, сливались, превращались местами в огненные потоки.

Ущелье казалось наиболее безопасным.

Держась за руки, бежали по нему путники, прыгая по камням. И вдруг в тени стало совсем светло. Огненный поток, словно в погоне за беглецами, ринулся по ущелью.

— Плохо, командор! — едва выговорил Годвин.

— Великолепно, Годвин! Мы видим Луну, какой она была миллиард лет назад!

Ущелье кончилось. Исследователи выскочили из него, и тотчас оттуда вырвался огненный поток.

Петр Громов схватился за бок:

— Осторожно, Годвин! Кажется, капля прожгла мой костюм.

— Прячьтесь, командор! Вот сюда!

— Я зажал рукой... Бежим...

Громов, держась рукой за бедро, прихрамывая, стал прыгать с камня на камень, все больше отставая от Годвина.

Заметив это, Том Годвин вернулся к нему.

— Воздух выходит... Бегите, Годвин... Возьмите кинокамеру... Не ждите...

И вдруг огненный поток обрушился сверкающим водопадом, разделив исследователей.

— Держитесь, командор! Я перепрыгну через поток. Не здесь, чуть повыше... Ждите меня.

Громов опустился на камень. Пальцы судорожно закручивали материал в поврежденном месте костюма.

Клубы дыма окутали его. Огненная масса, клокоча и пузырясь, неслась у его ног. Утечка воздуха давала себя знать. Громов чувствовал, что ему тяжелее дышать. Бедро, только что обожженное, теперь онемело от холода, проникшего в скафандр. Сознание помутилось... Он сделал конвульсивное движение свободной рукой, повалился на бок и покатился по камням.

— Командор! Где вы? Хэлло! Хэлло!

Громов катился все ниже. Рука конвульсивно сжимала прореху скафандра.

Лицо Петра Сергеевича покрылось потом.

— Годвин! Сюда! Спуститесь метров на...

Шлем ударился о камень, антенна погнулась, отломилась...

— Радируйте... Нужны металлические щиты... Обязательно...

Громов шевелил губами, ему казалось, что он кричит... но его уже никто не мог слышать. Радио не работало...

ГОДВИН сломя голову прыгал вниз. Остановился, задыхаясь.

— Ван! Элен! SOS! На помощь! — радировал Годвин. — Мы спустились почти к подножию... Кругом огонь... Ищите нас... — Годвин кружил на месте, не зная, где искать командора. Обезвав камень, он вдруг наткнулся на Громова.

Годвин сразу понял, что случилось, оборвал антенну командора, закрутил ее проволокой поврежденную материю костюма, потом взял огромное тело Громова на руки и побежал, прыгая по камням...

Кое-где вспыхивали в тени огненные фонтанчики.

Глава шестнадцатая

МОРЕ

Отлет крупнейшего космического корабля «Разум» был назначен на этот памятный день в 10 часов 07 минут по средневропейскому времени.

Из сообщения ТАСС мир узнал о необыкновенных открытиях, сделанных на Луне, имеющих огромное значение для Земли.

Почему-то газеты печатали портреты лунных исследователей попарно: Эллен с Петром Громовым и Аникина с Томом Годвином.

Евгений показал Эллен одну из последних газет с портретами лунных путешественников, помещенных попарно...

И вдруг в шлемофоны ворвался голос Тома Годвина:

— Ван! Эллен! SOS! На помощь!

Евгений судорожно крутил ручки аппаратуры, тщетно пытаясь усилить звук:

— Кругом огонь... Ищите нас... — и голос Годвина оборвался.

— Ваня! — закричала Эллен. — Скорее! На танкетку!.. Боже! Я так не хотела их отпускать...

Аникин уже бежал от резиновой палатки.

— Что же вы стоите, мой Мираж? Скорее!.. Ведь могли же вы перепрыгнуть трещину!..

— Селена, поймите... Танкетка не может двигаться... Радиосвязь неустойчива...

— Ах, еще одно техническое уравнение, которое не решается обычными людьми! — крикнула Эллен, соскочила с танкетки, на которую уже было взобралась, и побежала по следам командора и Годвина.

Аникин бросился за ней. С тревогой смотрел он, как взлетает вверх маленькая фигурка, как спускается, чтобы уже не подняться, но все-таки подпрыгивает снова и снова...

Аникин отставал. У него болела нога.

— Лена, Лена! Осторожнее! — тщето зывал он.

И вдруг мимо него промчалась танкетка. Она двигалась, как-то странно виляя, словно теряя управление и снова обретая его. Моторы работали на полную мощность, поднятая гусеницами пыль не оседала, и Аникин потерял Эллен из виду.

Тогда он, забыв про боль, помчался... Нет, полетел вслед за танкеткой, боясь отстать.

Танкетка ждала его. Эллен уже стояла на железном корпусе, опираясь рукой о полусферу.

Аникин вскочил и крикнул:

— Гони! Жарь! Молодец все-таки Женька!..

Танкетка ринулась с места, но вдруг вильнула в сторону. Эллен свалилась на полусферу, а Аникин слетел на камни, Танкетка со всего размаху уперлась носом в большой камень, разбив один из прожекторов. Она замерла, полусфера потускнела, изображение в ней исчезло. Эллен в отчаянии колотила по полусфере кулаками. И, словно подчиняясь ее воле, снова появилось изображение Евгения. Танкетка ожила, попятилась. Аникин едва успел вскочить на нее. Она рванулась и. понеслась.

Светлая полоса, похожая на железнодорожное полотно, уходила впереди под пепел, появляясь снова лишь у самого подножия горного кряжа.

— Там пепел, Женя! Глубоко!.. Надо объезжать, — крикнул Аникин.

Танкетка круто повернула, пробежала несколько десятков метров и остановилась. Изображение в полусфере мерцало, то появляясь, то исчезая.

— Нельзя, Ваня... Радиоволны не проходят.

Танкетка стала пятиться. Потом она попробовала объехать море пепла слева, но и там вскоре потеряла управление.

Контур острых гор, почти целиком закрывший земной диск, капризно оставил лишь узкую полосу, по которой еще могла двигаться танкетка.

И тогда Евгений решился. Не считаясь ни с чем, он направил танкетку прямо в пепел.

Танкетка влетела в море пепла с большой скоростью и... поплыла по нему. Гусеницы бешено вертелись, вздымая черное облако, которое вспухало серым шаром, расплываясь туманом.

Но танкетка все же двигалась вперед, к виднеющейся сквозь туман светлой полосе вулканических выбросов.

Лишь бы добраться до нее!..

— Мой Мираж! Скорее!.. Скорее!..

И вдруг в шлемофонах снова прозвучал голос Годвина:

— Я несу командора. Скафандр прожгло. И я вижу вас, вижу...
Вы не так далеко...

ТОМ ГОДВИН нес Громова, чувствуя, что плечо его коченеет. Он включил аварийное устройство, отключавшее его шлем от скафандра. «Конечно, — думал он — правую руку придется ампутировать, так же, как и ногу командора... Прожгло и у меня скафандр. Лишь бы добежать до «железнодорожной насыпи», забраться на нее...»

И Том Годвин бежал. Рука его плетью болталась, перекинутое через левое плечо тело командора было жестким... Том Годвин не думал, что оно защищает его от смертельных огненных капель, он не знал, что они еще в нескольких местах прожгли скафандр Громова, и космический холод ворвался под защитную одежду, а воздух вышел... Тело стало негнущимся...

И вдруг одеревенела у Годвина нога. Годвину показалось, что у него больше нет ее. Он не мог сделать ни шагу. Усилием воли он заставил себя осторожно опуститься на камни и положить рядом с собой тело командора.

Кругиплыли перед глазами Годвина. Сердце, вместо того, чтобы бешено колотиться, билось все медленнее. Сначала оно молотом отдавалось в висках, потом стало замирать, словно замерзая...

Почти равнодушно посмотрел он на свой поврежденный в нескольких местах скафандр. Потом заглянул в лицо командора.

— Какой был человек! — мысленно сказал Том Годвин, даже не подумав о себе. Его шлем скользнул по гладкой поверхности шлема командора и скатился на камни.

Оба они лежали теперь рядом, обращенные лицами к краю земного шара, который узенькой полоской чуть выступал над зубчатой горной грядой.

Внизу в пепельном море вздымалось черное облако

ТАНКЕТКА билась из последних сил: гусеницы буксовали. Она все глубже погружалась в пепел.

Эллен и Аникин едва видели друг друга.

Евгений круто повернул в сторону.

— Куда вы? Вперед! Только вперед! — кричала Эллен.

Но Евгений не слышал ее.

Эллен стояла. Пепел доставал ей до щиколоток.

Аникин сумрачно смотрел вперед.

Пепел засасывал машину. Только верхняя часть полусферы еще оставалась над поверхностью.

— Прыгайте! Прыгайте! — почему-то кричал Евгений.

Аникин схватил Эллен за руку, дернул.

Эллен не понимала, что надо делать.

Ах, вот что! Над пеплом возвышается скала. Но она слишком далеко... И танкетка перестала двигаться... Она тонет, тонет!

— Прыгай, Лена! Прыгай! — уговаривал Аникин.

Это был непостижимый прыжок. Они прыгнули вместе, держась друг за друга. Они пролетели сквозь серую тучу...

Скала плавно приблизилась снизу темным пятном, и они упали на нее. Эллен ушиблась.

Полусферы почти не было видно. Чуть выступавший над пеплом верх полусферы напомнил Эллен красшек земного диска, едва видимый над горизонтом. А потом...

Потом полусфера с Евгением исчезла.

Пепел над ней сомкнулся.

ЕВГЕНИЙ ГРОМОВ, почерневший, словно пепел действительно оседал на его лицо, выскочил из макета танкетки, он никого не видел в лаборатории, хотя она была полна встревоженных людей.

Один из сотрудников протянул телефонную трубку:

— Междугородная. Город туристов. Академик.

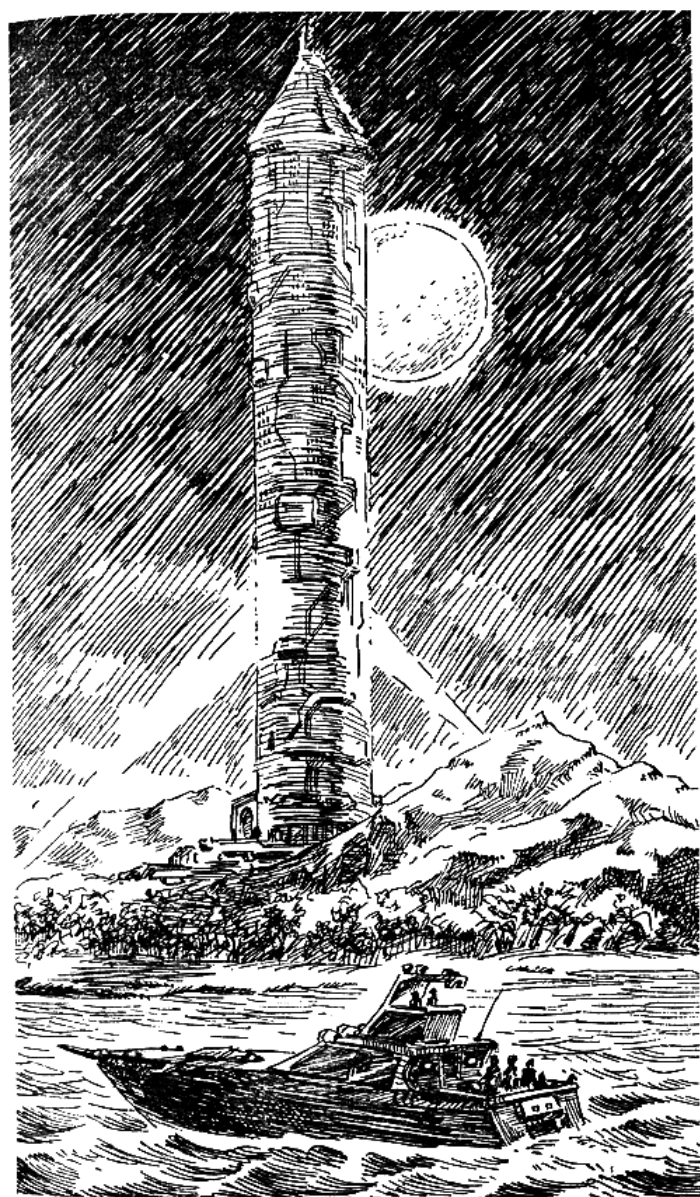
Евгений вырвал трубку из рук.

ШИРОКИЙ и приземистый автомобиль заносило на поворотах. Движение на шоссе прекращалось при звуках sireны.

— Пожар? Скорая помощь? Авария?..

Гоночный автомобиль неся, прижавшись к асфальту.

Евгений непроизвольно нагнулся, сидя рядом с гонщиком.

Перед ним были большие автомобильные часы.

«Разум» отлетал в 10 часов 07 минут.

Ворота аэродрома были широко открыты. Гоночный автомобиль неся уже по бетонным плитам.

Реактивная амфибия стояла, освещенная прожекторами, напоминая стрелу с легким оперением.

Сирена гонщика смолкла. Завизжали тормоза.

Сверху протянулись руки.

Евгений буквально взлетел и исчез в проеме двери.

Амфибия уже разбегалась... пролетела над забором... спрятала шасси...

Часы показывали 10 часов 07 минут.

Волосы Евгения слиплись.

Девушка в белом халате протянула ему стакан. Он невидящим взглядом посмотрел на него, ощущал рукой и залпом осушил.

Потом откинулся на спинку сиденья.

Часы показывали 10 часов 23 минуты.

Евгений знал, как никто другой, что трасса «Разума», скорость его, движение в каждой точке рассчитаны с предельной точностью. Никогда еще не вылетал с Земли такой гигант. Вылет его не мог задержаться ни на секунду.

Исступленно ревели за окном реактивные двигатели.

Девушка-врач пичкала Евгения каплями и кофе.

— Я знаю, что вы пережили, но от вас потребуется еще многое... — Часы показывали 10 часов 36 минут.

— Мы летим быстрее времени, — убеждала девушка-врач Евгения, словно он не знал этого, — быстрее, чем вращается земной шар...

Амфибия садилась прямо на горное озеро, грудью чайки разбивая блики лунной дорожки.

Луна стояла над самыми зубцами гор, и, словно целясь в нее, поднялось над контуром гор острие гигантской башни — ракеты...

Часы показывали снова 9 часов 49 минут...

Глава семнадцатая

ГОРОД КУПОНОВ

Аникин, прихрамывая, несколько раз прошелся по окруженной пеплом скале, потом опустился рядом с Эллен. Если сгрести нагретый солнцем пепел, то на камне можно было сидеть.

— Они уже не ждут нас? — спросила Эллен, не повернув головы.

— Уже нет, — глухо отозвался Аникин. — Мы бы услышали их в шлемофоны.

Эллен не отрывала взгляда от теневой стороны гор, напротив которой они оказались. Тень была черной, как небо, отделяясь от него раскаленной кромкой скал.

— Негатив жизни, — задумчиво сказала Эллен.

Аникин молчал.

Эллен резко повернулась к нему:

— Почему я не пошла с ним? Я хочу видеть его! Они не сгорели, если их залило лавой?

— Сгореть они не могут. Здесь нет кислорода.

— Они влиты теперь в лунный камень, влиты навечно.

Ваня словно видел перед собой тяжелый базальтовый камень, подобный гранитному постаменту. И по грудь в него вошли два первых лунопроходца, воочию видевшие, как растут камни, поднимаются горы...

— Прощаясь, Громов говорил о сказочном лунном городе, о куполах, венчающих скалы, о храмах науки здесь, в лунной пустыне.

Аникин встрепенулся:

— Город купонов? Очень удобно использовать вон ту грудку скал.

— Он так и говорил.

— Когда-нибудь до них будут добираться в просторном вагоне подвесной дороги. И на этой равнине будут стоять мачты, железные, ажурные, на бетонных постаментах, но только далеко друг от друга. Канаты ведь здесь не порвутся. В подвесных вагонах будет удобно. Неровности, трещины, все нипочем...

— А он говорил о лунных шоссе, в которые переделают «лучи» вулканических выбросов.

— Будет и так, — согласился Аникин. — И вот мы проедем на подвесной дороге или по бетонированному лучу.

— И видим?..

— Прежде всего — космодромы. Луна будет главной межпланетной станцией. Чтобы улететь с нее, скорость нужна немногим больше двух километров в секунду. Они будут располагаться кустами по два-три, и напоминать лунные цирки, только бетонные. На аренах вместо центрального пика вулкана будут возвышаться ракеты.

— Которые тоже подобны вулканам. Во время извержения они выбрасывают себя сами.

— Бетонная дорога пойдет по идеальной прямой луча. И мы проедем мимо рудников. Транспортные ленты будут

выносить на поверхность ценнейшие руды. Их будут грузить в машины с герметическими стеклянными кабинами...

— В них будет не изображение?

— В них будут водители, которые к вечеру вернутся в свой город. И мы попадем вместе с ними в город, сначала въедем в воздушный шлюз. Закроются за нами толстые двери... Шлюз наполнится привычным земным воздухом...

— Как в нашем резиновом домике...

— Потом откроются внутренние ворота, и мы въедем на лунный вокзал. Нас встретят с цветами...

— Обожаю цветы! Но там?..

— Весь город будет окружен трубами оранжерей.

— Да. Он так и говорил.

— Это будут огромные прозрачные трубы, где по две недели, не заходя, будет светить солнце и буйно расти...

— Не лунная плесень, надеюсь?

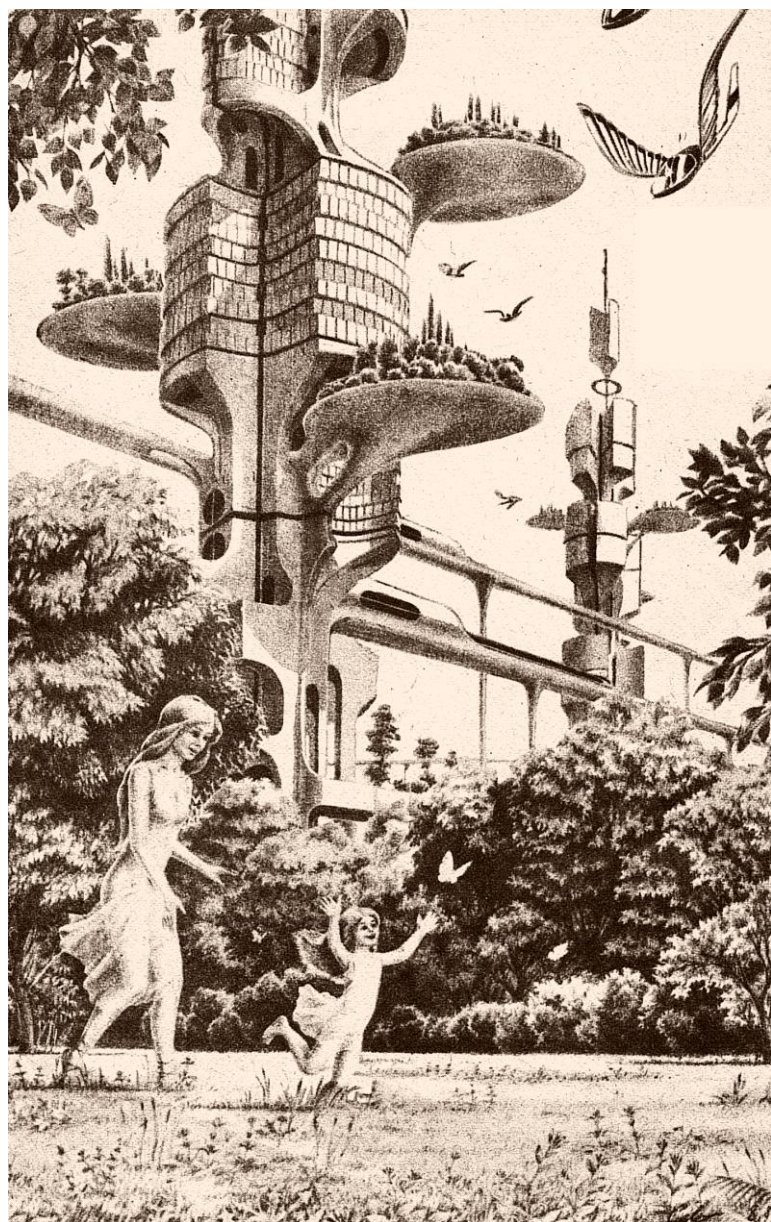
— Нет! Она будет кормить скот на Земле. А на Луне в оранжереях будут расти преобразенные земные растения, дышащие особенно благоприятной для них атмосферой. Углекислоты, поступающей из города, будет в ней так много, что садовники и садовницы в легких купальных костюмах — ведь жарко! — будут все же в кислородных масках с заплечными баллончиками.

— Эх, Ваня, Ваня! О кислороде-то как раз и не надо было говорить.

— А в спортивных залах, где будут упражняться в необычайной ловкости лунные атлеты, кислорода будет даже больше нормального. А какие чудеса можно будет делать в гимнастических залах! Можно будет одному человеку держать пирамиду из двенадцати! И снизу запрыгнуть на самый верх.

— А город? Город...

— Он не будет копией земного. Дома упрутся в небо, в купол. И до купола достанут кроны деревьев, переросших своих земных предков. Дома-колонны будут словно сотканы из стекла и света, окруженные бегущими ручейками, где воду можно зачерпнуть рукой... Под главным куполом в са-

мом центре будет выситься главное здание, как бы сложенное из стеклянных цилиндрических уступов, естественно переходящих в венчающую здание колонну, поддерживающую свод. Но люди не захотят жить всегда закрытые, закупоренные в лунных городах. Кто сдержит их там?

— Природа Луны, суровая и неисправимая...

— Человек может сделать все! История человеческого прогресса — это история овладения энергией. Ею владеет теперь человек, и он сделает невозможное. На Луне, в лунных породах, в связанном виде химических соединений есть и азот, и кислород, даже водород для воды. Человек, затратив энергию, освободит азот и кислород, и они в земной пропорции создадут вокруг Луны атмосферу с земным давлением. Она, конечно, будет улетучиваться, но пополнять ее не составит труда. И искусственно созданная на Луне вода заполнит водоемы под небом, которое станет синим, как у нас на юге. Лунный пепел, как вблизи Везувия, поможет создать здесь прекрасную, плодородную почву. На поверхности Луны разрастутся удивительные сады, даже леса с деревьями непостижимой высоты и красоты. Перенесенные с Земли, они, не ощущая привычной для предшествующих поколений силы тяжести, разрастутся буйно. И на Луну станут прилетать люди Земли не только для работы на рудниках или в обсерваториях, на гелиостанциях или космодромах. Люди Земли будут отдыхать здесь, в сказочных условиях, не ощущая земного веса. Здесь чудодейственно излечатся болезни сердца. Сюда прилетят спортсмены для небывалых состязаний в скорости бега, в высоте прыжков, с шестом здесь можно будет перепрыгнуть двадцатизэтажный дом!.. Альпинисты столкнутся с увлекательными препятствиями, с зовущими к себе скалистыми вершинами, с неприступными пиками и волнующими пропастями... Человек, побывавший на Луне, никогда уже не забудет ее, вечно будет стремиться обратно, как стремится всякий, побывавший в Арктике... Он будет тосковать по буйным лунным лесам, по озерам, по глади которых легко бегать в специальной обуви с перепончатыми подошвами, он никогда не

забудет восхитительного, знакомого лишь по снам ощущения легкости, которое позволит даже парить в воздухе на полах плаща, как на крыльях. Луна станет чудеснейшим местом, мечтой, сказкой, местом счастья для каждого... Все будут стремиться побывать на ней или вернуться снова на нее.

Эллен слушала, как зачарованная. Она даже не удивилась тому, каким вдруг предстал перед нею Ваня Аникин. На Луне люди выглядят особенными. На Земле мы не знаем их, не умеем разглядеть... Том Годвин, Петр Громов... теперь Аникин!.. Только одна Эллен Кенни ничем, кроме авантюризма, не проявила себя, ничем не доказала, что достойна быть среди таких людей. Была лишь членом неумолимого уравнения...

С летящего к Луне космического корабля «Разум» было передано на Землю сообщение:

«Удалось перехватить радиопередачу между шлемофонами оставшихся в живых лунных исследователей Эллен Кенни и Ивана Аникина».

Глава восемнадцатая **ЛУННЫЙ КАМЕНЬ**

Колючие разноцветные звезды не мерцали. На Земле они, рассыпанные по небосводу, отличались лишь величиной; но здесь, в космосе, отчетливо ощущались более близкие и более далекие. В знакомом созвездии Большой Медведицы некоторые звезды совершенно выпадали из рисунка: настолько очевидно было, что они отделены одна от другой непостижимой глубиной пространства.

Луна не выглядела огромным полумесяцем, хотя освещен был лишь ее серп. С близкого расстояния затененная ее часть, более серая, была прекрасно видна во всех деталях. Не такой запомнил Луну Евгений, подлетая к ней в первый раз...

В первый раз... А сейчас не в первый?..

Считалось, что он уже пересекал космос, достиг Луны, ступил на ее поверхность. Еще вчера он готов был это утверждать, а теперь...

Неизведанные ощущения охватили Евгения. Магнитные подошвы, позволяя ходить по металлическому полу, лишь удерживали тело, но само оно было наполнено неизъяснимой легкостью, вначале неприятной, вызывавшей тошноту, а потом пьянящей, радующей,

Корабль был огромный, с множеством отсеков и коридоров. Он давал представление о будущих звездолетах, в которых люди, пересекая галактики, будут жить годами. Путешествие в нем напоминало полет в «Искателе-II» не больше, чем поездка в мягком вагоне экспресса — езду на мотоцикле.

На «Разуме» летело двенадцать человек. Экспедицию возглавлял академик Белоусов. С остальными советскими участниками экспедиции. Евгений работал в космическом институте. В состав экспедиции входили также два американца, профессор Трипп, член космического комитета и старый пилот Джон Смит, радист «Разума», запасные пилоты англичанин Джолиан Сомс, поляк Нагурский и француз Лавеню, добровольцы, в последнюю минуту добившиеся включения их в состав экипажа.

Академик Белоусов нашел Евгения в салоне с закрытой книгой в руках:

— Вот что, друг мой. Мы посоветовались с профессором Триппом и решили, что посадку ракеты доверим тебе. У тебя есть опыт, ты уже спускался на Луну и знаешь, куда именно надо посадить корабль.

Евгений не подал виду, как он взволнован ответственным поручением. Управление ракетой он знал прекрасно, готовясь к телеуправлению «Искателем-II». Но «Разум» был таким огромным!

Евгений сунул книгу корешком к стенке в шкаф и поспешно прошел в рубку управления.

— Хэлло. Эджин! — сказал Джолиан Сомс. — Вы будете единственным человеком, который без возвращения дважды прилетит в одно место.

Евгений кивнул головой и занял уступленное ему Сомсом кресло.

До поверхности Луны оставалось около трехсот километров. Через металлический переплат окна виднелась освещенная часть шара.

Гористая часть Луны казалась очень странной из-за длинных теней, отбрасываемых низким Солнцем. Некоторые кратеры зияли чернотой, словно не имели дна. Менее высокие горы исчезали в тени зазубренных пиков, истинные ощущения нарушались.

Евгений беспокоился, найдет ли он точно место на краю лунного диска, куда добралась экспедиция...

Сейчас не было границы между видимой и невидимой с Земли частью лунного шара. Стоявший на пульте лунный глобус был сделан со всеми подробностями лишь с одной стороны, а с другой — пока приблизительно по фотографиям автоматических межпланетных станций. Он не вполне походил на медленно растущий внизу шар...

Евгений заставил гигантский корабль повернуться дном к Луне.

Пот выступил у него на лбу, не столько от появившегося свинцового веса, сколько от напряжения...

Все ниже опускалась ракета-колосс.

Вибрировали ее стенки, ревели тормозные дюзы.

Великолепный корабль! Как он слушается каждого движения. Ведь Евгений привык к тому, что его приказы выполняются через полторы секунды, а узнавал он об этом еще спустя такое же время. А сейчас...

За переплетами окна виднелся знакомый горный кряж, перед которым лежало предательское море пепла... Этот кряж тогда дымился... Сейчас он был по-лунному мрачен и неизменен.

Все члены экипажа припали к окнам. Они видели лунный пейзаж впервые...

Летающая башня опустилась сразу на три спружинившие лапы, которые попарно напоминали огромные триумфальные арки.

Скафандры были надеты заблаговременно.

Астронавты цепочкой спускались по алюминиевой лестнице в туман пыли, поднятой дюзами с поверхности.

Евгений, Джон Смит, Казимир Нагурский и Жак Лавеню (спасательная команда) не стали ждать, когда рассеется пылевое облако, они побежали в указанном Евгением направлении.

Евгений видел под ногами следы танкетки, которые он сам недавно оставил здесь...

Он снова был и в знакомом, и в совершенно незнакомом месте... Опять та же легкость, которую он ощущал во всем теле, и гнетущая тяжесть на сердце.

Евгений прекрасно ездил по Луне на танкетке; но ходить по Луне он не умел так же, как и его спутники. Он не мог сообразовать свои силы и движения. Он спешил, он хотел бежать, и каждый шаг подбрасывал его высоко вверх, ему казалось, что он разобьется о камни...

И все-таки он бежал, как бежали и его товарищи.

След танкетки нырнул в пепел. Все четверо остановились, надевая на ноги подобие охотничьих лыж, которые позволят пройти по пеплу.

Казимир Нагурский держал на плече баллон кислорода, Жак Лавеню нес два запасных скафандра, у Джона Смита были носилки.

На островке видны были скорчившиеся тела...

Евгений подбежал к Эллен и Аникину. Он присоединил к их шлемам кислородный баллон.

Аникин пришел в себя первым.

— Нувот! Не утонул все-таки! — сказал он и улыбнулся.

Нагурский делал Эллен искусственное дыхание. Евгений старался помочь.

Наконец Эллен открыла глаза и долго смотрела, ничего не сознавая. Она увидела красивое лицо поляка, и глаза ее удивленно округлились. Но еще больше поразила она, узнав Евгения.

...ЧЕТЫРНАДЦАТЬ звездолетчиков медленно, один за другим, тянулись по морю пепла к горному кряжу.

Эллен и Евгений двигались последними.

Петр Громов и Том Годвин лежали в углублении между двумя выступами скалы. С двух сторон вровень с этими выступами были насыпаны камни. Прозрачные колпаки шлемов были сняты. Оба исследователя смотрели в звездное небо, которое дерзнули покорить...

У них были строгие, спокойные лица, даже величественные, может быть, от того, что они чем-то напоминали скульптуру.

— Мы закроем их каменной плитой, — сказал академик Белоусов.

— О нет! — запротестовала Эллен. — Они всегда должны смотреть в звездное небо. Они первые дотянулись до него.

— Нет, — покачал головой академик. — Они — люди Земли. Пусть по обычаям родины камень накроет их гробницу.

Джон Смит принес вещи погибших, оказавшиеся в их скафандрах: золотые самородки Тома Годвина, стеклянные пробирки с темной жидкостью и красноватой массой.

— Это, — сказала Эллен, беря стеклянные пробирки, — это позвольте взять мне. Громов очень ценил эти открытия.

— Мы продолжим их, — сказал Евгений.

Двенадцать человек, все, кроме Эллен и академика, подняли огромную базальтовую глыбу. Это было возможно только на Луне.

Осторожно несли они, спотыкаясь на неровностях, тяжелую плиту к могиле и осторожно положили ее сверху.

Эллен мужественно снимала кинокамерой миг, когда закрыты были застывшие в холодном и мудром спокойствии лица первых исследователей Луны.

— Я знаю, — сказала Эллен, — в один из следующих рейсов сюда прилетит скульптор. Он высечет на этом лунном камне их изваяния... именно так, как представила я их себе... на острове, наполовину вошедших в камень...

— Им высекут памятник и на Земле, — сказал академик.

Белоусов дал по радио сигнал, и с исполинской башни «Разума» вылетел снап ракет. Словно выброшенные из

жерла вулкана, они оставляли за собой изогнутый дымный след. Все вместе они напоминали расцветшую в черном небе хризантему. Потом звездные огоньки стали медленно падать меж неподвижных звезд. Они походили на огненный дождь...

Глава девятнадцатая

СЛЕД РАЗУМА

Горный кряж на краю лунного диска называли Горой Памятника.

— Я так подумала, — сказала Эллен, — если мы поднимемся на вершину горы, как этого хотели командор и Годвин, мы сделаем им самый лучший памятник.

— Мисс Кенни говорит весьма разумно, — заметил профессор Трипп. — Лучший памятник ученому — завершение начатых им исследований.

— Я уже просил разрешения подняться на кряж, — заявил Евгений.

— Я, во что бы то ни стало, пойду туда. И я не попрошу в пути ни у кого помощи, — решительно сказала Эллен, умоляюще смотря на академика.

Тот крикнул и зашевелил лохматыми бровями:

— Я бы отказал вам, моя дорогая исследовательница, если бы такое восхождение не было предусмотрено, как первоочередное, в плане работ экспедиции «Разума»! — и академик объявил, что для восхождения выделяется группа в составе Евгения Громова, академика Белоусова, Эллен Кенни, Джона Смита, Джолиана Сомса, Жака Лавеню и Казимира Нагурского. Профессор Трипп остается руководителем базы на ракете «Разум».

Начало подъема откладывать не стали. Извержение, очевидно, уже ослабло, но хотелось застать вулкан еще действующим, заснять на кинолентку картину лунной вулканической деятельности, изучить все, что возможно. Геологом и селенологом был сам академик, поэтому он и включил себя в группу.

— Я утратил здесь, дорогие друзья, пять шестых своего, безусловно, излишнего на Земле веса, — словно оправдываясь, говорил он. — Но это не главное. Я, очевидно, сбросил вместе с лишним весом и груз лет, я могу теперь вспомнить, как поднимался на трудные вершины с такими волками альпинизма, как академик Игорь Евгеньевич Тамм или как член-корреспондент Академии наук Гавриил Адрианович Тихов. Я, скажу откровенно, был тогда им под стать. Потом, правда, состарился, но Луна меня омолодила.

Казимир Нагурский понимал в альпинизме толк и уже доставил с ракеты альпинистский инвентарь: специальные ботинки, альпенштоки, ледорубы, которые здесьгодились лишь для камня, веревки, крюки, клинья и даже какие-то новинки, в частности, семь железных непрожигаемых зонтиков, которые могли предохранить путников от дождя лавы.

Евгений Громов, как и его брат, мастер альпинизма, одобрил предусмотрительность поляка.

С первых же шагов восхождения получилось так, что Евгений стал командиром похода. Однако, авторитетом в лунных условиях оказалась Эллен. Аникин из-за поврежденной ноги остался внизу, и Эллен, единственная из участников подъема, имела опыт движения по лунной поверхности. Она научилась прекрасно рассчитывать свои силы, очень точно прыгала.

Евгению пришлось советоваться с Эллен во всем: можно ли перепрыгнуть через расщелину, можно ли удержаться на этой отвесной стене?

Эллен деловито выслушивала его, давала толковый совет и молча выполняла самые трудные задания.

— Без вас, девочка, мы просто не могли бы подняться сюда, — заметил академик, когда его вытащили на веревке на очередную кручу. До этого на нее запрыгнула снизу Эллен, держа конец веревки.

Привал решили сделать примерно в том месте, откуда Петр Громов и Том Годвин рассматривали утонувшие цирки.

Теперь этой картиной любовался академик:

— Какая наглядность! Вы только посмотрите! — восхищался он. — Превосходное подтверждение теории о поднятии и опускании земной коры. Опускаются всегда высокие места. То есть горные страны. Они оказываются впоследствии на дне океанов. На Луне то же самое! Некогда высокогорная лунная страна, полная вулканических, как мы теперь знаем, цирков, опустилась. Каждая точка коры, по видимому, любой планеты совершает как бы колебательное движение, чрезвычайно растянутое во времени. Если бы мы изобразили высоту какой-нибудь точки планеты над уровнем ее океана и показали зависимость этой высоты от смены миллионов лет, то получилась бы волна, синусоида!.. Полюбуйтесь, вот она, окаменевшая диаграмма!

Внизу виднелись полузалитые затвердевшим камнем кольцевые острова.

Академик оказался неугомонным. Ему уже не сиделось:

— Друзья, единственно, от чего здесь можно устать, так это от отдыха!

Евгений решительно поднялся и перекинул через плечо веревку. Ему удалось найти удобный перевал, но, чтобы воспользоваться им, предстояло перебраться через черную пропасть.

— Она словно наполнена сажей, — заметил Джон Смит.

— Будет мост имени Смита, — пообещал Нагурский.

Нагурский припас ракетный гарпун. Надо было попасть им точно в одну из трещин на противоположной стороне пропасти, чтобы он застрял там и позволил натянуть привязанную к нему веревку.

Нагурский оказался прекрасным стрелком. Гарпун прочно застрял в трещине. Вербку удалось натянуть, и все по очереди переправились через пропасть с помощью крюка и подвесной петли, как в свое время через лунную трещину.

Группа взбиралась все выше и выше. Семь человек помогали друг другу, страховали один другого, делали восхождение более безопасным, чем только для двух альпинистов.

Горизонт стал шире, отчетливо замечалась выпуклость лунного шара. Но видимость вдаль была совершенно такой же, как и вблизи. Никакой дымки! Правда, разобрать детали было труднее, но это не потому, что они были мельче, а из-за того, что контуры гор накладывались там один на другой.

Евгений вел группу точно. Сделали еще один привал, потом бросок и... люди увидели «ту сторону Луны».

Она не должна была быть особенной, чем-то коренным отличаться от видимой с Земли части, но... было на «той стороне Луны» нечто, что заставило всех замереть.

Поднимаясь на последний камень перевала, все застывали, напряженные.

— Вот он, вулкан Петра Громова, — первым произнес академик.

— Великолепный вулкан! — сказал Жак Лавеню.

— Он больше Везувия и Этны, — заметила Эллен.

Да, это было совершенно ново для Луны, но посередине огромного цирка, над острым коническим пиком клубилось облако дыма, вернее, оно столбом взлетало вверх и там расплывалось туманным шаром.

Черная тень тянулась от вулканического пика через всю арену цирка и достигала противоположной части кольцевого хребта, расцвеченного вертикальными светлыми полосами.

Академик смотрел на действующий вулкан в бинокль и чертыхался, что окуляры нельзя поднести к глазам. Мешал колпак шлема.

Так и не пристроив его как следует, он махнул рукой и передал бинокль стоявшему рядом Джону Смиту.

— Прекрасная труба, сэр. И дымится, — сказал тот.

Евгений взял бинокль последним.

Эллен искоса наблюдала за ним. Сначала он направил его на центральный пик, над которым стоял дымный столб, а потом стал почему-то рассматривать усыпанное вулканическим пеплом дно кратера.

Бинокль задрожал в его руках.

— Что вы видите? — тихо спросила Эллен.

— Посмотрите вы, — сказал Евгений, передавая бинокль.

Эллен поднесла бинокль к глазам.

— Этого не может быть! — удивленно сказала она. — Мы здесь не проходили.

— Что такое? — заинтересовался академик.

— Следы, — сказал Евгений.

— Какие следы? — поразился Белоусов.

— Взгляните.

Академик сердито взял бинокль, и на этот раз сумел им воспользоваться, как следует.

Академик строго повернулся к Эллен и Евгению:

— Вы не могли здесь пройти?

— Для этого нужно было бы перебраться через кольцевой хребет, — напомнил Евгений.

— Значит, кто-то перебрался? — повысил голос академик.

Евгений пожал плечами.

Теперь в бинокль смотрели все по очереди. То, что они видели, превосходило все допустимое...

От подножия кольцевого хребта по дну кратера к центральному пику вулкана тянулась цепочка... следов.

Да, это были следы... безусловно, следы!.. Маленькие лунки в слое пепла... все на расстоянии шага одна от другой...

— Шестиногое лунное чудовище, — сказал Жак Лавеню.

— На Луне чудовищ нет и быть не может, — строго сказал академик.

— Не шестиногое, — заметил Джон Смит, рассматривая далекие следы в бинокль. — Это следы трех двуногих...

— Невероятно! — воскликнул Нагурский.

— Это... Это... — задыхался академик. — След Разума!

— Разума? — изумился Лавеню. — Но ведь он...

— Да не ракеты, черт возьми! — взорвался академик. — Кто мог оставить следы на Луне?

— В самом деле, кто?

— И когда? — слышались вопросы.

— Только разумные существа! — провозгласил академик. — А когда? Может быть, пятьдесят лет назад, может быть, пятьдесят тысяч лет назад... На Луне все сохраняется неизменным.

— Только не здесь, Василий Афанасьевич, — подсказал Евгений. — Давние следы вблизи действовавшего вулкана давно засыпало бы пеплом.

— Он прав! — воскликнул академик. — Иначе и быть не может! Нельзя верить, что мы — избранные природы, и существуем, разумные, одни во всей Вселенной! Конечно, множество далеких и близких миров породило Разум. И естественно, что, стремясь к познанию всего сущего, они летели в космос, как полетели мы. И они останавливались, черт возьми, останавливались... во всяком случае, на Луне, и... кто знает, где еще!..

— И, заинтересованные действующим здесь вулканом, пришли именно туда, куда стремились и мы, — подсказал Евгений.

— Друзья, — сказал академик, — если бы я не руководил международной космической экспедицией, я приказал бы сейчас спускаться в кратер. Кто знает, что мы откроем, идя по следам Братьев по Разуму, протянувших руку высшей цивилизации!..

— Но вы осторожный руководитель экспедиции, и должны поставить здесь точку? — спросила Эллен.

— Точку? — возмутился академик. — Это вы будете писать свою повесть «Лунная дорога», и поставите здесь точку, напишете «Конец», а наука, исследования, Жизнь... они никогда не кончаются...

А. КАЗАНЦЕВ

• ————— •
• ————— •
ЛУННЫЙ ДОЖДЬ

Глава из повести

Иллюстрации Н. Гришина

ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ

Александр КАЗАНЦЕВ

Рисунки Н. Гришина

Лунная экспедиция дошла до конца... Дальше управляемая с Земли танкетка двигаться не могла. Радиосвязь с краем видимого с Земли лунного диска становилась неустойчивой.

Танкетка недвижно стояла, поцарапанная, помятая, запыленная. В ее матовой полусфере — телеэкране — то появлялось, то исчезало изображение земного пульта управления и пустого кресла водителя, который пошел домой отдохнуть.

Маленькая американка в легком пластмассовом скафандре стояла рядом с командором экспедиции. Прозрачный колпак позволял видеть стриженую головку, чуть сощуренные зеленоватые глаза и тонкие губы.

Профессор-селенолог Петр Громов казался рядом с журналисткой Эллен Кенни гигантом, широкоплечий, атлетически сложенный, с крупными, рублеными чертами лица и пристальным взглядом.

После объединения в одну экспедицию почти две недели провели они вместе. Всего один «лунный день», но это даже не земной год! Плечом к плечу прошли они все круги Дантова ада, оставив в вековой пыли стомильную цепочку обведенных тенью следов.

Тени здесь были черные, как небо, и казались провалами в пустоту. Свет и мрак существовали рядом. Одновременно день и ночь... косматое яркое солнце и пристальные немигающие звезды, обрывы «берегов» лунного моря платиновыми стенами уходили в звездное море. Голые утесы нависали над окаменевшими грядами волн, посыпанных пеплом. Острые, как ножи, ребра скал и рваные кромки трещин остались нетронутыми после древних катаклизмов.

Каждая пылинка, не зная ветра, лежала недвижно, камень столетиями не мог сорваться в пропасть.

Две недели не было отдыха от света. В мире без полутеней все, что под солнцем, одинаково ослепительно, все, что не освещено, — невидимо. Две недели никто не знал иного ложа, кроме острых камней.

Эллен и Громов наблюдали, как постепенно надувается резиновая палатка, в которую Аникин впускал воздух. Том Годвин расправлял складки.

Оба они были в таких же, как и Громов, скафандрах, Аникин, почти такой же маленький, как Эллен, лишь вдвое шире ее в плечах, а Том Годвин — худой и длинный.

С камней стала подниматься резиновая масса, постепенно обретая неожиданные для дикого лунного пейзажа формы земного дома.

Резиновая палатка не нуждалась ни в каких подпорках. Внутреннее давление наполнившего ее воздуха заменяло балки, стропила, каркас и колонны. Среди лунных скал возник маленький домик с полусферической крышей, похожий на фургончик, только без колес. В нем было два целлулоидных окна и тамбур.

Петр Сергеевич взял Эллен за руку и ввел в тамбур воздушного шлюза. Аникин и Годвин закрыли за ними дверь. Громов зажег электрический фонарик. Стали видны гар-

мошки сморщенных стен. Они стали быстро расправляться. Тамбур заполнялся воздухом.

Громов с улыбкой посмотрел на Эллен.

— Открывайте дверь в дом.

Эллен распахнула внутреннюю дверь. Стоя на пороге, взволнованная, она не решалась войти в небольшую уютную комнату.

Громов снял с себя шлем скафандра и с облегчением вдохнул воздух комнаты.

— Как в саду, — сказал он.

— И я! И я!.. — заторопилась Эллен.

Громов помог и ей освободиться от шлема.

— Боже мой, я, наверное, ужасно выгляжу, — сказала Эллен, растерянно оглядываясь.

Резиновые стенки словно состояли из отдельных подушечек, напоминая стеганое одеяло. Посередине тумбой возвышался надувной столик с алюминиевым верхом. По обе стороны его, как в железнодорожном купе, поднялись надутые воздухом диваны.

Эллен, как и Громов, вдохнула в себя воздух и вдруг расплакалась. Виногато посмотрела на Громова и сказала:

— Хорошо, хоть слезы можно вытереть...

Открылась дверь. Вошли Аникин и Годвин.

Эллен засуетилась у стола:

— Что вы подумаете? В первый раз мы пообедаем без этих противных резиновых трубок, через которые приходилось сосать питательную кашу.

Том Годвин сел за стол и сжал голову руками, поставив локти на стол. Он был подавлен... земной обстановкой.

— Обедом займусь я, — предложил Аникин. — Поджарю филе, соус мадера! Устраивает?

Громов расставил на столе реактивы и две пробирки, одну с темной жидкостью, найденной на дне пещеры, другую с красноватой плесенью, соскобленной с камней.

— А знаете ли вы, что это за черная жидкость? — отозвался Петр Сергеевич, работавший с реактивами у стола. — Это нефть.

— Что вы радуетесь, словно получили наследство? — поднял голову Годвин. — Смеялись над моими лунными приисками, а ухватились за лунные промыслы?

— Нет, Годвин, нет!.. Если нефть есть на таком космическом теле, как Луна, то...

— То нефть не биологического происхождения: — договорил за Громова Аникин.

— Вот именно. Пусть Луна и оторвалась когда-то от Земли, оставив выемку Великого океана, это было еще до поры, когда появилась жизнь на Земле.

— Земля! — прервал Годвин. — У меня все внутри перевертывается, когда я слышу это слово.

— У многих сейчас перевернутся представления о ней, — продолжал командор. — Нефть — это не остатки живых существ, как думали многие, а химическое соединение, образовавшееся при формировании земной коры, — ее «жидкая составляющая» наряду с водой. В глубине Земли можно найти океаны нефти. Чем глубже в Землю, тем ее будет все больше!.. Никогда не наступит нефтяной голод на Земле!

— Опять Земля! — крикнул Годвин. — Да перестаньте же!.. Я вошел в этот дом, дышу земным воздухом, говорю и слышу, как человек, без дурацких шлемофонов. Я словно дома, а через час снова окажусь среди проклятых скал в пустоте... Мне будто показали еду после голодовки и сейчас отнимут ее...

— Слушайте, друзья! — увлеченно прервал Громов. — Эта лунная плесень оказалась белковым веществом. Она наверняка питательна!..

Он откинулся на спинку дивана и торжествующе оглядел всех. Перед ним на столе, как трубки маленького органа, стояли ряды стеклянных пробирок с разноцветными светящимися реактивами, лежали стеклянные квадратики с помутневшими каплями и крупинками красноватого вещества.

Годвин снова охватил голову руками:

— К черту! Я не двинусь дальше с места. Мы с мисс Кенни — американцы. Смысл жизни — в комфорте. Мы остаемся здесь.

— Годвин, тише, — остановил Петр Сергеевич. — Вы только посмотрите. Плесень бурно реагирует на новые условия. Она поглощает углекислоту и, вероятно, даже азот!.. Она увеличивается в объеме на глазах. Не спорьте... У вас просто припадок ностальгии, Том. О Земле надо думать, конечно, но... А что, если перенести лунную плесень на Землю? Если она выжила на Луне, то на Земле... Вы только посмотрите, она поднимается, как на дрожжах...

Годвин покосился на красноватую массу, занявшую уже часть стола.

— Черт возьми, «оно» пухнет, — проворчал он.

— Вы представляете, какие урожаи белкового вещества можно получить, если перенести споры этой плесени на Землю? Это необыкновенное открытие, друзья!.. Если мне посчастливится, и я увижу с горного кряжа «ту сторону» и вулкан, который нельзя разобрать на фотографиях, то задача нашей экспедиции будет выполнена!

— Я пойду с вами, командор! — заявила Эллен.

— Нет, — мягко сказал Громов. — Никто не пойдет, кроме меня. Я получил такое указание из Москвы. Годвин прав. Вы все останетесь здесь. Нельзя рисковать всеми членами экспедиции, отрывать их от танкетки, от нашей базы, от связи с Землей. Вы подождете меня здесь.

— Указание Москвы? — вскипел Годвин. — Почему я должен слушаться Москвы? Я хоть и погибшего корабля капитан, пусть и разбилась в пропасти моя ракета «Колумб», спасибо вам за спасение нас, американцев, но я все же американский капитан!.. Сам себе хозяин. Фу, черт!.. Какую гадость развели вы здесь на столе! — Годвин осматривал выпачканный в красноватой массе кулак. — Я сам пойду с вами, командор, пойду, и basta!..

Петр Громов восхищенно смотрел, как расползается красноватая масса по столу, уже стекает с него на диваны и на пол:

— Хорошо, Том! Это ваше право. Спасибо за готовность. Но смотрите сюда! Пена жизни! Как это необыкновенно красиво! Пена жизни! Всепобеждающая жизнь! Она

попала в лучшие условия — и, вы посмотрите, какая неотвратимая жадность роста. Живое сокровище!.. Им будет питаться скот Земли. Еще Тимирязев мечтал о «хлебе из воздуха». Ведь в воздухе есть все материалы для создания питательных белков. И вот видите, где был скрыт механизм такого преобразования. На Луне!..

— Черт возьми, командор! Я бы не так восхищался этим дьявольским тестом. Оно растет, как банковский счет у Рокфеллера.

Эллен в ужасе смотрела, как вздымается, стекая на диваны и на пол, красноватая, шевелящаяся пена. Она, словно из невидимого крана вливаясь в резиновую палатку, взбухая, заполняла собой все...

— Лучше выбросить ее наружу, — предложил Аникин.

Он и Годвин стали сгребать живую пену и выбрасывать через открытую дверь в шлюз. Эллен после брезгливого колебания присоединилась к ним.

Основную массу удалось удалить, закрыв в тамбур дверь. Но оставшаяся плесень, размазанная по столу и полу, снова набухала, пузырясь и шевелясь.

Стало тяжелее дышать. Аникин добавил воздуха, который расходовался на рост пены. И пена сразу взбесилась, словно прорвала плотину. На полу уже некуда было ступить. Ноги утопали в ней по щиколотку.

— Придется отступить, — решил Петр Сергеевич. — Это будет самое приятное отступление, какое только можно себе представить. Какова сила жизни! Какова! Недаром находили микробы на метеоритах, лишенных всякой атмосферы, блуждавших в космосе.

Годвин вдруг расхохотался:

— Черт возьми, командор! Это веселое тесто привело меня в себя. Я, кажется, наговорил здесь черт знает что!

— Ничего, Годвин. Это приступ ностальгии, тоски о родной Земле. Надевайте скафандры.

— Жаль покидать такой уютный коттедж. Но лунные туземцы выживают нас отсюда, как англичан из Африки.

— Может быть, успеем пообедать по-человечески? — спросил Аникин. — У меня все готово.

— К вам на сковородку попала плесень! — всплеснула руками Эллен.

— Вот и прекрасно. Можно теперь попробовать, — сказал Петр Громов и неожиданно для всех подцепил со сковородки кусочек коричневой корки, в которую превратилась лунная пена жизни.

Все замерли.

— Может быть, коровам и свиньям понравится, — сказал он, поморщившись.

— Надо выпускать из палатки воздух, — предложил Годвин.

Аникин тщетно старался открыть дверь в шлюз. Очевидно, пена там слишком разрослась.

Люди уже с ногами забрались на диваны.

— Помните?.. Княжна Тараканова! — воскликнула Эллен. — Страшно!

— Высаживать окно? — осведомился Аникин.

Спрашивать было уже поздно. Пена поднялась вровень с диванами. Петр Громов ударом ноги высадил окно. Стены домика сморщились, потолок навис. Громов помог Эллен первой выбраться наружу.

*

* *

Эллен пошла проводить командора и Тома Годвина в последний переход. Они должны были подняться на горный кряж и увидеть «ту сторону» Луны...

По долине от самого горизонта тянулась светлая полоса. Нырнув в одном месте в море пепла, она у горного хребта показывалась снова и круто поднималась по склону.

Это был один из тех таинственных радиально расходящихся от лунных цирков лучей, над загадкой которого ломали голову ученые. Лучи эти оказались полосами вулканических выбросов. Возвышаясь над остальной местностью,

они поразительно напоминали исполинские железнодорожные насыпи. Пузыристые, пористые, шлакообразные, более позднего происхождения, чем лунные моря, они казались с Земли более светлыми.

— Что вы подумаете? — сказала Эллен. — Не могу бороться чувства, что это кем-то насыпано.

— Лунные города выгодно будет строить вдоль этих естественных насыпей, — отозвался Петр Сергеевич. — Их легко превратить в шоссе.

— Лунные города? — поразилась Эллен. Командор не переставал удивлять ее. Он не только вел всех за собой через немыслимые трещины, по головокружительным кручам, по краю пропастей, только вперед, вперед! — он умел видеть и невидимое, и заглядывать в будущее.

— Видите нагромождение скал? — продолжал Громов. — В середине их будет венчать купол, по бокам поднимутся малые купола, напоминая восточные храмы. Сказочный герметический город с искусственной атмосферой внутри. От него радиально протянутся трубы оранжерей. В них необыкновенно разрастутся без оков земного притяжения знакомые нам растения. Как дозорные башни, поднимутся вокруг мачты гелиостанций с исполинскими зеркалами. Самый верхний купол будет принадлежать храму обсерватории. Оттуда жрецы-звездочеты, не зная помех атмосферы, откроют вековые тайны соседних планет, рассмотрят марсианские каналы, убедятся, что это возделываемые и орошаемые полосы растительности, проникнут взглядом даже сквозь завесу вечных венерианских туч...

— О-о! Командор!.. Я знакома с одним человеком, совсем не жрецом... Помехи земной атмосферы не помешали ему увидеть изменения в светлых лучах... Вот здесь, на самом краю лунного диска... И он потерял покой.

Петр Сергеевич рассмеялся:

— Это верно, Аленушка, — в последнее время он так называл Эллен. — Я потерял покой. Изменения в полосах вулканических выбросов означали, что там, где эти полосы сходятся, действует вулкан.

— Да. На невидимой стороне Луны. И вы хотите увидеть то, что не обнаружило даже автоматическое фотографирование?

— Жалею, что сделаю это без вас. Вы были очень легкой спутницей, — сказал Громов, останавливаясь и крепко пожимая руку Эллен.

— О, да! Конечно! Когда я уставала, вы брали меня на плечо. Оно и теперь подсказывает вам...

— Не только мышцы плечевые, но и сердечные,

— О-кэй, Эль! — вмешался Годвин. — Я тоже пожму вашу руку.

— О, Том! Довольны ли вы, что обрели на Луне сестру?

— Сестра? Это, наверное, очень хорошо. У меня никогда не было сестры на Земле...

У Тома Годвина на Земле не было не только сестры, но и семьи, у него ничего не было там, кроме ракет, которым он посвятил жизнь. Он начал с работы на космодроме во время неудачных запусков первых ракет, и поклялся, что поведет одну из них. Пришлось пройти основательную школу, отказаться от мелких радостей жизни. Но Том Годвин умел ограничивать себя и даже не думать о себе... Может быть, именно поэтому он оказался первым американским космическим пилотом...

— Земля!.. — сказала Эллен. — Ее уже почти не видно над горизонтом. И сердце разрывается от этого на части...

— Все в порядке, Аленушка, — ответил Громов. — Скоро «Разум» доставит на Землю первую журналистку, побывавшую на Луне, и вы напишете свою книгу...

— «Лунная дорога»...

— А нам пора в дорогу. Возвращайтесь.

— Когда вы иступленно стремились вперед, всегда вперед, к неизвестному своему вулкану, я хотела считать вас Дон Кихотом Космическим. Но вы, скорее, Георгий Седов.

— Это, Аленушка, слишком высокий пример. Георгий Седов, даже умирая, приказывал матросам везти его к Северному полюсу.

— Считайте меня своим матросом, командор, — вставил Том Годвин. — Слово «вперед» меня устраивает.

— К сожалению, я должна довольствоваться словом «назад». Я завидую вам, Том! Я завидую вам, Георгий Седов!.. — Эллен обеими руками встряхнула руки мужчин и долго смотрела вслед уходящим. Они двигались осторожно, избегая прыжков. Их светлые силуэты становились все меньше и меньше.

Эллен почувствовала, что плачет. Она не понимала, почему... и не могла вытереть слез.

Маленькая, поникшая, побрела она назад.

Профессор-селенолог Петр Сергеевич Громов был мастером альпинизма. Более десяти лет он готовился к лунным переходам. Готовился не только в Пулковской обсерватории и в Космическом институте, но и на Памире. Он обладал прекрасной техникой восхождения, вырабатывая ее именно для лунных скал.

На Луне подниматься на горы было и легче и труднее, чем на Земле. Можно было совершать огромные прыжки, взбираться на совершенно отвесные скалы, уцепившись пальцами за почти неосязаемые шероховатости. Но очень опасно было неверно рассчитать свою силу или движение.

Годвин был менее опытен в горном спорте. Но он был силен и отважен и старался не отставать от командора.

Преодолев особенно трудную кручу, Петр Громов бросил вниз веревку, и Годвин ловко взбирался по ней. Он старался не смотреть в черную бездну, над которой повисал.

В одном месте остановились, чтобы передохнуть. Внизу раскинулась горная страна острых скал, ниже простиралось море, с круглыми, казалось бы, полузатопленными островами, с подобием лагуны посередине.

— Это походит на отпечатки гигантских копыт, — сказал Годвин, — или на коралловые острова, какие я видел в Тихом океане,

— Острова, это верно. Но, конечно, не коралловые. Перед нами, Годвин, те же вулканы, те же образованные ими кольцевые горы, но только затопленные.

— Почему на Луне они кольцевые?

— Потому что сила тяжести здесь мала, и лава, вылетев из кратера, разлеталась гигантской хризантемой.

— Хризантема? Не думал, что лунные черти проветривают свое помещение с помощью хризантем.

— Расплавленная лава, не соприкасаясь с отсутствующим воздухом, не теряя из-за этого тепло, падала кольцом и застывала, постепенно возводя вокруг вулкана кольцевой барьер, который, в конце концов, превратился в замкнутый горный хребет цирка.

— А потом?

— А потом древняя горная страна, состоящая из лунных цирков, при сжатии лунного шара опустилась. Из раскаленных недр через образовавшиеся трещины поднялась расплавленная магма и затопила старые горы.

— Черт возьми, командор! Выходит, лунные цирки рождались и умирали?

— Как и все в природе, Годвин. Вы хорошо сказали. В огне рождались горы, в огне умирали, опускаясь в сверкающее море. Оно дышало здесь тектонической зыбью, золотистое, местами красное, все в фиолетовых блестках. Пологие волны тяжело ударяли в подножья гор, сотрясая лунные утесы. Огненный прибой рассыпался внизу мириадами искр. Магма вгрызалась в скалы проплавленными гротами и тут же затвердевала камнем. Базальтовым камнем застыло и все лунное море, напоминая земные ледовитые океаны.

— Черт возьми, командор! Здорово у вас получается. Щелкнули тумблером — миллион лет назад. Щелкнули тумблером — вот вам сто лет вперед...

— Что ж, — рассмеялся Громов, — можно и на сто лет вперед. Миллионы лет ничего не менялось на Луне, но сюда пришел человек, Годвин. А человек может все. История человеческого прогресса — это история овладения энергией. Ею владеет теперь человек и может сделать невозможное. На Луне, в лунных породах, в связанном виде химических соединений есть и азот, и кислород, даже водород для воды, Человек, затратив энергию, освободит азот и кислород, и

они в земной пропорции создадут вокруг Луны атмосферу с земным давлением.

— Воздух? А он не улетучится с Луны из-за малой тяжести?

— Конечно, будет улетучиваться. Сила тяжести здесь в шесть раз меньше. Но пополнять атмосферу при постоянно действующих атомных установках не составит труда. Кстати, Годвин, на Луне будет не только воздух, но и вода. Она заполнит водоемы. И они будут синими, как новое лунное небо, которое мы здесь создадим. Лунный пепел, подобно пеплу Везувия, поможет создать плодородную почву. На поверхности Луны появятся удивительные сады, даже леса с деревьями непостижимой высоты и красоты. Перенесенные с Земли, они, не ощущая привычной для предшествующих поколений силы тяжести, разрастутся буйно. И на Луну станут прилетать люди Земли не только работать на рудниках, гелиостанциях, космодромах или обсерваториях. Люди Земли, Том, будут отдыхать здесь в сказочных условиях, не ощущая земного веса. Чудодейственно излечатся тут болезни сердца. Сюда прилетят спортсмены для небывалых состязаний в скорости бега, в высоте прыжков. С шестом вы перепрыгнете, Годвин, четырехэтажный дом! Альпинисты столкнутся с увлекательными препятствиями, с зовущими к себе скалистыми вершинами...

— Я бы не сказал, чтобы эти чертовы утесы уж очень меня притягивали. Но без скафандров лазить здесь будет приятнее.

— Человек, побывавший на Луне, никогда уже не забудет ее, вечно будет стремиться обратно, как стремится вернуться всякий, побывавший, например, в Арктике. Он будет тосковать по буйным лунным лесам, по озерам, по глади которых легко бегать...

— Ну, уж и бегать!

— Конечно! В специальной обуви с перепончатыми подошвами. И никогда не забыть восхитительного, знакомого лишь по снам ощущения легкости, которая позволит даже парить в воздухе на полах плаща, как на крыльях. Луна ста-

нет чудеснейшим местом Земли, мечтой, сказкой, местом счастья для каждого... Все будут стремиться побывать на ней или вернуться сюда снова.

— Вы такого мне наговорили, командор, что у меня в глазах искры посыпались.

— Годвин!.. Это не искры в глазах! Это падают звезды!..

— На Земле я бы загадал желание.

— Оно уже исполняется, Годвин, самое заветное желание! В черном небе летят не звезды, а капли лавы, как миллионы лет назад! Чтобы увидеть это, стоило лететь на Луну, стоило жить!..

Исследователи, как замороженные, смотрели на черное небо, где проносились золотистые звездочки.

— Что-то не походит на хризантему, — заметил Годвин.

— Это дождь, лунный дождь, Годвин! Огненный дождь!..

Звездочки вдруг стали вспыхивать совсем близко, во всех черных провалах, какими казались тени с ближних скал. На их месте появлялись дымки. Несколько капель лавы шлепнулись совсем неподалеку от исследователей.

Громов прыжком спустился к месту, где только что упала капля:

— Как это прекрасно, Годвин! Она застывает на глазах! На миллиметр сделала выше скалу!.. Из миллиметров слагаются километры высоты!

Горный склон покрылся дымками.

— Нам весьма кстати были бы железные зонтики. А пока их нет, я предпочел бы, командор, чтобы вы скрылись под каким-нибудь уступом.

— Да, да, Годвин! Вот здесь безопасно. Идите сюда. Давайте наблюдать. Хорошо, что я захватил кинокамеру Эллен... Великолепный получится фильм! Пусть посмотрят все, кто воображал, будто лунные кратеры созданы упавшими метеоритами! Вулканами они созданы, вулканами, Годвин!..

Петр Сергеевич увлеченно снимал, как падали огненные капли на камни, как рассыпались сверкающими фонтанчи-

ками, особенно эффектными в тени. Капли застывали на глазах шлаковыми наростами.

— Черт возьми! — только и мог выговорить Годвин.

Громов переключил шлемофон:

— Друзья, — закричал он. — Аленушка, Ваня!.. Лунный дождь! У нас на глазах растут камни, поднимаются горы лунного цирка!..

— Мы вас слышим, командор! — донесся издалека голос Эллен. — Как я счастлива, что вы, профессор, оказались правы!..

Огненный дождь все усиливался. Теперь уже не отдельные искры вспыхивали в тени. Черные провалы покрылись огненной сеткой, весь склон задымился, словно подоженный...

Лава не успевала застывать, огненными струйками она стекала вниз, подтекала под самые ноги стоявших в укрытии исследователей.

— Не может сверху, так достает снизу, — сказал Годвин. — Командор, надо бежать, поискать убежище по-лучше.

Ручеек лавы образовал пенящуюся лужу, была вся в пузырях и дымилась.

Громов и Годвин стали осторожно спускаться. Однако об осторожности пришлось забыть. Струйки лавы стекали отовсюду. Они набухали, сливались, превращались в огненные потоки. Узкое ущелье казалось наиболее безопасным, хотя в его тени там и тут вспыхивали звездочки.

Один за другим бежали по нему путники, прыгая по камням.

Огненный поток, словно в погоне за беглецами, ринулся по ущелью, наполнив его красноватым светом.

— Плохо, командор! — едва выговорил Годвин.

— Великолепно, Годвин! Мы видим Луну, какой она была миллиард лет назад!

— Но увидим ли мы Землю, какой она будет завтра?

Ущелье кончилось. Исследователи выскочили из него, и тотчас оттуда вырвался огненный поток.

Петр Громов схватился за бок:

— Осторожно, Годвин! Кажется, капля проггла мой костюм.

— Прячьтесь, командор! Вот сюда!

— Я зажал рукой... Бежим...

Держась рукой за бедро, прихрамывая, он стал прыгать с камня на камень, все больше отставая от Годвина.

Заметив это, Том Годвин вернулся.

— Воздух выходит... Бегите, Том... Возьмите кинокамеру... не ждите...

И вдруг огненный поток обрушился сверкающим водопадом, разделив исследователей.

— Держитесь, командор! Я перепрыгну через этот поток. Там повыше... Ждите меня...

Громов опустил на камень. Пальцы судорожно закручивали материал в поврежденном месте костюма.

Клубы газа, выделявшегося лавой, окутали его. Огненная масса, клокоча и пузырясь, неслась у ног. Утечка воздуха давала себя знать. Громов чувствовал, что ему все тяжелее дышать, что обожженное бедро онемело от холода, проникшего в скафандр. Сознание помутилось, Он качнулся, теряя равновесие, и едва овладел собой, усидел... Но в следующее мгновение свободная рука сделала судорожное движение. Он повалился на бок... покатился вниз по камням...

На месте, где только что сидел Громов, появился Годвин:

— Командор! Где вы? Хэлло! Хэлло!

Скрытый дымом, Громов все ниже скатывался по камням. Рука конвульсивно сжимала поврежденное место костюма. Лицо в прозрачном колпаке скафандра покрылось потом.

Ему казалось, что он кричит:

— Годвин! Сюда! Спуститесь метров на...

Шлем ударился о камень, антенна погнулась, отломилась...

Годвин сломя голову прыгал вниз. Он остановился, чтобы передохнуть, и оглядывался, стараясь найти командора.

Горный склон неузнаваемо преобразился, дым оживил его, сверкающие потоки — расцвели...

Годвин не видел командора. А тот лежал за камнем, на который он облокотился. Годвин ничего не слышал в шлемофон. Он включил дальнюю связь:

— Ван, Эллен! На помощь! Мы успели спуститься почти к подножью... Ищите нас... кругом огонь...

Годвин стал кружить на месте, не зная, где искать, командора. Он обежал камень и наткнулся на Громова.

Тот уже был без чувств.

Годвин сразу понял, что случилось. Он оборвал антенну, и ее проволокой закрутил поврежденное место скафандра командора. Потом взял огромное тело командора на руки и понес вниз, прыгая с камня на камень...

Кое-где вспыхивали в тени огненные фонтанчики...

...ЭЛЛЕН подбежала к танкетке. За кажущейся прозрачной полусферой виднелся пульт цвета слоновой кости, никелированные ободки приборов, пустое кресло водителя с красной кожаной спинкой.

Эллен в отчаянии стала колотить кулаками по пластмассе полусферического телевизионного экрана.

Евгения Громова, младшего брата командора, в кабине сейчас не было. Эллен колотила по телевизионному экрану и в ужасе видела, что кресло то мутнеет, то выступает отчетливее. Телевизионная связь с Землей становилась все неустойчивее.

Открылась дверца, на мгновение стало видно окно лаборатории Космического института, в которой был установлен макет танкетки, появился Евгений Громов, чем-то напоминавший брата, но с тонкими, почти нежными чертами лица, в голубой тенниске с короткими рукавами.

— Скорее! Несчастье! — кричала Эллен. — Мы должны мчаться на помощь.

— Это невозможно, — лишь через три секунды услышала она голос младшего Громова. — Танкетка находится на пределе видимости с Земли. Она не может двигаться. Радиосвязь неустойчива... А что случилось?..

— Они погибают! А вы рассуждаете о технических трудностях! Неужели настоящие люди — только на Луне! — И Эллен бросилась к светлой полосе, около которой так недавно прощалась с Петром Грозовым и Томом Годвином.

Подбежал Аникин, прихрамывая на левую ногу, низенький крепыш, веснушчатый, с чуть вздернутым носом. Он боготворил командора, хотя до полета на Луну защищал метеоритную теорию происхождения лунных кратеров. Показав Евгению рукой на взлетающую над камнями фигурку, Аникин бросился за ней.

Он отставал. Нога давала себя знать.

И вдруг мимо него промчалась танкетка. Она двигалась, как-то странно виляя, словно теряя управление и снова обретая его. Моторы работали на полную мощность, поднятая гусеницами пыль не оседала, и Аникин потерял Эллен из виду.

Тогда, забыв про боль, он полетел вслед за танкеткой, боясь отстать.

Танкетка ждала его. Эллен уже стояла на железном корпусе, опираясь рукой о полусферу.

Аникин вскочил и крикнул:

— Гони теперь! Жарь, молодец все-таки Женька!

Танкетка рванулась с места, но вдруг вильнула в сторону. Эллен свалилась на полусферу, а Аникин слетел на камни. Танкетка со всего размаха уперлась носом в камень, разбив правый прожектор. Она замерла, полусфера потускнела, изображение в ней исчезло. Эллен в отчаянии снова колотила кулаками по полусфере. И, словно подчиняясь ее воле, вновь появилось изображение молодого Громова. Танкетка ожила, попятилась. Аникин едва успел вскочить на нее. Она рванулась и понеслась.

Светлая полоса, похожая на железнодорожную насыпь, ныряла в пепел, появляясь снова лишь у самого подножья горного кряжа.

— Пепел впереди, Женя. Глубоко! Надо объезжать, — крикнул Аникин.

Танкетка круто повернула, пробежала несколько метров и остановилась. Изображение в полусфере мерцало, то появляясь, то исчезая.

— Нельзя, Ваня. Радиоволны не проходят, — слышался голос Евгения.

Танкетка стала пятиться. Она попробовала объехать море пепла слева, но и там вскоре потеряла управление. Контур острых гор, за которыми почти целиком скрылся Земной шар, капризно оставил лишь узкую полоску, по которой еще могла двигаться танкетка.

И тогда Евгений решил. Недаром готовился он годами к управлению лунной танкеткой с Земли. Прославившись как автогонщик, он устанавливал на автомашинах изобретенные им приспособления, чтобы механизм срабатывал не сразу, а спустя две-три секунды; он методично вырабатывал в себе способность управлять танкеткой, отстоящей на расстоянии, когда электромагнитная волна на путь в два конца затрачивает три секунды. Два раза он попадал в тяжелые аварии, но приобрел удивительные навыки. Только благодаря им он провел танкетку сотни километров по лунным долинам, в решительные минуты помогая экспедиции. И вот теперь...

Евгений направил танкетку прямо в пепел...

Танкетка влетела в него с большой скоростью и... поплыла... Гусеницы бешено вертелись, вздымая черные облака пыли, которые расплзались серыми шарами, заволакивая все туманом.

Но танкетка все же двигалась.

Лишь бы добраться до светлой полосы вулканических выбросов.

И вдруг в шлемофонах отчетливо прозвучал голос Годвина:

— Я несу командора, несу... И я вижу вас. Вы не так далеко...

Том Годвин нес Громова, чувствуя, что плечо его коченеет. Он включил аварийное устройство, изолировавшее шлем от скафандра.

— Конечно, — думал он, — правую руку придется ампутировать, так же как и ногу Командора... Прожгло и у меня скафандр. Лишь бы добежать до этой железнодорожной насыпи, забраться на нее...

И Том Годвин бежал. Рука его болталась плетью. Перекинутое через левое плечо тело командора казалось жестким. Том Годвин не знал, что смертельные огненные капли еще в нескольких местах прожгли скафандр Громова и космический холод ворвался под защитную одежду. Тело его стало негнущимся...

И вдруг у Годвина окаменела нога. Он не мог сделать ни шагу. Опустился на камни и положил рядом с собой тело командора.

Кругиплыли перед глазами Годвина. Сердце, вместо того чтобы бешено колотиться, билось медленно, молотом отдаваясь в висках.

Почти равнодушно посмотрел он на свой прожженный в нескольких местах скафандр. Потом заглянул в лицо командора.

— Вот это был человек! — мысленно сказал Том Годвин, даже не подумав о себе. Его шлем скользнул по гладкой поверхности шлема командора и скатился на камни.

Оба они случайно повернулись лицами к краю Земного шара, который узенькой полоской чуть выступал над зубчатой горной грядой.

Они лежали рядом.

Внизу в пепельном море вздымалось черное облако.

...ТАНКЕТКА билась из последних сил. Гусеницы буксовали. Она погружалась все глубже...

Эллен и Аникин едва видели друг друга.

Евгений круто повернул.

— Куда вы? Вперед! Только вперед! — кричала Эллен.

Евгений не слушал ее. Танкетка силилась двигаться, но пепел почти скрыл ее, над его поверхностью осталась лишь полусфера, рядом с которой стояли Эллен и Аникин. Пепел доходил им до щиколоток.

— Прыгайте! Прыгайте! — кричал Евгений.

Над пеплом возвышалась скала. Но она была слишком далеко. А танкетка тонула...

Это был непостижимый прыжок. Они прыгнули с Аникиным вместе, держась друг за друга. Они пролетали сквозь серую тучу пепла.

Скала плавно приблизилась снизу... и они упали на нее...

Полусфера едва виднелась над пеплом, напоминая краешек зашедшего земного диска.

И, наконец, полусфера с Евгением совсем исчезла. Пепел сомкнулся.

— Он утонул! — крикнула вне себя от отчаяния Эллен.

Евгений Громов, почерневший, словно пепел действительно оседал на его лицо, выскочил из макета танкетки. Он никого не видел в лаборатории, хотя она была полна встревоженных людей.

— Я утонул! — бессмысленно выкрикнул он.

Он почувствовал, что кто-то трясет его за плечи:

— Только ты знаешь, где они! Только ты!..

— Но я утонул!

— Перестань! Ты не смеешь! — это кричала Наташа, помощница Евгения, которую он знал как самую тихую девушку на свете. — Ты знаешь там каждый камень...

— Я знаю там каждый камень, но... Разве можно успеть на «Разум»? Он стартует за полторы тысячи километров отсюда. — Он посмотрел на часы. — Сегодня вечером в 10 часов 07 минут... Меньше, чем через полчаса!..

...АВТОМОБИЛЬ заносило на поворотах. Сирена взывала, и движение на шоссе прекращалось.

Гоночный автомобиль неся, прижавшись к асфальту.

Евгений нагibalся вперед, сидя рядом с гонщиком.

Перед ними были автомобильные часы. 9 часов 49 минут.

Ворота аэродрома были широко открыты! Гоночный автомобиль неся уже по бетонным плитам.

Реактивная амфибия стояла, напоминая стрелу с легким оперением

Вместо сирены теперь визжали тормоза.
Сверху протянулись руки.
Евгений буквально взлетел и исчез в проеме двери.
Амфибия уже разбегалась... пролетела над забором,
спрятала шасси...

Часы показывали 10 часов 07 минут...

Волосы Евгения слиплись.

Девушка в белом халате протянула ему стакан.

Он невидящим взглядом посмотрел на нее и залпом осушил. Потом уронил голову на руки.

Часы показывали 10 часов 23 минуты.

Трасса «Разума» рассчитана с предельной точностью.
Вылет не может задержаться ни на секунду.

Истопленно ревели за окном реактивные двигатели.

Часы показывали 10 часов 36 минут.

— Мы летим быстрее времени, — сказала девушка-врач,
— быстрее, чем вращается Земной шар...

Амфибия садилась прямо на горное озеро, разбивая грудью блики лунной дорожки.

Луна стояла над самыми зубцами гор, и, словно целясь в нее, поднялось над контуром гор острие гигантской ракеты...

Часы показывали снова 9 часов 49 минут. Ведь разница между московским и среднеевропейским временем 2 часа.

...КОЛЮЧИЕ немерцающие звезды были разноцветными. На Земле они, разбросанные по небосводу, отличались лишь величиной, но здесь безмерная и различная глубина каждой из них ощущалась так отчетливо, что невозможно было связать в одно созвездие Большой Медведицы входящие в нее звезды. На косматое, не затмевающее звезд солнце нельзя было смотреть. Все это было так странно... Ведь Евгений видел солнце и звезды в космосе лишь на телевизионных экранах...

Считалось, что он уже пересек один раз космос, благополучно посадил ракету на Луну, управляя ею с пульта танкетки...

А теперь ему была доверена посадка на Луну атомного гиганта...

Сердце у Евгения надсадно билось. Он забыл о невесомости. Груз ответственности был тяжелее...

Через переплет окна виднелась освещенная часть уже совсем близкого Лунного шара. Казалось, что он покрыт лужами. Большие и малые, все они были совершенно круглыми, отливая гладкой поверхностью. Каменный лед некоторых озер был изрыт воронками.

Гористая часть Луны казалась очень странной из-за длинных теней, отбрасываемых низким солнцем. Некоторые кратеры зияли чернотой, словно не имели дна. Менее высокие горы исчезали в тени пиков. Как бы ни далеки были детали лунного ландшафта, все они были видны одинаково четко, до самой границы неправдоподобно резкой тени. Это была граница ночи, съедавшая горизонт. На Луне нет сумерек...

Евгений боялся, что может ошибиться... Он должен был сесть в непосредственной близости от последней стоянки экспедиции, которую он сопровождал. Решали минуты. Все горы, долины, кратеры в воронки казались одинаковыми.

Во всяком случае, это у самого края ночи...

Великолепный корабль! Как он слушается каждого движения! Ведь Евгений привык, что его приказы механизмы выполняют лишь через три секунды...

Звездолетчики «Разума» припали к окнам. Они видели лунный пейзаж впервые...

Но и Евгений тоже видел его впервые, хотя и знал каждую его деталь.

...СЛЕДЫ! Вот они, следы на пепле, следы, которые он сам, управляя танкеткой, оставил на Луне...

Снабженные лыжами, звездолетчики во главе с Евгением Грозовым бежали по оставшимся в пепле следам. Они потрясли Евгения и тем, что он сам оставил их, и совершенно неправдоподобной контрастностью теней в них. Для него существовали сейчас только эти следы, хотя скалы, трещи-

ны и камни Луны могли потрясти каждого, кто впервые видел их...

Следы оборвались. Здесь танкетка вошла в пепел.

Дальше шли на лыжах...

...ЭЛЛЕН Кенни и Иван Аникин были найдены без сознания. Аникин потреблял больше кислорода, и американка присоединила к его скафандру свой дыхательный аппарат. У них было общее дыхание... Только потому и выжили оба!

Петр Громов и Том Годвин лежали в углублении между двумя выступами скал. С двух сторон вровень с этими выступами были насыпаны камни. Прозрачные колпаки шлемов были сняты. Оба смотрели в звездное небо, покорить которое дерзнули. У них были строгие, спокойные лица, даже величественные, может быть, оттого, что, окаменев, напоминали теперь скульптуру...

Когда Эллен умирала на скале, окруженной пеплом, она думала о них. Она знала, что на Луне тела их сгореть не могли, если бы даже их залило расплавленной лавой. Здесь нет кислорода... Просто они вошли бы по грудь в камень, стали бы лунным утесом... Так не сделал бы и Роден!..

Двенадцать звездолетчиков, прилетевших на «Разуме», закрыли погибших лунных исследователей исполинской каменной плитой. Это возможно было лишь на Луне.

Эллен тихо сказала:

— Я знаю. Сюда прилетит скульптор. Он высечет на этом камне их изваяния... именно так, как я их представляла... наполовину вошедшими в лунный камень.

Подошел Евгений:

— Космос достается людям... дорогой ценой.

— Что вы теперь хотите делать? — спросила Эллен.

— Что делать? Подниматься на горный кряж, изучать открытый вулкан!..

— Кто сказал, что люди не бессмертны!.. — прошептала американка.

А. КАЗАНЦЕВ

ЛУННАЯ ДОРОГА

Научно-фантастическая повесть

(Журнальный вариант)

Рисунки Н. Кочергина

Журнал «Нева», 1960, № 11
Использованы иллюстрации Ю. Макарова из издания:
*Александр Казанцев. **Лунная дорога***
М.: Государственное издательство географической
литературы (Географгиз), 1960 г.

Александр Казанцев

Лунная Дорога

Научно-фантастическая повесть

Часть первая

Зов космоса

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ

Рис. Н. Кочергина.

Человек за бортом!..

Второй пилот Аникин отпрянул от телевизионного экрана.

Громов, командир космического корабля «Искатель», вскочил с кресла. Высокий, он уперся рукой в потолок кабины.

На экране четко был виден американский «Колумб». От него отделился скафандр, с силой выброшенный из люка.

Нет, это не космонавт, осматривающий корпус... Американская ракета была одноместной и... быстро удалялась.

Громов посмотрел на Аникина. Шпрокопечий, крепко сбитый крепыш с вздернутым носом и внимательными глазами понял его без слов. Он включил дальний радиолокатор, чтобы держать скафандр в поле зрения телеэкрана. Результаты наблюдений поступят в электронно-вычислительную машину. Аникин заложил в нее перфорированную карточку, задав программу работы.

Громов смотрел на телеэкран. Скафандр был сделан из гибкой пластмассы и точно воспроизводил человеческое тело, для которого здесь не было ни верха, ни низа. Распростертое, противоестественно невесомое, с торчащими в верхней части экрана ногами, с раскинутыми руками, оно медленно вращалось от полученного толчка.

Громов нахмурился и казался теперь старше своих тридцати пяти лет. У него было массивное скуластое лицо с широкими сердитыми бровями, но добрыми глазами и с высоким лбом мыслителя. Он представил себе, что чувствует одинокий человек в пустоте среди звезд, и передернул плечами.

Разноцветные колючие звезды горели без мерцания, мертвым жгучим светом, который не рассеивал окружающей их черноты. Несовместимое соседство света и тьмы было особенно диким и странным близ злобно-яркого, взъерошенного солнца, огненно-косматого, похожего на ослепительную медузу в море мрака.

Странен был гигантский диск уже близкой планеты, не серебристой теперь, а серой, изрытой оспинами. Она напоминала клокотавшую и вдруг замерзшую массу, на которой, как на закипевшей каше в котелке, вздуваясь, пузыри оставили контуры кратеров. Частью затененная, выпуклая, вся в

зубцах гор, шероховатая, рельефная, она казалась мрачным центром чужой Вселенной.

— Упадет на Луну? — с тревогой спросил Громов.

Аникин молча указал глазами на считавшую машину. Она деловито постукивала.

Точно так же постукивала двадцать семь минут назад кибернетическая машина американской ракеты «Колумб». Перфорированную карточку взял с пульта жесткой, чуть дрожавшей рукой пилот Том Годвин.

На карточке стояла только одна цифра: «27».

Том Годвин не смел поднять глаза...

Все произошло так неожиданно!.. Одетый в скафандр с откинутым шлемом, Том Годвин лишь недавно пришел в себя. По разработанной для пилота инструкции, которая в космосе имела силу закона, он обязан был перенести взлет и начало пути усыпленный. Перед взлетом он удобно расположился в кресле пилота и принял таблетку. В сладкой истоме он бросил последний взгляд через иллюминатор кабины, как через окно нью-йоркского небоскреба, увидел отъезжающую решетчатую башню подъемного крана, далекий забор космодрома и за ним толпу репортеров и работников «Америкэн моторс».

Над волнистой линией гор простиралось удивительно синее небо...

И вот, недавно придя в себя, он ощутил в теле пугающую легкость, а в голове гнетущую тяжесть. Небо с вбитыми в него гвоздями звезд было черным...

По инструкции пилоту предлагалось после пробуждения прочесть свою судьбу... Не по звездам, как это делают модные астрологи в Америке, а по циферблатам приборов.

Автоматы прекрасно вывели ракету на орбиту. Шершавая Луна почти закрывала правое окно. Отвратительный шар без облаков!.. Кстати, Том Годвин так и не увидел прикрытого облаками земного шара... Теперь Земля была уже диском — огромным, но куда меньшим, чем надвигающийся тысячеглазый лунный шар. Край земного диска был съе-

ден тенью, он походил на гигантский полумесяц с расплывчатыми краями и каким-то странным рисунком, в котором невозможно было угадать очертания материков.

Стрелки на циферблатах дрожали. Спина у пилота похолодела. Он не верил глазам: указатель топлива показывал почти ноль... Годвин откинулся на спинку кресла.

Что случилось? Как мог получиться такой перерасход? Остатка топлива едва хватит, чтобы посадить ракету на Луну. А как вернуться? Просить, чтобы забросили на Луну топливо? Да разве попадет автоматическая ракета в нужное место? Через непроходимые лунные горы одному человеку топливо доставить не под силу...

Пилот умел держать себя в руках, даже когда был совершенно один среди звезд и приборов. Недаром он проходил на Земле жестокую тренировку одиночеством.

Он не боялся одиночества. Во всяком случае, считал, что оказаться на Земле за бортом жизни куда хуже, чем лететь одному на борту надежной ракеты в космосе.

А вылететь за борт на Земле у Тома Годвина было много возможностей. Его отец был убит в корейскую войну. Зачем понадобилось погибать Селвину Годвину, понять было очень трудно... До того как попасть в злосчастную армию генерала Макатура, он работал в Детройте на автомобильном заводе «Американ моторс», но остался без работы... Вот и пошел воевать... Он думал, что умеет это делать, набив руку еще в Африке, сражаясь против фашистских полчищ генерал-фельдмаршала Роммеля.

Селвина Годвина провозгласили в Америке героем, и фирма «Америкэн моторс» даже взяла на себя заботу о его сыне Томе, еще в раннем детстве оставшемся без матери.

Он получил кое-какое образование, а когда вырос, встал к конвейеру...

Но на беду в Америке стали покупать меньше автомобилей. Был год, когда их осталось непроданными шестьсот тысяч штук. Кроме того, и у Форда, и на заводах «Америкэн моторс» целые линии станков и даже конвейеры начинали работать... без людей.

Словом, Том Годвин остался за бортом.

А русские запустили первый искусственный спутник Земли.

Фирма «Америкэн моторс» взялась делать ракеты... не только космические, конечно.

Тому Годвину, напоминая кое-где об отце, удалось-таки устроиться. Он изучал ракеты, участвовал в их испытаниях, а когда понадобилось, изъявил готовность лететь в космос и даже пройти пытку одиночеством, которая называлась испытанием. Нужно было сутками, без отдыха, в полной «вакуумной» тишине сидеть в одиночной камере модели кабины и до чертиков в глазах смотреть на стрелки приборов. А чертики появлялись, они взбирались на стрелки, строили рожи и сводили Тома с ума. Некоторые американские психиатры считали, что космический пилот непременно должен сойти с ума.

Том Годвин надеялся на себя, и он летел в космосе один. Говорят, буддийские монахи в Гималаях добровольно замуровывают себя на несколько лет в каменный мешок, где нет ни света, ни звука. Они остаются наедине с собой, отрешаясь от мира, постигая «высшее совершенство», не отвлекаемые от самосозерцания ничем. Впрочем, может быть, это и есть сумасшествие?

Черт возьми! По сравнению с гималайским каменным мешком космос с его светлыми гвоздиками звезд не так уж плох! Но если из каменного мешка хоть через несколько лет можно было выйти, то из космоса без топлива не вернуться!

И Том Годвин затосковал. Он затосковал вдруг по Земле, по людям, по человеческому голосу. Тоска эта была подобна зубной боли. Том Годвин даже сжал руками щеки. Потом судорожно начал налаживать радиосвязь. Может быть, его считают погибшим или сошедшим с ума?

В наушниках зашуршало. Это были звуки Земли. И вдруг раздался голос, человеческий голос славного парня Джона Смита:

— Хэлло, «Колумб»! Я — Америка.

У Тома Годвина даже слезы выступили на глазах. Но разве мог он показать людям на Земле свою слабость!

— Эгей, Джон! — бодро крикнул он. — Чертовски рад услышать твой хриплый голос! Только что очухался от проклятого снадобья. Голова гудит, но кости целы. — Он знал, что его голос запишут на пластинки, их будет слушать вся Америка — в барах, в квартирах и в школах. Голос первого американца из космоса, которому надо держаться достойно! — Что там подсчитали астрологи, звездочеты и кибернетические машины? — весело спросил он. — Врежусь в Луну? Скорость как надо?

— Все о'кэй! — послышалось в наушниках.

Том Годвин отодвинулся от пульта с приборами. У него было некрасивое лицо с широко расставленными глазами, чуть простоватое, но мужественное и открытое. Он с неприязнью смотрел на одну из стрелок циферблата.

— Нет, не все о'кэй... — медленно произнес он. — Или указатель топлива врет, как профессиональный свидетель под присягой, или... Черт его знает, почему получился перерасход топлива. Чье-то грязное дело!.. Лишь бы сесть на лунный шарик... А по поводу возвращения, — мрачно добавил он, — памятника мне не ставьте. Лучше забросьте на место посадки топливо.

Он услышал какой-то шорох.

— Ох уж эти мне помехи! — заворчал он и сдвинул наушники.

Но шорох продолжался. Годвин обернулся и вскочил. Глаза его округлились. Вот оно что! Все-таки правы проклятые психиатры!..

— К дьяволу! — крикнул Годвин больше для того, чтобы от звука собственного голоса прийти в себя.

Но видение не исчезло. Перед ним в облегающем тело скафандре с откинутым шлемом стояла миниатюрная молодая изящная женщина с чуть сощуренными тревожными глазами и застывшей полуулыбкой на тонких губах.

— Хэллоу, Годвин! Я тоже спала при взлете, — нарочито бодро произнесла она.

— К дьяволу! — взревел, не помня себя, Годвин. — Я вышвырну тебя вон, даже если ты привидение!

— Тогда дайте сигарету, — улыбнулась незнакомка. — Привидения не курят.

— Тем хуже, — сипло произнес Годвин, садясь. — Духи, по крайней мере, не имеют веса. Но если вы женщина...

— Вы сомневаетесь в этом? — с вызывающей насмешкой спросила неизвестная.

— В вас должно быть фунтов сто... сто лишних фунтов, мэм! — тяжело сказал Годвин.

— Может быть, вы пригласите даму сесть? — сказала она, стараясь установить отношения.

— Гм... Сесть? Мне нужно думать о том, как сесть на Луну, — неприязненно ответил Годвин. — А кабина... вернее, ракета рассчитана на одного... человекообразного...

Молодая женщина мило поморщилась.

Годвин вскочил. Его настиг припадок ярости, что с ним иногда бывало. Он дал ей выход, вырывая из пульта приборы. Обладая недюжинной силой, он выворотил из панели два или три прибора, потом в бессилии опустился в кресло.

Незнакомка спокойно наблюдала за ним.

— О черт! — простонал пилот. — Разве наберешь сто фунтов! Здесь высчитано до унции...

— Что вы думаете обо мне, Годвин? — спросила незнакомка, усаживаясь на край пульта и покачивая ногой. — Я выдержала взлет отнюдь не в вашем удобном кресле.

— Что я думаю, мэм? — раздраженно повторил он. — О том топливе, которое перерасходовано на вас при взлете. Как вы сюда попали?

— Сообщите на Землю. Там ждут этой сенсации.

— Слушайте, мэм, черт вас возьми! — вскипел Годвин. — Нам никогда не сесть вместе ни на Землю, ни на Луну... Топлива не хватит. Я вас не знаю... Может быть, вы славная девушка...

— Вы славный парень, Годвин. Включите радио.

— Не торопитесь, мэм. Я даю задание кибернетической машине... Кое-какой подсчет, прежде чем... Вы сами не понимаете, в какое скверное дело вас впутали.

— Меня? — рассмеялась незнакомка. — Если бы вы знали, кто я!

— Очень приятно познакомиться, — пробурчал Годвин.

— Эллен Кенни, Годвин. Эллен Кенни из газеты Хента «Уорлд курьер».

— Мисс Кенни?.. Слышал. Это вы придумали «Вавилонскую башню»?

— Вы так считаете, Годвин?..

ГЛАВА ВТОРАЯ «ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ»

Дорожка из перламутровых бликов протянулась по воде. Будто вся из рыбьей чешуи, она мерцала, живая и манящая...

Над скалистыми горами, окружившими озеро-чашу, вставала полная луна, красноватая и огромная. В ее неверном свете менялось все земное. Каменные вершины, казалось, принадлежали чужому миру, где нет полутеней, где только платиновый свет и черные провалы тьмы, где все углы остры, склоны отвесны.

Катер подходил к берегу. В небо поднималось, становясь выше гор, удивительное цилиндрическое сооружение. Остроносый его купол на мгновение закрыл лунный диск, но луна просвечивала сквозь обнаженные в одном месте ребра.

Катер шел теперь вдоль берега, замедлив ход. И днем и вечером он привозил сюда группы любопытных туристов смотреть новое чудо света.

Башня, гладкая и безглазая, по высоте могла бы иметь все тридцать этажей. Нижняя ее часть была опутана строительными лесами. По обе стороны возвышались решетчатые мачты подъемных кранов.

За низкой бетонной оградой виднелся строительный хлам, бочки, баллоны, металлические балки и листы железа, перевернутая вагонетка без колес. Со столба свисали порванные электрические провода.

Маленькая, изящная американка сощурившись смотрела на это запустение, силясь вспомнить: «Рыжая башня уходит под облака, оборванная, без крыши... На песке пустыни — рыжие камни, высеченные, но так и не поднятые наверх... На всем рыжая ржавчина веков. Чья это картина?»

Мисс Эллен Кенни вовсе не была туристкой. Внизу, под облачным морем, клубившимся меж скал, в городе туристов,

сейчас шли последние переговоры о возобновлении международного строительства, о чем ей, признанной королеве репортажа, предстояло дать газетный отчет.

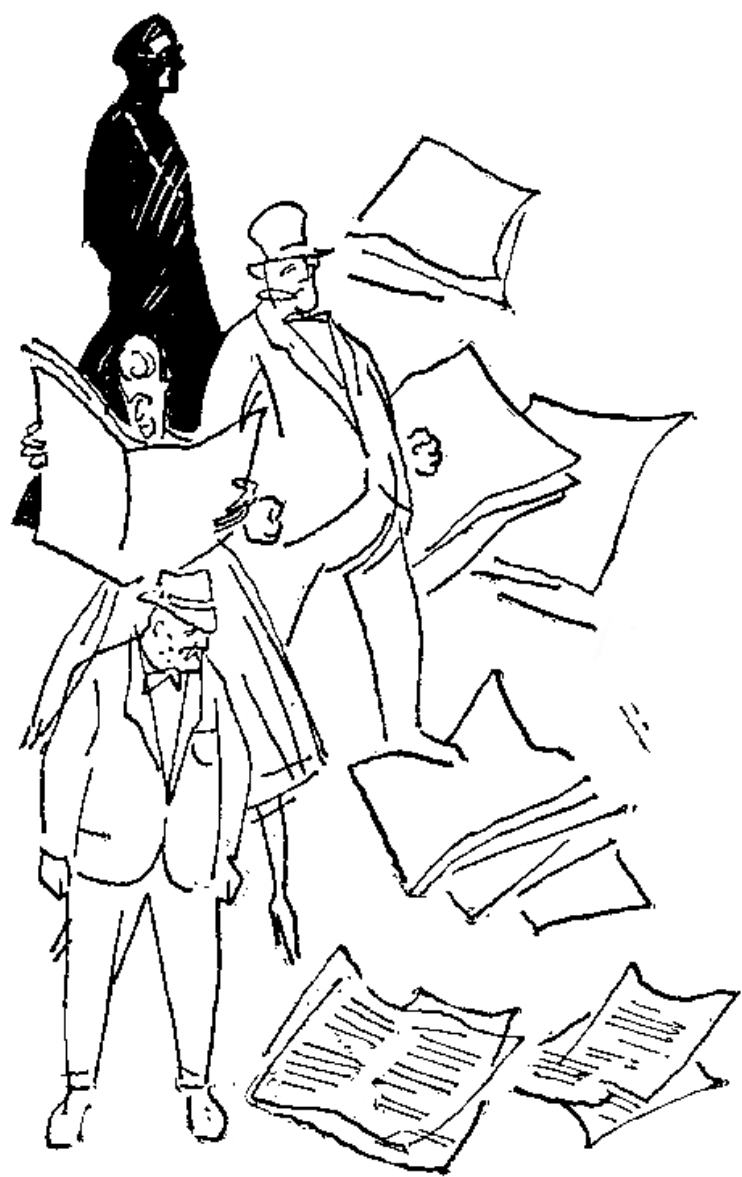
Когда-то Эллен Кенни, как и все американские девушки, мечтала стать кинозвездой или «мисс Нью-Йорк», но... она лучше умела скрывать свои чувства, чем изображать чужие, а размер ее бедер и бюста был меньше объявленного для «мисс Нью-Йорк» стандарта... Пришлось поработать и продавщицей универсального магазина, и одной из *герлс* варьете, наконец, секретаршей бизнесмена, оказавшегося гангстером, — словом, повидать жизнь после колледжа. Газета стала стременем, которое помогло Эллен вскочить Жизни на спину. И Жизнь понесла. Эллен держалась за гриву, щурилась и неизвестно чему улыбалась. Она любила быструю езду.

Узенькие улочки, островерхие крыши домов, тесно жмущихся один к другому, черепица, электрические огни, неоновые вывески, средневековые стены и современный асфальт... Таков был город туристов. Вечером он шумел. Столики кафе выдвинулись на тротуары, даже на мостовую. Автомобили едва не задевали разноязычных посетителей, которые пили кофе из маленьких чашечек или потягивали из рюмочек что-нибудь покрепче.

Два года в осуществление торжественных соглашений вблизи города туристов строился грандиозный корабль для полета международной экспедиции на Луну, куда не ступала еще нога человека. Но вот уже более шести месяцев все работы были прекращены. Теперь в городе туристов заседал Всемирный космический комитет.

Пресс-конференции ожидали завтра, но мисс Эллен Кенни получала свои доллары за то, чтобы уже утренний номер газеты «Уорлд курьер» вышел с ее корреспонденцией.

Чутье не обмануло ее. Она вернулась с прогулки на катере как раз вовремя, чтобы успеть включить на ступеньках отеля крохотный звукозаписывающий аппарат, помещавшийся в ее дамской сумочке.

Американский сенатор мистер Мэн покинул заседание Космического комитета, прежде чем оно закончилось. Сказанные им сразу после этого слова облетели благодаря мисс Эллен Кенни весь мир:

— Леди и джентльмены! К сожалению, с коммунистами — увы! — нельзя иметь дела. Мы не можем ради международного космического полета нанести ущерб нашей безопасности. Атомное оружие еще остается оружием справедливости, могущим сдержать наступление мирового коммунизма. И мы не станем открывать наши военные тайны.

Благообразный джентльмен, респектабельный, внушающий уважение неторопливыми, рассчитанными движениями, сошел со ступенек подъезда и сел в великолепный пластмассовый лимузин.

Эллен Кенни захлопнула сумочку. Аппарат выключился.

Поздним вечером мисс Эллен Кенни нашла советского представителя, академика Беляева, за одним из столиков веранды отеля. Это был сухой, подтянутый, изысканно одетый человек с гладко зачесанными седыми волосами, с узким лицом, тонким ртом и ироническими внимательными глазами за стеклами очков без оправы.

Играл оркестр, почти не двигались сжатые в душной тесноте танца пары, ловко сновали кельнеры, балансируя с подносами в одной руке, мило предлагали букеты хорошенькие цветочницы с усталыми губами.

— Я призналась бы, что гожусь вам во внучки, господин академик, — заговорила по-русски мисс Кенни, — если бы вы оказались скифским богатырем с седой бородой и львиной гривой. Но вы такой экстраевропеец, что и без того не захотите рассердиться, если я посижу с вами.

Академик тотчас встал и придвинул другой стул к столику.

— Прошу вас, — почтительно сказал он и добавил: — К сожалению, о внуках я могу только мечтать. Вы, конечно, журналистка?

— О-о! Вы проницательный и учтивый мужчина, господин академик. У меня невесомый вопрос: для чего русские мешают закончить международную космическую ракету?

Академик чуть заметно улыбнулся. Мисс Кенни невинно смотрела на него зеленоватыми, но не сощуренными, как всегда, а почти круглыми глазами, держа перед собой раскрытый блокнот.

— Смеем подозревать, что вам известно, на какое горючее рассчитана ракета?

— О да! На ядерное. Но ведь ракеты до сих пор летали на ином топливе. Зачем выбрано ядерное горючее? Чтобы нельзя было договориться?

— Нет, почему же? — Академик сел напротив Эллен. — Горючее — это особый вопрос.

К их столику подошел молодой человек с галстуком бабочкой, в обтягивающих ноги брючках, с огромными бортами коротенького пиджачка.

— Пардон, вы разрешите, мсье, пригласить вашу даму на танец? — спросил он по-французски.

— Если это доставит ей удовольствие, — сказал академик, испытующе глядя на журналистку.

Мисс Эллен Кенни, улыбнувшись академику, встала, Сумочка и блокнот остались на столе.

Академик заказал две рюмки вермута.

Мисс Кенни, положив руку на плечо специально нанятого ею партнера и плавно двигаясь в такт музыке, искоса поглядывала на Беляева.

Он не уйдет! Хорошо воспитанный человек не может уйти! А если он дождется ее, то... разговор будет почти интимным...

Танец кончился, и фатоватый партнер усадил мисс Кенни. Она торжествовала. Академик ждал ее! И даже заказал для нее вермут.

Но тут появился совсем незванный претендент на ее танец — вежливый турист, напоминающий самодовольную напомаженную жердь. Так сказала про него мисс Кенни, когда он, раздосадованный, удалился, получив отказ.

— Ракеты летали на жидком топливе, — как ни в чем не бывало, сказал академик. — Еще Циолковский первый под считал, какие могут быть достигнуты с помощью известных

видов топлива скорости истечения газов из дюз реактивного двигателя и какие скорости достижимы при этом ракетой.

— О да! Циолковский! — с уважением произнесла мисс Кенни.

— Но получалось, что нагруженный необходимым для полета в космосе топливом корабль не сможет сам себя поднять. Строились планы создания заправочных космических станций на искусственных спутниках Земли.

— О да! Искусственные спутники! — воскликнула мисс Кенни, отпивая из рюмки маленький глоток.

— Но уже первые советские искусственные спутники, если вы помните, удивили технический мир. В особенности первая космическая ракета, ставшая десятой планетой солнечной системы.

— Ее называли «Мечта». Это красиво!

— Оказалось, что в СССР создано топливо, способное вывести последнюю ступень ракеты весом в полторы тонны за пределы земного тяготения, сделать ее спутником Солнца. Наши последующие, еще более тяжелые ракеты использовали «активизированное» топливо...

— Что это есть, господин академик?

— При «сгорании» такого топлива происходила не только химическая реакция окисления с выделением тепла, но и «сдирание» части электронной оболочки вещества с использованием освобождающейся энергии электронов.

— О-о! И вы смогли забрасывать в космос очень много тонн. А для ракеты, что стоит на берегу озера подобно небоскребу, нужно уже только одно ядерное горючее?

— Вот видите. Вы сами сделали вывод, для чего нужно ядерное горючее гигантской ракете. Отнюдь не для того, чтобы нельзя было договориться.

— Извините, господин академик, я хотела слушать ваши возражения.

— Очень мило с вашей стороны! — Академик чуть склонил голову.

— Ядерное горючее... Его нужно ничтожно мало. Уже не будет проблемы веса топлива.

— Это не совсем так, — терпеливо продолжал академик.
— Принцип реактивного движения — это выбрасывание газов назад с большой скоростью. Он останется и для ядерного горючего. Что-то выбрасывать все равно придется. Пусть это будут камни, песок, все что хотите. Ядерное горючее только нагреет эту инертную массу, превратит ее в газ и выбросит назад, но с большей скоростью, чем это могло сделать прежнее топливо. Однако инертную массу легко пополнить на любой планете.

— На любой планете! — воскликнула мисс Кенни. — Как люди дерзки. Но им не дано достать неба.

Академик тонко улыбнулся:

— Человеку ничего не дано. Он все берет сам. И, поверьте, достанет небо с Луной и звездами.

— Зачем ему Луна?

— Луна — едва ли не часть Земли. И она ничем не защищена. На ней можно изучить все, что у нас скрыто почвой, изменено водой и атмосферой, а там — неизменно.

— Как это страшно, господин академик! Неизменно... — сказала мисс Кенни, задумчиво глядя на садившуюся за островерхие крыши луну. — Неизменность... Ничего не падает, не поднимается. Пылинки лежат без движения миллионы лет. Луна мертва.

— Не скажите. Наблюдатели сотни лет не замечали, чтобы на Луне что-нибудь происходило, но в 1958 году советский астроном Козырев обнаружил на Луне следы вулканической деятельности. А мы еще не знаем как следует другой стороны Луны, с Земли не видимой. Есть лишь несколько ее фотографий и есть гипотезы о действующих там вулканах.

— Вулканам в аду место. А на небе праведникам.

— Снова хотите, чтобы я вас опровергал? — иронически сказал академик. — Думаю, что на Луне найдется место и вездеходам и людям — не столько праведным, сколько отважным и подготовленным. Они могли бы полететь на Луну в корабле, строящемся отсюда неподалеку, но... мистер Мэн боится открыть свои секреты. А мы готовы выполнить все

взятые на себя обязательства. Конечно, одновременно с нашими заокеанскими коллегами. Я собираюсь сказать это завтра на пресс-конференции.

— Никогда не следует делать завтра то, что можно сделать сегодня.

— Я уже делаю. Более того, приглашаю вас приехать в Москву, познакомиться с людьми, которые готовы лететь на Луну.

— Но увы! Им не на чем полететь.

— Как знать! Мы ведь можем действовать самостоятельно, — улыбнулся академик. — Может быть, ваш рассказ произведет впечатление на сенатора Мэна...

— К сожалению, я могу рассказать пока только о «Вавилонской башне», — сказала мисс Кенни, вставая. — Гуд бай, мистер академик! Может быть, увидимся. — И она протянула руку.

Корреспонденция мисс Эллен Кенни наделала много шума:

«В давние библейские времена люди дерзко задумали построить башню до самого неба. Но разгневанный Господь лишил их общего языка, заставил заговорить на «двенадцати языках». Перестав понимать друг друга, разошлись строители, и заброшенная ими Вавилонская башня покрылась ржавчиной веков, так и не достав до неба.

Но все повторяется в подлунном мире, как говорил великий Пифагор. В наш космический век народы двенадцати языков, подобно древнему Вавилону, дерзнули строить башню-ракету, чтобы достать все-таки небо... Но, как и в библейские времена, разошлись ныне лишенные общего языка строители, оставив недостроенной современную «Вавилонскую башню», стоящую теперь в центре Европы символом международного непонимания».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ЗВЕЗДОЛЕТЧИКИ

Мисс Эллен Кенни с высокого берега любовалась золочеными куполами и островерхими башнями города, уходящего от излучины реки в дымку горизонта. «Дворцы высоты» величием современности окружали древний центр. Загадочный, непонятный Западу город! На протяжении веков к нему рвались обреченные победители. Его считают родным люди далеких стран, изучая, как и Эллен Кенни, русский язык. Город нового пути, пугающего необычностью, подвижничеством, дерзостью мечты... Здесь люди в течение десятилетий отказывали себе в комфорте, чтобы строить заводы и восстанавливать разрушенное войной. И они добились чего хотели, им оказалось по силам создать ракеты, сделавшие войну невозможной, ракеты, которые можно было отправить по любому адресу, имея в виду не только город, но даже улицу... и даже — с людьми на Луну.

Академик Беляев предоставил мисс Кенни доступ в Институт космонавтики, сообщив имена астронавтов. Мисс Кенни явилась на квартиру второго пилота межпланетного корабля Ивана Аникина.

Ее встретил человек с седой головой, энергичным лицом солдата и настороженными глазами.

— Иван Аникин, — представился он ей.

Очень импозантная внешность для первого астронавта!

Американка вошла в светлую комнату с несколько низким потолком.

— О! В Америке вашего сына сразу полюбят!

Мисс Кенни старалась выяснить все, что возможно. Оказывается, мать астронавта была военным врачом и выходила в госпитале своего будущего мужа. А Ваня у них младший сын. Есть еще три дочери — мастер химического завода, учительница и актриса.

— Как же вы подумали отпустить сына... на Луну?

— Рассматриваю как почетное задание. Женщины, конечно, поплакали на семейном совете. Парень наш всех слушает, а поступает по-своему.

— Наследственность?

— Возможно, — усмехнулся старый летчик. — К тому же просить о Ване приезжал к нам сам академик Коваленков.

— О! Это такой сухой и желчный старый джентльмен, я его видела у академика Беляева.

— Ваня его ученик и последователь. На Луне важно проверить теорию метеоритного происхождения лунных цирков. Нет воды и атмосферы. Все сохранилось.

— Почему это не сделает командир корабля профессор Громов?

— Петр Сергеевич Громов считает, что лунные кратеры — вулканического происхождения.

— Вот как? На Луну летят научные противники? Враги?

— Почему враги? Ваня готовится к полету под руководством Петра Сергеевича и уже души в нем не чает.

— Говорят, русских трудно понять.

— Возможно.

— Ваш сын оставляет на Земле любимую девушку?

— Младшая дочь сказала, что отпускает Ваню на Луну только потому, что женщин там нет.

— Это прелестно! — рассмеялась Эллен.

После матча Ваню Аникина, так же как и Громова, можно было увидеть лишь в Институте космонавтики. Мисс Кенни удалось узнать, что молодой профессор Громов, еще работая в Пулковской обсерватории, сделал открытие на краю видимого лунного диска. Он наблюдал там изменения загадочных светлых лучей, сходящихся на невидимой стороне Луны. Он считал их вулканическими выбросами и предположил, что на той стороне Луны действует вулкан. В своей докторской диссертации он до мельчайших деталей разработал проект лунной разведывательной экспедиции и перешел работать в Институт космонавтики.

Институт космонавтики!

Меньше всего Эллен ожидала оказаться в спортзале, огромном, с широкими окнами в верхней половине стен. На спортивных снарядах тренировалось множество людей. На турнике «крутил солнце» Аникин.

Эллен с интересом всматривалась в представшего перед ней низенького крепыша со вздернутым носом, веснушками и веселыми глазами.

Он крепко, как старой знакомой, тряхнул руку журналистке.

— Отец мне все про вас рассказал, — заявил он.

— Постойте! Кто же о ком узнавал?

— Взаимный интерес и симпатия.

— А я знаю, почему вас отпустили на Луну.

— Опасно оставлять на Земле, — рассмеялся Аникин.

Эллен была в восторге. Она спросила о профессоре Громове. Аникин указал ей на вышку перед бассейном, где великолепно сложенный атлет застыл перед прыжком. В следующее мгновение он бросился вниз, два раза перевернулся в воздухе, вытянулся и без брызг вошел в воду.

Эллен побежала к бассейну.

Спортсмен вынырнул. Высокий лоб, чуть спутанные мокрые волосы, внимательные добрые глаза и тяжеловатые скулы.

— О-о! Колоссально! — восхищенно воскликнула Эллен. — Вы есть профессор Громов?

— Добрый день, — удивленно отозвался Громов, выбираясь из бассейна.

Старичок врач подал ему халат.

— Что вы подумаете о полете на Луну? — спросила журналистка, вынимая блокнот.

— Простите, — смутился Громов, — предпочел бы интервью... ну... в одетом виде...

— О-о! Это мой метод. Врасплох! Непринужденность!

— Через минуту я приглашу вас в библиотеку.

Эллен огляделась. Она заинтересовалась необычной каруселью с кабинами, напоминавшими кресла пилотов. Центробежное ускорение в несколько раз увеличивало вес си-

дящих в них людей, как при космическом взлете. Мелькали покрытые испариной напряженные лица темнокожего юноши, коренастого китайца и даже... девушки.

В другом месте люди неведомым способом подсакивали под самый потолок зала, падали вниз и снова взмывали в гигантском прыжке. Оказывается, их подбрасывала пружинная сетка — батут. Они совершали на Земле «лунные прыжки»...

Громов ушел переодеться.

— О, скажите, док! — обратилась к седенькому врачу Эллен. — Схожа ли психика астронавтов и... самоубийц?

Врач строго посмотрел на американку:

— Не больше, чем бестактность напоминает учтивость.

— Благодарю вас, сэр, — тихо сказала Эллен и покраснела.

Появился Громов — элегантный, в строгом летнем костюме.

— Вы великолепный мужчина, господин Громов! — заметила мисс Кенни. — Вас жаль отпускать на Луну.

— Я еще мальчишкой, в дни войны, о разведчиках мечтал. А сейчас они нужны на Луне, куда собирается международная космическая экспедиция. — Громов открыл дверь в двусветный зал с книжными шкафами в простенках между окнами и длинными столами под висячими лампами.

Он усадил американку в мягкое кресло у низенького столика с журналами. Эллен взяла один из них — с огромной фотографией Луны на обложке.

— Ах, Луна! — сказала она. — Что вы о ней подумаете?

— Это планета загадок, такая близкая, прекрасно видимая и неразгаданная.

— Вам хочется разгадать тайну ее прошлого?

— И подумать о ее будущем.

— О-о! Даже будущее? — сощурилась Эллен. — Нужны гадальные карты.

— Карты? Только географические. Вернее, селенографические. Они доведут нас до самого края диска. За него так заманчиво заглянуть...

— Как романтично! — почти искренне воскликнула Эллен. — А вам не жаль расстаться с Землей?

— На Луну стоит лететь лишь во имя Земли. Это ее седьмой континент, последнее белое пятно! Ведь Земля и Луна — это одна двухпланетная система. Мы рискуем меньше, чем Колумб, искавший Индию.

— Ваша Индия — в небе...

— Ее можно рассмотреть в бинокль.

— Я сделаю это сегодня.

— И вы увидите, какой это странный, необычный, трагически красивый и влекущий к себе мир.

— Я уже боюсь смотреть, — засмеялась Эллен. — Вы опасный человек, лунатик, — сказала она, поднимаясь. — Вы можете увлечь за собой.

— Хотел бы увлечь, — встал и Громов, — но некоторые упираются. Более того, и меня к Земле привязать хотят.

— О-о! — оживилась Эллен. — Я уже слышала о другом лунатике — вашем младшем и непокорном брате. Гуд бай! — Она протянула руку. — Может быть, увидимся.

Эллен остановилась на липовой аллее, разделявшей два корпуса Космического института. Нежно пахло медом. Солнце пригревало. Эллен зажмурилась и вдруг почувствовала, как хорошо на Земле. Потом открыла глаза...

Итак, слева здание... Здесь безумцы или герои готовятся ступить ногой на другие миры, а справа... Справа здание, откуда некий дерзкий человек хочет дотянуться до этих миров рукой. Да, да! Эллен так и напишет в своём очерке.

Два пути к звездам! На одном старший Громов, на другом — младший...

Она решительно повернула к белому корпусу, на дверях которого было написано: «Лаборатория дальнеуправления». Эллен сощурилась. Как его зовут? Ах да! Евгений!..

Младший Громов был предупрежден и ждал Эллен в подъезде.

Неужели они братья? Эллен с интересом всматривалась в тонкие, даже нежные черты лица. Только жесткое упорство в подбородке и в уголках губ чуть напоминало брата.

Они вошли в длинную узкую комнату с тяжелыми лабораторными столами, покрытыми паутиной проводов и желтыми пятнами ящичков с приборами.

Скромная миловидная девушка в голубом рабочем халатике поздоровалась с американкой, но та была занята своим спутником.

— О-о! Так вот как выглядят технические гении, создающие современные чудеса! — сказала Эллен, стараясь взглядом смутить молодого человека. — Я думала, что они обязательно лысые и сутулые.

Евгений отвел глаза:

— Вы имеете дело не больше чем с летчиком-испытателем.

— Но ведь вы инженер?

— Как и всякий испытатель современной техники.

— Беспрецедентное путешествие на небо называется испытанием? Великолепно! А вы тоже тренируетесь? — иронически спросила Эллен.

— Конечно, — простодушно ответил Евгений, с интересом разглядывая посетительницу.

— Где же трапеция? — продолжала словесную игру Эллен.

— К сожалению, меня ждут корреспонденты, — уже суше сказал Евгений Громов.

— Корреспондентка, — с укором поправила Эллен.

— Здесь вы одна, но... в пятидесяти километрах...

— Всегда предпочитаю быть одна, — смеясь, объявила Эллен.

Евгений Громов подвел американку к макету танкетки, установленному внутри поворачивающейся во всех направлениях рамы. Гусеницы танкетки не доставали до полу.

Громов открыл дверцу и предложил Эллен заглянуть внутрь.

— Колоссально! — воскликнула она.

Верхняя часть кузова танкетки — полусфера молочно-белого стекла — изнутри была сплошным телевизионным экраном. Эллен увидела на нем поле, извилистую колею

дороги, недавно выкопанный ров, березки, а около них группу людей, видимо, журналистов.

Евгений Громов забрался в кресло водителя.

— Подлинная танкетка будет передвигаться по Луне, мисс Кенни, — сказал он, — и все, что вокруг танкетки, я увижу с Земли на этом экране, как сейчас вижу полигон. А на Луне, будь вы там, вы увидели бы на наружном телеэкране мое изображение в кабине.

— Предпочитаю не изображение, — задорно сказала Эллен.

Громов отвернулся и, стараясь скрыть смущение, склонился над пультом с приборами. Дверцу он не закрыл. Гусеницы загрохотали, танкетка стала крениться то влево, то вправо, поднималась то носом, то кормой. Макет копировал движение и положение бегущей где-то танкетки.

Эллен заглянула в приоткрытую дверцу и сразу как бы перенеслась на полигон. Бежали назад деревья, корреспонденты, машущие руками. Она даже ощутила крутой поворот, потом яму.

— Не выношу тряски, лучше асфальт, — сказала Эллен.

Но танкетка двигалась отнюдь не по асфальту. Временами казалось, что она опрокинется. Водителя трясло и болтало, словно он, в самом деле, ехал по ужасной дороге.

Наконец он, возбужденный, довольный, выбрался из танкетки.

— Как видите, «Вавилонская башня» не нужна, — торжествующе сказал он.

— Вы дотянетесь до других планет рукой? — Эллен закурила сигарету, щелкнув крохотной зажигалкой в наконецнике карандаша. — Скажите, вы боитесь лететь в космос?

Евгений вспыхнул:

— Боюсь? Разве люди, изобретавшие механические руки, чтобы орудовать с радиоактивными веществами, были трусами? Что может быть прекраснее человека?

— Вы любите Максима Горького?

— Вы читали его? — обрадовался Евгений.

— А как вы думаете?

— Мне бы хотелось, чтобы читали. Можно вырвать собственное сердце, светить им, как факелом...Но можно и напряжением мысли и сердца осветить людям далекие, недостижимые миры. Тоже во имя счастья человека.

— Но ваш брат хочет ступить на них ногой!

— Нужен ли такой риск? Ведь дальноуправляемая танкетка способна все увидеть на другой планете, изучить, ощутить, все сделать, наконец! Ведь у нее есть такие руки-манипуляторы...

— Я не знаю, кто из вас более дерзок: вы или ваш брат, — сказала Эллен, вставая.

Евгений провожал гостью через лабораторию.

— Вы тоже опасный, скромный человек, — рассмеялась Эллен и протянула руку. — Гуд бай! Может быть, увидимся.

Громов смотрел из окна, как шла Эллен по липовой аллее, маленькая и стройная, изящная, шла уверенно, ни разу не обернувшись.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛЕТАТЬ ИЛИ ПОЛЗАТЬ?

Электрический поезд остановился у подмосковной платформы. Пассажиры хлынули из вагонов. Вечер был тихий и ласковый. Вдалеке лаяли собаки. Раздался низкий гудок, поезд ушел, и стало совсем тихо.

От высокой платформы до леса, скрывавшего берег реки, над землей стелился молочный туман. Пахло смолой, прелью, чуть-чуть сыростью и свежей масляной краской от пешеходного мостика, перекинутого через рельсы.

Пассажиры шли по нему вереницей, озабоченные и торопливые.

Внизу на перроне горели шары фонарей, в прозрачных облаках бежала неполная луна.

Сойдя с мостика, люди погружались по колено в туман.

Петр Сергеевич и его спутница сошли последними.

Туман, казавшийся сверху сплошным, здесь был редким и прозрачным. Но справа и слева от тропинки он густел, скрывая кусты и кочки старого болотца.

— Будто выше облаков, — сказала девушка. — Вы станете об этом вспоминать, Петр Сергеевич?

— Об этом? Конечно. Ведь такого никогда там не встретишь.

— Не говорите слова «никогда».

— Я имел в виду туман. Тут на него раздражаешься... Сырость. А там... тосковать по нему, пожалуй, буду.

— Тосковать... по туману! — вздохнула девушка.

Они вошли в березовый лесок.

— Не только по туману, — задумчиво сказал Петр Сергеевич. — Вот об этих березах... Марко Поло, проехав когда-то по нашим краям, писал, что он встретил в удивительной стране удивительные деревья, кора которых напоминала кожу женщины. — Громов рукой коснулся молодой березки. — Что-то мы встретим в чужом мире?

— Не надо! — Девушка замотала головой. — Это страшно... Всегда видеть над головой ваш бесконечно далекий мир.

— Что же делать! Провожали ведь людей в Арктику или Африку времен Стэнли. Тех путешественников нельзя было увидеть ни в какой телескоп.

— Телескоп! — повторила девушка. — Можно заметить тень предмета высотой в полтора метра... С Земли будут видны ваши движущиеся тени...

— И вы помашете отсюда мам рукой.

Девушка остановилась.

— Я уже сейчас помашу вам рукой, Петр Сергеевич, — грустно сказала она.

— Что вы, Наташа! Разве вы не зайдете к нам на дачу?

Девушка горько усмехнулась:

— Нет, зачем же? Вы там будете своей семьей... А я...

— Наташа! — с укором воскликнул Громов. — Вы у нас как родная!.. И вместе с Женей мне ножку подставляете, — пошутил он.

— Как вам не стыдно? Ведь вы такой... Я знаю, кого могут послать туда. — Она взглянула на луну и, зябко поведя плечами, накинула на них косынку.

— Милая Наташа... Давно я хотел сказать. Для вас я только полотно, на котором вы рисуете невесту что...

— Я не рисую, а вижу. И все еще чего-то жду...

Громов нахмурился и с усилием произнес:

— Не надо ждать.

Наташа отвернулась. Скомкав косынку, она прижала ее к лицу. Потом молча побежала вниз по тропинке.

Громов стоял, борясь с желанием вернуть ее. Наташа скрылась за поворотом. Под березкой что-то синело. Он поднял косынку...

Он знал Наташу еще в Ленинграде, школьницей, когда она приходила к Жене готовить уроки. Петр приезжал из Пулковской обсерватории, отсыпался после «звездной ночи» и, выходя в столовую, заставлял «зубрилок» за учебниками, разложенными на обеденном столе.

Они вместе окончили школу и поступили в Ленинградский политехнический институт. Очень трудно уловить момент, когда девочка превращается в девушку, когда отношение к ней вдруг становится иным... Если бы не 1957 год, все сложилось бы не так для Петра Громова и Наташи...

В этом году советская ракета вынесла на орбиту первый искусственный спутник Земли, и межпланетные путешествия стали близкой реальностью.

Петр Громов занялся проектом лунной экспедиции и переехал в Москву, в Институт космонавтики.

Евгений, под влиянием старшего брата увлекшийся Лунной, еще на третьем курсе института задумал управляемую на Луне с Земли танкетку, которую решил разработать в дипломном проекте.

Евгений и Наташа два года спустя закончили институт. Наташу направили в какую-то лабораторию, а Евгений оказался, как это ни странно, на киностудии... Именно там для научно-фантастического фильма о полете на Луну потребовалась спроектированная им танкетка. Он построил свою танкетку, ее видели с экрана миллионы зрителей, но мало кто из них мог предположить, что это подлинная модель будущего лунного вездехода.

Братья дружили, и летние месяцы проводили вместе в альпинистских походах. Петр был мастером альпинизма, впрочем, также и мастером-десятиборцем. Евгений уступал ему в легкой атлетике, но трудности горных походов делил с ним пополам.

Наташу они с собой не брали.

Евгений принадлежал к числу людей одержимых. Он выработал для себя труднейшую программу жизни: работал трактористом на целинных землях, крановщиком в Ленинградском порту, был членом автоклуба и даже прославился как автогонщик. Он устанавливал на машинах изобретенные им приспособления, чтобы механизм не сразу, а спустя две-три секунды выполнял его приказы, и все для того, чтобы выработать в себе способность управлять лунной танкеткой,

отстоящей на таком расстоянии, когда электро-магнитная волна на путь в два конца затрачивает три секунды. Два раза он попадал в тяжелые аварии, но приобрел удивительные навыки.

Студенческая работа Евгения, к которой Петр относился с легкой иронией, и дальнейшее его самосовершенствование не остались незамеченными. Руководство Института космонавтики организовывало лабораторию дальнего управления, чтобы освоить новое чудо техники — «лунный вездеход», созданный для реальных целей упорным совместным трудом многих научно-исследовательских институтов и заводов. Это поразительное творение, но своему техническому совершенству достойное современных космических ракет, в основных своих чертах напоминало наивную танкетку Евгения.

Именно Евгению было доверено освоение нового «чуда». Для этой цели он был приглашен работать в Институт космонавтики, он пришел туда неожиданно для брата, своим путем. И вместе с Наташей... Она так хотела, она всегда добивалась своего. В Москве отношения Петра с Наташей начали складываться по-новому.

Молодой доктор наук, профессор, вероятный участник экспедиции на Луну, стремился избежать всего, что хоть чем-нибудь могло его ослабить, отвлечь.

И вот почти накануне полета космического корабля «Искатель» его командир подобрал с земли синенькую Наташину косынку и бережно положил ее в карман.

К даче, которую они с братом снимали в поселке Института космонавтики, Петр шел медленно, погруженный в раздумье. На веранду поднялся тяжело, словно не он брал с шестом высоту более четырех метров.

На веранде, сидя на стуле с шитьем в руках, спала пожилая женщина. На столе было собрано к чаю: чайник прикрыт мягкой куклой, чашки расставлены, хлеб нарезан, на тарелку наброшена салфетка.

Только оставаясь одна, забывала пожилая женщина про свои годы, казалась себе по-прежнему легкой и ловкой,

быстрой и задорной, той самой Настенькой, на которую заглядывал видный Сергей Громов с Обуховского завода... Такими же крепкими, задорными росли мальчики — старший, Петя и младший, Женя. Их очень любили не только она и муж, но и свекор. Старик все хотел, чтобы они стали потомственными мастеровыми. Этого же хотел и отец. Петя настырный был, вечно добивался: «Почему?». Росли один за другим, а совсем разные. Младшенький не за старшим шел, норовил все по-своему. И дрались, бывало, не разнимешь. Но друг друга никому в обиду не давали. Не привелось ни отцу — с первых дней войны в подводники ушел и погиб, ни свекру — в блокаду старик помер — братьев Громовых на Обуховском заводе увидеть. Своим пошли они путем, и не угадать было тогда...

Вдруг мать вздрогнула, открыла глаза. В дверях веранды стоял Петр. Она бросилась ему на грудь.

— А ты чай собрала, словно знала, — сказал Петр, ласково обняв мать и усаживая ее к столу.

— Да я каждый вечер собираю. Все думаю, вот приедете.

— Работа, мама. Сама понимаешь.

— А ты один?

— Заходил за Евгением. Там только Наташа была.

— Так где ж она? — всполошилась мать.

— Разобиделась, убежала...

— Нехорошо это, Петя, — с упреком сказала мать, хлопая у стола. — Лучше бы ты год назад послушался матери, женился на Наташе.

— Не бреди, мама. — Петр резко отодвинул стул, за спинку которого держался. — Как ты не понимаешь! Я уже знал тогда... Не имею я права... Есть дела, на которые можно идти только одиноким.

Мать обернулась и покачала головой:

— Одиноким? А меня разве нет?

Петр подошел к ней и обнял за плечи:

— Ты у меня сильная. А я не могу ни ее связывать — пусть будет свободной, — ни себя ослабить.

— Думаешь, это от силы у тебя? От слабости. Я, жена подводника, в Ленинграде на пирсе стояла, вас с Женей за руки держала. Глаза проглядела...

— Не надо, мама! Я-то знаю твою горе. Потому и о других думаю...

— Неверно это, Петя, неверно... От себя и на Луне не спрячешься.

За верандой послышался шум, распахнулась дверь, и в нее влетел Евгений, возбужденный, радостный, сияющий.

— Чай отменяется! — воскликнул он. — Бокалы для шампанского! — И он взмахнул в воздухе завернутой бутылкой.

— Что это ты? Рано еще его провожать, — насторожилась мать.

— Не придется его провожать, мама! — загадочно заявил Евгений. — Все в порядке! Никуда он не полетит.

— Да что ты, Женечка! — удивилась мать. — Столько труда — и не полетит.

Евгений опустился на стул и с грохотом поставил бутылку на стол:

— Поздравьте, наша танкетка блестяще прошла испытания!

— Я этого ожидал, — сказал Петр.

— Ну, тогда можно и выпить, — согласилась мать.

— Танкетка полетит на Луну! Вместо Петра! Вместо людей.

Петр молчал.

Евгению стало не по себе. Он ждал взрыва, бури. Он продолжал говорить матери, но смотрел на брата:

— Понимаешь, мама... Человеку незачем быть на Луне. Он не может жить без защиты атмосферы. Пусть за него все сделают автоматы. Их дешевле забросить туда!

Петр встал:

— Бухгалтерия космоса! Дешевле, проще! Всякий прибор — тупой и бездумный исполнитель! Что может сделать даже управляемый робот? Что он может сделать по сравнению с человеком, находчивым, изобретательным, ориенти-

рующимся в любом положении, с натренированным телом, которое бесконечно совершеннее неуклюжих машин!

— Но я — душа управляемой мною машины.

— Вот потому-то и сам становишься таким же тупым и бездумным, как ваша танкетка.

— Оставь ее в покое!

— Я-то ее как раз и не оставлю. Ей всегда нужно давать задания.

— Это будет делать водитель... с Земли, — повысил голос Евгений.

— Тебе придется примириться с тем, что приказывать водителю буду я... с Луны, — невозмутимо заявил Петр.

— Что ты хочешь сказать?

— Что тебе не удалось подложить мне свинью! Думаешь, испытали замечательную машину, которой можно управлять на Луне, так и не полетят на Луну люди, рейс «Искателя» отменят?

— Отменят!

— Нет, решение иное. Оно мне известно.

— Какое?

— Полетят два «Искателя». На одном мы с Аникиным, на другом — ваша танкетка. А на Луне она нам пригодится.

— Что? — Евгений вскочил. — Ну, нет! На Луне танкетка многое докажет... И раньше всего, что ты там не нужен!

— Я там не нужен? — грозно надвинулся на брата Петр. — Ты понимаешь, на что замахиваешься? На самое для меня святое!

— Оставь свой звонкий топот. Сам ты что делаешь? — отступив на шаг, крикнул Евгений. — Только что ревушую Наташу встретил.

— Мальчики! — встала между сыновьями мать. — Да что вы, право!.. В детстве и то так не дрались. Если лететь, так по-братски.

Евгений этой же ночью добился свидания с академиком Беляевым.

Академик, предупрежденный по телефону, сам открыл Евгению дверь. Как всегда, изысканно одетый, словно и не спавший, он провел его тихо по коридору, потом плотно запер двери кабинета.

— Ну, — сказал он, улыбаясь одними глазами, — если разрешишь, я выскажу все твои бурные мысли: два взаимно исключающих направления... Мы не смеем... и так далее...

— Нельзя превращать такой удивительный вздох в ишака, во выючное животное!.. Он рассчитан на самостоятельную работу, а не на роль помощника!

— Не торопись. Помощь, может быть, еще и тебе понадобится. Наша танкетка значительно усилит экспедицию, но и члены экспедиции расширят ее возможности. Ты ведь «рожденный ползать», ни на одну лунную гору не поднимешься, не так ли? А Луна — планета гор, притом кольцевых. Танкетка через горное кольцо не проникнет, тайну кратеров, к сожалению, не раскроет. Я уже не говорю о той стороне Луны — недоступной для радиоуправления.

— Но ведь это же такой риск для людей!

— Ты с нашей танкеткой должен уменьшить этот риск до предела. — Спокойные, вежливые слова академика разоружали. — Ты коммунист?

— Еще молодой... — смутился Евгений.

— И брат твой коммунист.

— Разве коммунисты не могут соревноваться?

— Могут и должны, но... помогая друг другу.

— А я смогу там действовать самостоятельно?

— Сможешь! Иди домой спать. Пожми брату руку.

— Я пожму ему руку. Все время буду жать руку на Луне... железным манипулятором! — многозначительно пообещал Евгений.

Академик, пропуская Евгения вперед, довел его до выходной двери.

— И не забывай, — сказал академик на прощанье. — Ты — наша связь с ними... Живая. А это очень, очень важно...

На дачу Евгений уже не поехал.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ФЛАГ ЛУНЫ

Высокие голые скалы, зубчатые, с острыми вертикальными ребрами, желтоватыми прожилками и черными зигзагами трещин, отвесно поднимались с каменистой россыпи, замыкая равнину со всех сторон, как арену гигантского цирка.

На хмурых шершавых утесах не росло ничего, меж камнями не забилося ни горстки земли, на слое пепельной пыли не отпечаталось ни единого следа ящерицы, змеи или насекомого... Здесь даже не было смерти, потому что смерть — последний акт жизни, которой здесь не было. Все застыло в ледящей неизменности, в безысходном покое... Только резкие тени беззвучно и неумолимо двигались, пересекая равнину от затененных склонов до мертвенно-платинового, ярко освещенного обрыва.

Внезапно в середину каменистой арены с неба уперся огненный луч, красный, узкий, почти не расходящийся. Он коснулся камней, и под ним за клубилось облако дыма или пыли. На пламенном луче, словно опираясь на него, как на жесткий столб, удерживалось в высоте сверкавшее на солнце серебристое тело.

Огненный столб казался осязаемым, прочным, объемным, и он словно уходил в камни, загоняемый в них неведомой силой, погружался, как раскаленный прут в сугроб, становясь все ниже, короче. И серебристое тело, венчая его, постепенно снижалось.

Оно походило на остроконечную головку исполинского снаряда, да по существу и было им, космическим снарядом, последней ступенью ракеты, реактивные двигатели которой, тормоза, позволяли ему плавно опуститься.

И он почти застыл, остановился над клубами дыма и пара. Внизу снаряда выдвинулись три лапы, словно шасси у самолета.

Снаряд коснулся одной лапой камней, накренился и сел, чуть спружинив.

Пламя исчезло, только коричневый дым расплывался темным туманом, рассеивался тучей пепла.

И снова стало все мертвленным и недвижимым на окружающей скалами равнине. Инердным сверкающим телом стоял на арене циклопического цирка космический снаряд.

В его круглых иллюминаторах, похожих на окна батисферы, никто не показывался. Бесконечно медленно двигались тени...

Но вот в нижней части снаряда дрогнула круглая крышка люка и начала медленно отворачиваться. От нее вниз по лапе шли несколько лестничных ступенек.

Дверца люка сделала пол-оборота и распахнулась. За нею чернело отверстие.

Из люка стало выбираться странное чудовище, в котором лишь с трудом можно было угадать астронавта. Огромный, в безобразном скафандре, он одной ногой пытался наступать ступеньку.

Однако, столь неуклюжий с виду, он спустился на каменистую почву с неожиданной ловкостью и быстротой.

В руке он держал длинный шест. Первой заботой спустившегося было насыпать горку камней и водрузить в них шест.

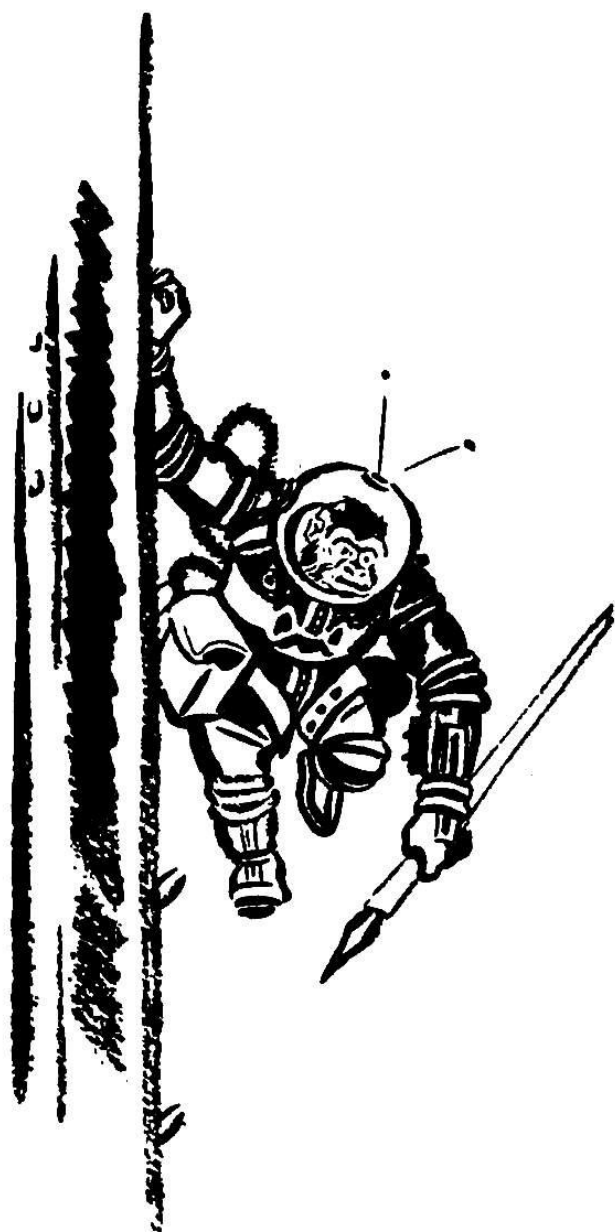
Это было древко флага, который никак не хотел развернуться из-за отсутствия ветра.

Астронавт стал раскачивать древко, стремясь размотать флаг. Это ему удалось. Находясь в движении, полотнище флага развернулось.

Это был полосатый флаг со звездами — американский флаг.

Астронавт укрепил древко флага. Полотнище снова повисло. Как бы то ни было, но флаг над равниной если не развевался, то был водружен.

Астронавт, ковыляя по камням, стал расставлять взятые им из ракеты приборы. Одновременно он поднимал камешки и, не рассматривая их, механическим движением засовывал в подвешенный к скафандру мешок.

Уныло бродило странное существо среди неприветливых скал. Дважды оно возвращалось в ракету, освобождало там мешок и возвращалось снова на равнину, чтобы заняться сбором камней.

Вместо шлема на астронавте был легкий колпак. Через прозрачную пластмассу отчетливо видны были косматые плечи, кудрявая шея, могучий затылок. Когда астронавт поворачивался, его маленькие, широко расставленные глазки сверкали. Гигантские клыки не уместались в закрытой пасти, придавая заросшей шерстью морде злое вид.

В скафандр была одета гигантская горилла...

Да, это была горилла, великолепно выдрессированная горилла.

В шлемофоне она услышала знакомый ей, переданный по радио голос профессора Триппа:

— Эгей, Колумб! Ты меня слышишь? Эгей, гоп! Обратно! На место! Обратно!.. Кушать! Колумб! Иди кушать в ракету. Собери приборы. Живо! Хэлло, Колумб! Собери приборы и — кушать!

Горилла-астронавт все прекрасно поняла.

Сутулясь, доставая передними лапами до камней, она проворно побежала к тем местам, где оставила самописцы. Деловито засовывала она ящичек за ящичком в мешок, свободный сейчас от камней.

Потом заковыляла к флагу, зачем-то потрясла его древко, но очевидно вспомнила, что трогать его не следует.

Она проворно забралась по лесенке в люк ракеты и скрылась в нем.

Некоторое время виднелось темное отверстие, потом крышка люка сама собой захлопнулась, сделала пол-оборота и замерла.

Недалеко от ракеты торчало древко с повисшим полотнищем флага.

Взревел реактивный двигатель под космическим снаряжением. Снаряд вздрогнул, из-под него ринулись клубы черного дыма, сквозь который просвечивало красноватое пламя.

Рев усилился, отдался в кольцевых скалах оглушительными раскатами.

Огненный столб стал как бы выползать из камней, поднимая на себе серебристый снаряд. Движение все ускорялось, снаряд подскочил в воздух, пламенный меч отделился от поверхности земли. Ракета ринулась в небо.

Она напоминала маленькую комету с коротким огненным хвостом. Скоро она растворилась в синем небе. Остался только вытянутый белый шарф, словно здесь пролетел реактивный самолет. Этот шарф еще долго держался над Аризонской пустыней, где каприз природы создал подобие лунного пейзажа, не раз использованного американцами для киносъемок, а теперь для научных целей.

Несколько человек, стоя на площадке скалистой горы, следили за улетевшей ракетой в сильные бинокли, в которые несколько минут назад они наблюдали внизу на равнине поведение гориллы в наряде астронавта.

— Автоматика работала безукоризненно, мистер Трипп, — заметил сенатор Мэн.

— Рад это слышать, — склонил голову красивый седой человек, вынимая изо рта трубку. — А что скажет прессы? — обернулся он к маленькой изящной женщине, державшей в руке портативную кинокамеру с сильным телеобъективом.

— Колумб был прелестен, — сказала мисс Эллен Кенни. — Жаль, что ветер не развеивает американского флага.

— На Луне флаг никогда не будет развеиваться, — ответил профессор Трипп. — Там нет ветра, более того — там нет воздуха.

— И вы уверены, профессор, что Колумб благополучно вернется на Землю?

— Точно так же, как в том, что он сейчас опустится на космодроме в Аризонской пустыне. Я буду счастлив, если вы сообщите читателям, что мы считаем выучку гориллы Колумб величайшим достижением американской науки наряду с созданием экспериментальной ракеты «Колумб». Пусть первые шаги в космосе сделают дрессированные жи-

вотные. Наука должна быть гуманной, если служит человечеству.

— А я думала — фирме «Америкэн моторс», — едко заметила мисс Кенни.

Профессор Трипи укоризненно посмотрел на журналистку:

— Фирма финансирует наши исследования, рассчитывая обнаружить на Луне неизвестные минералы, быть может, заурановые элементы, которые так нужны технике...

— Для сверхбомб, — быстро вставила Эллен.

— Ученый должен быть в стороне от политики. Это дело газет.

— Политика, — проворчал сенатор Мэн. — Обезьяна втыкает в камни палку... И вы думаете, что это даст нам право претендовать на все ценное сырье на Луне?

— Я не думал об этом, мистер сенатор. Мне казалось, что это дело Всемирного космического комитета, в который вы входите.

— К черту комитет! — повысил голос сенатор. — Каждому ясно, что Луна принадлежит тому, кто встал на нее ногами... а не лапами. А вам, проф, предстоит дать свои объяснения не в Космическом комитете, а в комиссии сената, которую я возглавляю.

— В «комиссии престижа»?

— Да, в «комиссии престижа нации», сэр, если вам так угодно называть мою комиссию.

Профессор Гарольд Трипп был учеником самого фон Брауна, того фон Брауна, немецкого инженера, который во время второй мировой войны создавал страшные ракеты Фау, несшие через море лондонцам смерть и разрушение. После разгрома гитлеровской Германии фон Браун в качестве «живого трофея» «достался» американцам. Он снова взялся за работу над созданием все более мощных ракет уже в Америке.

Инженер фон Браун смотрел в космос. Атомные заряды, которыми можно было бы начинить его ракеты, грозили на Земле слишком большими несчастьями. И теперь он выска-

зался против таких средств разрушения. Гарольд Трипп, работая под руководством фон Брауна, полностью разделял его новые взгляды.

Но хозяева фон Брауна рассуждали иначе.

«Юпитеры», «Авангарды», «Торы», «Атласы» и прочие реактивные колоссы шли на вооружение войск НАТО, пополняя склады атомно-реактивных баз на территориях конституционно гордых, но подневольных европейских и азиатских стран...

Профессор Гарольд Трипп, человек тихий и мечтательный, хорошо воспитанный, учтивый и безусловно мирный, слишком поздно, быть может, но с достоинством отказался от участия в разработке военных ракет. Он готов был отдать свою энергию и знания, всего себя делу завоевания космоса.

Некоторые американские руководители считали победы в космосе «температурой» современного вооружения. Они с тревогой оценивали с этой точки зрения запуски советских спутников и космических ракет. Америка, по их мнению, трагически отставала. И потому фирма «Америкэн моторс» предоставила Гарольду Триппу самые широкие возможности для создания американских космических ракет. Кое-какие успехи фирмы и профессора Триппа обусловили позицию американской стороны во Всемирном космическом комитете. Строительство международной космической ракеты, задуманной в пору разрядки международной напряженности, было «законсервировано»... На земном шаре снова наступило «похолодание». Намечались новые гонки, и теперь... уже в космосе.

Профессор Трипп под нажимом фирмы торопливо готовил водружение американского флага на Луне. (Водружение в противовес забрасыванию.)

Он был хорошим семьянином, имел коттедж в городе и виллу во Флориде, два автомобиля, умеренные долги и пользовался уважением. По воскресеньям слушал проповеди евангелистов и однажды сам выступил с проповедью по вопросу о гуманности.

На заседании «комиссии престижа» профессор Трипп пережил несколько горьких минут. Он уже прочитал в «Уорлд курьер» статью журналистки Эллен Кенни «Нога или лапа?», довольно недвусмысленно противопоставившей описанию гориллы-астронавта сообщение о русском корабле «Искатель», на котором полетят на Луну профессор Громов с помощником.

Сенаторы заседали в одной из комнат Капитолия, утопая в мягких кожаных креслах. Вызванному в комиссию «для объяснений» профессору Триппу был предоставлен жесткий стул.

— Я сожалел бы, джентльмены, — сказал Трипп, вытирая лицо платком, — что русские снова опередили нас, если бы это не служило общечеловеческому прогрессу.

— Здесь говорят о престиже нации, — сухо напомнил Триппу сенатор Мэн.

— Да, сэр! — поспешно и почтительно согласился Трипп. — Я лишь хочу выразить сожаление, что заботы о безопасности мешают объединению международных усилий для достижения Луны.

— Оставьте в покое Вавилонскую башню. Почитайте о ней в библии. А нам лучше скажите, что вы думаете о состязании с русскими.

— К сожалению, джентльмены, — сказал Трипп, сердито засовывая в рот трубку, — наша горилла едва ли сможет успешно состязаться с профессором Громовым, очень заметным ученым.

— Не кажется ли профессору, — прервал Триппа сенатор из Джорджии, — что его острога неуместна. В ней верно лишь то, что идет состязание с русскими учеными. Давно пора отбросить ложную концепцию о двух независимых областях соревнования — о миролюбивой любознательности в космосе и о наращивании священной силы в спасительной обороне. Соревнование и возможное отставание, где бы то ни было, едины. И дело здесь не только в престиже.

— Вполне понимаю уважаемого сенатора, — сказал Мэн. — Опасно отстать от русских хоть в чем-нибудь. А

потому американец должен ступить на Луну вместе с русскими.

— Американец? — переспросил Трипп. — Вы отдаёте себе отчет в том, что мы располагаем лишь односторонней ракетой?

— Да, — отозвался сенатор из Джорджии, — в этом мы отстаем, но в космических гонках обязаны выдержать. И у нас в Америке найдется достаточно парней, которые не испугаются космического одиночества, чтобы составить на Луне компанию русским. Можно предоставить нашему первому астронавту заманчивое право поставить две-три заявки на лунные прииски.

— Я готов был содействовать полету международной ракеты с большим экипажем, но отправлять в космос одного человека!.. — пытался возразить Трипп.

— А вас и не спрашивают, к чему вы готовы, проф, — прервал его сенатор из Миннесоты, генерал в отставке, известный своими статьями о гуманности мгновенной атомной войны. — Важно, к чему мы готовы. Идите в свою научную лавочку и готовьте хорошего американского парня для полета на Луну...

Профессор Трипп был совсем не так прост, как о нем могли подумать: у гориллы Колумб уже давно был дублер — космический пилот Том Годвин. Профессор Трипп понимал «единство» всех частей в соревновании двух начал...

По возвращении в Аризону профессор Трипп объявил Тому Годвину, что тот не позже русских полетит на Луну.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ВОЛОСЫ ВЕРОНИКИ

«В таинственный мир космоса, в беспредельный простор миллионов световых лет, к сверкающим центрам атомного кипения материи, к звездам, живущим и рождающимся, гигантским или карликовым, двойным, белым, желтым, голубым, ослепительным или черным, в мир феерических комет и задумчивых лун, планет цветущих или обледенелых, в бездонный космос, мир миров, стремится теперь уже не только взглядом человек...

Силы тяготения собрали миллионы миллионов звезд в правильные объемные, сплюснутые в одной плоскости геометрические фигуры, напоминающие колоссальные диски галактических дискоболов. Смотря ясной ночью на Млечный Путь, мы видим изнутри обод такого звездного диска нашей Галактики через всю его толщу. Наблюдая в сильнейший телескоп далекую спиральную туманность в созвездии Волосы Вероники, мы рассматриваем извне обод, но только другого, стоящего к нам ребром диска, чужого, бесконечно далекого звездного мира. Множество таких галактических дисков различимо в небе под самыми разными углами, в том числе и сбоку. Тогда отчетливо вырисовывается огненное колесо со спиральными спицами, поражая строгой единообразием звездных миров...

Сила тяготения заставляет частицы материи сближаться. Неотвратно сгущаются туманности космической пыли, и внезапно загораются новые звезды. Извечные катаклизмы Вселенной накаляют до миллионов градусов колоссальные массы вещества, пронизывают бездонное пространство потоками космических лучей, порождают неисчислимые формы материи, создают условия для ее самосовершенствования, венчаясь тайной тайн космоса — Жизнью, в которой Природа познает сама себя!.. Даже если исходить из условий, близких земным, жизнь может существовать на великом множестве миров бесконечных галактик. Ведь образование солнечной системы отнюдь не исключительность.

Планеты, несомненно, существуют у многих звезд. Жизнь, возникнув в самых простейших формах, неуклонно развивается, стремясь к высшему совершенству — мыслящему существу.

Оно всесильно — мыслящее существо, и где-нибудь на планетной песчинке близ светлой точки спирального острова в созвездии Волосы Вероники «оно» так же оглядывает мир иных вселенных, как оглядывает их с Земли человек...»

Эллен Кенни читала эти строки о космосе, и все ее существо наполнялось сладостным волнением, она ощущала себя в храме космического божества. Но она не казалась себе беспомощно ничтожной. Нет!.. Она хотела быть такой же гордой, как и воображаемое мыслящее существо в созвездии Волосы Вероники, о котором писал в своей статье Петр Громов.

Волосы Вероники!..

Эллен возбужденно прошлась по своей комнате с креслами на крохотных ножках и низенькими столиками, с широкой тахтой, на которой можно было лежать вдоль и поперек. Окна выходили прямо в стену соседнего небоскреба, не позволяя ощутить высоты двадцать четвертого этажа. Эллен закинула руки за голову и одним движением распустила заложенные узлом на затылке волосы. Они волнами рассыпались по плечам. Эллен привычно потрянула головой, и они пенным потоком заструились по спине. Эллен едва охватила их обеими ладонями.

Волосы космической Вероники!..

Космос. В него, ощущая жуть, взволнованно смотрел русский гений Ломоносов, смотрел, как в звездную бездну, где звездам нет счета, а бездне — дно... Он, космос, так немыслимо огромен, что его измеряют не мерами длины, а годами пути лучистой энергии. До одной из далеких галактик в созвездии Волопаса расстояние составляет двести тридцать миллионов световых лет. Пока летел оттуда луч света, на Земле сменялись геологические периоды, поднимались и опускались материки, размножались и вымирали

гигантские пресмыкающиеся и наконец появился, неудержимо развиваясь, Человек. Космическое пространство, чрезмерное даже для воображения, оказалось доступным для острого глаза, пытливого ума, математического анализа, железной логики человека. Оно охватывается его мыслью, осознается его разумом.

Но почему же не раздавлен величием необъятного дерзкий человек? Ведь никогда не пересечь ему непостижимо огромных просторов космоса. Ничто в природе не может двигаться со скоростью, превышающей скорость света, и если даже мыслящий безумец найдет способ достичь этой скорости, то все равно ему лететь до далекой галактики в созвездии Волопаса двести тридцать миллионов лет, и его биологические потомки походили бы на улетевшего предка не больше, чем человек на амебу!.. Надо пасть ниц перед потрясающей неохватностью космоса, перед ужасающей беспощадностью времени, признать ничтожно краткой и жалкой человеческую жизнь!..

Но нет! Стоит послушать, что говорит святотатец, вторгшийся в храм Вселенной. Не пугается он бездонных глубин космоса, а уверенно вспоминает теорию относительности, утверждающую, что «время космонавта», летящего с огромной скоростью, будет течь медленнее, чем для наблюдателя, оставшегося на Земле, и если скорость полета приблизится к скорости света, то «время космонавта», с точки зрения земного наблюдения, почти остановится. То есть, на Земле пройдут года, века, а на звездолете — лишь секунды и минуты. Так неужели же за реальные годы своей жизни мудрый безумец дерзновенно пересечет весь космос, по крайней мере, обозримой с Земли его части? Правда, вернувшись обратно к планете Земля, он может и не застать «древней солнечной системы», которая уже пройдет свою космическую жизнь...

Безумец или гордец?

Тем и прекрасен человек, что он гордец!

Если русский Петр Громов властно распахивает ворота храма космоса, то американка Эллен Кенни станет жрицей

этого храма, хотя бы ей пришлось для этого влезть в окно. Она попадет в этот храм, откуда люди шагнут на другую планету.

Другая планета!

Самая близкая, но отделенная более чем третью миллион километров межпланетного пространства неосознанных тайн; самая знакомая на ночном небосводе, но полная волшебного очарования и гипнотической силы; самая безучастная ко всему земному, но поднимающая воды наших океанов в живом дыхании приливов и даже тормозящая вращение Земли до двух тысячных секунды каждый век; самая изученная астрономами, наименовавшими ее условные моря и безусловные горы, но полная необъяснимых загадок гигантских кратеров и светлых геометрических лучей; самая обозримая, но никогда не показывающая человеку оборотной своей стороны; самая родная Земле, будто оторвавшаяся от нее, оставив впадину Великого океана, и самая на нее не похожая, мертвая, безвоздушная, покрытая циклопическими цирками и острозубыми, невыветривающимися скалами, дорогами лавы, равнинами без растений и почвы, с золотыми и железными жилами прямо на поверхности...

Удивительная Луна.

Так пусть это будет не только Луна Петра Громова...

Эллен остановилась перед зеркалом, решительно взяла большие ножницы, и, не раздумывая, обрезала за маленьким ухом прядь волос. Прядь скатилась к ее ногам, свернулась там кольцом. Эллен захватывала все новые и новые пряди и безжалостно остригала свои чудесные волосы, — и они, уже чужие, ложились на пол.

Эллен, привычно шурясь, вглядывалась в зеркало, но не видела там себя. На нее чуть растерянно смотрела маленькая, незнакомо привлекательная женщина с совсем коротенькими волосами — «космическая Вероника»...

Эллен наклонилась и потрогала волосы на полу, нежные, пушистые. Она зажала их в горсть и прижала к лицу. Они тонко и грустно пахли. Эллен уткнулась в них лицом и заплакала.

Женщины часто плачут, срезав волосы.

Но ведь они не помещались в шлеме скафандра... их нельзя было бы там расчесывать.

Об этом сказала Эллен сама миссис Хент, после смерти газетного короля взявшая в свои верные руки дело мужа.

Это была худая религиозная и энергичная дама с седыми бровями и ележным голосом.

Она благоволила к Эллен и охотно напечатала ее статьи «Вавилонская башня» и «Нога или лапа?», наделавшие, кстати сказать, немало шума. Она огорчалась, что мисс Кенни все еще не устроила свою жизнь, и беззаботно живет одинокой молодой женщиной, привлекающей к себе взгляды мужчин.

Вскоре после опубликования статьи «Нога или лапа?» миссис Хент вызвала к себе мисс Кенни.

Эллен стерла помаду с губ, вздохнула и отправилась к высокой покровительнице.

Секретарь Сэм с лоснящимся пробором и красивым угодливым лицом успел шепнуть, что у Биг-мэм (Большой Мадам) что-то есть на уме. «Очередное трудное интервью, поездка в Африку или светский скандал», — решила Эллен, сощурилась и открыла дверь.

Кабинет остался таким же, как при мистере Хенте: совершенно пустой, из стекла и полированного дерева. Холодные, отделанные сверкающими панелями стены, жесткая, блестящая мебель, огромные матовые стекла окон и тоже матовые стеклянные, но звуконепроницаемые двери.

— Садитесь, детка, — ласково сказала миссис Хент, снимая огромные очки в тяжелой темной оправе, которые делали ее чем-то похожей на покойного Хента, седого, жилистого и привычно здорового дельца, смерть которого вызвала недоумение.

Эллен скромно села на краешек стула и опустила ресницы.

— Вы знаете, как я забочусь о вашей судьбе, Элли, — вкрадчиво начала Биг-мэм. — Я не остановилась бы ни перед чем, чтобы выдвинуть вас вперед. Газеты — вот что может сделать вам всемирное имя, детка. Не просто слава

или деньги, даже много денег... Нет! Поколение молодых людей у ваших ног... Что вы скажете на это, дорогая?

— А как вы думаете, мэм? Это не слишком много — целое поколение?

— Для выбора? Совсем не так много. Вы стоите этого. Надеюсь, вы сумеете сделать удачный выбор, дорогая. Вы стали бы самой популярной женщиной мира.

Сердце Эллен сжалось. Она слишком все понимала, чтобы не догадаться, к чему клонит миссис Хент. Ведь где-то в глубине души Эллен и сама тайно думала об этом. Но разве можно говорить всерьез?.. Нужна специальная подготовка, огромные знания, как у Громова!..

Эллен искоса посмотрела на Биг-мэм.

— Газеты вышли бы трижды тройным тиражом, — продолжала та. — Весь мир следил бы за вашей судьбой, за каждым вашим шагом. Вы помните об этом парне, проводнике туристов, которого завалило в пещере? Репортеры пробирались в горы и брали у него интервью через щель между камнями. У бедняги была придавлена нога, но он бодрился. Вся страна неистовствовала, захлебывалась от интереса. Печаталось каждое слово о нем. Парень очень хотел пить... А сколько было сделано для его спасения! Вы, конечно, знаете всю эту историю?

— А что вы о ней думаете, мэм?

— Жаль, что он все-таки умер. С вами совсем иное дело. Конечно, надо уметь рисковать. Но мой покойный муж говорил, что, будь он губернатором или гангстером, самые трудные дела он поручал бы вам.

— От кого же из них я получу задание? — не удержалась Эллен.

Миссис Хент нахмурилась:

— Не надо быть колючей, как кактус, Мы с вами добрые христианки. Я забочусь о вас. Что будут стоять все мужчины на Луне, если там будет женщина!

На Луне!.. У Эллен пробежал холодок по спине.

— Газета возьмет на себя все расходы. — Миссис Хент откинулась на высокую и узкую спинку кресла.

— Сенсация принесет хороший доход, — борясь с волнением, деловито заметила Эллен.

— Не беспокойтесь, детка, вы получите свою долю. Но ваш бизнес будет куда большим. Вы сможете выйти замуж за короля или банкира, породниться с Рокфеллером, быть может... Целая эпоха будет носить ваше имя.

— Но я не умею управлять космическим кораблем. В Америке есть лишь одноместная ракета «Колумб». «Вавилонская башня», куда можно было бы стремиться попасть репортером, не строится...

Миссис Хент торжественно поднялась, широкими шагами девы из Армии спасения прошла по кабинету, остановилась перед маленьким столиком и взяла в руки библию, потом положила ее на то же место, где она лежала.

— Во всяком деле нужно что-нибудь необычное, запоминающееся, — назидательно сказала она. — Не исполнительность службиста, а дерзость инициативы — вот что привлечет симпатии и интерес. Вы попадете на космический корабль в баллоне из-под кислорода. Это правильно, ибо женщина подобна кислороду — источнику жизни. Дышать будете через аппарат скафандра, как на Луне. Только вам придется остричь волосы, у вас их слишком много, чтобы они поместились в шлеме. Вам не удалось бы их расчесывать. Впрочем, короткая стрижка считается модной. Вы согласны, детка?

— А как вы думаете?

— Я думаю, как переправить вас на ракету. Вы, кажется, работали секретарем у бизнесмена?

— Он оказался гангстером.

— Так что вы не знаете, дорогая, с кем вам придется иметь дело. Но лишь бы цель была святая, дочь моя. Каждый, кто будет помогать нам, сделает угодное богу дело. Это зачтется ему. Решайтесь, дорогая. Мне кажется, что вы из тех женщин, которые могут расстаться с волосами.

И вот «волосы Вероники» лежали у ног Эллен, а она сидела перед зеркалом, уже не плача, и долгим взглядом всматривалась в себя. Она видела перед собой ту, которая

по своей воле вопреки всему ступит на Луну, полную тайн, волшебного очарования и гипнотической силы, ступит на Луну с ее дорогами лавы, равнинами без почвы и золотыми жилами на поверхности... Из зеркала на нее тревожно смотрела та, кто дерзко первой войдет в таинственный мир миров, мир несчетных звезд и еще более несчетных и неведомых планет, ступит на первую из них... Такого случая не было за всю историю человечества. И не будет больше никогда. Первыми бывают только однажды. Можно ли это упустить?..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ НЕУМОЛИМОЕ УРАВНЕНИЕ

— Как вас зовут, детка? — спросил Малютка Билл.

— Вероника Лоуэлл, — сказала Эллен, разглядывая знаменитого гангстера, которого знала по фотографиям в журналах, но сама она никогда не фотографировала его. Не так давно он угодил в тюрьму за... неуплату налога с очень значительных доходов. В тюрьме он давал интервью и вышел из нее, сопровождаемый адвокатами и почитателями, как триумфатор.

Малютка Билл вовсе не был бандитом, соскочившим с обложки комикса. Он не носил мягкую шляпу на затылке, не курил сигар и не говорил на ужасном нью-йоркском жаргоне — сленге. Малютка Билл назывался Антонио Скиапорелли и очень гордился своей фамилией: ведь итальянский астроном Скиапорелли первый открыл марсианские каналы! Говорят, в итальянском квартале у него жила семья — ревнивая жена и трое детей. Малютка Билл был низенького роста, благообразен, напоминал владельца магазина, был вежлив, жесток, рано полысел, но не утратил подвижности. Конечно, он не был бандитом в обычном понимании слова. Но его бизнес, которым он занимался с большим размахом, не укладывался, мягко говоря, в обычные, допустимые рамки. Хорошо оплачиваемые юристы почти всегда могли доказать, что его действия, в сущности, были законными. В самом деле, что незаконного можно усмотреть, например, в том, что Малютка Билл помогал отправиться в путешествие без билета какой-то Веронике Лоуэлл? Если вы подсаживаете безбилетного пассажира в вагон частной железной дороги, то закон не карает, он предоставляет администрации дороги возможность взыскать с безбилетного штраф.

— Мне нужно снять с вас размеры, мисс Вероника, — сказал Малютка Билл тоном портного, принимающего заказ.

— Я вешу сто три фунта, — сказала Эллен.

— Что значат сто фунтиков там, где они насчитываются десятками тысяч!

Малютка Билл не любил пустых разговоров. С заказчицей, с Большой Мадам, как ее зовут, у него особых разговоров о лишних фунтах не было. Когда об этом зашла речь, она сказала, что все будет так, как угодно богу, важно, чтобы читатели волновались, они станут покупать больше газет. Значит, основная забота — сделать для девочки скафандр и поместить ее в баллон, с виду точно такой же, как те, которые будут грузиться в ракету. Подменить один из них будет не так уж трудно. Кто заметит, что у него отвинчивается изнутри крышка? Вероника Лоуэлл! Это имя, пожалуй, в самом деле станет знаменитым...

Малютка Билл в своем бизнесе считал себя вполне добросовестным. Баллон переделывали хорошие инженеры. В нем было устроено сиденье, не многим хуже, чем кресло пилота. Пружинные амортизаторы, смягчающие толчок взлета, и прочие премудрости были предусмотрены. Баллон «с содержимым» получился, конечно, тяжелее других, но на руках его никто таскать не будет, а машина лишнего груза и не почувствует...

Расчет Малютки Билла был абсолютно точен. Фирма, поставлявшая баллоны с кислородом, получила один из них в готовом виде. Он был погружен вместе со всеми в грузовик. Вернее, он уже стоял в кузове грузовика, когда тот въехал во двор завода. Приглашенный из цирка иллюзионист очень искусно скрыл его от взглядов зеркалом, которое исчезало по мановению руки шофера. Оно и исчезло, когда баллоны начали грузить. Баллоны пересчитали, и оказалось, их было уже достаточно, напрасно хотели грузить еще один.

Грузовик благополучно выехал со двора и доставил баллоны прямо в космопорт, где погрузочные краны тотчас поместили их в ракету «Колумб», готовящуюся к полету.

В одном из баллонов сидела Эллен. Она очень страдала, но не от духоты или жары. Чудесный космический костюм, который был на нее надет, автоматически поддерживал нормальную температуру, дыхательный аппарат работал безукоризненно. Эллен могла бы уже чувствовать себя в

космосе. Страдала она от другого — от темноты, от крошечной тьмы, которая ее окружала... Это было оплошностью Малютки Билла, но ее не снабдили электрическим фонариком. Эллен не побоялась отправиться в космос, но темноты она боялась... Темноты и тишины. Ей бывало лучше, когда снаружи доносились звуки, грохот машин, крики людей. Но перед стартом ракеты все стихло, и это были самые страшные минуты. Предстоящего взлета Эллен ждала, как избавления, она знала, что перегрузка при взлете не превышает перегрузки организма при пикировании самолета, а она сама водила спортивные самолеты и проделывала на них опасные фигуры пилотажа. Кроме того, у нее была пилюля — снотворное средство, которое должен был по инструкции принять и пилот. Взлет пройдет легко, но вот темнота и тишина...

И Эллен приняла таблетку раньше, чем это было нужно для взлета. Сознание затуманилось. Она почему-то подумала о Громе. Увидела себя в спортивном зале Института космонавтики. Люди с пружинной сетки подпрыгивали высоко под потолок. Так будет на Луне... Там будет легко, совсем легко... И она провалилась в пустоту...

Сознание возвращалось постепенно. Почему-то она сначала увидела маму. Мама была жива. У нее было ласковое, озабоченное лицо, и она все время поправляла такие знакомые Эллен с детства очки. Потом очки исчезли, и милые близорукие глаза стали еще ласковее.

— Мама! — крикнула Эллен и проснулась.

Холодный ужас объял ее. Ей показалось, что она перестала существовать. Она не ощущала себя. Она ничего не видела, ничего не слышала, и она... ничего не весила. Вокруг были стенки гроба... Она коснулась их руками. И это было первым ощущением, вернувшим наконец ее к действительности.

Ее тело ничего не весит! Она в космосе! Но, может быть, она погибла при взлете? Нет! Все так, как надо! Она первая американка в межпланетном пространстве, она будет пер-

вой женщиной на Луне: Предстоит только открыть крышку баллона и... подружиться с пилотом Томом Годвином. Для настоящей женщины, какой себя Эллен считала, это будет не так уж трудно.

Эллен легко отвинтила крышку баллона и высунула голову. В складском отсеке «Колумба», где хранились баллоны, было темно.

Эллен осторожно выбралась. Вернее, держась за край баллона, она легко выплыла из него и ударилась о потолок отсека. Эллен хорошо изучила план расположения помещений «Колумба», широковещательно разрекламированный в печати. Ей удалось отыскать люк в кабину пилота и открыть его. К счастью, он не был плотно задраен....

Едва отодвинула она крышку люка, как в грузовой отсек ворвался луч света.

И все страхи Эллен сразу исчезли. Цель ее достигнута. Она летит в американской ракете среди звезд, в вечном космосе! Она невесома, значит, двигатели ракеты даже не почувствовали ее веса, или он был предусмотрительно компенсирован Антонио Скиапорелли...

Пилот Том Годвин спал. Действие снотворного еще не кончилось. Очевидно, он принял его позже. Он лежал, огромный, в кажущемся еще более огромном кресле. Перед ним жили, двигались стрелки приборов, зажигались и гасли лампочки, отражающие работу автоматов.

Но Эллен не обратила на них внимания. Она была заворожена окном впереди. В нем было видно страшное спрутообразное яркое солнце, рядом с которым на неправдоподобно черной саже неба пристально горели немигающие звезды.

А справа была Луна... Она закрывала пол-окна, похожая на огромную учебную карту, объемную, с резкими тенями, заметными больше, чем неровности планеты.

Эллен улыбнулась Луне. Это была «ее Луна»... Потом попыталась понять, что она в ста тысячах километров от Земли. Осознать это все равно было невозможно, и она, как в ознобе, передернула плечами.

Том Годвин шевельнулся. Эллен спряталась за его спиной, ожидая, когда он проснется.

И он проснулся... Что-то встревожило его. Он стал говорить с Землей... о топливе. Наконец, он увидел Эллен... Может быть, испугался, но, скорее, был раздосадован... Надо сказать, он не очень считался с тем, как должен говорить джентльмен. Может быть, ему не хватало воспитания. Во всяком случае, она старалась установить с ним хорошие отношения и призналась ему, кто она и как попала на космический корабль.

Эллен сидела на краю пульта и покачивала ногой. Скафандр, пожалуй, был даже элегантен. По крайней мере, она выглядела в нем эффектно, откинув шлем за спину.

— Слушайте, мэм, — сказал Том Годвин, вынимая из какого-то прибора перфорированную карточку. — Понимаете ли вы, что ваш Малютка Билл вместе с миссис Хент не позаботились о том, чтобы вес ракеты не превышал расчетного? Понимаете ли вы теперь, что ваши сто фунтов здесь лишние? — Том Годвин посмотрел Эллен прямо в лицо и невольно подумал, что на Земле она показалась бы ему интересной. Он спохватился и внушительно добавил: — При взлете автоматы делали свое дело, набирали нужную скорость и перерасходовали на ваш лишний вес топливо, и теперь...

— Что теперь? — спокойно поинтересовалась Эллен, с любопытством разглядывая обстановку кабины.

Том Годвин взглянул на перфорированную карточку:

— Вы можете находиться на борту еще двадцать семь минут.

— Поезд подходит к станции? — чуть насмешливо спросила Эллен, отлично понимая, что выйти в космосе негде.

— Нет. В математическое уравнение приходят ваши сто лишних фунтов, и оно становится неумолимым уравнением...

— Можно закурить сигарету? — спросила Эллен, тревожно вглядываясь в суровое лицо астронавта.

— На горение табака тратится кислород. А он рассчитан на одного... человекообразного, — с нарочитой жестокостью произнес пилот.

— Годвин! С вами женщина!..

— Черт возьми! В этом вся и беда! — в отчаянии стукнул кулаком по пульту пилот. — Закон космоса не делает разницы между мужчинами и женщинами.

— А вы? — вызывающе бросила Эллен.

— Я не закон, мэм. Я только служака. Вот радиограмма, ответ на мой рапорт о вашем появлении. — И он устало прочитал: — «Выполняйте инструкцию».

Эллен улыбнулась.

— Вы мне нравитесь, пилот! — прежним бодрым голосом воскликнула она. — Я напишу о вас великолепную статью. — Она взглянула в окно на косматое солнце, на выщербленный лунный диск и осторожно покосилась на мрачного пилота. Потом пожала плечами. Какая-то чепуха! Как можно во все это поверить, слишком нелепо и... страшно...

— Слушайте, мэм, — злясь на себя, сказал Годвин. — Вы, конечно, умеете носить платья и строить глазки... Они у вас что надо. — Он отвернулся. — Но сильны ли вы в математике? Закон космоса — математический закон.

— Объясните, — невинно попросила Эллен.

Тогда он начал говорить терпеливо, как школьнице:

— Топлива, как подсчитала вычислительная машина, не хватит, чтобы посадить на Луну двух человек. Врученная мне инструкция гласит, что всякий, незаконно оказавшийся на борту космического корабля, подлежит немедленному уничтожению... в данном случае, через двадцать семь... нет, уже через двадцать три минуты...

— Вы шутите, Годвин, — едва сдерживая себя, воскликнула начинавшая все понимать Эллен.

— Я хотел бы проснуться, мэм, — упавшим голосом ответил Годвин.

Он с болью смотрел на молодую женщину. Он видел ужас на ее лице. Раздражение против нее сразу исчезло. Что чувствует сейчас она, бедняжка?.. Что привело ее сюда?

Легкомыслие, авантюризм или отвага? Что она рассчитывала найти? Шум всемирной славы на Земле и таинственный мир покоя в космосе? Эх, девчонка! Здесь нет покоя! В космосе движется все: ничтожная молекула газового облака и планетная система звезды, одинокий метеорит или медленно вращающийся, но летящий с колоссальной скоростью звездный остров галактики. Здесь нет покоя, как нет пощады или жалости! Законы космоса так же просты и ясны, как притяжение, и так же неумолимы. Энергия, скорость, вес... Лишний вес может находиться на борту еще двадцать одну минуту. Инструкция ясна, как алгебраическая формула.

Все это сбивчиво, стараясь теперь шадить Эллен, объяснял ей Том Годвин, космический пилот...

Он встал с кресла, усадил в него Эллен, сам взволнованно ходил по тесной кабине.

Эллен оперлась локтями о пульт, положила на сцепленные пальцы подбородок, невидящим взором смотрела перед собой.

— Теперь я поняла, что такое неумолимое уравнение. Спасибо, Годвин, — чужим, каким-то пустым голосом произнесла она.

Да, внутри у нее была пустота, пришедшая взамен мгновенному ужасу, который обжег ее холодом. Теперь осталась только пустота.

— Слушайте, Эллен. Это чертовски глупо, — сказал Годвин, в растерянности останавливаясь у кресла.

— Глупо, Том. Очень глупо, — послушно согласилась она.

Они впервые назвали друг друга по имени. Это произошло само собой, произвольно и просто.

— И вы так спокойны? — спросил Годвин.

— Нет, Годвин. Нет, Том... Я не спокойна, — не меняя голоса, но доверительно сказала Эллен.

— Вы настоящая девушка! — воскликнул Годвин и отвернулся к окну.

— Сколько осталось минут? — донесся до него усталый голос Эллен.

— Тринадцать, — сказал он, боясь обернуться.

— Она сдержит свое слово, — в раздумье говорила Эллен. — Мое имя будет набрано только крупным шрифтом. Газеты выйдут тройным тиражом...

— Все Хенты подлецы! — в бешенстве крикнул Годвин.

— Моя фотография будет в траурной рамке... Мне бы хотелось, чтобы люди плакали, читая обо мне.

— Вам только этого хочется? — спросил Годвин, задерживая дыхание. Лицо его покрылось каплями пота.

— Знаете, чего мне хочется, Годвин? — обернулась к нему Эллен, смотря непривычно расширенными глазами. — Поцелуйте меня...

Годвин опешил.

— Вы с ума сошли! — воскликнул он, пятясь, и после паузы добавил: — У меня в Детройте невеста...

Эллен умоляюще потянулась к нему:

— Годвин! Для меня вы — весь мир, который я покидаю. Все, что я знала и любила, все, чего не знала и ждала...

Годвин почувствовал в этих словах столько искренности, отчаяния и в то же время силы, что мог только промычать:

— Да, мэм, но...

— Я такая некрасивая? — вдруг мило, по-женски спросила Эллен и поправила волосы. Она оставалась женщиной, маленькой, обреченной, но обаятельной женщиной...

— Что вы, Эль! — только и нашелся сказать Годвин.

— Том! — почти плача, воскликнула Эллен, притянула к себе голову Годвина и прижалась к его губам в долгом поцелуе.

Он тоже целовал ее, целовал, вкладывая в поцелуй все объявшие его чувства.

Потом она откинулась на спинку кресла и сказала с горькой иронией:

— А я всегда говорила прощаясь: «Может быть, увидимся...»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«ИСКАТЕЛЬ»

— Ну, как? Упадет на Луну? — глухо спросил командир «Искателя».

— Проверяю ответ, — отозвался Аникин.

Громов подошел к окну. Магнитные подошвы ботинок, прилипая к полу, позволяли ходить по кабине и при невесомости.

В окне виднелось красноватое, как на закате, солнце. Если бы не огненная корона на черном небе, оно было бы совсем земным. Громов нажал кнопку. Пленка светофильтра сбежала с окна. Ворвались ослепительные лучи космического светила, не живительно ласковые, смягченные атмосферой, как на Земле, а яростно резкие, жесткие, жестокие.

Аникин, не поворачивая к командиру лица, чтобы не смотреть на солнце и не встречаться с Громовым глазами, сказал:

— Никуда и никогда не упадет. Станет вечным спутником Луны. Орбита — вытянутый эллипс. Пройдет под лунными горами и уйдет далеко к Солнцу...

Из репродуктора послышался бас академика Беляева, начальника штаба перелета:

— «Искатель»! «Искатель!» Я — Земля!

Громов сел к пульту и пододвинул к себе микрофон:

— Я — Громов. Слушаю, Василий Афанасьевич.

— Определили орбиту?

— Станет спутником Луны. Кто этот несчастный?

— На борту «Колумба» оказалась журналистка Эллен Кенни.

— Эллен Кенни! Она же была у нас!.. Называла нас лунатиками...

— Американский пилот Том Годвин получил приказ выполнить инструкцию и уничтожить незаконного пассажира.

Громов перевел взгляд на экран. Скафандр по-прежнему был опрокинут ногами вверх и медленно поворачивался. Его раскинутые руки уходили за край экрана, но колпак шлема был отчетливо виден в его нижней части.

— Если бы он уничтожил ее, он не надел бы на нее шлема, — сказал Громов. — Что это? Жестокая пытка временем или надежда на нашу помощь?

— Оказать помощь можете, если вам позволят резервы топлива. Решение за вами, Петр Сергеевич, — закончил академик.

— Ваня! — позвал Громов, выключив связь.

— Есть дать ведомость резервов, — угадал приказание Аникин.

Громов встал к окну, уперся руками в его раму. Перед ним были острые гребни кольцевых гор, черные резкие тени, извилистые трещины, дикий, контрастный ландшафт. Желанная планета...

Аникин пододвинул Громову конторскую книгу.

— Задавай программу электронно-вычислительной машине выбросить все, что возможно, — скомандовал Громов. — На борту нас будет трое...

Сравнительно недалеко от «Искателя» шел второй такой же корабль, «Искатель II». Вместо кабины звездолетчиков на нем помещалась танкетка Евгения Громова.

А в лаборатории Института космонавтики, внутри макета летящей в космосе танкетки сидел Евгений Громов. В окнах-телеэкранах он видел небо мрака с мертвыми огнями звезд и ослепительным спрутом солнца, надвигающуюся Луну цирков и теней. Со штабом перелета он поддерживал связь через обычный телефон, перенесенный из лаборатории. Раздался звонок, и Евгений снял трубку:

— Слушаю, Василий Афанасьевич. Не может быть! Это невероятно! Позвольте, я оставлю управлять ракетой Наташу, сам забегу к вам... Хорошо. Остаюсь. Будет исполнено.

Евгений открыл дверцу макета танкетки. Часть черного, усеянного немигающими звездами неба и край Луны с мелкими острыми зубцами гор отошли вместе с дверцей.

— Наташа! — громко крикнул Евгений. — Ты слышишь, что творится?..

— Я здесь, Женя! — Наташа выбежала из соседней комнаты. Порывистая, она остановилась перед дверцей, тяжело дыша.

— Нам приказано изменить место посадки... — сказал Евгений. — Сесть рядом с «Колумбом», где бы тот ни опустился. Что там стряслось?

— С «Колумбом» потеряна связь. В космосе — женщина... — выпалила Наташа.

— Какая женщина? Что за чепуха!

— Тебя не отрывали, Женя, пока ты вел ракету... Тому Годвину приказали выбросить женщину, журналистку Эллен Кенни.

— Как же она там оказалась? Погибнуть так нелепо!

— Из-за нее еще могут погибнуть Петр и Ваня Аникин, — с тоской сказала Наташа. — Они пойдут на пересечение с ее орбитой...

— Ах вот как! Так мне спускаться около ракеты Годвина! Ну, хорошо же! У меня будет с ним мужской разговор!

— Женя, будь осторожен. Танкетка может очень понадобиться. Для Петра... — тихо добавила Наташа.

Евгений захлопнул дверцу макета.

Громов выжидательно повернулся к Аникину. Рубленые черты его лица стали еще резче. Казалось, он уже знает ответ...

— Математика — точная наука, — смущенно сказал Аникин и протянул командиру перфорированную карточку. — Если пойдем догонять — резерва топлива не хватит. На Землю всем троим не вернуться...

Громов поморщился:

— Читаешь, как смертный приговор.

— Так это и есть приговор. Ей или всем нам.

Лицо Громова окаменело.

— Высший суд математики... А есть еще Совесть и Долг. Меняем курс. Пересечем ее орбиту. Приготовиться!

— Петр Сергеевич! — Аникин вскочил. — Не могу я... Инструкция... Земля!..

— Прекрати, — отрезал Громов. — Если человек за бортом, капитан не запрашивает порт.

— Но, спасая, он не идет ко дну!

Громов положил руку на плечо Аникина и заставил его сесть:

— Слушай, Иван. Знаешь ли ты, что такое женщина?

Аникин пожал плечами.

— Это жен-щи-на! — вкладывая особую силу в это слово, произнес Громов.

— А если был бы мужчина? — буркнул Аникин.

— А ты в бою пришел бы на помощь бойцу? — быстро спросил Громов.

Аникин не нашел что ответить.

Громов сел за пульт управления. Аникин почувствовал, что его прижало к сиденью, тело налилось свинцом, в глазах потемнело. Заработали двигатели, меняя курс, выводя ракету на новую орбиту, расходуя невосполнимое топливо.

Снова появилось ощущение падения, какое бывает лишь во сне. Вернулась невесомость, стала кружиться голова.

Аникин сидел хмурый.

— Так держать! — скомандовал Громов.

— Есть так держать! — повторил Аникин и мрачно добавил: — А как вернемся... втроем-то?

Громов надевал скафандр. Он внушительно сказал:

— Сначала выполни долг человека, докажи, что имеешь право на возвращение. Разве ты мог бы вернуться... преступником?

Аникин вскочил. Словно сжался весь в комок, лицо его побледнело, но было решительным:

— Командир! Я буду преступником, если выпущу вас в космос!

Громов удивленно посмотрел на него с высоты своего роста. Аникин цепко ухватил его за руку, мешая одеваться.

— Ах вот как! — Лицо Громова побагровело. Он в свою очередь схватил руку Аникина.

Руки дрожали в предельном напряжении. Оба неотрывно смотрели друг другу в глаза. Трудно сказать, была ли это борьба рук или борьба взглядов.

Аникин расслабил руку и отвел глаза.

— Чтобы ты теперь на всю жизнь запомнил, что такое женщина! — сказал Громов. Потом улыбнулся.

— Есть, — пробурчал Аникин, усаживаясь в кресло. — Запомню на все оставшиеся две недели... пока кислород не кончится...

Громов надел космический костюм с откинутым на спину колпаком шлема. Он следил за экраном локатора и все время менял увеличение, потому что скафандр рос, не уминаясь на экране. Летя к точке пересечения орбит, он приближался к «Искателю».

Время текло бесконечно медленно, но настал наконец миг, когда Громов выключил локатор. Экран потух. Одиноким скафандр был виден меж звезд через окно. Он летел ногами вперед...

Аникин включил дюзы торможения, уравнивая скорости.

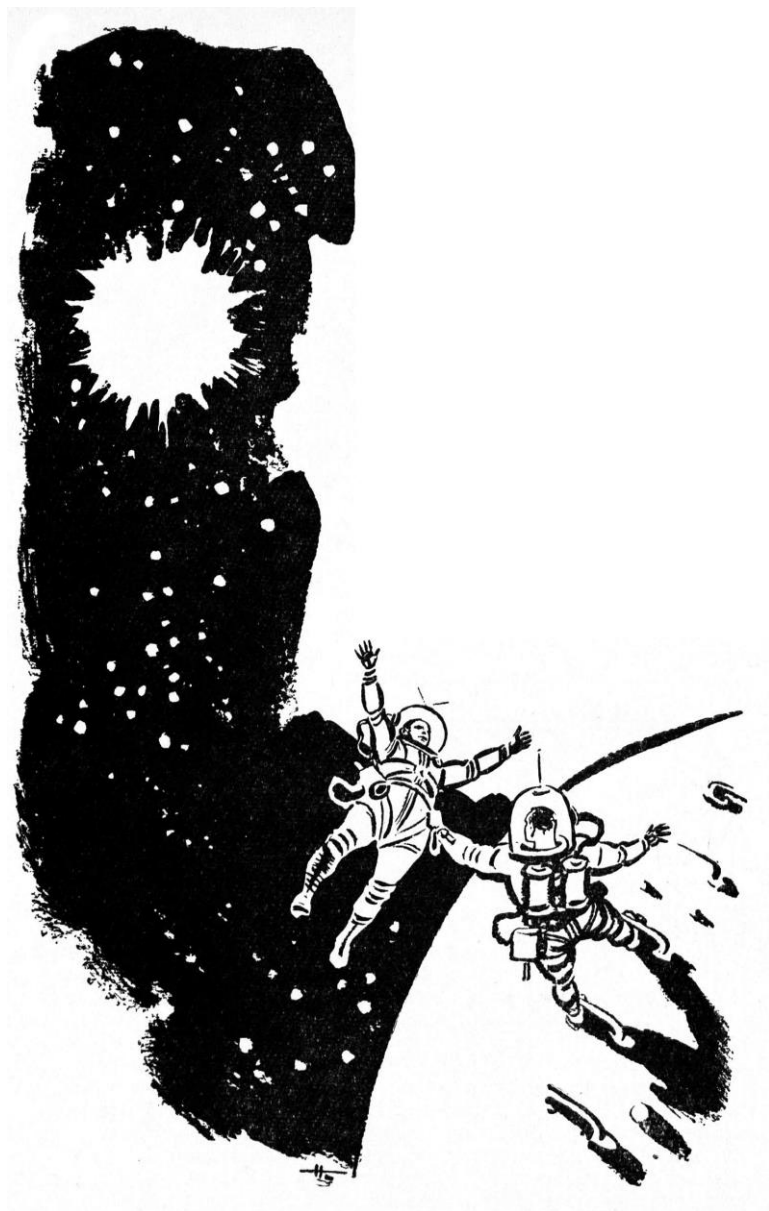
Громов взял ракетницу, напоминающую дуэльный пистолет, и молча пожал Аникину руку. Но тот вскочил и обнял командира.

Громов вошел в воздушный шлюз. Аникин запер за ним дверь, включил насосы, перекачивавшие воздух из шлюза в кабину.

Перед самым лицом Громова, прикрытым прозрачным колпаком, двигалась стрелка манометра. Она дошла до красной черты. Наружный люк сам собой открылся.

Перед Громовым был черный, беспредельный простор миллионов световых лет, сверкающих центров атомного кипения материи, звезд горящих и рождающихся, планет цветущих, выжженных или обледенелых, бездонный мир миров, в котором человек ничтожнее песчинки.

Озноб прошел по спине Громова. Магнитные подошвы словно приросли к металлу «Искателя», лоб покрылся потом, который нельзя было вытереть.

Но Громов шагнул все-таки вперед, оттолкнулся ногой и почувствовал, что летит в пустоте... Мир звезд закрутился перед ним огненным колесом.

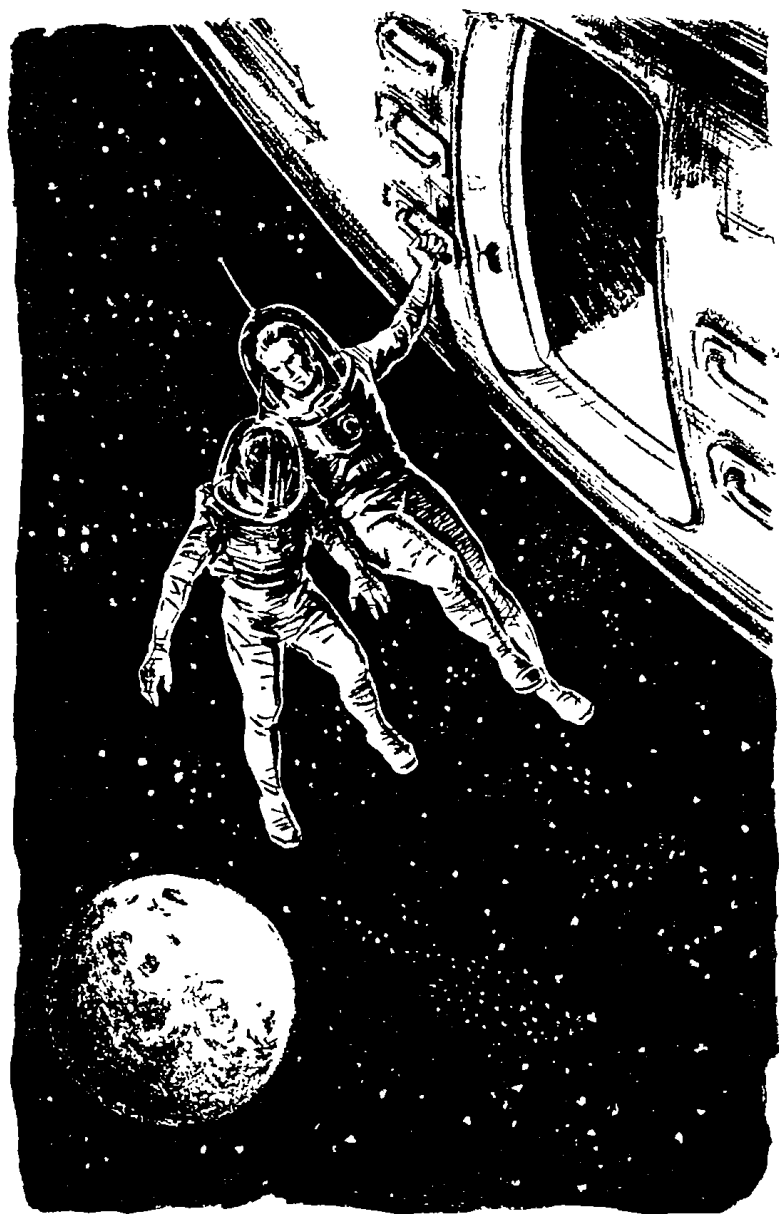
Пока Громов был в ракете, он находился среди знакомых вещей, рядом был Ваня, а здесь... Громов закусил губу и почувствовал соленый вкус во рту. Очень трудно было повернуться... На Земле он тренировался в затяжных прыжках с парашютом, но сейчас земные навыки исчезли. Тело его при прыжке получило вращение, с которым, казалось, невозможно было справиться. Он мог ускорить или замедлить его, разбрасывая руки или прижимая их к телу, но остановить вращение не мог никак.

Собственно, он не ощущал его. Вращался сам небосвод. Когда он прижимал к себе руки, косматое солнце превращалось в огненный круг, а звезды исчезали в сетке светлых нитей. Носились вокруг него по кругу и скафандр — цель его путешествия, и ракета, которую он только что оставил, Громов нацелился в «Искатель», нажал спусковой курок ракетницы, и тотчас корабль понесся уже не по кругу, а по развертывающейся спирали, он стал удаляться, словно Аникин решил бросить командира в межзвездной пустоте.

Одинокий же скафандр, тоже по спирали, стал приближаться. Человек в нем, очевидно, уже давно потерял сознание, если вообще был жив.

Используя как внешнюю силу легкую отдачу ракетницы, Громову, наконец, удалось остановить вращение. Звезды, солнце, ракетный корабль и скафандр остановились, тревожно замерли. Двигался только Громов, приближаясь к скафандру. Он старался разглядеть в шлеме лицо межзвездного скитальца, но приходилось смотреть почти прямо на солнце, и оно слепило.

Наконец Громов налетел на скафандр, крепко обхватил его и почувствовал, что начал снова вращаться, но теперь уже вдвоем. Солнце помчалось по огненному кругу, звезды чертили в черном мраке золотую сеть.

Аникин с волнением наблюдал за маневром командира. Два скафандра сначала вращались, как в борьбе, потом замерли в дружеском объятии.

— Петр Сергеевич, жива ли она? — спросил Аникин по радио. Ему вдруг стало страшно от мысли, что Громов оттолкнет сейчас от себя труп и вернется на корабль один.

Но Громов крепко обнимал скафандр.

— Приготовь нашатырный спирт и водку, — слышался его голос из репродуктора.

Громову не сразу удалось добраться до люка. Он ударился о корпус ракеты, ближе к хвостовым дюзам. Пот заливал ему глаза, казалось, что они полны слез. Может быть, это так и было...

Хватаясь одной рукой за наружные скобы, другой держа спасенного, он достиг, наконец, люка шлюза. Люк был открыт, ждал его. Громов ступил в него, словно в свой дом...

Аникин не мог побороть дрожь, смотря на стрелку манометра. Наконец она показала, что давление в шлюзе и кабине одинаково, и дверь открылась.

В кабину медленно вплыл чужой скафандр с невесомым телом человека.

Аникин принял его на руки и заглянул в прозрачный шлем. Какова она, побывавшая меж звезд?..

Глаза Аникина широко открылись. Громов откидывал шлем спасенного.

Звездолетчики рассматривали некрасивое лицо с тяжелым щетинистым подбородком, широко расставленными глазами и неожиданно смешной ямочкой на правой щеке...

Том Годвин!

— Позвольте снять шляпу и уступить стул, — сказал Аникин. — Вот оно, самое тонкое, самое красивое!

— Брось дурить. Это и есть самое лучшее, самое красивое, что только может сделать человек.

— Да... человек! — протянул Аникин.

— Он решил по-своему неумолимое уравнение. Такое решение не приходило в голову его хозяевам. Они считали

космос жестоким и всеильным, а этот простой американский парень...

— Настоящий парень. Этот не стал бы нам мешать.

— Нашатырь! Водку! Растирай как следует. Теперь забота о ней, о мисс Кенни. Надеюсь, он включил автоматы спуска.

Звездолетчики расстегнули скафандр американца, растерли его грудь, дали понюхать нашатырного спирта, потом влили ему сквозь стиснутые зубы водку.

Американский пилот вздохнул, открыл глаза, зажмурил их, словно боясь проснуться, наконец, снова открыл и улыбнулся.

— Русские, — прошептал он.

— Будем жить! — сказал Громов по-английски, потрепав американца по плечу, и добавил:

— Вместе.

Часть вторая *ПЛАНЕТА ПЕПЛА*

ГЛАВА ПЕРВАЯ **ЛАПА**

Над сверкающими в лучах солнца скалами в черном звездном небе появился хвост кометы.

Комета быстро росла, минуя одно созвездие за другим. Она летела к Луне хвостом вперед.

Совершенно беззвучно, без грохота вырывались из дюз раскаленные газы, тормозя снижающийся космический корабль.

Могло показаться, что кинолента с заснятым взлетом ракеты запущена сейчас в обратную сторону. Все медленнее падало, наконец, почти повисло над скалами серебристое тело. Огненный луч уперся в камни, сдул с них вековую пыль. Клубы дыма и пыли впервые за многие лунные века расплылись внизу.

На серое облако, как на мягкую подушку, осторожно сел космический снаряд. В нижней части аппарата появились три металлические лапы, полускрытые дымом.

В настороженной тишине одна из лап оперлась о лунную скалу, словно осуществляя впервые в космосе межпланетное «рукопожатие».

Потом коснулась лунного камня и вторая лапа, а третья...

Третья лапа повисла над обрывом.

Ощувив опору первой лапы, послушные автоматы в тупой исполнительности выключили дюзы. Исчезло пламя, но продолжал еще клубиться дым.

Серебристый каплевидный гигант стал крениться. Беспомощным движением слепца искала протянутая лапа опоры. Под нею была пропасть.

Опасно накренился межпланетный корабль, но никто не выправил ошибку автоматов, не включил дюзы, не предотвратил падения.

В немом ужасе застыла у окна единственная пассажирка корабля, так и не опомнившаяся после исчезновения пилота...

Пилот исчез, зайдя ей за спину, когда она сидела в кресле, закинув назад голову, готовая к удару в висок или к выстрелу из револьвера, который сама же вынула из сумочки и положила на пульт. Этой игрушкой она хотела устроить космического пилота, теперь исполнителя закона космоса — закона бессмысленного, жестокого, неотвратимого.

С горькой иронией она сказала:

— А я говорила: «Может быть, увидимся».

Никогда он не увидит ее, никогда...

Но истинный смысл этого она поняла, лишь заметив на пульте записку:

«Включил автоматы спуска и сигнал бедствия. Бог да поможет вам, Эль, на Луне. *Том*».

И больше ни слова.

Он ушел, уступив ей жизнь и место в ракете, которая расчетливо снижалась теперь над лунной пустыней.

Том Годвин по-своему решил неумолимое уравнение, а маленькая Эллен Кенни вдруг в холодном ознобе ощутила, что она совершенно одна в космосе, беспомощная и обреченная...

Она сидела в кресле пилота, сжав виски ладонями. В репродукторе слышалось имя Тома Годвина. Его вызывали с Земли. Очевидно, он ничего не сказал о своем решении, о своем поступке. Эллен не отвечала. Ей казалось кошун-

ством отозваться вместо Тома Годвина, заставить людей на Земле содрогнуться при звуке ее голоса.

Луна приближалась. Эллен летела уже не в космосе, а над гигантской, распростершейся под нею страной острых гор.

Ракета сама собой поворачивалась, лунные хребты были теперь под кабиной пилота, но поверхность планеты все равно была видна в боковые окна.

Горизонт казался огромным, но четким, не расплывался в дымке, как на Земле.

Все ближе были лунные скалы...

С болью обреченности воспринимала Эллен никогда никем не виденный пейзаж, жадно впитывала каждую его деталь. Ах, если бы она могла его описать! Но этого никогда не будет.

И все же...

Как поражали эти дикие скалы, сверкавшие платиной на фоне... черного звездного неба! Раскаленные разящим солнцем, они возвышались над пепельно-серой равниной, крутые, отвесные, как грозные берега взбешенного моря. Но море здесь было твердым, каменным, мертвым, засыпанным тысячелетней пылью. Трещины, широкие и извилистые, с острыми краями пропастей, там и тут разрывали его. Резкие тени гор были крошечной тьмой среди белого дня. Они поглощали часть равнины, казались провалами в бездну.

В мире без полутонов и полутеней, где нет рассеянного в воздухе света, все, что под солнцем, — ослепительно, что не освещено, — невидимо.

Платиновые скалы круто, без уступов, уходили ввысь, превращаясь в горный хребет, зубцами закрывавший горизонт. В противоположной горам стороне он был удивительно близким и выпуклым, как огромный холм.

И, конечно, ни кустика, ни травинки не увидела Эллен вокруг. Здесь ничто не росло. И здесь не было движения. Ни один камешек не скатывался с крутых склонов, ветер не тревожил пыльный налет, не вздымал слежавшиеся хлопья, не гнал их облачком над камнями. Полная и безусловная

тишина вечно стояла там, где не было звуков и не было ветра, более того, не было воздуха, который передал бы звук, не было дыхания и всего, что дышит, не было жизни... И само время, казалось, не властно было что-либо изменить в неизменном лунном мире, где ничто не начиналось и не кончалось, где все уже кончилось.

И все же он был странно красив, этот мрачный лунный мир, первозданно дикий, ничем не тронутый — ни ветром, ни временем, отталкивающе страшный и притягательно таинственный.

Эллен ощутила крен корабля. Мелькнуло вверх черное небо космоса, наклонились, готовые рухнуть на Эллен, лунные скалы.

Она судорожно вцепилась в ручки кресла, пол кабины уходил из-под ног.

Потом все завертелось. Приборы пульта оказались над Эллен. Разжались ее руки, она вывалилась из кресла, ударилась о потолок, который был теперь внизу.

Серебристая ракета с надписью «Колумб» сорвалась в пропасть... Она задевала выступы обрыва, подпрыгивала на них и скатывалась все ниже, изуродованная, с вмятинами, потеряв усы антенн, обломав посадочные лапы.

Будь это на Земле, от аппарата давно ничего не осталось бы, но здесь, на Луне, где тяжесть была в шесть раз меньше, соответственно медленнее набиралась скорость падения. И только на Луне мог задержаться на незаметном выступе корабль, повиснув над пропастью.

Оглушенная Эллен уцелела только потому, что успела надеть перед посадкой колпак шлема на голову. Удар о потолок кабины пришелся по колпаку и передался на плечи.

Все же сотрясение было очень сильным. Перекатываясь по кабине, Эллен несколько раз ударилась головой о стенки шлема и почувствовала, что куда-то проваливается.

Неизменен лунный мир. Недвижимы даже тени. Казалось, ночь никогда не сменит этот ослепительный день...

По крайней мере, за то время пока Эллен была без сознания, тени если и передвинулись, то неощутимо. Можно

было подумать, что Эллен очнулась через несколько минут, а не через несколько часов. Сутки на Луне равны земному месяцу.

Сознание возвращалось постепенно. Все плыло перед взором: свод потолка, ночное небо в проеме....

Где она?

Слезы затуманили сводчатый потолок, он вдруг превратился в зеркало, в которое смотрелась космическая Вероника, отстригая себе пряди волос...

Волосы Вероники! Планетная песчинка где-то в глубинах созвездия... и ужас перед необъятностью космоса.

Эллен приподнялась на локте и осмотрелась.

В окна заглядывали яркие на солнце, в тени черные, острые камни, незакругленные, словно недавно расколотые. И всюду камни, одни камни...

Есть ли что-нибудь на Луне, кроме камней?

На Луне!

Никакой гордости не ощущала первая из людей, достигшая другой планеты, ничего, кроме боли, усталости и ужаса.

Что, если среди этих камней живут неведомые чудовища? Что, если напрасно принес себя в жертву отважный пилот Том Годвин?

Краска стыда залила лицо Эллен. Она даже не сообщила о его подвиге на Землю.

Репродуктор свисал на обрывках проводов у Эллен над головой. Битые стекла циферблатов засыпали оказавшуюся теперь внизу стенку. Там же валялся несчастный дамский пистолет Эллен.

Эллен попробовала встать. Голова кружилась. Хотелось вытереть платком лицо, но снять шлем было страшно. Кабина могла быть повреждена, воздух мог выйти наружу.

Но какая страшная тишина небытия вокруг!

Эллен вздрогнула и замерла.

Конечно, это уже галлюцинация слуха. В тишине бывают свои миражи, как в пустыне.

И снова она услышала подиравший по коже, скрежещущий звук.

Эллен отвернулась от окна, заслоненного острыми скалами, и едва не вскрикнула от ужаса.

В противоположном окне она увидела страшную когтистую лапу...

Холод пробежал по спине и прояснил голову.

Не спуская глаз со скрежещущей по металлу лапы, она подняла револьвер.

Одну за другой выпускала она пули в лапу, но все они отскакивали от стекла брони, рассчитанной на встречи с мелкими метеоритами.

В отчаянии отбросила Эллен револьвер.

Лапа исчезла.

Может быть, все это лишь почудилось ей? На Луне не может быть ничего живого...

Но лапа, опровергая все земные гипотезы, снова появилась в окне. На этот раз она держала огромный камень, который на Земле смог бы поднять лишь мощный подъемный кран.

Эллен отступила, прижалась спиной к противоположной стенке. Она не верила глазам. Она поняла, что это конец, сдвинула брови, закусил тонкие губы.

Страшный стук и звон сотрясли кабину. Лапа с неистовой силой била глыбой по стеклу.

На Луне меньший, чем на Земле, вес, но сила инерции — та же самая, она зависит лишь от массы и скорости ее движения.

Чудовищная лапа с сокрушительной силой ударила глыбой по окну.

Стекло выдержало, но рама окна подалась.

С грохотом полетела она, вышибленная, в кабину.

Эллен стояла окаменевшая, но готовая к борьбе.

В образовавшийся проем просунулись две лапы. Они шарили по кабине, приближаясь к несчастной Эллен.

Все ближе были растопыренные когтистые пальцы... Да, да! Пальцы!

«Значит, у них здесь, на Луне, тоже пальцы», — мелькнуло в мозгу Эллен, словно это могло иметь сейчас какое-то значение.

Пальцы коснулись Эллен. Она брезгливо увернулась. Лапы упрямо искали именно ее.

Эллен возмущенно оттолкнула лапы руками, но почувствовала жадную, неумолимую силу.

И все же Эллен сопротивлялась, извивалась, по-женски била лапы ногами. Раздался металлический звон, очевидно, от ее магнитных подошв. Но лапы страшилища, ни на что не обращая внимания, бесчувственные и цепкие, сжали тщетно вырывающуюся Эллен и выволокли ее через проем выбитого окна наружу, на поверхность Луны.

Поднятая высоко над камнями, Эллен успела увидеть, как «Колумб», потеряв равновесие, качнулся и сорвался в пропасть. На выступе обрыва космический корабль подпрыгнул и исчез в крошечной тьме трещины.

С ним было все кончено.

ГЛАВА ВТОРАЯ МИРАЖ И СЕЛЕНА

Газеты вышли трижды тройным тиражом. Особенно преуспела «Уорлд курьер», специальная корреспондентка которой стала космической героиней. Почти всех девочек, родившихся в день необычайных событий в космосе, называли Эллен, Еленами, Алёнами и Ленами... А мальчики получали имена Тома, Томаса, Петра, Пьера и Питера.

Не было семьи на Земле, где не считали бы своими близкими лунных путешественников, где не тревожились бы о них. Специальные бюллетени ежечасно сообщали о движении ракет.

Люди, даже незнакомые, встречаясь, прежде всего говорили о том, что «Колумб» уже спустился на Луну, и автоматическая радиостанция, подававшая сигналы бедствия, почему-то замолкла.

Из сообщения ТАСС мир узнал об уходе «Искателя» в сторону от Луны и спасении американского звездного пилота Тома Годвина.

Президент США прислал правительству СССР телеграмму с сердечной благодарностью от имени всех американцев.

Об Эллен Кенни ничего не было известно. Ее портреты, напечатанные в миллионах экземпляров, все до последнего были вырезаны читателями газет, спрятаны в бумажники, сумочки, наклеены в тетради, альбомы, приколоты на стенах...

Маленькая американка, шурясь, улыбалась людям Земли.

Эллен зажмурилась. У нее не хватало силы открыть глаза. Сейчас когти начнут рвать ее тело. Если бы сбросить шлем, покончить все разом! Но страшные, жесткие лапы держали крепко.

Она почувствовала, что ее осторожно поставили на камни... и отпустили.

Глаза открылись.

Лунные скалы, свет и тень, черное небо, косматое солнце, звезды... Нет! Ничего этого она не заметила. Перед ней стояла знакомая танкетка, а в ней за стеклом кабины сидел земной, близкий, встревоженно улыбающийся Евгений Громов в голубой тенниске с короткими рукавами...

Эллен сквозь слезы улыбнулась молодому Громову, ничего не понимая.

«Да! А лапы?» — спохватилась она.

Они лежали — огромные, металлические — у ее ног. Боже! Да ведь это же манипуляторы, механические руки, которыми была оборудована предназначенная для Луны танкетка. Ими управляет этот юноша изнутри...

— Мисс Кенни! — услышала Эллен в шлемофоне. — У вас включено радио? Как это получилось? Я искал «Колумб», но рассчитывал на мужской разговор.

— Оказывается, я совсем не знала мужчин! — борясь с рыданием, воскликнула Эллен. — Когда мы с вами вернемся на Землю...

Громов смутился:

— Мисс Кенни, я первый встречу вас на Земле...

Эллен побледнела. Она вдруг поняла все, вспомнила... Этой танкеткой управляют с Земли. Никакого ее спасителя нет на Луне, он находится на Земле, в корпусе Института космонавтики, на липовой аллее, А здесь, в этом чужом страшном мире среди нависших скал и бездонной тьмы провалов, здесь она одна...

И она рванулась вперед, прижалась к металлу земной машины.

— Я с вами, мисс Кенни... с вами, — твердил Евгений.

— Вы, правда, со мной, — прошептала она. — Я так испугалась... этих лап... А сейчас еще страшнее... Можно мне к вам?

— Конечно. Забирайтесь на корпус танкетки. Я помогу манипулятором. Можно?

— Да. Теперь можно...

— «Искатель» пошел спасать человека в космосе,

— Как? Его можно спасти? Боже! Вы можете запросить о нем Землю? Ах да! Вы же сами на Земле!

Сигнальная лампочка замигала на пульте «Искателя».

— Внимание! Вызывает Земля! — крикнул Аникин.

Петр Громов и американец Годвин, стоявшие у окна кабины, повернулись к пульту.

— Это Евгений. Он разыскал «Колумб» между Озером Снов и Заливом Мертвых. Он выручил девушку из неприятности. Пляши, Том!

— Можно было бы выбрать более приятные названия, — ворчливо отозвался Годвин, тщетно стараясь скрыть радость.

— Вы хотели сесть за рули, Годвин, — позвал Громов. — Выводите корабль на вычисленную орбиту. К сожалению, не придется облететь Луну...

— Спасибо за честь, командор. Никогда не хотел быть пассажиром. Теперь я спокоен за девочку. А что касается другого лунного полушария, то нам и на этом дела найдется. Луна — планета сокровищ. Надо только нагнуться. Я сумею вам хорошо заплатить, командор. Спасательная экспедиция, топливо — все за мой счет.

Американец говорил совершенно серьезно. Петр Громов сдержал улыбку и промолчал. Но Аникин лукаво спросил:

— А у тебя много на банковском счете, приятель?

— Пока только тридцать пять прожитых лет, — ответил Годвин.

Танкетка двигалась под отвесными скалами. На серопепельной равнине застывшими волнами поднимались длинные гряды камней. Пепел не удержался на острых гребнях, и они, беловатые, издали напоминали барашки, с которых морской ветер срывает брызги.

Эллен вспомнила остров Капри, исполинскую, поднимающуюся из моря скалу с отвесными обрывами берегов, с которых когда-то император Тиберий, прославившийся жестокостью, сбрасывал в море неугодных ему римлян...

Луна была девственно чиста, она никогда не знала человеческих страстей, жестокости, ненависти... и даже любви и дружбы.

Эллен задумчиво сказала об этом Евгению и добавила:

— Может быть, теперь здесь будет не так?

Конечно, она имела в виду не жестокость и ненависть.

За танкеткой тянулся след гусениц. Они отпечатались в пепле, оттененные черной, как сажа, крошкой.

Танкетку трясло и бросало. Ровное каменное море оказалось «бурным». Эллен не удержалась бы на кузове, если бы ее не полуобняла, заботливо поддерживая, механическая рука манипулятора.

Эллен переводила взгляд с бело-черных лунных красок на мягкий, ласково-голубоватый тон панели, видимой через прозрачную полусферу, на пластмассовые ручки цвета слоновой кости, на ткань тенниски, на волосы Евгения; отливавшие на солнце...

Эллен поджала ноги и сказала, смотря вниз:

— Древние в горе посыпали пеплом голову. Здесь в пепле целая планета.

Танкетка остановилась. Вторая рука-манипулятор протянулась к следу гусеницы и подобрала блеснувший в колесе камешек. Железные пальцы осторожно протянули находку Эллен.

— Ой! Какая прелесть! — воскликнула она.

— Для вас, мисс Кенни. Первый лунный камень.

— Как вы думаете, я буду хранить его всю жизнь? — с милым лукавством спросила Эллен. В ее руке мерцал алый огонек.

— Я совсем не знаю вас, — смешался Громов.

— А вам этого хочется?

— Боюсь, что сюрпризов в вас не меньше, чем на Луне, — нашелся Евгений и добавил: — Эллен — по-русски Елена. Можно мне называть вас... Селена?

Эллен посмотрела вверх, где сверкали в солнечных лучах верхушки скал:

— Селена — по-гречески Луна. Мне это нравится. А вы ведь не вы... только ваше изображение... Я называю вас Мираж. Когда я с вами, то как будто не на Луне.

Неожиданно легкий тон разговора был не случаен. Эллен выбрала его подсознательно, защищаясь от всего, что подавляло. Если бы она осознала, что очутилась на Луне совершенно одна, то лишилась бы рассудка. И она по-женски оборонялась от чуждой и враждебной природы, цепляясь за привычное, знакомое: за прозрачной полусферой виднелся спасительный кусочек земного мира, и ей не-обходим такой же спасительный, пусть самый пустой, но только земной разговор, какой так мило умеют вести на Земле женщины.

И она оставалась на Луне женщиной — маленькой, слабой, но не сломленной земной женщиной.

— Когда я с вами, то, как будто, не на Луне. — Она повторяла это и задумчиво перебирала огромные железные пальцы манипулятора. Устройство было таково, что каждый железный палец был связан с пальцем Евгения, малейшее движение руки которого тотчас передавалось могучим стальным мышцам манипулятора. Евгений чувствовал, как один за другим сгибались его пальцы, но не протестовал.

— Как ярко здесь! — сказала Эллен, тревожно озираясь вокруг.

— Не только ярко, но и жарко, — чуть взволнованно отозвался Евгений. — Выше ста градусов.

— Мне прохладно. — Эллен поежилась.

— На вас хороший американский костюм.

— Вы находите? Он красив?

— В вашем костюме полупроводники двух родов. Одни, нагреваясь, дают электрической ток, а другие под влиянием этого тока охлаждают ваш костюм.

— Как много надо знать, когда на Луне, — вздохнула Эллен. — Я без вас уже не могу здесь... Ой! Что это?

Танкетка выехала из-за скалы, и в звездном небе появился огромный полузатененный, ярко сияющий диск. Он был во много раз больше солнца.

— Селена, — сказал тихо Евгений, — это наша Земля.

— Земля? Боже! И вы там!

— Да. Я здесь, — виновато признался Евгений.

— Мираж, я не верю. Вы со мной, — упрямо сказала Эллен. — Вы со мной! А там, — голос ее сразу изменился, стал жестким, — там — миссис Хент, газеты, гангстеры, бизнес... Между нами — неумолимое уравнение. Остановитесь. Я хочу смотреть на Землю отсюда, с лунной высоты. Дайте вашу руку.

Эллен соскользнула с танкетки и запрокинула голову, держа пальцы манипулятора в своей руке. Евгений ощущал ее пожатие.

— Неумолимое уравнение? — переспросил он.

— О да! — Глаза у Эллен сузились. — Миссис Хент, оказывается, прекрасный математик. В ее уравнении, с одной стороны — бизнес, с другой — подлость. В большом бизнесе чьи-то сто фунтов живого тела не играют никакой роли. Я плохо разбиралась там, у вас, в «математике»...

— Селена, я не могу представить вас далеко...

— Мистер Громов, не могли бы вы оказать услугу, передать мою корреспонденцию с Луны?

— Миссис Хент?

— Нет, о ней. Кому-нибудь другому. Например... О да! «Юманите»! Или «Комсомольской правде»! Это будет восхитительное решение уравнения. О'кэй! У меня очень злые глаза? Вы согласны?

— Я передам ваше сообщение. Но сейчас нам надо браться за работу, выложить опознавательный знак для посадки «Искателя».

— Хорошо! — согласилась Эллен. — На Луне даже женщина очень сильна. Будем ворочать камни!

Эллен схватила огромный камень. Казалось непостижимым, что она подняла его и держит над головой, такая маленькая и слабая.

— Да, да! Вот так! — подхватил Евгений.

Руки манипулятора подняли еще больший камень и, стряхнув с него пыль, положили его рядом с камнем, который бросила Эллен.

Это была спорая, веселая работа. Эллен забыла, где она находится. Она наслаждалась своей невиданной силой, способностью перебрасывать огромные каменные глыбы. Она звонко смеялась.

— Эй! Живей! Живей! — кричала она. — Я никогда не думала, что стану тяжелоатлетом.

— Вы здесь весите в шесть раз меньше, чем на Земле.

Танкетка ловко маневрировала, ее стальные руки подбрасывали камни, и пыль с них вздымалась долго не осевшим облаком. Эллен едва различала танкетку в пыльном тумане.

— Мне даже хочется чихнуть, — смеялась она. — Здесь тысячелетиями не стирали пыль.

Постепенно стал вырисовываться традиционный Т-образный знак, какой выкладывают для самолетов. Он был выложен из камней, с которых «стряхнули» пыль, и потому был другого цвета, чем пепельная равнина.

— Как красиво! — радовалась Эллен, смотря на темно-гранатовые камни. А я думала, что на Луне все серо.

— Подождите, мы ее еще выметем! — пообещал Евгений.

Эллен подошла к танкетке:

— Довольны ли вы женщиной на Луне?

— Селена! — только и мог выговорить Евгений.

— Вы любите женщин? — полушутливо спросила она.

Евгений был ошарашен.

— А я не люблю мужчин. Слишком хорошо знаю, что им надо. Всегда дразнила и смеялась. На лунной дороге все иное. Я встретила на ней...

— Селенитов? — попробовал пошутить Евгений.

— Нет. Человека, которого не найдешь на Земле. Пусть он простой, чуть грубоватый... Кто мог ожидать?

— Вы думаете о нем... — тихо сказал Евгений. — Это естественно.

— Вы тоже спасли меня, — поспешно добавила Эллен.

Евгений усмехнулся:

— Сидя дома, в тепле, ничем не рискуя.

— Ему ничего не нужно было от меня, ничего... — не слушая Евгения, продолжала Эллен. — Этот знак для него.

Эллен оглянулась и вдруг заметила, что изображение в окнах танкетки стало бледнее, полусфера потускнела, стала молочно-стеклянной, холодной, мертвой.

Евгений исчез.

У Эллен захватило дух. С ужасом посмотрела она вокруг.

Она осталась на Луне одна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛУННЫЙ УДАР

Евгений Громов был первым человеком Земли, который увидел Луну с ее поверхности.

«Искатель 1» в последний раз качнулся, лег на лунные камни и замер.

Сердце у Евгения бешено колотилось, лоб стал влажным, руки на рычагах управления дрожали, глаза старались хоть что-нибудь рассмотреть за окнами танкетки. Но ракета опустилась в облако поднятого ею пепла, туман тысячелетней лунной пыли окутал танкетку мглой.

Евгению после того, как он доложил по телефону о благополучном спуске, еще долго пришлось ждать, прежде чем в окнах танкетки стали проступать сначала мутные, потом все более резкие очертания острых лунных скал.

Неужели на Луне все так уж медленно падает?

Но вот они, лунные камни, до которых можно дотронуться рукой! Вот он, лунный оком, поразительно близкий, выпуклый, как край огромного цирка! Вот оно, каменное море, изрезанное застывшими молниями трещин!

Евгений готов был кричать от радости, выскочить из макета танкетки, расцеловать Наташу, скакать по лаборатории в диком танце. Но он не чувствовал себя больше на Земле. Даже рассердился на заглянувшую было к нему Наташу. Цветное, стереоскопическое изображение в окнах-телеэкранах создавало такую иллюзию, что Евгений полностью ощущал себя на Луне. Он не устоял от соблазна и протянул обнаженную руку — он был в тенниске с короткими рукавами. Огромная железная рука манипулятора послушно повторила его движение и дотронулась до ближней скалы. Евгений ощутил пальцами ее твердость...

В этом прикосновении было торжество человеческой мысли, торжество земной техники, торжество неумейной дерзновенности человеческого знания.

Глаза у Евгения стали влажными. Он принялся насыпать железными руками большую грудку камней на месте первого спуска земного космического корабля...

«Искатель-II» лежал на боку. Он оперся сначала о камни лапами танкетки, которые постепенно согнулись и плавно положили корабль — так, чтобы танкетка могла из него вылезти.

Евгений нажал рычаги, и танкетка, припадая на задние траки, рывком выскочила из космической кабины. Она стала резвиться на лунных камнях, как выпущенный на волю зверь. Могучие железные лапы разбрасывали камни. Гусеницы взбирались на скалу. Лапы, хватаясь за выступы, помогали им.

Торжество Евгения было полным. Он на Луне, он может взять «руками» любой камень, сфотографировать любой пейзаж, установить любой прибор, провести любое исследование! Он на Луне, на Луне, на Луне! И ему не нужна ничья помощь! Ничья! Он утвердит на Луне победу того направления в изучении космоса, которому посвятил жизнь! Зачем было лететь «Искателю I» и «Колумбу»? Чтобы в космосе разыгрывались драмы?

Однако Евгений не просто давал выход своему торжеству, он приноравливался к предстоящему путешествию и месту посадки «Колумба».

На экране радиолокатора отчетливо виднелось очертание американской металлической ракеты, лежащей на боку среди камней. Очевидно, спуск был неудачным. Надо спешить на выручку злосчастному астронавту.

На протяжении первого же километра пути Евгений сделал столько открытий, что и малая их доля принесла бы исследователю мировую славу.

Магнитное поле Луны! Его, безусловно, нет на лунной поверхности! Объяснение одно: Луна не обладает, как Земля, тяжелым центральным ядром.

Евгений обнаружил радиоактивность лунной коры, заметную радиоактивность, которая менялась, а не была об-

щим фоном планеты. Сколько задач для исследователя! И этим исследователем вполне может быть лунная дистанционно управляемая лаборатория в танкетке.

Евгений первый точно измерил температуру поверхности Луны на солнце и в тени. Перепад температур был равен почти ста двадцати градусам! Какие великолепные энергетические возможности! На грани любой тени здесь могут работать паротурбинные установки, используя неистощимую солнечную энергию! Солнечный паровой котел и — холодильник в тени.

Камни и очертания скал в тени были невидимы. Конец спорам о вакуумной оптике. Но атмосфера! Есть ли на Луне атмосфера?

Анализаторы автоматически делали свое дело. Да! На Луне есть ничтожные остатки атмосферы. Ее плотность такова, как и на высоте почти ста километров над Землей. Состав этой атмосферы в основном углекислота — продукт бурной вулканической деятельности, ее больше, чем нейтрального азота. Но есть и кислород. Черт возьми! Если насосы будут выкачивать лунную атмосферу и сжимать ее, то можно получить ощутимое количество кислорода... Быть может, для будущих лунных городов... А углекислота насытит лунные оранжереи...

Впрочем, зачем заглядывать так далеко? Сейчас эра лунных разведчиков.

Евгений досадовал, что не может целиком отдаться исследованиям лунной поверхности. Приходилось мчаться по камням к американской ракете.

Но что это был за путь! Даже во сне, в большом воображении нельзя было увидеть или представить таких небывалых пейзажей. Они менялись за каждым поворотом, за каждым выступом скалы.

Соседство дня и ночи, солнца и звезд, ослепительного света и мрачной тени, незаживающие рубцы на голом теле планеты, никогда не знавшей покрова, смягчающего действия воды или ветра. Острые углы, кристаллические грани камней, игольчатый щебень. Вот они, единственные следы

разрушения на Луне. Разрушения от вечной смены раскаленного дня и космически холодной ночи. Лунный мир — это мир трещин, мельчайших, крошащих поверхность скал, и огромных, бороздящих морщинами склоны гор, и, наконец, гигантских разломов, глубиной чуть ли не в сотни километров, заметных даже с Земли!

Как хотелось Евгению остановиться хоть около одной трещины, заглянуть вглубь. Впрочем, что там можно было увидеть, кроме крошечной тьмы. И танкетка, разбежавшись, птицей перелетала трещины шириной в добрый десяток-другой метров.

Евгений наслаждался ощущением полета. Его танкетка летала! В дальнейшем надо будет снабдить ее реактивными двигателями, которые позволят ей перелететь через горный хребет, заглянуть в глубину кратера, чтобы убедиться, нет ли на аренах лунных цирков более плотных остатков атмосферы. И кто знает, что можно там обнаружить? Ведь есть кратеры с дном ниже поверхности лунных море-равнин на несколько километров. Там могут быть совсем особые лунные микромиры...

И вот вдруг... картину таинственной мертвой природы заслонил Евгению живой человек. И теперь Евгений видел только этого удивительного человека — маленькую хрупкую фигурку, а не грозные скалы за ней, слышал голос с чуть нерусским произношением, и уж не впитывал в себя торжественное величие лунной тишины.

Почему, придя к нему в лабораторию на Земле, она лишь на минуту остановила на себе его взгляд, а здесь, на Луне, так потрясла? Селена с сощуренными глазами, помальчишески стриженная, пластически совершенная в неземной на Луне силе, по-женски обаятельная в земной обыкновенности и романтически необычная в трагичности судьбы...

У Евгения было ощущение внутреннего взрыва или... солнечного удара, ощущение яркости, внезапности и затемнения сознания. Нет! Это был не солнечный удар. Это был лунный удар!

И так же, как явилась Селена с «лунным ударом», так же внезапно и исчезла, померкнув вместе с лунным миром на экране.

В окнах макета танкетки не было больше Луны. Евгений «свалился» с Луны на Землю, в знакомую лабораторию с длинными столами в сети проводов. Взбешенный, раздосадованный собственной оплошностью, он распахнул дверцу макета и выскочил в комнату...

А Эллен на Луне в тревоге стояла перед омертвевшей танкеткой, тщетно вглядываясь в непрозрачную полусферическую кабину.

Что произошло? Боже! Она сказала при нем о другом мужчине!

— Мистер Громов! Что за самолюбие? — с возмущением воскликнула она. — Я сожалею, что сказала вам о нем. Хэллоу! Мой Мираж, — изменила она голос, — пожалуйста, вернитесь. Я же здесь одна. Слушайте, будьте джентльменом... — уже просила она.

Она невольно посмотрела на небо. Не исчезла ли Земля? Нет! Голубоватый шар стоял недвижно в небе, и в незатененной части диска можно было угадать очертания знакомых материков.

Эллен перевела взгляд на скалы. Они показались ей ужасными, придвинулись, нависли над ней, разрезанные там и тут чернотой теней. Если бы они рухнули, увлекая вниз лавину камней, Эллен было бы легче.

Ее угнетала мрачная неизменность всего, что она видела. Ведь каждый готовый сорваться камень так и висел здесь вечно, а каждая пылинка пролежала миллионы лет, не тронутая ни ветром, ни временем. И пусть Эллен упадет сейчас навзничь с широко открытыми от ужаса глазами, пусть стеклянный ее взгляд будет миллионы лет все так же смотреть на любимую Землю, которая не сдвинется с места, не зайдет и не взойдет...

Говорят, люди сходили с ума в белом безмолвии льдов, панически бежали от тонкого сверлящего звука, который

будто бы издает северное сияние. Но на Луне было хуже. Здесь была черно-серая пустота. Нет! Резкая, кричащая пустота, разрывающая голову тишина. Хотелось зажать уши руками, вызвать хоть какой-нибудь звук, пусть царапающий, хоть скрежетать зубами...

Но сжать руками можно было лишь колпак шлема.

Эллен беспомощно опустила на колени, свернулась в жалкий комочек.

Одна. Совершенно одна на всей планете, бесконечно огромной и бесконечно пустынной...

Нет для человека большей пытки, чем одиночество.

— Как это жестоко и бесчеловечно!.. — шептала она. — Какое мерзкое мужское самолюбие!

И гнев вдруг накатился на нее, отодвинул отчаяние.

Она вскочила на ноги и вызывающе крикнула:

— Я не хочу никакой памяти о вас, сэр! — И в бессильной женской обиде бросила в сторону Земли подаренный ей лунный камешек. Бросила и зарыдала.

Посмотрела по сторонам и, окруженная мертвым миром, панически побежала к танкетке, стала трясти ствол антенны.

— Хэллоу! Хэллоу! — в исступлении кричала она. — Говорит Кенни, журналистка Эллен Кенни из Соединенных Штатов Америки. Хэллоу! Слушайте меня! Ответьте кто-нибудь!.. Одно только слово! Я должна его услышать! Хэллоу! Хэллоу! Говорит женщина на Луне... Одинокая, покинутая всеми женщина... SOS! SOS! Спасите мою душу!

Она сползла к гусеницам танкетки, припала к ним шлемом.

— Не слышат меня, — шептала она. — Им всем нет дела... Даже ему... Никогда нельзя узнать мужчину!.. Хэллоу! Мистер Громов! — все тише звала она. — Мираж! — И, упав на след гусеницы, по-детски крикнула: — О-о! Мама!

Недвижный скафандр лежал подле неподвижной танкетки в неподвижном лунном мире...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КОСМИЧЕСКИЕ ТОВАРИЩИ

«Искатель I» шел над поверхностью Луны. Корабль вел Громов. Аникин тщетно пытался вызвать по радио Эллен. Том Годвин был мрачен.

Внизу плыла страна голубых скал и серых равнин, изрезанных трещинами.

Вот она, другая планета, цель путешествия!

Но все три звездолетчика не испытывали торжества. Они думали о судьбе закинутой раньше них на Луну Эллен.

— Командор! — крикнул. Том Годвин. — Посадочный знак!

Крохотная темно-красная буква «Т» была чуть заметна на границе скал и равнины.

Громов уверенно посадил «Искатель II» близ лежащего на боку «Искателя I». В окнах кабины стоял мутный туман. Облако пепла, поднятое струей газа при посадке, оседало очень медленно. Мгла закрывала чужой мир...

На Луне, конечно, не было атмосферы, пыль не повисала здесь в воздухе. Любые тела, будь то лист бумаги или кусок свинца, должны были падать одинаково, правда, много медленнее, чем камень на Земле. Однако туман был обязан не только этой малой скорости падения на Луне, а главным образом, тому, что из-за малой тяжести частицы пыли улетали здесь слишком высоко, и долго потом сыпались на лунную поверхность, ухудшая видимость.

Трое астронавтов в скафандрах с начинающимися от плеч прозрачными колпаками вышли из ракеты, но, не рискуя двинуться в путь, стояли у ее посадочных лап.

Хмурые скалы едва вырисовывались во мгле, словно постепенно попадая в фокус изображения.

Наконец видимость улучшилась. Серая каменная пустыня тянулась к горбатуму горизонту. Неожиданно показалось в стороне небольшое гранатовое пятно.

Том Годвин первый прыгнул в его сторону. Тело астронавта взлетело высоко над камнями. Ему едва удалось опуститься на ноги метрах в тридцати от пятна.

— Осторожно, Годвин! — крикнул Громов.

Громов и Аникин двигались медленно, держась за руки.

Годвин остановился, чтобы подобрать яркий камешек, тот самый, который Эллен в минуту отчаяния бросила в небо...

Еще один прыжок, и Годвин опустился на колени около лежащего скафандра.

Вот она, его незаконная пассажирка. Не думал он встретиться с ней... Что почувствовала она, оставшись одна на ракете, что перенесла здесь, на чужой планете? Дышит ровно, глубоко... Неужели спит?

От взгляда Годвина Эллен проснулась. Она спала! Усталость и переживания сломили ее. Пришел сон и спас от помешательства.

Она открыла глаза и увидела простоватое лицо с широко расставленными маленькими, но добрыми глазами.

— Том!.. — только и могла выговорить она.

Годвин не услышал. Он догадался, что выключено радио, и повернул рычажок на ее шлеме, сдвинутый при падении.

Эллен села и припала к плечу пилота:

— Том! Все-таки прилетел... Сейчас я могу только обнять. Они спасли вас? Когда будет воздух, я поцелую им руки.

— Эль! Здорово все получилось, — сказал Том Годвин. — И все из-за гориллы. Вернемся, расцелую ее в морду.

Эллен тихо засмеялась:

— Я еще вас совсем не знаю. Но вы должны быть именно таким. А меня вы сделали другой. Я родилась здесь, на Луне. Я селенитка. И всем, почти всем обязана вам...

Только теперь Эллен заметила Громова и Аникина.

— Здравствуйте, — сказала она, вскакивая. — Я же говорила, что мы, может быть, увидимся. Извините. Я не слышала, как вы подошли.

— На Луне мог подкрасться и слон, — пошутил Аникин.
— Звуков нет. Слонов тоже.

— А воздуха здесь столько же, сколько совести у миссис Хент, — вставил Том Годвин, стараясь скрыть смущение.

Эллен неуверенно сделала шаг к Громову. Тот протянул обе руки и с душевной простотой обнял ее.

— Вот теперь можно и осмотреться, — сказал Аникин.
— А то мисс Кенни заслонила нам всю планету.

— А я уж здесь такого насмотрелась!.. — вздохнула Эллен.

— Где ж тут у вас Кратер Эллен Кенни? Где Ущелье Евгения Громова? — с напускной серьезностью спрашивал Аникин.

Эллен опустила голову:

— Евгений Громов... Простите, командор, он ваш брат, но он не джентльмен. Ему быстро надоело мое общество. Он счел возможным оставить меня здесь совершенно одну...

— Вращение Земли оставило вас одну, мисс Кенни, — мягко объяснил Громов. — Луна зашла в Москве за горизонт. Вот и все.

Эллен посмотрела на голубоватый шар в небе.

— Нет. Земля не заходила за горизонт.

— Лунный шар не вертится относительно Земли. А на Земле Луна заходит. И тогда теряется радиосвязь с танкеткой, ее телеэкраны гаснут.

— Боже! — воскликнула Эллен. — Это ужасно! Так подумать о человеке! Как, однако, много надо знать о Земле... И о людях Земли, — тихо добавила она.

Том Годвин повел Эллен в ракету.

Громов поднимал острые, словно колотые, камни, с интересом рассматривал их, брал в горсть пепел, пересыпал его с ладони на ладонь.

— Ты понимаешь, Ваня, где мы находимся?

— На Луне, — отозвался Аникин.

— А я вот думаю... на Земле, — сказал Громов, испытующе глядя на Аникина.

Аникин пожал плечами и нахмурился. Он отлично понимал, на что намекал командир.

— Очень важно, чтобы это было так, — задумчиво сказал Громов. — Открыли бы необыкновенные богатства Земли...

Потеряв связь с танкеткой, Евгений не находил себе в лаборатории места, уныло бродя между длинными столами.

Спокойная Наташа с укором смотрела на него.

— Понимаю, — в смятении остановился он перед нею. — Думаешь, тот уступил ей жизнь, как уступают стул, а я... не могу даже поддержать ее...

— Думаю о другом, Женя, — рассудительно ответила Наташа. — Луну сейчас видно в Америке.

— Проникновенная мысль! К сожалению, из Америки нельзя управлять танкеткой.

— Сядь и приди в себя, — внушительно сказала Наташа. — Сейчас американке без тебя страшно, а может случиться, что без танкетки они погибнут.

— Почему погибнут?

— Потому что Луна не будет видна в России, и они в решительную минуту не смогут воспользоваться танкеткой. Вот если бы в мире обменивались телепередачами...

— Фантастика! Цепь поднятых в небо антенн вокруг всего мира?

— А почему нет? — упрямо спросила Наташа. — Американские самолеты в свое время летали с атомными бомбами? Грозили силой? Почему бы не летать теперь, чтобы помочь тем, кто на Луне?

— Да разве можно договориться с их генералами! — махнул рукой Евгений.

Кабина «Искателя I», когда в нее вернулись Громов с Аникиным, приобрела неожиданный уют.

Эллен накрыла стол, расставила приборы, разыскала салфетки, развесила по стенам виды Земли, которые вырезала из найденных журналов: березка над рекой, закат солнца... шторм в море... шумные улицы города... люди под зонтиками... Дождь! Чудесный земной дождь, невозможный на Луне!

Эллен в ярком свитере и спортивных брюках, повязанная подобием передника, хлопотала у стола:

— Прошу всех садиться... Будет очень вкусно. Нельзя ли включить земную музыку? Люблю симфонии, но обожаю танцевать.

Аникин кинулся к радиоаппаратуре.

На Луне Землю было лучше слышно, чем на самой Земле. Некоторое время все молча слушали музыку, несшуюся через межпланетное пространство.

— Вот что, товарищи, — сказал Громов, решительно усаживаясь.

— Товарищи по несчастью, — подхватила Эллен.

— Нет, товарищи по работе, — поправил Громов. — Нужно подумать о завтрашнем дне.

— Стоит ли думать... о смерти? — сказала Эллен.

Громов пристально посмотрел на нее:

— Мы обеспечены четырнадцатью баллонами кислорода. По одному на земной день.

— Разве есть ракеты, которые смогут прилететь за нами? — повернулась к Громову Эллен.

— Есть две резервные ракеты типа «Искатель I»; — ответил Громов. — Но они двухместные. Пилоты смогли бы взять отсюда лишь двоих...

— Понимаю, — с горечью сказала Эллен. — Здесь есть лишние.

— До наступления лунной ночи сюда прилетит международная космическая экспедиция, — раздельно произнес Громов.

— Вавилонскую башню не могут достроить с библейских времен!

— Я говорил с академиком Беляевым. Весь мир занят нашей судьбой. Сейчас трудно препятствовать завершению строительства.

— Я только описывала международные конфликты... Неужели теперь придется стать их причиной?

— Скорее «причиной» международного единения. Нужно думать, как не остаться в долгу перед человечеством.

— Признаю ваше руководство, командор, — вмешался Том Годвин, — пока не выплачу вам долг. Какова задача?

— Собрать образцы пород, наблюдать лунную природу. И дойти до края видимого с Земли лунного диска.

— Черт возьми! Это меня устраивает. Расставляю по пути заявки. Тут кое-что валяется под ногами. Посмотрите, что я нашел. Это вам, Эль, ко дню вашего лунного рождения.

И Том Годвин протянул Эллен найденный им камешек.

— О-о! Том! — воскликнула Эллен и смутилась. — Мне кажется, что... мне однажды уже дарили его здесь.

— Кто дарил? — изумился Годвин.

— Может быть, во сне... Я хотела бы уснуть, — растерянно говорила Эллен. — Годвин, у вас не осталось пилюль? Я ведь не пойду с вами.

— Чепуха! — возмутился Годвин. — Как вы можете остаться здесь одна?

— В этой кабине так уютно. — Эллен сказала первое, что пришло ей в голову.

— Но международный корабль не сможет опуститься сразу в двух местах, — убеждал Годвин.

— Но я не люблю ходить пешком, — упрямылась Эллен, думая о чем-то своем.

— Вас повезет танкетка, — сказал Громов, внимательно наблюдая за Эллен. — Вы будете отдыхать вместе с нею.

— Танкетка? — сразу оживилась Эллен и чуть покраснела. Потом, сощурившись, посмотрела на Громова. — Вы — романтик, командор. Хотите пройти сотни километров без асфальта, пренебрегая золотом и алмазами, лишь бы увидеть «ту сторону»!

— Я ищу клад куда больший, — улыбнулся Громов. — Ищу и вспоминаю, что Колумб не поворачивал вспять от неведомых берегов, Амундсен не возвращался, не дойдя до открытого острова.

— Я готов, командор, — заявил Том Годвин. — Американец Пири добрался до Северного полюса.

...Еще за час до того, как Луна должна была взойти над Россией, Эллен стояла у танкетки, устремив взгляд на темную полусферу.

Мужчины неподалеку устанавливали автоматическую радиостанцию наблюдения. Она в течение года должна была сообщать показания различных измерительных приборов.

Опершись о борт танкетки, Эллен задумчиво смотрела на матовую полусферу. И вот, наконец, полусфера начала светлеть, как бы наполняясь воздухом и светом. Постепенно, словно выходя из тумана, стало вырисовываться изображение Евгения. Нет! Преодолевая расстояние в триста восемьдесят четыре тысячи километров, он сам, живой, бодрый, взволнованный, появлялся перед Эллен.

Том Годвин, оторвавшись от работы, издали увидел, как вздрогнула Эллен, очевидно, встретившись с Евгением взглядом.

— Мой Мираж! Я так вас жду, — тихо сказала Эллен.

— Селена!..

— Я подумала, что вы обиделись. Я восхищалась Годвином...

— Я тоже.

— Я знаю. Вы спасли меня с Земли. Но на Луне вы поступили бы так же.

— Это верно, Селена, — горячо сказал Евгений,

Эллен заметила, что Том Годвин как-то боком направился к танкетке.

— Здесь все очень сложно, — быстро заговорила она. — Вот камешек... Даже о нем думать сложно. У вас сложный брат. Рыцарь науки в скафандре. Сэр Дон Кихот Космический ведет за собой всех, чтобы взглянуть за край лунного диска. А я остаюсь...

— Селена! Я считал минуты, ждал, когда взойдет Луна. Разве я пойду с ними... без вас?

Годвин был уже в нескольких шагах. Эллен загродила собой полусферу:

— Разве я причинила мало хлопот? Надо ли быть обузой?

— Селена! Я не смогу оставить вас одну!

— А вы сможете это повторить? Нет, нет! Не только на Луне?

— Эль пойдет с нами, — сказал подошедший Годвин. — Надеюсь, ваш автокар сможет помочь ей в трудных местах?

— Конечно, — ответил смущенный Евгений, и подняв глаза на Эллен, переспросил:

— Не только на Луне?

ГЛАВА ПЯТАЯ КРУШЕНИЕ НЕИЗМЕННОСТИ

Наташа переехала жить на дачу к Анастасии Степановне Громовой. Это получилось само собой. Каждая из женщин словно решила возместить другой улетевшего Петра...

Наташа и Евгения заставила жить с матерью на даче. Все равно, пока Луны не видно на небосводе, дежурить в лаборатории бесполезно, а мать оставалась матерью, ей легче было отпустить сына в бой, чем... на Луну. Она не нашла себе места, проплакала глаза.

В это утро Луна всходила позже солнца. Ехать в институт было еще рано, и Анастасия Степановна поила Евгения и Наташу на веранде чаем. Только в такие минуты ей становилось легче на душе.

Утро было свежее, раннее. День обещал быть солнечным, но на рассвете с реки поднялся туман, окутал деревья, превратил их в неведомые сказочные растения, скрыл кустарник. Все вокруг стало мягким, нереальным. Так бывает, когда на склон горы набежит облако. Сколько раз любовались таким пейзажем Евгений с Петром во время восхождений!

Наташа, отпив глоток из стакана, задумчиво смотрела на бутерброд с ветчиной, на котором остался полукруг от ее зубов.

— Подумать только, — сказала она. — Они не могут там ни пить из стакана, ни откусить кусок хлеба.

— Как же они, сердешные, обходятся? Вы хоть мне объясните, старой.

Наташа поморщилась:

— Резиновые трубки. Один конец берут в рот в шлеме, а другой присоединяют снаружи к жидким консервам.

— А потом перекачивают специальной грушей, — добавил Евгений.

Мать покачала головой:

— Некрасиво как-то... А все же хоть так, а завтракать надо.

— Да, как раз сейчас, — заметил Евгений. — Они ведь тоже ждут, пока у нас Луна взойдет, чтобы в путь отправиться.

— Бедненькие! Ни вкуса, ни удовольствия от такой еды не получишь. Похудеют, поди, — сокрушалась Анастасия Степановна.

— Да, удовольствия там мало, — сказал Евгений.

— Неправда! — возмутилась Наташа. — Быть на Луне для них — высшая радость! Я завидую им, завидую!.. Я хотела бы быть с ними рядом.

Анастасия Степановна подошла к Наташе и молча поцеловала ее в волосы.

Четыре человека в скафандрах пробирались между зигзагами трещин.

Петр Сергеевич Громов и Том Годвин, деля опасность первого шага, как слепцы, ощупывали палками путь. О прыжках, столь легких на Луне, не могло быть и речи. Под пеплом всюду ждали пропасти.

Позади двигалась танкетка, нагруженная кладью экспедиции и баллонами с кислородом. Евгений Громов напряженно следил за каждым путником, готовый ринуться на помощь.

Эллен часто оглядывалась на него. И всякий раз, словно чувствуя, оборачивался и Том Годвин, угрюмый и встревоженный.

Природа угнетала Эллен. Обрывы «берегов» лунного моря ослепительными стенами уходили в черное звездное небо. Голые утесы нависали над окаменевшими грядами волн, посыпанных пеплом. Острые, как ножи, ребра скал и рваные кромки трещин остались нетронутыми после древних катаклизмов, словно все остановилось с тех пор, все кончилось...

Ужас неизменности охватывал Эллен. Она не могла примириться с тем, что все вокруг не менялось уже миллионы лет. Каждая пылинка, не зная ветра, лежала недвижно, нависший над пропастью камень не мог качнуться, чтобы

сорваться. Все заснуло. Нет, умерло!.. Нельзя жить и двигаться, если все вокруг мертво. Что может быть страшнее конца? Кошунство оставлять здесь следы. Надо пасть ниц и замереть на тысячелетия... Так сходят с ума.

Евгений угадывал, что происходило с Селеной. Но как отвлечь ее разговором, если каждое слово обрело особый смысл, а слышат его сразу во всех шлемофонах?..

Он старался без слов, одним взглядом передать Эллен все, что не решался сказать.

Однако Аникин прекрасно все замечал и иронически улыбался. Телевизионное изображение несомненно помогало «кое-кому» позабыть о трехстах восьмидесяти четырех тысячах километров расстояния... Впрочем, милому Ване пришлось мысленно прикусить язык. Он-то знал, что дикторы Московского телецентра получают немало писем с признанием в любви и назначением свиданий от людей, видевших их только на экране. И немало таких писем написал, кстати, он сам... А как он был обижен, когда узнал, что девушка-диктор встретилась с ним лишь потому, что он упомянул в последнем письме о своем скором полете на Луну!

Все же он подружился с этой чудесной девушкой, и в последний вечер они даже целовались... Она обещала ему смотреть на Луну.

Чтобы не мешать Евгению и Эллен молча разговаривать, Ваня ушел вперед.

Но Евгений сам подозвал взглядом Петра и указал ему на Эллен. Петр все понял.

— Мисс Кенни, — сказал он, нагоняя Эллен, — мы нуждаемся в вашей помощи.

— Вы зло шутите, командор, — нервно обернулась Эллен.

— Нисколько. Вот киноаппарат, — он протянул ей портативную кинокамеру. — Вы опытный репортер и можете стать кинооператором экспедиции. Снимайте этот мир.

— Святотатство, — сказала Эллен, смущенно беря киноаппарат. — Снимать пейзажи дантова ада? Бороться с ними, подчинять их себе?.. Я смогу это сделать? Как вы

думаете? — И Эллен, привычно наведя кинокамеру, сняла цепочку вдавленных в пепел лунок, как тушью обведенных густой тенью.

— Следы человека на Луне, — сказал Петр Громов. — Вы сами ответили на свой вопрос.

— Я подумала, что боюсь темноты... Неизменность и пустота... Они отнимают рассудок...

— А их вовсе и нет в космосе, — отозвался Аникин, дальше всех бывший от Эллен. — Космос переполнен метеоритами любых размеров. Начиная с пылинок и кончая планетами, все состоит из тех же метеоритов, даже звезды...

— Даже звезды? — удивилась Эллен не столько составу звезд, сколько тому, что слышит это от Аникина, от славного паренька, которого она считала механиком, пилотом, помощником, тенью командора. Она впервые вспомнила, что русские астронавты были научными противниками.

— И звезды, — подтвердил Аникин. — Они вспыхивают при сгущении туманностей космической пыли. И кто знает, что это за пыль? Быть может, она состоит не только из частиц обычного вещества, но также и из частиц антивещества с обратным электрическим зарядом ядра и оболочки. Тогда, соприкасаясь, частицы вещества и антивещества перестают существовать, превращаясь в носителей энергии — в фотоны, которые раскаляют оставшуюся массу вещества. Если метеоритная пыль образовала таким образом звезды, то более крупные метеориты, захваченные когда-то Солнцем при прохождении темной туманности, образовали Луну, Землю и все другие планеты солнечной системы. Они продолжают каждую секунду встречаться с Землей, падают на нее, увеличивая ее объем и массу. Правда, большинство из них не долетает до поверхности, сгорает в атмосфере. У Земли крыша надежная.

— А на Луне? — спросила Эллен, с новым интересом разглядывая Аникина.

— Никакой нет. Метеориты каждую минуту оставляют здесь след. Кольцевые горы цирков, глубокие кратеры — все-это следы метеоритов.

— Вывод поспешный и неверный, — вмешался Петр Сергеевич Громов.

— Война белой и алой розы, известная борьба двух гипотез, — заметил Евгений.

— Не надо превращать ее в войну жрецов, — резко сказал Петр Громов. — Только в религиозном экстазе можно забыть о лунных вулканах.

— Их нет на Луне, — решительно заявил Аникин, — а метеориты продолжают менять ее лицо.

Разговор был начат, чтобы отвлечь Эллен, помочь ей справиться с подавленным состоянием, но сразу перерос в жаркий спор.

— А лунное извержение, которое в 1958 году наблюдал Козырев? — напомнил Петр Сергеевич.

— Просто увидел тучу пепла, которая поднялась при падении метеорита. Такая же туча на длительное время скрыла кратер при падении на Луну первой ракеты с советским выпелом. Это видели венгры. Вот так. Просто туча.

— Старая песня академика Коваленкова.

— Берусь доказать на Луне любое его утверждение, — запальчиво сказал Аникин.

Том Годвин решил вмешаться:

— Чтобы поднять хорошую тучу, метеориту надо было угодить в скопление пыли, как вон в той расщелине. Она полна рыхлого пепла, как биржа — прохвостами. — И он указал на клинообразную расщелину в береговых скалах лунного моря.

— А если поставить опыт? — предложил Евгений. — Для того и есть у нас танкетка! Вы отойдете на безопасное расстояние, а я метну туда манипуляторами камень.

— Какая же у него будет скорость? Не сравнимая с космической, — сопротивлялся Петр Сергеевич.

— Но мы проверим, как ведет себя пепел, — настаивал Аникин. — И если простого камня будет достаточно, чтобы взбаламутить пепел, то... прав Коваленков!.. Вам ли этого бояться?

Петру Сергеевичу пришлось уступить.

Люди отошли от расщелины подальше. Видимость была превосходной.

— Мне хочется пожать вам руку, — сказала Эллен Евгению. — Вы словно идете на подвиг.

Евгений поднял высоко над танкеткой обе железные руки и соединил их в рукопожатии.

Танкетка помчалась к скалистым обрывам, подскакивая на камнях, Эллен снимала ее кинокамерой.

У расщелины танкетка остановилась. Могучие железные руки подобрали огромный камень, замахнулись им, далеко закинув назад, и метнули вверх.

Камень описал дугу и зарылся в рыхлый слой пепла с краю расщелины.

Ничего не произошло.

— Ну вот, — снисходительно заметил Петр Громов. — Теперь скажете, что скорость была мала.

Эллен, целясь телескопическим объективом, продолжала снимать. Она первая заметила, что даже слабого удара импровизированного метеорита оказалось достаточно, чтобы вывести пепел из состояния неустойчивого равновесия. Он потек... потек, напоминая темную жидкость. Сначала он падал с высоты струйкой, но скоро таких струек появилось множество; закрученные спиралями, они слились в пепельный водопад.

Внизу с камней стало подниматься черное облако.

Что так медлит Евгений?

И вдруг пепел рухнул черной Ниагарой. Танкетка исчезла из виду. Нельзя было понять, что с ней случилось.

— Мираж! Он утонул!.. — крикнула Эллен.

— Гусеницы буксуют, — послышался в шлемофонах голос Евгения.

— Скорее на помощь! Его засыплет! — крикнул Петр Сергеевич.

Пепельный водопад разрастался с пугающей быстротой. Но люди, не раздумывая, бросились в черную тучу, клубами поднимавшуюся с поверхности.

Евгений мигал прожектором. Свет едва был виден во мгле.

Исследователи держались за руки, чтобы не потерять друг друга. Добрались до танкетки по колено в пепле.

— Как в Помпеях, — прошептала Эллен. На миг она представила себе, что всех их засыплет навеки. Они сядут безвольные, покорные судьбе... Их найдут, окаменевших, через сто тысяч лет и поместят под стеклянные колпаки в музеях. Как в Помпеях... Она передернула плечами.

Попробовали толкнуть танкетку, но она не двинулась.

— Поднимайте за гусеницы! — приказал Петр Громов.

Эллен наравне с другими уцепилась за гусеничную ленту. Ослепительный день превратился в непроглядную ночь. Казалось, люди в водолазных костюмах спустились на дно темного моря. Только на Луне можно было поднять вчетвером такую тяжесть. Танкетка помогала как могла, опираясь манипуляторами.

Спотыкаясь, еле вытаскивая из пепла ноги, Эллен тащила танкетку вместе со всеми и уже не думала о Помпеях. Она спасала Евгения! Она не могла допустить, что Евгений сидит в безопасности на далекой Земле, в лаборатории и переговаривается со своей помощницей Наташей, которая варит ему кофе...

Наконец, слой пепла стал мельче, танкетка оказалась на камнях. Эллен почувствовала, что механическая рука подхватывает ее.

— Все на вездеход! — скомандовал Петр Громов.

Перегруженная танкетка тяжело переваливалась через камни.

Сквозь мглу стало просвечивать солнце, напоминая земное солнце перед закатом, но не красное, а серое, затянутое дымкой и лишенное короны пламенных языков.

Солнце выступало все ярче. Стали различимы каменные торосы и трещины, через которые перебиралась танкетка.

Пепельная туча редела. Однако от нее нужно было бежать как можно скорее.

— Здорово получилось! — торжествующе заметил Аникин. — Вот Коваленков будет рад! Вот почему на долгое время исчезают для астрономов детали Луны!

— Крушение неизменности, — отвечая своим мыслям, сказала Эллен.

— Нет, — решительно заявил Петр Громов. — Козырев не мог ошибиться. Он видел извержение. Но наша ошибка ясна. На Луне все было неизменно, пока человек не ступил на нее.

— Нельзя трогать Луну? Вы так подумаете? — спросила Эллен.

— Напротив. Именно человек изменит ее, — сказал Петр Громов.

Танкетка вырвалась из черной тучи.

Эллен снова увидела платиновые скалы, черные тени и облегченно вздохнула. Она наклонилась к прозрачной полусфере и тихо сказала:

— Я так испугалась за вас, Мираж...

ГЛАВА ШЕСТАЯ МОРЩИНЫ

Эллен очень хотелось снять лунный цирк, который виднелся справа.

Издалека это можно было сделать лишь с высокой точки. Резкость очертаний была одинакова и вблизи и вдали. На Луне все казалось обманчиво близким. Можно было идти бесконечно долго, не приближаясь к цели.

Эллен выбрала скалу с пологим подъемом, удобным для танкетки. Она показала ее Петру Сергеевичу, добавив, что ей не хотелось бы для предполагаемой съемки отвлекать кого-нибудь от сбора коллекции камней. Громов покосился на нее и сказал, что танкетка доставит ее наверх.

Том Годвин, конечно, слышал этот разговор. Ведь каждое слово звучало во всех шлемофонах...

Эллен вскочила на танкетку. Сердце у нее взволнованно билось. Танкетка стала круто взбираться по камням.

— Селена!.. — сказал Евгений.

— Мираж! — тихо ответила Эллен и предостерегающе подняла палец.

Три фигурки виднелись внизу. Они наклонялись и выпрямлялись. Эллен отлично слышала голоса Громова и Аникина. Том Годвин молчал.

Эллен пожалела в душе, что связь ухудшается так медленно.

— Селена, вы почти совсем не подходите к танкетке, — сказал Евгений.

— Т-сс, Мираж! Здесь все очень сложно. И потом... Я уже совсем по-иному воспринимаю Луну.

— Почему же вы не напишете этого в корреспонденциях? Я так жду, когда вы будете диктовать их мне,

— Корреспонденции? Ах, Мираж! Чтобы написать, почему Луна стала для меня другой, мне надо стать такой, как Жорж Занд,

— Вам Луна кажется иной?

— А как вы подумаете?

— Скажите... потому, что мы встретились здесь?

— Вы так считаете?

— Я считаю... Если, в самом деле... На Земле сейчас ночь. В небе светит Луна. Она так красива! Хотите, я открою дверцу танкетки? Вы увидите край окна и Луну над деревьями.

— Откройте, Мираж... Это будет, как во сне.

Эллен наблюдала за Евгением. Он, взволнованный, распахнул дверцу танкетки. В окне виднелись деревья. Подоконник был залит белым светом.

Эллен соскочила с танкетки, стала искать, откуда лучше будет видна Луна в полусфере. И она увидела Луну, совсем круглую, яркую, с отчетливым рисунком теней.

Какое странное чувство! Она видела Луну почти за четыреста тысяч километров и одновременно находилась на ней...

— Я хочу, чтобы вы стали лунатиком, слышите? Я хочу этого, — сказала Эллен.

— Удивительная Луна, — отозвался Евгений.

— Наша Луна!

— Да, да. Наша...

— Теперь смотрите сюда, Мираж. Буду показывать я... — И Эллен протянула руку.

Среди хаоса скал лунный цирк поражал геометричностью форм. Горный хребет кольцом охватывал глубокую равнину. Тени делали кольцевые горы рельефными, словно нарисованными тушью. В первый момент казалось, что среди скал высится искусственное сооружение титанов. Исполинский амфитеатр уступами спускался к немислимо огромной арене, посередине которой стоял, как ось колеса, одинокий горный пик, отбрасывая на арену острую тень.

— Правда, красиво, Мираж? Когда я перестала бояться, я полюбила Луну.

— Я... Я тоже, Селена.

— Мужественная, суровая красота, строгая, могучая, ничем не тронутая и таинственная. Командор и Аникин спорят о происхождении лунных цирков. А если... Если они

построены? Как римский Колизей! Я бродила по нему ночью при лунном свете. Там было очень много кошек. Кромка стен была волнистой и серебрилась. Вместо арены виднелись темные провалы когда-то скрытых под ней помещений для диких зверей и гладиаторов. Что скрыто под ареной лунных цирков?

— Заложить бы буровую скважину...

— Да, да, буровую скважину, — рассеянно повторила Эллен. — Я сейчас видела Луну, словно отраженную в земном зеркале. Послушайте, Мираж. Простите меня. Вы подумаете, что я только женщина, глупая и смешная. Ведь если она даже среди лунных скал... И все-таки... Скажите, если у нас в танкетке будет зеркало, я увижусь в него?

Евгений удивился, но ответил:

— Конечно, вы увидите себя в зеркале, если его поместить здесь, около меня, перед аппаратурой.

— Мираж, милый... Я очень попрошу. Это рискованно — посмотреть на себя. Но я так давно не смотрелась в зеркало. И, конечно, я очень страшная...

— Что вы, Селена! Напротив!

— Вы так находите?

— Я сейчас. Я попрошу зеркальце у Наташи.

Евгений исчез из макета танкетки и очень удивил своей просьбой дежурившую в лаборатории Наташу. Он попросил у нее карманное зеркальце. Когда Наташа поняла, для чего оно нужно, она побежала в гардероб и принесла оттуда довольно большое зеркало, которое сняла со стены.

Пока Евгения в танкетке не было, Эллен снимала кинокамерой море скал и возвышающийся над ними лунный цирк.

— Селена! — позвал Евгений.

Эллен обернулась. Она увидела, что Евгений держит перед собой зеркало.

— Мне нужна отвага, — сказала она, подходя к танкетке вплотную. — Боже! Разве можно меня узнать? Я больше никогда не подойду к вашей танкетке, мой Мираж! Вы дадите мне слово, что не станете на меня смотреть?

— Селена? Что вы!..

Маленькая женщина всматривалась в свое изображение. Это изображение сначала было передано через космос на телеэкран в макет танкетки, установленной в лаборатории, отразилось в зеркале, которое держал в руках Евгений, и вместе с зеркалом было воспроизведено аппаратурой на Луне..

Но Эллен вовсе не думала, «как» она видит себя, она лишь тревожно всматривалась в свое лицо, измененное новой прической, утомленное и... пожалуй, чуть выигравшее от этого — или от причуд резкого лунного освещения?

— Вы знаете, Мираж, я вижу у себя новые морщины.

— Селена! Смотрите! — крикнул Евгений и едва не выронил зеркала.

Эллен обернулась.

На выпуклом горизонте лунного моря, недавно покинутого путниками, что-то сверкнуло. Рванулись во все стороны ослепительные лучи, и зеленое облако светящейся короны стало расплываться по черному небу, как заря неведомого светила.

— Это не пепел! — воскликнула Эллен.

— Это метеорит, Селена.

— Неужели прав этот милый забияка Ваня, а не ваш брат?

— Прыгайте в танкетку! Скорее! Помчимся!

— О да, скорее! Что там случилось, на нашей Луне?

Сверху было видно, как три фигурки, делая большие прыжки, спускались к равнине.

Танкетка мчалась следом, подпрыгивая на камнях, перелетая по несколько метров над поверхностью.

Танкетке не сразу удалось догнать бегущих.

На небосводе был виден огромный, расплывающийся шар.

— Метеорит, Леночка, метеорит! — кричал Аникин, ловко вскакивая на танкетку. — Что я тебе говорил! — перешел он с Эллен на «ты». — Мы сами увидим сейчас оставленный им след! Конец спорам!

— Клянусь долларом, не похоже на атомную бомбу, совсем не похоже! — бормотал Том Годвин, ухватившись за выступ на танкетке и вскакивая на нее, как ковбой на коня.

Петр Сергеевич взобрался на танкетку последним.

Все четверо встали на ноги, держась друг за друга.

Том Годвин с Аникиным гикали и свистели. Эллен тоже шумела, возбужденная не меньше других.

Маленькая танкетка мчалась к месту взрыва, как славной памяти тачанка во время атаки.

Перегруженные моторы грелись. Евгений манипуляторами сбросил для облегчения, несколько кислородных баллонов, чтобы потом подобрать их.

Скоро небо из черного стало зеленым. Танкетка вошла в поднятое взрывом облако. Оно было более разреженным, чем во время недавнего «пеплопада». Однако Евгений замедлил скорость и включил прожектор.

Солнце просвечивало через зеленый туман и само казалось странным, ярко-зеленым.

Зелеными казались и скрытые за прозрачными колпаками лица людей.

Евгений совсем замедлил ход.

Сверху падал твердый дождь. Это были хлопья пепла и мелкие, медленно оседавшие песчинки.

Танкетка остановилась около дымящегося кольцевого вала.

Все соскочили на камни и осторожно подошли к новому образованию.

Том Годвин попробовал вал ногой. Он был рыхлым.

Аникин прикинул размеры образовавшегося кратера:

— Метров сто.

На дне кратера лежали осколки небесного камня.

— Какой гигантский снаряд! — сказала Эллен.

— Это что! — отозвался Аникин. — А ты представь себе древние небесные снаряды с озеро Байкал величиной. Падал такой камешек и насыпал кольцевые горные хребты при взрыве...

— Этого никогда не было, — спокойно заметил Петр Сергеевич.

— Это почему же? — возмутился Аникин.

— Как видите, характер взрыва метеорита совершенно не напоминает извержение вулкана. Камни летели не из жерла вулкана, направлявшего, как ствол орудия, их полет, а во все стороны, мельчайшая пыль образовала расширяющееся шаровое облако. Вся выброшенная порода оседает не кольцевым хребтом, как в лунных цирках, а по всему диаметру шара. И только вот эта морщина, — указал он на образованный взрывом вал, — представляет собой кольцо.

— Морщина! — воскликнула Эллен. — Как это верно!

— Да, морщина, — подтвердил Громов. — От встречи с метеоритами на Луне появлялись только морщины, но отнюдь не горные кряжи.

— Морщины и раны, — поправила Эллен.

Громов пристально посмотрел на нее:

— Да, если хотите, то морщины и раны — кратеры.

— А кратер лунного цирка не рана?

— Конечно, нет. В его центре вовсе не лежат осколки упавшего когда-то метеорита, а высится прежде действовавший вулкан.

— Не думаю, что мой Коваленков согласится с этим, — сказал Аникин.

— Не ручаюсь за академика Коваленкова, но тебе, Ваня, очевидно, все же придется с этим согласиться.

— Если бы на Земле взорвалась такая чертовщина, — сказал Том Годвин, — там немедленно решили бы, что сброшена атомная бомба... и начали бы войну.

— Видите, Годвин, как опасно играть с атомным оружием, брехать им, грозить применить при первом подозрении... На Земле действие метеоритов ослаблено атмосферой, но и там остался кратер в Аризонской пустыне диаметром более километра. Тысячи лет назад там упал гигантский метеорит.

А в тунгусской тайге в 1908 году ударился уже не метеорит, как установили последние экспедиции, а произошел

ядерный взрыв. Можно спорить, что было его причиной: гибель ли марсианского корабля или неизвестный феномен природы, но одно можно сказать — начинать атомную войну из-за первого взрыва, не разобравшись в его происхождении, нельзя. Я присутствовал весной 1959 года на собрании двухсот физиков в Институте физических проблем в Москве, где всеми уважаемый академик, анализируя тунгусскую катастрофу, подсчитал, что вероятность такого явления на Земле, могущего послужить началом атомной войны, вовсе не так уж мала. Она равна, как он сказал, вероятности выигрыша автомобиля в лотерее. А ведь автомобили выигрывают...

— Черт возьми! Если мне придется снова попасть в Америку, я расскажу, какой видел взрыв, и посоветую президенту от любых других взрывов воздержаться.

— Хотите, Годвин, я напишу это в своей очередной лунной корреспонденции на Землю? — предложила Эллен. — И знаете, что я еще добавлю к ней? Я расскажу людям о морщинах, которые остаются после космических встреч. И не только от космических встреч, но и от всяких других. Иногда на лице, иногда в сердце. Если бы я могла показать вам зеркало, Том... Я подсказала бы вам, какие морщины у меня появились.

— От встреч с Луной? — спросил Годвин.

— Нет. Не только. Начиная со встречи с вами. Лучше, когда морщины бывают без ран.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ТРЕЩИНА

Пейзаж Луны изменился. Исчез пепельно-серый покров. Каменное море, по которому двигались путники, казалось глазурью и отливало синеватой сталью с фиолетовыми блестками. Оно напоминало застывший шлак, местами гладкий, как лед, местами волнистый, с расходящимися кругами морщин, шероховатый и пористый.

Эллен вскрикнула, увидев из-за поворота глазурный настил равнины, по которому протянулись две полосы: одна золотистая — к косматому солнцу, другая нежно-синеватая — к исполинскому шару Земли, висевшему над зубцами горного кряжа.

Эллен сидела на кузове танкетки у самой полусферы и опиралась на железную руку манипулятора.

— Как странно, лунная дорожка на Луне... На Земле верят, что лунная дорожка ведет к счастью.

— Может быть, потому... — тихо начал Евгений.

— ...Что она ведет к нам на Луну, — договорила за него Эллен. — А эта дорожка ведет обратно, к синему небу, к полутеням, к мягкому рассеянному свету, к дождику, ко всему тому, что мы не ценили дома, на Земле, И, конечно, к счастью.

Том Годвин, шедший рядом, присвистнул:

— До бога далеко, до дома и счастья еще дальше. Конечно, не для тех, кто дома торчит.

— Кого вы имеете в виду? — насторожился Евгений.

— Того, кому всего мало: тепла, комфорта, кофе и виски... кому надо еще перца... притом чужого.

Евгений промолчал.

— Застрял ответ? — осведомился Годвин. — Запейте его коктейлем, который приготовит ваша очередная девушка.

Не сразу послышался голос Евгения:

— Электромагнитный сигнал, мистер Годвин, возвращается с Луны через три секунды. Но в разговоре с вами я предпочел бы измерять расстояние парсеками.

— Чтобы мои слова шли к вам несколько лет? — начал закипать Годвин,

— Лучше несколько поколений, — вежливо ответил Евгений и повернул танкетку за утес так резко, что Эллен едва усидела.

— Мужчины, перестаньте! — возмущенно крикнула она и осеклась.

Танкетка с ходу остановилась. Разъяренный Годвин так и замер с открытым ртом. Петр Громов и Аникин, ушедшие вперед, стояли неподвижно.

Все молчали.

Лунный шар, когда-то сжимаясь, здесь раскололся, как исполинский орех. Первозданная сила, словно мечом, разрубила планету. Гигантская трещина пропастью рассекла равнину моря, крутостенным ущельем надвое развалила горный кряж. Части гор сместились. Море делало огромный уступ, простираясь за трещиной уже метров на сто ниже.

Эллен соскользнула с танкетки и подошла к обрыву. Петр Громов придержал ее за руку.

— Да, это страшно! — сказала она. — Почему людей так тянет прыгнуть вниз? Я узнала в Париже, что на Эйфелевой башне за время ее существования произошло более трехсот самоубийств. Человек месяцами смотрит на гигантское решетчатое сооружение, чтобы, наконец, не выдержав, подняться на верхнюю платформу и... прыгнуть.

— Что ж, — мрачно заметил Годвин. — Нам уже можно прыгать. Идти некуда.

— Нет, почему же? — сказал Петр Громов.

Он стоял, скрестив на груди руки, глубоко задумавшись. Он смотрел на противоположный, недоступный край трещины. Ее острая кромка была там совсем другого цвета, обведена красноватой каймой. Розовые пятна причудливым узором отходили от нее на десятки метров, заполняя ямы и впадины равнины.

— Вот это я хотел увидеть больше всего в жизни, — сказал Петр Громов.

— Не знаю, сэр, что вы хотели, но я уже вижу и, к счастью, на этой стороне, именно то, что по сердцу всякому, живущему в кредит.

Аникин удивленно наблюдал, как Том Годвин поспешно насыпал пирамидку камней.

— Что это ты? — поинтересовался он.

— Том Годвин платит по векселям, Ван! Спасательная экспедиция, топливо — все за мой счет.

— На котором лишь прожитые годы?

— Все они не стоят последнего часа. Теперь на счете прииск имени невесты.

— Вот как? — заинтересовалась Эллен.

— Золотых слитков не меньше, чем в Нью-Йорке религиозных сект. Забирайте, сколько хотите, самородков. О'кэй!.. Прииск мой!

Аникин брал из рук Годвина темно-червонные, острогранные слитки с пятнами слежавшейся пыли в углублениях и возвращал их ему. Вскоре тот уже не знал, куда их девать, заполнив карманы скафандра.

— На Луне, — сказал Аникин, — железный гвоздь, привезенный с Земли, становится золотом. По цене. Твои самородки, доставленные с Луны, обойдутся на Земле не дешевле искусственных изотопов золота.

Годвин не слушал. Он что-то написал на бумажке и положил ее в вершину горки.

— Не придавливай, — посоветовал Аникин. — И так пролежит тысячелетия, дождем не вымочит, ветром не сдует.

— Записку можно предъявить и раньше, — сказал Годвин и, вынув бумажку из-под камня, протянул ее Эллен.

Эллен прочла, нахмурилась и молча возвратила.

— В ракете... я выдумал невесту, — буркнул Годвин.

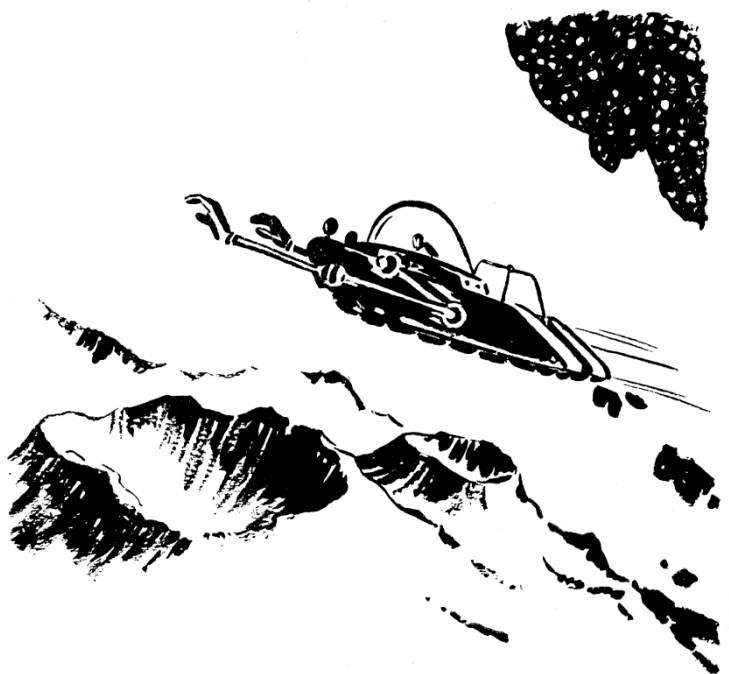
Озабоченная Эллен подошла к Петру Громову:

— Командор. Трещина — это страшно.

— Вы так считаете? — покосился на нее Петр Громов.

— А как вы думаете, чьим именем назван прииск?

Петр Громов пристально посмотрел на Эллен:

— И поэтому опасаетесь всяческих трещин?

Эллен посмотрела не на трещину, а на бумажку в камнях, на которой было написано: «Прииск Эллен».

— Объяснение было не лишено оригинальности, — сказала она.

— Что там вам объясняют, Эль? — тревожно спросил Годвин.

— Вред трещин, — ответила Эллен.

— Трещину нужно преодолеть, — внушительно произнес Петр Громов.

— К черту, командор! Головой рискуют бедняки, а сейчас вы имеете дело с богатым человеком, жизнь которого в Америке принято оберегать частными детективами.

— Мы рискуем не вашей жизнью, Годвин, а танкеткой.

— Жалею, что она пуста.

Эллен обернулась.

Танкетка приближалась к краю трещины, отбрасывая манипулятором крупные самородки. За полусферой виднелся Евгений.

— Напрасно золотом бросаешься, — заметил ему Петр Громов. — Тяжелые камни пригодятся для трамплина.

— Это не щедрость смертника с электрического стула? — поинтересовался Годвин.

— Нет. Трезвый расчет, — ответил Петр Сергеевич.

— Наташа уже побежала в соседний корпус, — сказал Евгений. — На дворе ливень. А она в чем была выскочила. Электронно-математическая машина сейчас высчитывает скорость разбега, угол взлета, силу удара...

Эллен восхищенно смотрела на Евгения:

— И вы прыгнете?

— Даже если бы находился в кабине, — ответил он.

Через пять минут в полусфере танкетки рядом с Евгением появилась голова Наташи. Мокрые волосы свисали на плечи прядями, на озабоченном лице виднелись капли дождя. Она тяжело дышала.

Евгений взял у нее перфорированную карточку.

— Ну как? — спросил Петр Сергеевич.

Евгений посмотрел отсутствующим взглядом на брата, потом обернулся к горному склону, словно оценивая его.

— Может быть, с него удастся разбежаться. Скорость нужна не ниже ста сорока трех километров в час. Угол взлета сорок пять градусов.

— Как у старых гаубиц, — заметил Аникин.

— Так и думал, будем насыпать трамплин, — решил Петр Громов. — А удар? — И он посмотрел на Наташу.

Она смутилась.

— Здравствуйте, Петр Сергеевич. Простите, я совсем вымокла. Математическая машина сейчас заново проверяет все узлы на удар. Но я уже сказала Жене. Надо прыгать.

— Спасибо, Наташа, — сказал Петр Громов искомандовал: — За работу, друзья!

Наташа долго наблюдала через приоткрытую дверь макета танкетки, как люди на Луне поднимали огромные камни и возводили трамплин, похожий на снежную горку для детей.

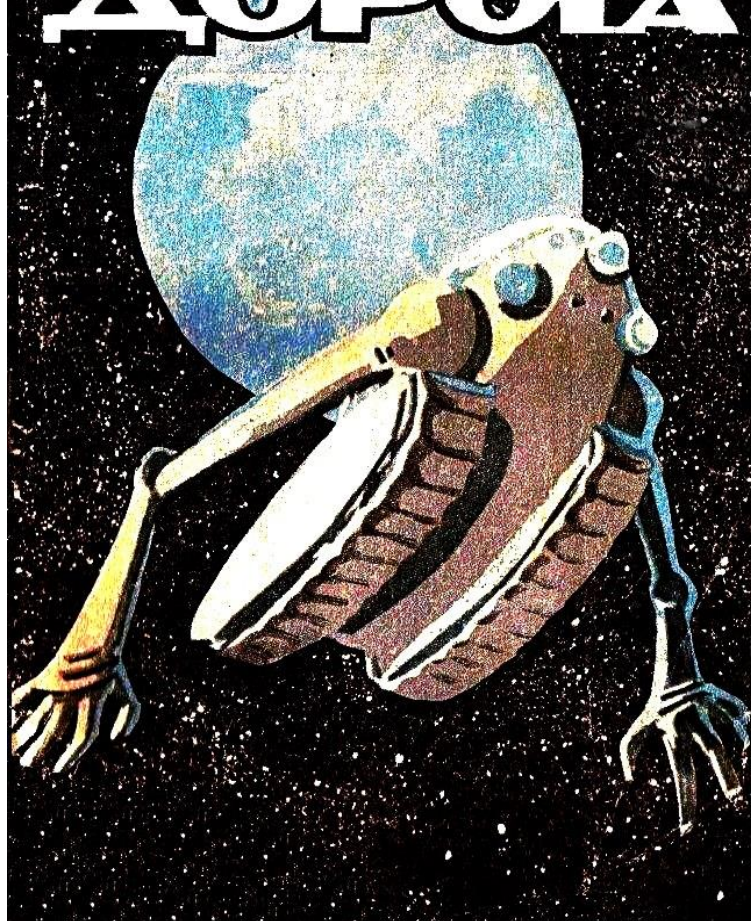
Танкетка приволокла в железных руках глыбу камня, которая не уступала постаменту памятника Петру Первому в Ленинграде. Ее положили у самого края пропасти.

Трамплин был готов.

АЛЕКСАНДР КАЗАНЦЕВ

ЛУННАЯ ДОРОГА

Поблудневшая Эллен наблюдала, как танкетка, примеряясь, чуть въехала на насыпанную крутую каменную горку. Трамплин обрывался на краю трещины. Эллен с сомнением измеряла глазами расстояние до противоположного края. Трудно было поверить, что машина долетит до него.

Петр Громов угадал ее мысли. Он сказал:

— На Земле лава вулканов, выброшенная из кратера, тут же стекает по склонам. На Луне тяжесть меньше, и лава пролетала над поверхностью десятки километров, образуя кольцевые хребты цирков.

— Ну, это еще не доказано! — запротестовал Аникин.

— Сейчас убедишься. Евгений с танкеткой уподобится вылетающей из жерла вулкана каменной глыбе.

Танкетка забралась высоко на горный склон и замерла там, словно не решаясь ринуться вниз.

В шлемофонах ощущались шорохи, похожие на шум дождя. Они доносились с Земли, из лаборатории дальнего управления, в которой было открыто окно.

Но вот танкетка двинулась, помчалась, подпрыгивая на камнях, кренясь то в одну, то в другую сторону. Бег ее все ускорялся, она уже пролетала по десятку метров над камнями, снова касалась их и вновь взлетала, готовая совсем оторваться от поверхности. Нужно было обладать феноменально быстрой реакцией и точной интуицией, чтобы рассчитать на три секунды раньше толчки и повороты танкетки. Ведь Евгений видел все с опозданием на полторы секунды, и столько же тратилось на то, чтобы его команда достигла аппаратов танкетки...

Совершенно беззвучно, подпрыгивая и грохаясь на камни, танкетка подлетела к трамплину, задела его одной гусеницей, накренилась и вдруг вывернулась, не опрокинулась, оказалась на узкой взбегающей дорожке.

Еще мгновение, и она, устремясь носом к звездному небу, сорвалась с вертикального обрыва и, как по воздуху, которого нет на Луне, подобно выпущенному снаряду, полетела над мрачной пропастью.

За ней змеилась веревка...

Танкетка достигла высшей точки полета и стала падать в пропасть. Для тех, кто смотрел сверху, казалось невозможным, что она долетит до другого края.

Эллен вскрикнула и отвернулась.

— Ох, черт возьми! — простонал Том Годвин.

— Есть! — крикнул Аникин. — Ну и молодец!

Танкетка пробежала несколько метров по камням и остановилась.

Петр Громов обнял Эллен за плечи. Аникин и Годвин стали натягивать провисшую через пропасть веревку. Другой ее конец был так далеко, что она казалась там светящейся ниточкой на фоне черного провала, глубину которого невозможно было даже представить.

— Не удивлюсь, — тихо сказал Петр Громов, — если здесь почувствуется дыхание еще не остывшей планеты.

— Вы хотите сказать, что там, куда можно сорваться, — не просто холодная тьма, а расплавленная магма? — подняла на него глаза Эллен.

— Я знаю, что это за красные пятна на той стороне! Если бы я мог перепрыгнуть, как танкетка, я был бы уже там. Мы переправимся с вами вместе первыми...

— В вагончике канатной дороги над Ниагарой мне казалось, что я сорвусь. Внизу были пенные струи, как на мраморе.

— Канатная дорога готова, — отозвался Аникин. — Только вместо вагона крюк.

Натянутая между трамплином и танкеткой веревка шла круто вниз, провисая над черным проемом.

Громов решительно подошел к трамплину.

— Аленушка! — неожиданно ласково позвал он Эллен, Эллен подняла брови, улыбнулась и покорно подошла.

Том Годвин дотронулся до руки командора:

— Обязан вам жизнью. Сейчас речь о большем.

Громов кивнул.

Аникин надел на веревку крюк и приспособил к нему веревочную петлю, в которую можно было вдеть одну ногу, как на гигантских шагах. Потом накинул на канат вторую веревочную петлю для торможения.

Петр Громов скрепил свой пояс с поясом Эллен.

Том Годвин хотел было попрощаться с Эллен, но Громов свирепо взглянул на него, и тот отступил. Аникин вел себя так, словно ничего особенного не происходит.

Вниз по канату скользнули две тесно обнявшиеся фигурки. Скафандры казались ослепительными на фоне черноты провала.

Эллен не хотела смотреть вниз, но она не простила бы себе, если бы не взглянула.

В бездне густела неимоверная чернота, как в космическом небе, даже еще темнее, потому что не было звезд. Впрочем, если не звезды, то что же светилось там, в глубине? Или это причуды головокружения?

Нет! У Эллен не кружилась голова. Она упивалась свободным полетом, не чувствовала собственного веса, не замечала поддерживавшей ее веревки. Рядом был могучий человек, для которого она была легче пушинки, который заставлял ее летать. И она летала! Это было самое острое, самое невозможное ощущение... Нет! Наслаждение! Какое бывает во сне, когда одного усилия воли достаточно, чтобы оторваться от земли, взмыть над миром, парить, торжествуя!

Движение стало замедляться, полет прекратился. Громов уперся ногами в камни и помог Эллен встать. Он легко приподнял ее одной левой рукой.

— Мы летали, — слабо сказала она.

Громов опустил ее на колени, снимая с камней странный красноватый налет.

— Жизнь! Слышите, Аленушка, это жизнь!

Он растирал что-то, подобное плесени, на перчатке.

— Жизнь? — удивилась Эллен. — А это? — И она указала на беспомощно расстелившуюся на камнях гусеницу танкетки.

Петр Громов выпрямился. Только сейчас он понял, какая страшная авария произошла с танкеткой при ударе. Глаза его тревожно сузились, но на губах еще держалась торжествующая улыбка ученого, открывшего жизнь на Луне.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ ПЕЩЕРА СОКРОВИЩ

Первые люди на Луне молча стояли над разбитой машиной. Полусфера стала молочно-белой. Изображения на ней не было. Танкетка казалась пустой.

Аникин и Петр Громов определили повреждения. Порвалась гусеница, лопнул поддерживающий ролик. Были обрывы в радиосхеме телевизионного устройства. Нужно было восстановить и питание аккумуляторов от солнечных батарей. Часть полупроводниковых элементов должна была быть на солнце, а часть в тени. Перепад температур более ста градусов обеспечивал большую мощность. От удара щиток, создававший тень, отлетел и потерялся.

Эллен все дальше удалялась от танкетки, стараясь разыскать щиток.

Она ходила по красным пятнам лунного «леса». Лунный лес, как назвала его Эллен, выглядел ржавчиной на камнях. Рассмотреть эту плесень можно было лишь в микроскоп; Может быть, это мельчайшие грибки?

— Танкетка уже не двинется, экспедиция останется здесь. Это и лучше, — стоит ли уходить от прииска невесты? Пусть уж лучше сюда прилетит большая ракета с Земли. Можно больше увезти самородков. Нет худа без добра. — Все это Годвин сказал Эллен, догнав ее.

— Боюсь, что вы плохо знаете командора, Том, — задумчиво ответила она. — Он нашел здесь лунный лес и лунный ветер. Найдет и вулканы.

— Вулканы еще туда-сюда... Но ветер?..

— А что вы думаете? Почему равнина у трещины гладкая, глянцеви́тая и без пыли? Через трещину из глубин планеты вырываются углекислые газы. Они питают эту жалкую растительность и они, растекаясь по равнине моря, сметали с нее пыль.

— У вас это здорово получается, Эль. Вы — прекрасная ученица.

— Вы так думаете, Том?

Эллен и Том Годвин нашли щиток и принесли его к танкетке.

Аникин уже устранил повреждение в схеме, и танкетка теперь не была пуста.

— Как вы поживаете, мистер Громов? — приветствовал Евгения Годвин. — Вы снова здесь, чтобы доказать ненужность присутствия людей на Луне?

— Без вашей помощи не двинусь, — признался Евгений.

— Скажи об этом матери, — попросил Петр Громов. — Скажи, что мы друг без друга никуда.

— Я уже сказал... Даже сказал, что по-настоящему счастлив, когда... с вами.

Годвин отошел к Эллен, Петр проницательно посмотрел на брата.

— Счастлив? Посоветовал бы тебе управлять своим изображением, смягчать кое-какие бурные эмоции...

— Нет у меня в груди такой рукоятки. Это ты можешь выключать чувства, как электрическую лампочку. Хоть на час, хоть на год.

Подошел Аникин:

— Все ясно. На день работы, не меньше.

— Мы не можем терять целый день, — решительно сказал Петр Громов. — До лунной ночи их не так много. Мы должны идти дальше. Аникин останется ремонтировать танкетку.

— Как? — ужаснулась Эллен. — Идти без танкетки?

— Годвин понесет запасной баллон кислорода. Танкетка через сутки догонит нас.

— Вам мало сделанных открытий?

— Открытия еще ждут нас.

— Вы ненасытны, командор. Вы слишком сильны, трудно идти с вами рядом.

— Я понесу вас на плече и даже не почувствую.

— Я не люблю, когда меня не чувствуют, — пошутила Эллен. — Я не отстану.

Том Годвин согласился неохотно. Командор посадил Эллен к себе на плечо. Годвин поднял кислородный баллон.

Эллен часто оглядывалась назад. Какой близкий, оказывается, на Луне горизонт, как скоро скрылась за его выпуклостью танкетка с фигуркой Аникина.

— Возможность жизни на Луне допускали многие ученые, — говорил Петр Громов. — Даже с Земли на лунном диске вблизи некоторых трещин замечалось изменение цвета поверхности. Жизнь удивительно цепка. Она существует в самых невероятных условиях: в стратосфере и в глубине океана, в Антарктиде и в земле без доступа кислорода. Я собрал лунную плесень в пробирку.

— Вы знаете, командор, я уже люблю Луну. Кто солгал, что природа ее однообразна?

После нескольких часов пути равнина моря уже не казалась ни застывшими каменными волнами, ни расплескавшимся шлаком. Она была покрыта круглыми холмами, похожими на вздувшиеся пузыри. Кое-где пузыри прорвались, и их края напоминали лунные цирки в миниатюре.

— Может быть, и цирки образовались когда-то так же? — сказала Эллен. — Я представляю себе kloкочущую поверхность планеты. Вздуваются исполинские пузыри, лопаются, взрывом взлетает газ, а по кромкам пузыря остаются кольцевые горные хребты.

— Вы мне нравитесь, Аленушка. Расскажите это все Аникину. Самой большой научной ошибкой бывает попытка все объяснять единой причиной. Метеориты, так уж одни метеориты. Вулканы, так уж только одни вулканы. На структуру лунной поверхности влияет множество причин. В том числе и газовые пузыри. Кстати, Годвин, я прошу вас, будьте осторожны, поднимаясь на вздутость.

— К черту, командор! Я не хочу ограничиваться только приисками. Если мисс Кенни открыла на Луне газовые пузыри, то позвольте уж мне поплясать на макушке одного из них.

Эллен и Громов увидели, что Годвин со своей ношей начал взбираться на пологую вздутость. Из-под его ног стали разбегаться трещины.

— Осторожно! — крикнул Громов. — Проваливаетесь!

Годвин и сам почувствовал, что почва колеблется. Инстинктивно он сбросил тяжесть. Кислородный баллон упал на корку пузыря и пробил ее. Сверкнули черные трещины. Из них стал подниматься оранжевый дым.

Спохватившийся Годвин встал на колени, протягивая к баллону руки.

Громов опустил Эллен на камни.

Баллон исчез в зияющей дыре. Желтое облако вырвалось из отверстия и окутало Годвина.

— Том! Ложись и не шевелись! Ползу с веревкой.

Желтая дымка рассеивалась медленно.

Эллен в ужасе стояла у основания холма. Командор полз по-пластунски к едва видневшемуся на вершине Годвину.

Но командор весил слишком много даже для Луны. За ним оставался след разбегающихся зигзагообразных трещин.

— Черт возьми! — сдавленным голосом сказал Годвин. — Как бы достать этот дьявольский баллон. Я готов спуститься за ним на веревке.

— Не шевелитесь, — скомандовал Громов.

Он почти добрался до Годвина и бросил ему конец веревки. Но корка была слишком тонкой — она провалилась.

— Боже! — вскрикнула Эллен.

— Стойте! Не подходите! — приказал ей Громов.

Громов и Годвин провалились по пояс и едва удерживались, распластав руки. Корка оседала.

— SOS! SOS! — в отчаянии кричала в шлемофон Эллен. — Ваня! Мираж! Несчастье! Они проваливаются! Скорее на помощь! Вы слышите меня? На помощь, на помощь!

Аникин слышал ее голос. Он вскочил и обменялся взглядами с Евгением. Евгений подал ему манипулятором брошенный молоток.

— Чинить солнечную батарею не будем. Склепай хотя бы гусеницу, — сказал он. — Скорей!

Эллен видела зияющую дыру на вершине вздутости. Ни Громова, ни Годвина на поверхности уже не было. Эллен легла на живот и стала медленно подползать к краю провала.

Она была легче мужчин, и корка держала ее. Она добралась до рваного края. За ним была черная пустота. Эллен заглянула вниз:

— Командор! Том! Отзовитесь!

— Аленушка! Не подползай! Поберегись! На Земле мы бы разбились...

— Зацепились за выступ, — донесся голос Годвина. — Баллон погиб. Отсюда не выберешься. Скоро конец, Эль.

Из глубины, образованной газовым пузырем пещеры, был виден круг черного звездного неба, а на нем светлое пятнышко шлема скафандра.

— Простить меня командор, знаю, нельзя, но... так уж принято перед концом.

— Виноват скорее я, Том. Нельзя было уходить от танкетки. Кислорода хватит на несколько часов.

— Будем считать, что похороны состоялись. Дым салюта печально лег на землю. Тела опущены в заготовленную яму. А давно она была для нас заготовлена, командор?

— Думаю, что миллионы лет назад. У нас достаточно времени, чтобы изучить ее. — Громов зажег электрический фонарик, и тотчас пещера засверкала разноцветными кристаллами, сплошь покрывшими ее стены.

Том Годвин даже присвистнул:

— Недурная шкатулочка!

— Еще одна научная находка. Что это у вас в руке?

— Наверное, алмаз. Прозрачен, как слеза, которую никто из-за меня не прольет. Черт возьми, командор! Лунный алмаз тает в руках, как моя надежда...

— Подождите, Годвин! Вы сделали бесценное открытие! Это лед... Ископаемая вода! Аленушка! Здесь вода.

— Ваня торопится! Он скоро выедет. Не падайте духом, — послышался в шлемофонах голос Эллен.

— Духом мы не упадем, лишь бы телом не свалиться, — отозвался Громов, освещая дно пещеры, — Стойте! Что это

там за лужа! Вода? Но почему она черная? Том! Скорее! Помогайте мне, пока жидкость не испарилась.

— Черт возьми, командор! Нужно думать о спасении души, о Земле хотя бы, а вы...

— Я думаю о Земле, Том! О сокровищах Земли.

— Как так? — удивился Годвин, помогая командору спускаться по отвесной стене, усыпанной иглами самоцветных кристаллов.

— Здесь когда-то кристаллизовались пары магмы, — говорил Громов.

— Вы удивительный человек, командор. С вами не затоскуешь и в чистилище.

— Том! Аленушка! Я успел взять жидкость в пробирку! Если это то, что я думаю, люди откроют на Земле бесценные сокровища.

— Ваня сейчас выезжает! — кричала сверху Эллен.

— Передай... когда бы ни добрались... обязательно... непременно пусть возьмут у меня эту пробирку. Очень важно.

Эллен плакала. Она передала по радио странный приказ командора.

Аникин с силой ударил в последний раз молотком и отбросил его в сторону:

— Ну, Евгений, теперь дело за тобой! У них скоро не останется кислорода.

Танкетка рванулась с места, присев на задние траки гусениц, и помчалась по камням, словно разбегаясь для нового прыжка.

Эллен первая почувствовала нехватку кислорода. Она лежала у края провала и смотрела вниз, в темноту. Командор запретил ей говорить, советовал уснуть. Во сне кислорода расходуется меньше.

Она лежала и думала. О Евгении и о командоре. И еще о Томе. Ей казалось все странным, как во сне. Ведь она должна была спать... В висках стучало. Она действительно скоро уснет. И совсем это не страшно.

Танкетка мчалась по следам людей. Здесь уже не мели лунные ветры, пепел лежал миллионы лет.

Аникин стоял, нагнувшись вперед, подталкивая рукой полусферу, словно мог ускорить бег машины.

И вдруг машина остановилась. Она бессильно пробежала несколько метров и застыла, накренившись на камне.

Аникин соскочил.

— Что? Толкнуть? — тревожно спросил он и вдруг увидел, что в полусфере нет изображения. Он бросился к проводам радиосхемы и вдруг понял...

Он упал на камни и зарыдал.

Евгений Громов распахнул дверцу макета танкетки и вихрем выскочил в лабораторию.

— Наташа! Наташа! — кричал он. — Где же ты, Наташа! Погибло все, все... Луна зашла за горизонт.

Наташи не было. Евгений не мог понять, как она могла оставить лабораторию в такую минуту. Ведь она всегда знала, что надо делать... Он опустился на стул, сжав руками голову.

Часть третья СЕДЬМОЙ КОНТИНЕНТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ КОЛЬЦО ДРУЖБЫ

Под крылом самолета плыли прямоугольники разграбленных каналами полей. Страна трудолюбия, отгороженная от моря дамбами, осушенная каналами и насосными станциями, качавшими воду в море, уровень которого был выше крыш, казалась огромной шахматной доской. Широкий канал натянутой лентой разделял ее пополам. Пароходы и моторные барки рассыпались по нему пятнами, Рядом тянулись линейки рельсов. Игрушечный поезд на них будто стоял. Параллельная полоска шоссе была усеяна автомобильчиками, а вереница велосипедистов на бетонной тропинке казалась цепочкой.

Резко к самому крылу вдруг поднялись домики с крутыми крышами, стали видны переброшенные с порогов мостики, замелькали кроны деревьев.

Самолет шел так низко, что должен был врезаться в забор. Но заборов в Голландии не строят.

Не было забора и вокруг Амстердамского аэродрома, центрального узла западных воздушных путей. Джон Смит прекрасно знал это еще в пору, когда сам летал. Теперь он был пассажиром. В последний раз на этот аэродром он са-

жал самолет трансатлантической линии вместе со вторым пилотом Томом Годвином, который бродит теперь по Луне, а тогда, готовясь к космическим полетам, проходил практику на современных реактивных самолетах.

Здесь, в ресторане для экипажей, состоялись проводы Джона Смита. Он восседал на высоком табурете у стойки рядом с Томом Годвином и отечески поглядывал на тоненьких, затянутых в форменные костюмы девушек, которые на игольчатых каблучках прибегали с летного поля. А парни со всех линий — англичане, поляки, русские, немцы, французы, чехи, шведы и, конечно, голландцы в различных, но чем-то похожих формах, — едва появляясь в ресторане, подходили к Смиту и чокались, опрокидывали вместе с ним стаканчик. Все они были здесь друзья: и польский летчик Казимир Нагурский, гордившийся своим родственником, первым русским полярным летчиком, и француз Жак Лавеню, неистощимый весельчак, и грузный Герберт Шварц, отказавшийся в свое время служить в военной авиации и даже отсидевший за это в Западной Германии, и иронический Джолиан Сомс, сын лондонского докера и поэт, наконец, эти советские парни, только что прилетевшие на обгоняющем время «ТУ», — все, все они знали друг друга, присаживались за одни столики, обменивались шутками и жалели старого Джона Смита, который заканчивал свой последний рейс.

— Нет, не последний, — толковал каждому Джон Смит. — Я еще полечу, вернее, вылечу с места. Вот это и будет последний полет.

Пилоты хохотали, тревожно поглядывая на старого летчика. Трудно будет ему, многосемейному, найти работу.

Тогда и сказал Том Годвин:

— Хэлло, Джон, не терзайте всем душу, словно вас уже наняли на постоянную работу в ад. Я устрою вас в космопорт. Не хотите ли поддерживать со мной связь через космические бездны, наполненные надеждами?

— О'кэй! — сказал Джон Смит. — Это не хуже, чем просто выть на Луну.

На самом деле это оказалось почти одним и тем же. Джон Смит работал в радиорубке космопорта, но Годвина не слышал... Американская ракета «Колумб» разбилась о лунные скалы. Том Годвин и эта молодчина Кенни, получившая во всем мире прозвище космической Эллен, примкнули к русским, и все вместе, бросив русскую ракету с радиоаппаратурой, отправились пересекать лунный диск! А связь с Землей поддерживали через телеуправляемую танкетку только в те часы, когда Луну было видно в России.

Джон Смит чувствовал, что даром ест хлеб и имеет все шансы вылететь с места. Однако не только забота о себе и семье привела его на Амстердамский аэродром. Ему казалось очень важным поддерживать с Луной связь круглосуточно. Многие газеты хорошо бы заплатили, чтобы получить корреспонденции от космической Эллен и, на худой конец, от Тома Годвина непосредственно, а не через русских.

За окном самолета замелькали бетонные плиты. Негр Джонсон недурно посадил самолет. Смит всегда считал, что эти черные ребята на многое способны.

Пассажирам не полагалось ходить по летному полю, они должны были сесть в автобус, смешной и необычный. Его кузов почти касался дном бетонных плит, сзади опираясь на колеса, а впереди на моторную тележку, которая свободно поворачивалась под ним и возила не только его, но и бензоцистерну.

Джон Смит с удовольствием нарушил правило и в ресторан для экипажей отправился вместе с Джонсоном пешком.

Джонсон был гигантского роста. Джон Смит не уступал ему в ширине плеч, но ростом был вдвое ниже. Словом, он не стал бы выставлять свою фигуру на конкурс красоты.

Впервые в знакомый ресторан входил Джон Смит одетым в сидящий мешком штатский костюм. Но его узнали, стали подниматься навстречу, звали выпить стаканчик.

И все говорили о Томе Годвине. Вот это парень, он нашел себе на Луне подходящую компанию! Черт возьми,

если бы нужно было послать на Луну целую армаду ракет, недостатка в пилотах наверняка не было бы.

— Он сидел вот на этом табурете у стойки, — вспоминал Джон Смит, — а я не могу с ним даже говорить, хоть он специально для этого устроил меня в космопорт. Когда из Америки видно Луну, то сопровождающая Тома танкетка глохнет, как старый джентльмен, у которого просят займы.

— Нужен голос погромче? — спросил грузный Шварц.

Джон Смит сделал в воздухе неопределенный жест:

— Если бы все парни захотели...

— Я понимаю, вас, Смит, — сказал Казимир Нагурский.

— Поднять в воздух антенны, наладить ретрансляцию?

— О'кэй! — воскликнул Джон Смит. — Именно об этом я и думал.

— Если бы генералы приказали вместо атомных бомб брать антенны и патрулировать с ними в воздухе, все было бы в порядке, — заметил Джолиан Сомс.

— А не у нас ли за спиной жезлы маршалов авиации? — заметил Жак Лавеню.

— Самовольно подняться в небо и крутить там? — осведомился Шварц.

Лавеню не успел ответить. С летного поля вбежала взволнованная голландка в сером, перетянutom в талии костюме и в сбившемся берете.

— Джентльмены! — крикнула она. — Москва!..

Все насторожились.

— Москва... О Луне... Телефонный вызов... Всем вам... Включаю репродуктор.

На стойке зазвенели стаканы. Летчики зашикали на молоденькую буфетчицу Маркизу с выкрашенными под седину волосами.

В репродукторе зазвучал женский голос. Казимир Нагурский и Жак Лавеню переводили с русского на английский язык.

— ...положение почти безнадежное. Советское правительство еще вчера обратилось по дипломатическим каналам, а ждать уже нельзя. Они погибают.

— Кто? Кто? — слышалось в зале.

— Петр Громов и Том Годвин. И Эллен Кенни. Все они задыхаются, а танкетка не может доставить им кислород. Луна зашла в России за горизонт.

— А что я говорил! — в отчаянии крикнул Джон Смит.

— Тише! — громовым голосом потребовал негр Джонсон.

— ...спасти их еще возможно. Если бы каждый вылетающий самолет нес на себе антенну...

— Блестяще! — не выдержал Жак Лавеню. — Именно каждый!

— ...весь мир фактически был бы опоясан кольцом антенн.

— Кольцом дружбы, — вставил Джолиан Сомс.

— Так ведь это я и хотел предложить! — сказал Джон Смит. — Ведь если бы все парни...

— Друзья! Я говорю прямо из лаборатории, — взволнованно продолжала Наташа. — От вас зависит спасение первых исследователей Луны...

Первые исследователи Луны умирали...

Сознание у Громова помутилось. Хотелось сорвать колпак шлема, разодрать на груди скафандр.

Эллен потеряла сознание. Она лежала около провала и словно спала, положив под шлем руку. Ведь командор приказал ей уснуть.

Танкетка, беспомощно накренившись на камне, стояла среди пустынных лунных скал. Вокруг никого не было.

Аникин давно скрылся за утесами. Он бежал, держа баллон на плече. При каждом шаге он взвивался над поверхностью, пролетал два—три десятка метров, едва касался ногой камня, отталкивался и снова взмывал.

Петр Сергеевич не позволял прыгать на Луне, боясь неожиданностей. Теперь Аникин мог не считаться с запретом. Все решала скорость. Он не бежал, он летел, лишь изредка касаясь ногой камней. Такое чувство полета бывает лишь во сне!.. Вместе с баллоном он весил едва треть того,

что весил на Земле. Хорошо натренированные мускулы спортсмена как нельзя более пригодились сейчас. Нечто подобное он испытывал на пружинной сетке, подбрасывавшей его в тренировочном зале. На ней он привык владеть телом в прыжке.

Редкий спортсмен может бежать в течение часа. В висках у Вани стучало, горло перехватило, кислорода не хватало.

Прыжки становились все короче, ноги не повиновались. Казалось, после следующего шага он упадет и не встанет.

И Ваня упал. Острая боль ожгла ногу. Он застонал и стиснул зубы. Ведь его могут услышать в шлемофоны! Он поднялся, хотел еще раз прыгнуть, но снова упал. Слезы залили ему глаза.

Встать он уже не мог и пополз, волоча кислородный баллон.

Он иступленно полз вперед, с трудом перебираясь через узкие трещины. Через более широкие он перебрасывал кислородный баллон и переползал по нему, как по мосту...

Надежды не было. Было лишь тупое упорство, воля и страх за дорогих и близких людей.

На слое тысячелетней пыли оставался извилистый след. На миллионы лет сохранится эта странная запись первой лунной трагедии.

На Луне нет звука, на ней не может быть звуков!.. Что это? Галлюцинация? Или так сердце стучит? В висках шумит! А этот грохот?

Это ж по камням звук передается!

Что-то промелькнуло мимо ползущего Аникина.

Не веря глазам, он смотрел вслед мчавшейся танкетке, за которой поднималась медленно оседающая пыль.

Ужас сковал Аникина, сердце словно остановилось, перед глазами пошли круги... Танкетка умчалась, бросив Аникина на произвол судьбы.

Аникин поднялся на колени и закричал. Но кричал он уже от радости, еще ничего не понимая, но ликую:

— Жми, жми! Гони! Успеешь! Эх, молодец!

Он видел, как взвивалась танкетка, перелетая над трещинами, подскакивая на неровностях.

Вот она подскочила еще раз, сверкнула на черном небе и исчезла за горизонтом.

Когда она подлетела к провалу, корка затрещала под ее гусеницами. Только быстрота могла предотвратить катастрофу. Железные руки на ходу подхватили лежащую недвижно Эллен, оттащили ее от провала и стали присоединять баллон кислорода к дыхательному аппарату скафандра:

Евгений действовал быстро и четко. Никогда он так не проклинал этих бесконечных трех секунд, которые отделяли его мысль и команду от ее выполнения. Ему казалось, что манипуляторы не повинуются ему, что Эллен никогда не очнется. Только страхом за нее можно было объяснить, что он промчался мимо Аникина. А ведь только Ваня мог спуститься на веревке в провал, чтобы поднять бессильных Громова и Годвина. Но он отстал, его нет здесь, и теперь...

Эллен пришла в себя.

— Аникин отстал! Надо спуститься! Вы можете, Селена?

Эллен постаралась улыбнуться, но слишком велика была тревога. Она вскочила на ноги, хотела бежать к провалу. Евгений остановил ее.

Через минуту, привязанная за пояс, она нерешительно передвигала ноги, приближаясь к чернеющему проему.

Танкетка медленно двигалась за ней в отдалении. Укрепленная за ее передний крюк веревка все время оставалась натянутой.

Эллен бесстрашно бросилась в черную пропасть.

Танкетка медленно приближалась к ней.

Веревка ослабла. Танкетка остановилась.

Мучительно текли секунды.

Евгению казалось, что испортилась аппаратура, что она не передает больше движения. Все было мертво и недвижно на Луне...

Но вот веревка слабо натянулась.

Три секунды, три бесконечные секунды понадобились Евгению, чтобы танкетка, выполняя его приказ, начала пятиться.

Переброшенная через край веревка прорезала в кромке углубление, превратившееся в трещину. Эллен не показывалась, хотя танкетка дошла до нужного места. Корка нависла над Эллен!

Но вот отвалился у края провала большой кусок корки, из проема высунулась рука...

Маленькая женщина выбралась. Почти с противоестественной силой вытащила она двух грузных с виду мужчин.

Это можно было сделать только на Луне.

Танкетка стала пятиться, оттаскивая всех троих от опасного места.

Волосы слиплись у Евгения на лбу, тенниска прилипла к спине.

ГЛАВА ВТОРАЯ КОНЕЦ ВАВИЛОНА

Золотая дорожка тянулась по воде к солнцу, живая и искрящаяся. Луна прозрачным бликом поднималась из-за голых вершин, напоминавших лунные скалы. Но горы окружали не мертвую впадину цирка, а земное, поразительно синее озеро, которое словно отбрасывало синеву даже на небо...

Катер подходил к берегу. Острым пиком возвышалось удивительное цилиндрическое сооружение. Его шлемовидный купол пронизывал тонкую струю облаков и, казалось, доставал до лунного диска.

Катер замедлил ход. И днем и вечером привозил он сюда толпы взволнованных людей, готовых помогать строителям.

Исполинская башня, которой небоскребы были по пояс, сбрасывала с себя одежды лесов и обретала все более законченные, стремительные формы. Только в самой нижней части еще что-то цеплялось за ракету, словно удерживая ее на Земле.

За низкой бетонной оградой носились мотовозы с вагонетками, выезжали и въезжали грузовики, сновало множество людей в комбинезонах, кепках, выутюженных костюмах и мягких шляпах, раздавались крики, гудки, пронзительные свистки, грохот и мерные удары. Сверху сыпались искры электросварки. На столбах тускло светились в спешке не погашенные с ночи прожекторы.

Сухопарая американка в вычурных очках, с выбившимися из-под берета седыми буклями, тяжелым взглядом смотрела на кипевший людьми берег. Миссис Хент вовсе не была туристкой и тем более добровольной помощницей строителей ракеты, какие встречались здесь на каждом шагу. Нет! Миссис Хент, глава газетного треста, рассчитывала на сенсационные изменения в ходе событий, она мечтала о новом буме, который поправит пошатнувшиеся дела «Уорлд курьер»...

Все началось с проклятой Вавилонской башни. Авантюристка Эллен Кенни выдумала для ракеты это хлесткое название... Бездушная и неблагодарная девчонка! Разве не было сделано для нее все, чтобы она стала самой популярной женщиной на Земле? Теперь она может выбирать себе мужа среди красавцев и миллионеров, как покупку в универсальном магазине. Предательски отплатила она за заботу и понесенные расходы. Разболтала в левой печати о милой и невинной затее с Малюткой Биллом и кислородными баллонами. Как будто сто фунтов на самом деле могли иметь решающее значение!..

Как покупались тогда газеты! А теперь? Из-за «лунных корреспонденций» этой космической Эллен «Уорлд курьер» накануне банкротства. Газету не покупают, выражая симпатии этой лунной интриганке... Но все меняется в подлунном мире, кроме устоев здоровой политики. Вавилонская башня была и останется символом разноязычия. Нельзя предать интересы «свободного мира», выдать коммунистам атомные секреты, которые только и могут сдержать их от вандальского наступления на цивилизацию...

Город туристов был переполнен. Сюда приезжали и приходили молодые люди, как в дни фестивалей, становились палаточным лагерем в горах, предлагая свои услуги строителям международного космического корабля. Они сумели своими силами проложить к строительству еще одну автомобильную дорогу и провести новую железнодорожную ветку.

На узеньких улочках между острокрышими домами кишела толпа. Столики кафе стояли прямо на мостовых, и автомобилям ездить было негде. Словно весь мир сошел с ума из-за этой Луны и лунных бродяг!

Миссис Хент с трудом протолкалась к отелю, в котором происходило решающее заседание Всемирного космического комитета. Там зрела подлинная мировая сенсация, о которой первой сообщит бывшая королева репортажа, в свое

время сумевшая выйти замуж за газетного короля Хента! Ее братья и сестры по молельне, благоговейно выслушав проповедь о защите цивилизации, прольют вместе с ней слезы о неразумных жертвах, нарушивших завет смирения и устремившихся с Земли на небо... Но святые атомные тайны останутся американскими...

На ступеньках отеля появился американский делегат. Миссис Хент хорошо знала сенатора Мэна. Она незаметно открыла сумочку, включив там крохотный звукозаписывающий аппарат. Такие аппараты вручались лишь репортерам ее газеты.

И вдруг она услышала незнакомый голос. Перед нею вместо сенатора Мэна стоял благообразный седой красавец с трубкой в зубах.

— Леди и джентльмены! — обратился к журналистам американский делегат профессор Трипп. — В интересах человечества и человечности от имени Америки я передал строительству лунной ракеты всю необходимую аппаратуру для использования ядерного горючего, поставляемого нашими советскими коллегами. Единогласно всеми членами комитета лунной ракете присвоено название «Разум». Пусть ее полет послужит переломным моментом в международных отношениях, началом эры доверия и совместных действий разделенного человечества.

Миссис Хент с яростью захлопнула сумочку. Записывающий аппарат выключился, но слова американского делегата независимо от этого облетели весь мир.

В отеле разгневанную владелицу газет ждал Сэм, ее секретарь, который в свое время променял карьеру киногероя на более выгодную службу.

Сейчас на конфетном лице Сэма было брезгливое выражение. Не чувствовалось в его тоне и обычной почтительности.

— Хэлло, мэм, — сказал он. — Из Нью-Йорка обрадовали. Нашими газетами можно было бы топить топки паровозов, да жаль, они на свалке. А чтобы сбросить и весь наш

тираж на свалку, нужно заплатить больше, чем осталось на вашем банковском счете, мэм.

Миссис Хент гневно сверкнула очками:

— Я добуду сенсацию хоть из-под Земли, хоть из-под Луны!

Сэм усмехнулся.

Поздним вечером миссис Хент нашла советского представителя академика Беляева за одним из столиков веранды отеля. Академик оживленно беседовал с молодыми людьми, почтительно окружившими его столик.

— Эти слушатели годятся вам во внуки, сэр, — сказала миссис Хент, бесцеремонно проталкиваясь к академику. — Не сочтете ли вы более выгодным поговорить с человеком своего поколения, которому дано больше понимать?

Молодые люди в растерянности отступили. Академик встал и учтиво придвинул к столику стул:

— Прошу вас. Вы, конечно, журналистка, мадам?

— Вы проникательный джентльмен, мистер Беляев. Перед вами — газетный трест во главе с газетой «Уорлд курьер».

— Очень приятно, — тонко улыбнулся академик. — Вам действительно дано многое понять.

— Что вы скажете о Луне, которая населена сейчас равным количеством русских и американцев?

— Простите?.. — почтительно отозвался академик. — Населена?

— Как будет распределена между СССР и Америкой лунная территория?

— На мой взгляд, никак, — холодно ответил академик.

— О'кэй! — обрадовалась миссис Хент. — Значит, русские никак не будут делиться с американцами?

Академик пожал плечами.

— Еще один невесомый вопрос, сэр. Что вы думаете о зависимом положении американцев на Луне? Что вы скажете о том, что русские оказались владельцами всех запасов кислорода на Луне? Что вы думаете о советском диктате на Луне?

— Я думаю, мадам, что сочинить весь этот злобный бред можно и не выслушивая моих ответов!

— Мой аппарат запишет ваши слова! — сказала миссис Хент, демонстративно открывая сумочку. — Здесь микрофон, прошу.

— Если так, то я скажу. Я скажу, что исследователи Антарктиды жили рядом и дружили, независимо от того, были ли они русскими, американцами, бельгийцами... Исследование космоса требует еще большего напряжения, еще большего сложения всех сил разных народов. Недаром строится сейчас международная ракета.

— Для того, чтобы и ее подчинить советскому диктату?

— Не диктату, а дружбе. Только дружба может продвигать человечество на новые рубежи знаний. Почти вся прежняя история человечества была характерна вспышками знания, вызванными междоусобной борьбой народов, войнами, заставлявшими лихорадочно развиваться науку и технику. Но ныне, когда это развитие достигло таких пределов, что применение последних достижений науки в преступном деле войны грозит уже существованию всего человечества, ныне стимулы прогресса неизбежно станут иными. Не вражда, не борьба, не война, а дружба и единство — вот что приведет человека к новым высотам знания, поможет достичь новых планет солнечной системы, даже новых Звезд, наконец!

Миссис Хент захлопнула сумочку.

— Пропаганда! — прошипела она.

Академик усмехнулся:

— Отношения людей на Луне — прекрасный пример единения, взаимовыручки и дружбы. Уверяю вас, исследователям будет что рассказать по возвращении на Землю не только о Луне, но и о... Земле. Об отношениях людей на Земле.

— Напрасно стараетесь, мистер академик, звукозаписывающий аппарат уже выключен.

— К счастью, сознание людей во всем мире отнюдь не выключено.

— Мадам! Прошу извинить! Один танец?

Миссис Хент испуганно обернулась.

Перед нею стоял низенький благообразный господин, рано полысевший, напоминавший владельца небольшого магазина, вежливый и подвижный.

— О'кэй? — спросил приглашающий.

Растерянная миссис Хент покорно встала, бросив беспомощный взгляд на академика.

— Пожалуйста, пожалуйста, прошу вас, если это доставит вам удовольствие, — поспешил заверить тот.

Сумочка миссис Хент осталась лежать на столе. Академик предпочел бы уйти.

— Вы с ума сошли, — зашипела миссис Хент в ухо Малютке Биллу.

— Не люблю терять время, мэм.

— Вы прервали интервью.

— А мне нужно теперь другое.

— Что вы имеете в виду?

Джаз неистовствовал, пары не танцевали, а обнявшись, топтались в неимоверной тесноте, в которой считалось допустимым обниматься, класть голову на грудь партнеру, шептать что-то на ухо.

Малютка Билл шепнул Биг-мэм:

— Видите ли, мэм, я человек многосемейный и не могу больше рисковать. Газета должна печатать то, что хотят читать ее покупатели.

— Какое вам дело до моей газеты? — возмутилась миссис Хент.

— Только то, что акции вашей газеты на бирже так упали, что мне почти ничего не стоило прибрать их к рукам.

— Это чудовищно! — воскликнула миссис Хент, отталикивая партнера.

Соседние пары покосились на столь темпераментно танцующую пожилую пару.

Миссис Хент вырвалась из объятий мистера Скиапорелли.

— Да, да, мэм, — спокойно подтвердил он. — Вы уж больше не владелица газетного треста. Но я могу вас оста-

вить на работе. Для щекотливых поручений, мэм. Ведь именно для этого вы часто обращались ко мне. Мы же старые друзья.

Танцы продолжались. Академика снова окружила молодежь. Дамская сумочка продолжала лежать на столике, и академик с беспокойством поглядывал на нее.

Через толпу протиснулся мистер Скиапорелли и вежливо раскланялся с академиком.

— Где же эта... журнальная дама? — спросил академик.
— Она оставила здесь сумочку.

Малютка Билл взял в руки сумочку и оценивающе осмотрел ее.

— Это очень почтенная и религиозная дама, — сказал он. — Уходя, она сказала (это из священного писания): «Голыми мы пришли в этот мир, голыми и уйдем».

— И ушла? — повеселел академик.

— И ушла, — подтвердил новый хозяин газеты.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЖИВАЯ ПЕНА

Евгению Громову было не по себе. Он смотрел на изображение наплывавшего и отступавшего горного кряжа, смотрел на сузившиеся глаза Эллен, которые то попадали в фокус, то затуманивались, и не знал, как ей все объяснить:

— Поймите, Селена! Я не могу лететь на «Разуме».

— Не могу!.. — с горечью повторила Эллен, и ее голос стал далеким, еле слышным.

— Ведь это мой принцип! — горячо доказывал Евгений, стараясь усилить звук. Радиосвязь становилась все менее устойчивой. Танкетка достигла края видимого с Земли диска, лунные горы уже мешали прохождению радиоволн.

— Мне подумалось здесь, что я лучше понимаю мужчин. Но Мираж... это другое?

— Я всю жизнь посвятил освоению космоса без людей. Изменить теперь себе, и все-таки лететь на межпланетном корабле?

— Измена! Это есть очень правильное, верное слово. Много раз благодарю вас за него.

Евгений смутился:

— Я первый встречу вас на Земле.

— На Земле? В доме, в тепле, без скафандра. Нет! Не надо. У нас на Луне тоже будет дом.

И Эллен отошла от танкетки.

Аникин и Годвин возились с баллоном. Петр Сергеевич сидел поодаль на камне и писал дневник.

На серых, покрытых слоем пыли камнях лежала темная масса. От нее тянулся шланг к баллону с надписью «Воздух».

Эллен наблюдала, как надувается резиновая палатка, в которую Аникин впускал воздух. Том Годвин расправлял складки.

С камней стало вздыматься бесформенное сооружение, постепенно обретая неожиданные для окружающего дикого пейзажа формы земного дома.

Резиновая палатка не нуждалась ни в каких подпорках. Внутреннее давление наполнившего ее воздуха заменяло балки, стропила, каркас.

Среди лунных скал возник маленький домик с полусферической крышей, похожий на фургончик, только без колес. В нем было два целлулоидных окна и тамбур.

Петр Сергеевич встал и указал Эллен на баллон с водой:

— Сегодня у вас будет праздник, Аленушка.

— Я подумала и не нашла как благодарить вас, командор.

— Что ж, друзья, войдем в дом, — предложил Петр Сергеевич. — Жаль, Жене придется остаться на улице.

Эллен пожала плечами.

— Буду скулить у окна, — донесся едва слышный голос Евгения.

Петр Громов взял Эллен за руку и ввел ее в тамбур воздушного шлюза. Дверь за ними закрылась. Он зажег электрический фонарик. Стали видны гармошки сморщенных стен. Но они начали быстро расправляться. Тамбур заполнялся воздухом.

Громов с улыбкой посмотрел на Эллен и легко открыл дверь в домик. Они вошли в небольшую комнатку. Громов с облегчением снял шлем скафандра, потом помог освободиться от шлема и Эллен.

Счастливая, взволнованная, она оглядывалась. Резиновые стены словно состояли из отдельных подушечек, напоминающая стеганое одеяло. Посредине тумбой возвышался надувной столик с алюминиевым верхом. По обе стороны его, как в железнодорожном купе, поднялись надутые воздушные резиновые диваны.

Эллен несколько раз вдохнула в себя воздух.

— Как на Земле! Как на Земле! — сказала она и вдруг заплакала, припав головой к груди командора.

Петр Сергеевич растерянно гладил ее по стриженной голове.

Открылась дверь, и один за другим в дом вошли Аникин и Том Годвин.

Эллен засуетилась у стола.

— Что вы подумаете, — говорила она, — в первый раз мы пообедаем в походе без этих противных резиновых трубок, через которые приходилось сосать питательную кашичу. Но прежде я должна воспользоваться сокровищем, которое презентовал мне командор.

Том Годвин сел за стол и, совершенно подавленный земной обстановкой, сжал голову руками, поставив локти на стол.

— Обедом займусь я, — предложил Аникин. — Поджарю филе соус мадера! А ты, Леночка, займись собой. Мы отвернемся.

Петр Громов расставил на столе реактивы и две пробирки, одну с темной жидкостью, найденной на дне пещеры, другую с красноватой плесенью, соскобленной с камней.

С разрешения командора Эллен сняла карту лунных полушарий, оказавшуюся на одной из стен, и отгородила себе угол. Эта своеобразная занавеска не могла скрыть всю Эллен, ее плечи и ноги были видны, но мужчины старались не смотреть на нее. На резиновом полу стоял обыкновенный тазик.

Эллен наполнила его водой.

— Каждая эта капля для меня дороже любого алмаза, который можно здесь найти! — сказала Эллен.

Том Годвин покосился на нее. Он увидел обнаженные плечи и красивую шею. Он опустил глаза, но задержал их на голых и стройных ногах, стоявших в тазу.

— Какое счастье! — говорила Эллен, плескаясь. — Восхитительная жидкость. Наслаждение!

— А знаете ли вы, что это за черная жидкость? — ото-звался Петр Сергеевич, рассматривая пробирку. — Это нефть.

— Вода превосходнее! — беспечно засмеялась Эллен.

— Кристаллик воды тоже был найден на Луне. Но нефть...

— Что вы радуетесь, словно получили наследство? — Годвин поднял голову. — Смеялись над лунными приисками, а ухватились за лунные промыслы?

— Нет, Годвин, нет! Если нефть есть на таком, космическом теле, как Луна, то...

— То нефть не биологического происхождения! — договорил за Громова Аникин.

— Вот именно. Пусть Луна и оторвалась когда-то от Земли, но это было еще до поры, когда появилась жизнь на Земле.

— Земля! — прервал Годвин. — У меня все внутри перевертывается, когда я слышу это слово.

— У многих сейчас перевернутся представления о ней! Нефть — это не остатки когда-то живших организмов, как думали многие, а химическое соединение, образовавшееся при формировании земной коры, — ее жидкая составляющая наряду с водой. В глубине Земли можно найти океаны нефти, и чем глубже в Землю, тем все больше!.. Никогда не наступит нефтяной голод на Земле!

— Опять Земля! — крикнул Годвин. — Да перестаньте же! Я вошел в этот дом, дышу земным воздухом, говорю и слышу, как человек, без дурацких шлемофонов. Я словно дома, а через час снова окажусь среди проклятых скал в пустоте. Показали еду после голодовки и сейчас отнимут ее...

Он оглянулся на Эллен.

— Отвернитесь, мистер Годвин, — возмущенно потребовала она, чуть присев, чтобы спрятаться за картой.

— От вашего плеска у меня сердце ноет, как зуб. Я родился в лесу у ручья, черт возьми!

— Вы отвернулись, наконец?

— Слушайте, друзья! — увлеченно продолжал Громов. — Эта лунная плесень оказалась белковым веществом. Она наверняка питательна!

Он откинулся на спинку дивана и торжествующе оглядел всех. Перед ним на столе, как трубки маленького органа, стояли ряды стеклянных пробирок с разноцветными светящимися реактивами, лежали стеклянные квадратики с помутневшими каплями и крупинками красноватого вещества.

Выглянув из-за импровизированной занавески, Эллен с интересом рассматривала все это.

Годвин снова сжал голову руками:

— К черту! Я не двинусь дальше с места. Мы с мисс Кенни американцы. Смысл жизни в комфорте. Мы остаемся здесь.

— Лунный рай в резиновом шалаше, — съязвил Аникин.

— Я не помню, чтобы нанимал кого-нибудь заниматься моими делами.

— Но занимаетесь моими, Годвин! Вы забыли спросить меня, согласна ли я остаться. — Эллен уже оделась и вышла из-за карты.

— Ваша говорящая коляска останется здесь, мэм.

— Значит, вам будет с кем перекинуться словом.

— К дьяволу! Смотреть на мутную стеклянную картинку Земли и выть? Нет!

— Годвин, тише, — остановил его Петр Сергеевич. — Вы только посмотрите. Плесень бурно реагирует на новые условия. Она поглощает углекислоту и, вероятно, даже азот! Она увеличивается в объеме на глазах. Не спорьте. У вас просто припадок ностальгии, Том. О Земле надо думать, конечно, но... А что если перенести лунную плесень на Землю? Если она выжила на Луне, то уж на Земле... Вы только посмотрите, она поднимается, как на дрожжах...

Годвин покосился на красноватую массу, занявшую уже часть стола.

— Черт возьми, *она* пухнет, — проворчал он.

— Вы представляете, какие урожаи белкового вещества можно получить, если перенести споры этой плесени на Землю? Это необыкновенное открытие, друзья! Если мне посчастливится, и я увижу с горного кряжа «ту сторону» и вулкан, который нельзя разобрать на фотографиях, если докажу вулканическое происхождение лунных гор, то задача нашей экспедиции будет выполнена!

— Я пойду с вами, командор! --- заявила Эллен.

— Вы же, хотели остаться еще тогда, в ракете! — запротестовал Годвин.

— Нет, Аленушка, — мягко сказал Громов. — Никто не пойдет, кроме меня. Я получил такое указание из Москвы.

Годвин прав. Вы все останетесь здесь. Нельзя рисковать всеми членами экспедиции, отрывать их от танкетки, от нашей базы, от связи с Землей. Вы подождете меня здесь.

— Указание Москвы? — вскипел Годвин. — Почему я должен слушаться Москвы? Я хоть и погибшего корабля капитан, но все же американский капитан. Сам себе хозяин. Фу черт! Какую гадость развели вы здесь на столе, командор. — Годвин осматривал выпачканный в красноватой массе кулак.

Петр Громов восхищенно смотрел, как расплзается красноватая масса по столу, стекает с него на диваны и на пол.

— Живая пена! Как это необыкновенно красиво! Живая пена! Всепобеждающая жизнь! Она попала в лучшие условия, и вы посмотрите, какая неотвратимая жадность роста. Живое сокровище!.. Им будет питаться скот на Земле. Еще Тимирязев мечтал о «хлебе из воздуха». Ведь в воздухе есть все материалы для создания питательных белков. И вот видите, где был скрыт механизм такого преобразования. На Луне!

— Черт возьми, командор! Я бы не так восхищался этим дьявольским тестом. Оно растет, как банковский счет у Рокфеллера.

На столе творилось невероятное. Эллен в ужасе смотрела, как вздымается, стекая на диваны и на пол, красноватая, шевелящаяся пена. Она словно из невидимого крана вливалась в резиновую палатку, взбухая, заполняя собой все...

— Лучше выбросить ее наружу, — предложил Аникин.

Он и Годвин стали сгребать живую пену и выбрасывать через открытую дверь в шлюз двери. Эллен после брезгливого колебания присоединилась к ним.

Основную массу удалось выбросить, закрыв в тамбур дверь. Но оставшаяся плесень, размазанная по столу и полу, вновь набухла, пузырясь и шевелясь.

Стало тяжелее дышать. Аникин добавил воздуха, который расходовался на рост пены.

И пена сразу взбесилась, словно прорвала плотину. На полу уже некуда было ступить. Ноги утопали в ней по щиколотку.

— Придется отступить, — решил Петр Сергеевич. — Это будет самое приятное отступление, какое только можно себе представить. Какова сила жизни! Какова! Недаром находили микробы на метеоритах, блуждавших в космосе...

Годвин вдруг расхохотался:

— Черт возьми, командор! Это веселое тесто привело меня в себя. Я, кажется, наговорил здесь черт знает что!

— Ничего, Годвин. Это приступ ностальгии, тоски по родной Земле. Надевайте скафандры.

— Жаль покидать такой уютный коттедж. Но лунные туземцы выживают нас отсюда, как англичан из Африки.

— Может быть, успеем пообедать по-человечески! — спросил Аникин. — У меня все готово.

— К вам на сковородку попала пена! — в ужасе всплеснула руками Эллен.

— Вот и прекрасно. Можно теперь попробовать. — И неожиданно для всех Петр Сергеевич подцепил со сковородки кусочек коричневой корки, в которую превратилась лунная пена. Все замерли.

— Может быть, коровам и свиньям понравится, — сказал Громов, поморщившись.

— Надо выпускать из палатки воздух, — предложил Годвин.

Аникин тщетно старался открыть дверь в шлюз. Очевидно, пена там слишком разрослась.

Люди уже с ногами забрались на диваны.

— Помните?.. Княжна Тараканова! — воскликнула Эллен! — Страшно!

— Это не страшно, Аленушка! Это прекрасно!

— Высаживать окно? — осведомился Аникин.

Спрашивать было уже поздно. Пена поднялась вровень с диванами. Петр Громов ударом ноги высадил окно. Стены домика сморщились, потолок навис. Громов помог Эллен первой выбраться наружу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ОГНЕННЫЙ ДОЖДЬ

— Может быть, мне и не так интересно взглянуть на ту сторону Луны, — заявил Том Годвин. — Ведь не я угадал, что там лунные черти через какой-то кратер проветривают преисподнюю. Но я не хочу попасть к ним на рога, как скверный друг, и я иду с вами, командор.

Эллен пошла проводить исследователей в последний переход. Потом она вернется к танкетке, к резиновому домику, который Ваня Аникин очищает от лунной плесени.

Эллен держала мужчин за руки. Они втроем шли вдоль светлой полосы, которая тянулась по долине от самого горизонта и, словно нырнув в одном месте под серый пепел, поднималась круто по горному склону.

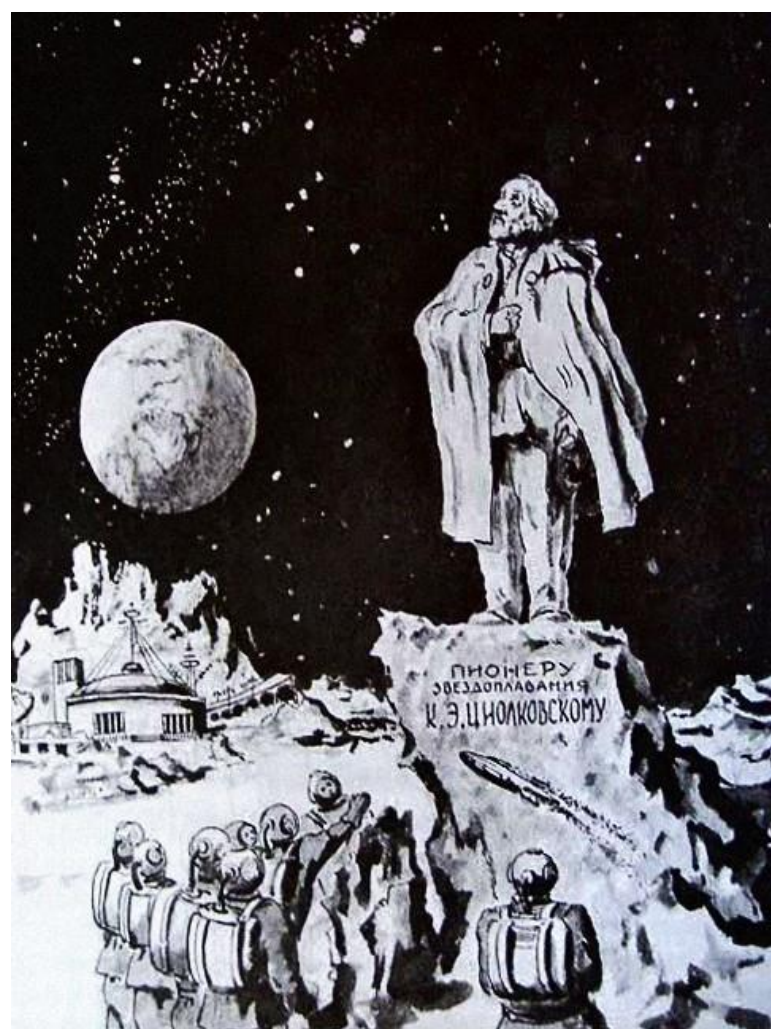
Это был один из тех таинственных, радиально расходящихся от лунных цирков лучей, над загадкой которых ломали голову ученые. Лучи эти оказались полосами вулканических выбросов. Возвышаясь над остальной местностью, они поразительно напоминали исполинские железнодорожные насыпи. Пузыристые, пористые, шлакообразные, более позднего происхождения, чем лунные моря, и потому не покрытые слоем метеоритной пыли, они казались с большого расстояния более светлыми.

— Что вы подумаете! — сказала Эллен. — Не могу побороть чувства, что это кем-то насыпано.

— Лунные города выгодно будет строить вдоль этих естественных насыпей, — отозвался Петр Сергеевич. — Их легко превратить в шоссе.

— Лунные города! — восхищенно повторила Эллен.

— Видите это нагромождение скал? — продолжал Громов. — Посредине их будет венчать купол, по бокам поднимутся малые купола, напоминая восточные храмы. Это будет сказочный герметический город с искусственной атмосферой внутри. От него радиально протянутся трубы оранжерей.

В них необыкновенно разрастутся без оков земного тяготения знакомые нам растения. Как дозорные башни, поднимутся вокруг города мачты гелиостанций с исполинскими зеркалами, и, как башни среди башен, выше всех встанут два гигантских монумента: Циолковскому и Кибальчичу.

— Кибальчич, — задумчиво сказала Эллен. — Я видела его портрет. Человек с вдохновенным лицом около тюремной решетки. Я узнала, что он, приговоренный к смерти за покушение на царя, отказался разговаривать о помиловании с адвокатом, сославшись на то, что был занят...

— Да, он был занят первым проектом межпланетного корабля, основанного на реактивном движении. Он завещал свой проект людям.

— Ныне достигшим Луны.

— И здесь построят город. Самый верхний купол в нем будет принадлежать «храму обсерватории». «Жрецы-звездочеты», не зная помех атмосферы, откроют науке вековые тайны соседних планет.

— О-о, командор! Я знакома с одним человеком, совсем не жрецом. Помехи земной атмосферы не мешали ему увидеть изменения в светлых лучах на самом краю лунного диска. И у него потерялся покой...

Петр Сергеевич остановился и крепко сжал руку Эллен:

— Это вы, конечно, обо мне, Аленушка. Спасибо. А теперь вам нужно вернуться. Вы были очень легкой спутницей.

— Так подсказывает ваше плечо?

— Не только плечевые мышцы, но и сердечные...

— О'кэй, Эль! Я тоже пожму вам руку.

— О, Том! Довольны ли вы, что обрели на Луне сестру?

— Сестра? Это, наверное, хорошо. У меня никогда не было сестры.

— На Луне можно очень многое найти. Я думала, что мы здесь нашли Дон Кихота Космического, а ведь командор, скорее, Георгий Седов.

— Это, Аленушка, слишком высокий пример! Георгий Седов, даже умирая, приказывал матросам везти себя к Северному полюсу.

— Считайте меня своим матросом, командор, — сказал Том Годвин. — Слово «вперед» меня устраивает.

— Я завидую вам, Том! И завидую вам, Георгий Седов!.. — Эллиен обеими руками встряхнула руки мужчин.

Она долго смотрела вслед уходящим. Они двигались осторожно, избегая прыжков. Их светлые силуэты становились все меньше и меньше.

Эллиен заплакала. Она не понимала, почему. И не могла вытереть слез. Маленькая, поникшая, побрела она назад.

Петр Сергеевич был мастером альпинизма. Он обладал прекрасной техникой восхождения, которая пригодилась ему сейчас.

На Луне подниматься было и легче и труднее. Можно было совершать огромные прыжки, запрыгивать снизу на скалы, можно было взбираться на совершенно отвесные скалы, уцепившись пальцами за почти не ощутимые шероховатости, но очень трудно было рассчитать свою силу и движения. Малейшая оплошность грозила гибелью.

Годвин был менее опытен в горном спорте, но был силен и отважен и старался не отставать от командора.

Преодолев особенно трудную кручу, Петр Громов бросал вниз веревку, и Годвин ловко взбирался по ней.

Продвигаясь по узеньким карнизам над пропастями, они старались не смотреть в их непроглядную черноту. Впрочем, любая тень казалась пропастью или провалом, хотя нога и могла свободно ступить на нее.

Остановились передохнуть. Внизу раскинулась горная страна острых скал, еще ниже простиралась равнина моря с круглыми, казалось, полузатопленными, островками с подбием лагуны посередине каждого из них.

— Походит на отпечатки гигантских копыт, — сказал Годвин, — или на коралловые острова, какие я видел в Тихом океане.

— Острова, это верно. Но, конечно, не коралловые. Перед нами, Годвин, те же вулканы, те же образованные ими кольцевые горы, но только затопленные.

— Горы кольцами... Странно... Может быть, у лунных чертей действительно такие огромные копыта?

— Нет. Просто на Луне сила тяжести мала. И лава, выброшенная из кратера, разлеталась гигантской хризантемой.

— Недурной цветочек Вельзевула!..

— Расплавленная лава, не соприкасаясь с воздухом, — его ведь не было здесь, — не теряя из-за этого тепла, падала кольцом и застывала, постепенно возводя вокруг вулкана, в десятке километров от него, кольцевой барьер, который в конце концов превращался в замкнутый горный хребет. На такой хребет, Годвин, мы сейчас и поднимаемся...

— А потом?

— А потом горная страна, состоящая из лунных цирков, при сжатии лунного шара опустилась. Из раскаленных недр через образовавшиеся трещины поднялась расплавленная магма и затопила старые горы.

— Черт возьми, командор! Выходит, лунные цирки рождались и умирали.

— Как и все в природе, Годвин. Вы хорошо сказали. В огне рождались горы, в огне умирали, опускаясь в сверкающее море. Оно дышало здесь тектонической зыбью, золотистое, местами красное, все в фиолетовых блестках. Пологие волны тяжело ударяли в подножия этих гор, сотрясая лунные утесы. Огненный прибой внизу рассыпался мириадами искр. Магма вгрызалась в скалы, выжигая в них гроты, и тут же затвердевала камнем. И базальтовым льдом покрылись все лунные моря, напоминая земные ледовитые океаны.

— Черт возьми, командор! Жаль, шлемофоны включены на ближний прием и мисс Кенни не слышит ваших слов. Прекрасная получилась бы корреспонденция.

— Когда будет нужно, Годвин, мы включим шлемофоны на дальнюю связь. Мы еще сверху сообщим Эллен, а она на Землю, обо всем, что увидим на «той» стороне... Впрочем, не будем сейчас гадать.

— Я не знаю, что мы увидим на той стороне, командор, но на этой я уже вижу какую-то чертовщину. На Земле я всегда что-нибудь загадывал, когда падали звезды.

— Стойте, Годвин! Кажется, пора включать дальнюю связь! В черном небе летят звезды. Это капли лавы! Ради этого, опираясь на ум и труд сотен тысяч людей, стоило оказаться на Луне! И ради этого стоило жить, Годвин!

— Жить... всегда стоит, — отозвался Годвин.

Как завороченные, смотрели исследователи на черное небо, где вспыхивали и пролетали золотистые звездочки.

— Что-то не походит на хризантему...

— Это огненный дождь, Годвин.

Звездочки вспыхивали не только в небе, но во всех черных провалах, какими казались тени ближних скал.

— Мне это не нравится, — сказал Годвин.

— А мне очень нравится, Том! Очень!

Звездочки вспыхивали и на освещенных камнях, превращаясь в дымки. Капли беззвучно шлепались и совсем неподалеку от исследователей.

— Как это прекрасно, Годвин! — Громов разглядывал одну из капель. — Она застывает на глазах! На миллиметр сделала выше скалу. Из миллиметров слагаются километры высоты!..

Весь горный склон покрылся дымками.

— Железные зонтикигодились бы. Я предпочел бы, командор, чтобы вы скрылись под каким-нибудь уступом.

— Да, да, Годвин! Вот здесь безопасно. Идите сюда. Давайте наблюдать. Хорошо, что я взял у Эллен кинокамеру! Великолепный получится фильм! Пусть его посмотрит академик Коваленков...

Петр Сергеевич увлеченно снимал: падали огненные капли на камни, рассыпались сверкающими фонтанчиками, особенно эффектными в непроглядной тени. Капли застывали шлаковыми наростами.

— Черт возьми! — только и мог выговорить Годвин.

Громов переключил шлемофон:

— Друзья! Аленушка! Ваня! Женя! Лунный дождь! У нас на глазах растут камни, поднимаются горы лунного цирка!

— Мы слышим вас, командор! — издалека донесся голос Эллен. — Как я счастлива! Ах, если бы я могла быть сейчас с вами.

— Петр Сергеевич! Я шлю через Евгения радиограмму Коваленкову. Я даже рад, что вы правы, — слышался голос Аникина.

Огненный дождь усиливался. Уже не отдельные искры вспыхивали теперь. Тени покрылись огненными сетками, весь склон задымился, словно подоженный...

Лава не успевала застывать, огненными струйками она сползала вниз, подтекая под самые ноги стоявших в укрытии исследователей.

— Надо бежать, командор! Я предпочитаю иные горячие напитки.

Ручеек лавы образовал лужу, пенящуюся, всю в пузырях. Она дымилась.

Громов и Годвин стали осторожно спускаться. Однако об осторожности пришлось забыть.

Струйки лавы стекали отовсюду. Они набухали, сливались, превращались в огненные потоки.

Ущелье казалось наиболее безопасным. Правда, в нем было очень темно, оно освещалось лишь вспышками звездочек.

Держась за руки, бежали по нему путники, прыгая через камни.

И вдруг в тени стало совсем светло. Огненный поток, словно в погоне за беглецами, ринулся по ущелью.

— Плохо, командор! — едва выговорил Годвин.

— Великолепно, Годвин! Мы видим Луну, какой она была миллиард лет назад!

— Но увидим ли мы Землю, какой она будет завтра?

Ущелье кончилось. Исследователи выскочили из него, и тотчас оттуда вырвался огненный поток.

Петр Громов схватился за бок:

— Осторожно, Годвин! Кажется, капля прожгла мой костюм.

— Прячьтесь, командор! Вот сюда!

— Я зажал рукой... Бежим...

Громов, держась рукой за бедро, прихрамывая, с трудом прыгая с камня на камень, все больше отставал от Годвина.

Заметив это, Годвин вернулся к нему.

— Воздух выходит. Бегите, Том. Возьмите кинокамеру. Не ждите.

И вдруг огненный поток обрушился сверкающим водопадом. Исследователи оказались отрезанными друг от друга.

— Держитесь, командор! Я перепрыгну через поток. Не здесь, чуть повыше... Ждите меня.

Громов опустился на камень. Пальцы судорожно закручивали материал в поврежденном месте костюма.

Клубы дыма окутали его. Огненная масса, клокоча и пузырясь, неслась у его ног. Утечка воздуха из костюма уже давала себя знать. Громов чувствовал, что ему тяжелее дышать. Обожженное бедро онемело от холода, проникшего в скафандр. Голова кружилась. Он качнулся, теряя равновесие, и, едва овладев собой, усидел... Но в следующее мгновение он сделал конвульсивное движение свободной рукой, повалился на бок и покатился по камням.

— Командор! Где вы? Хэлло! Хэлло!

Громов катился все ниже. Рука конвульсивно сжимала прореху скафандра. Лицо Петра Сергеевича покрылось потом.

— Годвин! Сюда! Спуститесь метров на...

Шлем ударился о камень, антенна погнулась, отломилась...

— Радируйте... Нужны металлические щиты... Обязательно...

Громов шевелил губами, ему казалось, что он кричит, но его уже никто не мог слышать. Радио не работало.

...Годвин прыгал вниз сломя голову. Остановился, задыхаясь.

Сверкающие потоки там и тут расцвели горный склон. Дым причудливыми облаками неузнаваемо изменил все вокруг.

Годвин не видел командора. А он лежал за камнем, на который облокотился Годвин.

— Ван! Эллен! SOS! На помощь! — радировал Годвин.
— Мы спустились почти к подножию... Кругом огонь... Ищите нас...

Годвин кружил на месте, не зная, где искать командора. Обежав камень, он вдруг наткнулся на Громова.

Годвин сразу понял, что случилось. Он оборвал антенну командора, закрутил проволокой поврежденную материю костюма, потом взял огромное тело Громова на руки и, прыгая по камням, понес его вниз.

Кое-где вспыхивали в тени огненные фонтанчики.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МОРЕ ПЕПЛА

Газеты вышли трижды тройным тиражом. Особенно преуспела «Уорлд курьер», которая объявила о перемене курса и отныне называлась «Волосы Вероники».

Родившихся девочек называли теперь не только Эллен, но и Верониками... Мальчики же по-прежнему получали имена Вэна, Тома и Питера...

Отлет крупнейшего космического корабля «Разум» был назначен в этот памятный день на 10 часов 07 минут по среднеевропейскому времени,

Правительство СССР послало президенту США телеграмму, выразив надежду, что дружба советских людей и американцев в космосе послужит хорошим примером для народов на Земле.

Из сообщений ТАСС мир узнал о необыкновенных, сделанных на Луне открытиях, имеющих огромное значение для Земли.

Почему-то газеты печатали портреты лунных исследователей попарно: Эллен с Петром Громовым и Аникина с Томом Годвином.

Не было на Земле семьи, дома, где эти портреты, вырезанные из газет и журналов, не лежали бы на столе, не висели бы на стенах.

В ту минуту, когда Петр Громов радостно сообщил, что видит, как растут лунные камни, Евгений показывал Эллен одну из последних газет с портретами лунных путешественников, помещенными попарно...

Видимость была плохая, но Эллен поняла, что хотел сказать Евгений.

— Петр сообщил о тайне лунных гор. Вот здесь приведены ваши слова о лунных горах, напоминающих остров Капри, — говорил Евгений. — Те же обрывистые берега, с которых жестокий император Тиберий сбрасывал негод-

ных ему римлян. И что Луна в отличие от Земли девственно чиста, не знает человеческих страстей — жестокости, ненависти...

— Любви и дружбы, — добавила Эллен. — Не знала. Командор мечтал о сказочных городах в лунных скалах. О, вместе с человеком на Луну придет многое.

— Селена!..

— Если я вас очень попрошу?.. Не зовите меня больше Селеной.

— Аленушкой?

— О нет! — Эллен даже вздрогнула. — Только не Аленушкой! Только не так!

— Вы остались женщиной и на Луне!

— Он сказал, что я была легкой спутницей.

— О да! Конечно! Ведь он нес вас!

— Не всегда верно иметь в виду плечо... Например, рубить с плеча... ради принципа.

И вдруг в шлемофоны ворвался голос Тома Годвина:

— Ван! Эллен! SOS! На помощь!

Евгений судорожно крутил ручки аппаратуры, пытаясь усилить звук.

— Кругом огонь... Ищите нас... — И голос Годвина оборвался.

— Ваня! — закричала Эллен. — Скорее! На танкетку! Мой Мираж! Я умоляю вас... Боже! Я так не хотела их отпускать...

Аникин уже бежал от резиновой палатки.

— Что же вы стоите, Мираж? Скорее! Ведь могли же вы перепрыгнуть трещину! Мужчина вы или нет?!

— Селена, поймите... Танкетка не может двигаться. Радиосвязь неустойчива.

— Ах, еще одно техническое уравнение. Ну конечно, оно не решается обычными людьми! — крикнула Эллен, соскочила с танкетки, на которую уже было взобралась, и побежала по следам командора и Годвина.

Аникин бросился за ней. С тревогой смотрел он, как взлетает вверх маленькая фигурка, как падает, — ему каза-

лось, что она разобьется, но она все-таки подпрыгивала снова и снова...

Аникин отставал. У него болела нога: недавно он подвернул ее — связки оказались растянутыми.

— Лена, Лена! Осторожнее! — тщетно взывал он.

И вдруг мимо него промчалась танкетка. Она двигалась, как-то странно виляя, словно теряя управление и снова обретая его. Моторы работали на полную мощность, поднятая гусеницами пыль не оседала, и Аникин потерял Эллен из виду.

Тогда он, забыв про боль, помчался, — нет, полетел вслед за танкеткой, боясь отстать.

Танкетка ждала. Эллен уже стояла на ней, на железном корпусе, опираясь рукой о полусферу.

Аникин тоже вскочил на железный корпус и крикнул:

— Гони! Жарь! Молодец все-таки, Женька!

Танкетка ринулась с места, но вдруг вильнула в сторону. Эллен свалилась на полусферу, а Аникин слетел на камни. Танкетка со всего размаха уперлась носом в большой камень, разбив один из прожекторов. Машина замерла, полусфера потускнела, изображение в ней исчезло. Эллен в отчаянии колотила по полусфере кулаками. И, словно подчиняясь ее воле, снова появилось изображение Евгения. Танкетка ожила, попятилась. Аникин едва успел вскочить на нее. Она рванулась и понеслась.

Светлая полоса, похожая на железнодорожное полотно, уходила впереди под пепел, появляясь снова лишь у самого подножия горного кряжа.

— Там пепел, Женя! Глубоко! Надо объезжать! — крикнул Аникин.

Танкетка круто повернула, пробежала несколько десятков метров и остановилась. Изображение в полусфере мерцало, то появляясь, то исчезая.

— Нельзя, Ваня. Радиоволны не проходят.

Танкетка стала пятиться.

— Я ненавижу вас! — Эллен застучала кулаками по полусфере. — Ведь они погибают!

Танкетка попробовала объехать море пепла слева, но и там вскоре потеряла управление. Контур острых гор, за которыми почти целиком скрылся земной диск, оставил лишь узкую полосу, и только по ней могла еще двигаться танкетка.

И тогда Евгений решился. Не считаясь ни с чем, он направил танкетку прямо в пепел.

Танкетка влетела в море пепла с большой скоростью и... поплыла по нему.

Гусеницы бешено вертелись, вздымая черное облако, которое вспухало серым шаром, расплываясь туманом. Но танкетка все же двигалась вперед к виднеющейся сквозь туман светлой полосе вулканических выбросов, поднимавшейся из пепла. Лишь бы добраться до нее!

— Мираж! Нет, я не ошиблась в вас! Но только скорее! Скорее!

Вдруг в шлемофонах снова прозвучал голос Годвина:

— Я несу командора. Скафандр прожгло. И я вижу вас, вижу... Вы не так далеко...

Том Годвин нес Громова, чувствуя, что плечо его коченеет. Он включил аварийное устройство, отключавшее его шлем от скафандра.

— Конечно, — думал он, — правую руку командору придется ампутировать, так же как и ногу. Прожгло и у меня скафандр... Лишь бы добежать до насыпи, забраться на нее.

И Том Годвин бежал. Рука его болталась плетью, перекинутое через левое плечо тело командора было жестким. Том Годвин не думал, что оно защищает его от смертельных огненных капель, он не знал, что капли еще в нескольких местах прожгли скафандр Громова и космический холод ворвался под защитную одежду, а воздух вышел... Тело стало негнущимся.

И вдруг у Годвина одеревенела нога. Годвину показалось, что у него больше нет ее. Он не мог сделать ни шагу. Усилием воли он заставил себя осторожно опуститься на камни и положить рядом с собой тело командора.

Круги плыли перед глазами Годвина. Сердце, вместо того чтобы бешено колотиться, билось все медленнее, сначала оно молотом отдавалось в висках, потом стало замирать, словно замерзая...

Почти равнодушно посмотрел он на свой поврежденный в нескольких местах скафандр. Потом заглянул в лицо командора.

«Какой был человек!» — мысленно сказал Том Годвин, даже не подумав о себе. Его шлем скользнул по гладкой поверхности шлема командора и скатился на камни.

Оба они лежали теперь рядом, лицом к краю земного шара, который узенькой полоской чуть выступал над зубчатой горной грядой.

Внизу в пепельном море вздымалось черное облако.

Танкетка билась из последних сил. Гусеницы буксовали, она все глубже погружалась в пепел.

Эллен и Аникин едва видели друг друга.

Евгений круто повернул в сторону.

— Куда вы? Вперед! Только вперед! — кричала Эллен.

Но Евгений не слушал ее.

Эллен стояла. Пепел доходил ей до щиколоток.

Аникин сумрачно смотрел вперед.

Пепел засасывал машину. Только верхняя часть полусферы еще оставалась над поверхностью.

— Прыгайте! Прыгайте! — почему-то кричал Евгений.

Аникин схватил Эллен за руку, дернул.

Эллен не понимала, что надо делать.

Ах вот что! Над пеплом возвышается скала. Но она слишком далеко... И танкетка перестала двигаться. Она тонет, тонет!..

— Прыгай, Лена! Прыгай! — уговаривал Аникин.

Это был непостижимый прыжок. Они прыгнули вместе, держась друг за друга. Они пролетели сквозь серую тучу...

Скала плавно приблизилась снизу темным пятном, и они упали на нее. Эллен ушиблась.

Полусферы почти не было видно. Чуть выступавший над пеплом ее верх напомнил Эллен краешек земного диска, едва видимый над горизонтом. А потом...

Потом полусфера с Евгением исчезла. Пепел над ней сомкнулся.

— Мой Мираж! — крикнула Эллен. — Он утонул!

— Сядь, Леночка, — мягко сказал Аникин.

Эллен рыдала.

Евгений Громов, почерневший, словно пепел действительно оседал на его лице, выскочил из макета танкетки. Он никого не видел в лаборатории, хотя она была полна встревоженных людей.

Наташа плакала, уронив голову на стол.

Евгений бессмысленно твердил:

— Я утонул... утонул...

Вдруг Наташа вскочила из-за стола, схватила Евгения за плечи и стала трясти:

— Только ты знаешь, где они! Только ты!

— Но я утонул, утонул!..

— Перестань!.. Ты не смеешь!.. Ты знаешь там каждый камень...

— Я знаю там каждый камень, — механически повторил Евгений.

— Она прекрасно разобралась, кто из вас настоящий мужчина! — в исступлении крикнула Наташа, отталкивая Евгения.

Евгений побледнел, посмотрел на часы.

В этой маленькой лаборатории командовала все-таки Наташа...

Широкий приземистый автомобиль заносило на поворотах. Движение на шоссе прекращалось при звуках сирены.

Пожар? Скорая помощь? Авария?..

Гоночный автомобиль несясь, прижавшись к асфальту.

Евгений непроизвольно нагнулся, сидя рядом с гонщиком. Перед ним были большие автомобильные часы.

«Разум» отлетал в 10 часов 07 минут...

На стрелках — 9 часов 49 минут... До города туристов — полторы тысячи километров по воздуху.

Ворота аэродрома были широко открыты. Гоночный автомобиль несся уже по бетонным плитам.

...Реактивная амфибия стояла, освещенная прожекторами, напоминая стрелу с легким оперением.

Сирена гонщика смолкла. Завизжали тормоза.

Сверху, из амфибии, протянулись руки.

Евгений буквально взлетел и исчез в проеме двери.

Амфибия уже разбегалась... Пролетела над забором... Спрятала шасси...

Часы показывали 410 часов 07 минут.

Волосы Евгения слиплись.

Девушка в белом халате протянула ему стакан. Он невидящим взглядом посмотрел на него, нащупал рукой и залпом осушил.

Потом откинулся на спинку сиденья.

Часы показывали 10 часов 23 минуты.

Евгений знал, как никто другой знал, что трасса «Разума», скорость его, движение в каждой точке рассчитаны с предельной точностью. Никогда еще не поднимался с Земли такой гигант. Вылет его не мог задержаться ни на секунду.

Иступленно ревели за окном реактивные двигатели.

Девушка-врач пичкала Евгения каплями и кофе.

— Я знаю, что вы пережили, но от вас потребуется еще многое...

Часы показывали 10 часов 36 минут.

— Мы летим быстрее времени; — убеждала девушка-врач Евгения, словно он не знал этого, — быстрее, чем возвращается земной шар...

Амфибия садилась прямо на горное озеро, грудью чайки разбивая блики лунной дорожки.

Луна стояла над самыми зубцами гор и, словно целясь в нее, поднялось над контуром гор острие гигантской башни-ракеты...

Часы показывали снова 9 часов 49 минут...

ГЛАВА ШЕСТАЯ ОБЩЕЕ ДЫХАНИЕ

Аникин, прихрамывая, несколько раз прошелся по окруженной пеплом скале, потом опустился рядом с Эллен.

— Они уже не ждут нас? — спросила Эллен, не повернув головы.

— Уже нет, — глухо отозвался Аникин. — Мы бы услышали их в шлемофоны.

— Ты не подумаешь, что это теперь для меня значит...

Аникин пытливо посмотрел на Эллен.

— Если бы я осталась жить... — добавила Эллен.

Она не отрывала взгляда от теневой стороны гор, напротив которой они сидели. Тень была черной, как небо, отделяясь от него раскаленной кромкой скал.

— Негатив жизни, — задумчиво сказала Эллен.

Очерченные светящейся линией горы спускались к раскаленному, казалось, дну ущелья. Черные и острые, кинжальные тени с обеих сторон врезались в эту светлую полосу, источив ее неровными зубцами и зазубринами.

— Если бы я осталась жить... — повторила Эллен.

— Он не простил бы тебе такого тона, Лена.

— Он умел уважать правду. У нас кислорода не хватит, Ваня, даже если за нами уже летят с Земли.

— Он звал всегда вперед.

— У тебя есть мама?

— Очень славная, тихая такая... И есть еще у меня девушка. Красавица! Целый год я любовался ею... по телевизору.

Эллен покачала головой:

— Изображение? Это мираж чувств...

— Нет! Потом мы встретились.

— Тогда хорошо. А у него все было настоящее, все. Он шел, как к Северному полюсу.

— Он шел не один, Лена.

— Женщина никогда не бывает справедлива, Ваня...

Аникин молчал.

Эллен резко повернулась к нему:

— Почему я не пошла с ним? Я хочу видеть его! Они не сгорели, если их залило лавой?

— Сгореть они не могут. Здесь нет кислорода.

— Как это прекрасно, Ваня! Лава, заливая их, застывала камнем.

— Да, камнем.

Они влиты теперь в лунный камень, влиты навечно. Разве под силу было это Родену?

Аникин словно видел перед собой тяжелую базальтовую скалу, подобную гранитному постаменту. И в нее по грудь вошли два первых лунопроходца, воочию видевших, как растут камни, поднимаются горы, — два первых исследователя, ставшие лунным утесом...

— Что ищет женщина всю жизнь? Что, Ваня? Женщина ищет мужчину. Всю жизнь ищет, если сразу не найдет. Это очень трудно найти, Ваня. А ведь оказывается, надо искать в жизни что-то другое. Об этом знал командор. Он говорил о сказочном лунном городе, о куполах, венчающих скалы, о храмах науки в лунной пустыне.

Аникин встрепенулся:

— Город куполов? Очень удобно использовать вон ту грудку скал.

— Он так и говорил.

— Когда-нибудь до них будут добираться в просторном вагоне подвесной дороги. И на этой равнине расставят мачты, железные, ажурные, на бетонных плитах, но только очень, очень далеко друг от друга: канаты ведь здесь не порвутся. В подвесных вагонах будет удобно. Неровности, трещины — все нипочем...

— А он говорил о лунных дорогах, хотел переделать в шоссе лучи вулканических выбросов.

— Будет и так, — согласился Аникин. — И вот мы проедем на подвесной дороге или по бетонированному лучу.

— И видим?..

— Прежде всего, космодромы. Луна станет главной меж-

планетной станцией. Чтобы улететь с нее, нужна скорость немногим больше двух километров в секунду. Космодромы будут располагаться кустами — по два, по три, и напоминать лунные цирки, только бетонные. На аренах вместо центрального пика вулкана будут возвышаться ракеты.

— Которые тоже подобны вулканам. Но вулканы выбрасывают камень, а ракеты — сами себя.

— Бетонная дорога пойдет по идеальной прямой луча. Мы проедем мимо рудников. Транспортные ленты будут выносить на поверхность ценнейшие руды и грузить в машины с герметическими стеклянными кабинами...

— В них будет не изображение?

— Нет, сами водители, которые к вечеру вернутся в свой город. И мы попадем вместе с ними в город, сначала въедем в воздушный шлюз. Закроются за нами толстые двери. Шлюз наполнится привычным земным воздухом...

— Как в нашем резиновом домике.

— Потом откроются внутренние ворота, и мы въедем на лунный вокзал. Нас встретят цветами...

— Обожаю цветы!

— Весь город будет окружен трубами оранжерей.

— Он так и говорил.

— Да, огромными, прозрачными трубами, где по две недели, не заходя, будет светить солнце и буйно расти...

— Не лунная плесень, надеюсь?

— Нет! Ею станут кормить скот на Земле. А на Луне в оранжереях зацветут преображенные земные растения, дышащие особенно благоприятной для них атмосферой. Углекислоты, поступающей из города, окажется в ней так много, что садовникам и садовницам в легких купальных костюмах — в оранжерее ведь жарко! — придется все же пользоваться кислородными масками с заплечными баллончиками...

— Эх, Ваня! Ваня! О кислороде-то как раз и не надо было говорить.

— А в спортивных залах, где смогут упражняться в необычайной ловкости лунные атлеты, кислорода будет даже больше нормального. А какие чудеса станут делать в

гимнастических залах! Помнишь наш зал в Космическом институте? Я крутил там «солнце» на турнике, когда ты пришла... Здесь же спортсмен сумеет прыгнуть с пола к потолку, держать пирамиду человек из двадцати.

— А город? Город...

— Он не будет копией земного. Дома упрутся в небо, в купол. И до купола достанут кроны деревьев, переросших своих земных предков. Вокруг домов-колонн, словно сотканных из стекла и света, заструятся ручейки, на Луне воду можно будет зачерпнуть рукой... Под главным куполом в самом центре встанет главное здание, как бы сложенное из стеклянных цилиндрических уступов, естественно переходящих в венчающую здание колонну, поддерживающую свод.

— Если бы можно было, Ваня, я б тебя поцеловала.

— Но люди не захотят жить всегда запертые, закупоренные в лунных городах. Кто удержит их там?

— Природа Луны, суровая и неисправимая...

— Человек может сделать все! История человеческого прогресса — это история овладения энергией. Ею владеет теперь человек, и он сделает невозможное. На Луне, в лунных породах, в связанном виде химических соединений есть и азот, и кислород, даже водород для воды. Человек освободит азот и кислород, и они в земной пропорции создадут вокруг Луны атмосферу с земным давлением. Она, конечно, будет улетучиваться, но пополнять ее не составит труда. И искусственно созданная на Луне вода заполнит водоемы под небом, которое станет синим, как у нас на юге. Лунный пепел, как и вблизи Везувия, поможет создать здесь прекрасную плодородную почву. На поверхности Луны появятся удивительные сады, даже леса с деревьями непостижимой высоты и красоты. Перенесенные с Земли, они, не ощущая привычной для предшествующих поколений силы тяжести, разрастутся буйно. И на Луну станут прилетать люди Земли не только работать — на рудниках или в обсерваториях, на гелиостанциях или космодромах. Люди Земли будут отдыхать здесь в сказочных условиях, не ощущая земного веса.

Здесь чудодейственно излечатся болезни сердца. Сюда начнут прилетать спортсмены для небывалых состязаний в скорости бега, в высоте прыжков — с шестом здесь можно будет перепрыгнуть двадцатипятиэтажный дом!.. Альпинисты столкнутся с увлекательными препятствиями, со скалистыми вершинами и неприступными пиками, волнующими пропастями... Человек, побывавший на Луне, никогда уже не забудет ее, станет стремиться обратно, как стремится всякий, побывавший в Арктике... Он будет тосковать по буйным лунным лесам, по озерам, по глади которых легко бегать в специальной обуви с перепончатыми подошвами, он никогда не забудет восхитительного ощущения легкости, которая позволит даже парить в воздухе на полах плаща, как на крыльях. Луна станет чудеснейшим местом Земли, мечтой, сказкой, местом счастья для каждого... Все будут стремиться побывать на ней или вернуться снова на нее.

Эллен слушала, как зачарованная. Она даже не удивилась тому, что таким вдруг предстал перед нею Ваня Аникин. На Луне люди выглядят особенными. На Земле мы не знаем их, не умеем разглядеть. Том Годвин, Петр Громов... Теперь Аникин! Только одна Эллен Кенни ничем, кроме авантюризма, не проявила себя, ничем не доказала, что достойна быть среди таких людей. Была лишь членом неумолимого уравнения.

Неумолимое уравнение!..

Но оно ведь повторяется здесь, среди моря пепла, на крохотном камне, это неумолимое уравнение! В одной его части — запасы кислорода в двух заплечных баллончиках, в другой — два человека, она и Ваня Аникин, которые дышат, потребляют кислород. Но знака равенства в этом уравнении нет! Как и там, в космосе, в ракете Годвина, снова здесь один лишний...

Гордая сила наполнила Эллен. Новое, никогда не известное чувство овладело ею. Она встала и подошла к Ване Аникину, все еще смотревшему на растрескавшуюся равнину, преображенную в его мечтах исполинскими деревьями и синими озерами.

— Ваня, я смогла решить.

— Что решить? — очнулся: Аникин.

— Я слабая, и мне нужно уснуть. Просто уснуть. Ты возьмишь мой заплочный баллончик. Я оставляю его тебе. Во сне я увижу твою чудесную Луну. Я буду дышать ароматом цветов и летать на растянутом прозрачном шарфе. Нет, Ваня, я не шучу. — Эллен печально покачала головой. — Я так решила. Я женщина. Во мне инстинкт всех живших до меня матерей.

Аникин отодвинулся и свистнул, меряя Эллен взглядом.

— Это ты оставь, Леночка! Геройство не требуется, жертвы не принимаются.

— Женщина создана для того, чтобы дать дыхание другому. Я еще никому не дала дыхания.

— Будем дышать вместе... дышать пока дышится.

Эллен ничего не могла поделать с этим упрямым. Это оказалось труднее, чем самой принять решение. Он отвергал разумное, логичное. А еще говорят, что только мужчины логичны.

Через некоторое время о двух заплочных баллончиках можно было уже не говорить.

Ваня не рассказывал больше о будущем Луны, удивительных лесах и земных туристах. Он лежал на боку и тяжело дышал, с большими перерывами поднимая и опуская грудь. Эллен рассматривала через прозрачный шлем его веснушчатое, курносое, покрытое каплями пота лицо и плакала.

У Вани был завидный объем легких, которые нельзя было даже сравнивать с легкими Эллен. При каждом вдохе Аникин потреблял куда больше кислорода, чем Эллен. И вот теперь... Кислород в баллончике Аникина подходил к концу.

Ваня слаб, он уже не окажет сопротивления. Может быть, сделать сейчас же, против его воли? Он простит.

Он сказал: «Будем дышать вместе, пока дышится».

Вместе! Будем дышать вместе!

Это ведь и есть решение уравнения!

Эллен стала судорожно присоединять свой дыхательный аппарат к скафандру Вани.

— Ваня, родной! Вдохни... Тебе лучше? Ты слышишь меня?

— Что такое? — очнулся Аникин. — Лена? Ты не смеешь! Сейчас же отключи!

— Глупый! Я же не задыхаюсь. Я не уснула. Я поняла, как нужно. У нас общее дыхание. Общее! Ты чувствуешь? Мы дышим одним воздухом.

С летящего к Луне космического корабля «Разум» было передано на Землю сообщение. Удалось перехватить радиопередачу между шлемофонами оставшихся в живых лунных исследователей Эллен Кенни и Ивана Аникина. У них общее дыхание, они дышат одним воздухом...

Радиокомментаторы и дикторы во всем мире, не сговариваясь друг с другом, к этому сообщению добавляли от себя, что люди Земли тоже дышат одним воздухом. Человечеству стоит иметь одно, общее дыхание...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

Колючие, разноцветные звезды не мерцали. Рассыпанные по небосводу над Землей, они отличались лишь по величине, но здесь, в космосе, удивительно отчетливо были видны звезды более близкие и более далекие. В знакомом созвездии Большой Медведицы некоторые звезды совершенно выпадали из рисунка, настолько очевидно было, что они отделены одна от другой непостижимой глубиной пространства.

На яркое косматое солнце, окруженное огненной короной, нельзя было смотреть, и вместе с тем соседние звезды нисколько не тускнели.

Это тоже было странным, потому что Евгений видел такое солнце лишь на экране лаборатории, когда вел «Искатель II» к Луне.

Луна не выглядела огромным полумесяцем, хотя освещен был лишь ее серп. С близкого расстояния затененная ее часть, более серая, была прекрасно видна во всех деталях. Не такой запомнил Луну Евгений, «подлетая» к ней в первый раз...

В первый раз! А сейчас не в первый?

Считалось, что он уже пересекал космос, достиг Луны, ступил на ее поверхность. Еще вчера он готов был это утверждать, а теперь... Незведанные ощущения охватили Евгения. Магнитные подошвы, позволяя ходить по металлическому полу, лишь удерживали тело, но само оно было наполнено неизъяснимой легкостью, вначале неприятной, вызывавшей тошноту, а потом пьяняще радующей.

Корабль был огромный, с множеством отсеков и коридоров. Он давал представление о будущих звездолетах, в которых люди, пересекая галактики, будут жить годами. Путешествие в нем напоминало полет в «Искателе I» не больше, чем поездка в мягком вагоне экспресса езду на мотоцикле.

Новые ощущения не затмили горькой тревоги Евгения за близких ему людей... Удрученный, рассеянный, бродил он по переходам, прислушиваясь к звонкому стуку подошв. Мать!.. Она не переживет... Хорошо, что сильная Наташа с нею...

На «Разуме» летело двенадцать человек. Встречаясь с ними, он молча уступал дорогу. Это были два американца — профессор Трипп, член Космического комитета, и старый пилот Джон Смит, радист «Разума», — запасные пилоты англичанин Джолиан Сомс, поляк Нагурский и француз Лавеню, добровольцы, в последнюю минуту добившиеся включения их в состав экипажа. С советскими участниками экспедиции Евгений дружил еще в Институте космонавтики. Только он один не проходил там специальной тренировки астронавта, не рассчитывая лететь в космос...

Академик Беляев нашел Евгения в салоне с закрытой книгой в руках:

— Прости, что отвлекаю. Мы посоветовались с профессором Триппом и решили, что посадку ракеты доверим тебе. У тебя есть опыт, ты уже спускался на Луну и знаешь, куда именно надо посадить корабль.

Евгений не подал виду, как взволновали его эти слова. Ракету он знал прекрасно, еще готовясь к телеуправлению «Искателем II». Но «Разум» был таким огромным!..

Евгений сунул книгу в шкаф корешком к стенке и поспешно прошел в рубку управления.

— Хэлло, Эджин! — сказал Джолиан Сомс. — Вы будете единственным человеком, который без возвращения дважды прилетит в одно место.

Евгений кивнул головой и занял уступленное ему Сомсом кресло.

До поверхности Луны оставалось около трехсот километров. Через металлический переплет окна виднелась освещенная часть шара. Сверху казалось, что он покрыт лужами. Большие и малые, эти «лужи» были совершенно круглыми, отливая гладкой и твердой поверхностью. Каменный лед некоторых озер был изрыт двумя-тремя ворон-

ками, тоже с гладким дном. Когда Евгений «летел» к Луне в первый раз, он всего этого не рассмотрел.

Гористая часть Луны казалась очень странной из-за длинных теней, отбрасываемых низким солнцем. Некоторые кратеры зияли чернотой, словно не имели дна. Менее высокие горы исчезали в тени зазубренных пиков, истинные ощущения нарушались.

Евгений беспокоился, найдет ли он точно место на краю лунного диска, куда добралась экспедиция Петра Громова.

Сейчас не было границы между видимой и невидимой с Земли частью лунного шара. Стоявший на пульте лунный глобус был сделан со всеми подробностями лишь в одном полушарии, а в другом — очень приблизительно, по фотографиям автоматических межпланетных станций. Он не вполне походил на медленно растущий внизу шар.

Евгений заставил гигантский корабль повернуться дном к Луне.

Пот выступил у него на лбу — не столько от появившегося ощущения свинцовой тяжести, сколько от нервного напряжения.

Все ниже опускалась ракета-колосс. Вибрировали ее стенки, ревели тормозные дюзы,

Великолепный корабль! Как он слушается каждого движения! Ведь Евгений привык к тому, что его приказы выполняются через полторы секунды, и узнавал он об этом еще спустя такое же время. А сейчас...

За переплетами окна виднелся знакомый горный кряж, перед которым лежало предательское море пепла... Тогда этот кряж дымился... Сейчас он был по-лунному мрачен и неизменен.

Все члены экипажа припали к окнам. Они видели лунный пейзаж впервые.

Летающая башня сразу опустилась на спружинившие лапы, как на огромные триумфальные арки.

Скафандры были надеты заблаговременно.

Звездолетчики цепочкой спускались по алюминиевой лестнице в облако пыли, поднятой дюзами с поверхности. И

Евгений, Джон Смит, Казимир Нагурский и Жак Лавеню — спасательная команда — не стали ждать, когда рассеется пылевой туман, они побежали в указанном Евгением направлении.

Евгений видел под ногами следы танкетки, которые он сам недавно оставил здесь...

Он снова был в знакомом и, вместе с тем, совершенно незнакомом месте... Опять та же легкость во всем теле, которую ощущал он в полете, и гнетущая тяжесть на сердце.

Туман кончился.

Лунный пейзаж потряс Евгения, словно он видел его впервые. Никакой телевизионный экран не мог передать абсолютно неправдоподобную контрастность всего, что воспринимал сейчас глаз. Казалось, здесь были лишь две краски: белая и черная. И никаких полутеней, никаких цветовых оттенков. Это впечатление усиливалось из-за длинных теней, пересекавших равнину и казавшихся пропастями. Они легли и на море пепла. Если эти холодные тени добрались до островка, то... Минус сто градусов! Этого не выдержат скафандры!

Евгений прекрасно ездил по Луне на танкетке, но ходить по Луне он не умел, так же как и его спутники. Он не мог сообразовать своей силы и движений. Он спешил, он хотел бежать, и каждый шаг подбрасывал его высоко вверх, ему казалось, что он разобьется о камни...

И, все-таки, он бежал, как бежали и его товарищи.

След танкетки нырнул в пепел. Все четверо остановились, надевая на ноги подобие охотничьих лыж, которые позволят пройти по пеплу.

Казимир Нагурский держал на плече баллон кислорода. Жак Лавеню нес два запасных скафандра, у Джона Смита были носилки.

На островке виднелись скорчившиеся тела...

Евгений подбежал к Эллен первым. Он увидел, что шлемы Эллен и Аникина соединены общим шлангом. Он присоединил к нему кислородный баллон.

Смит и Лавеню побежали по пеплу дальше, к горному склону.

В отчаянии смотрел Евгений на обострившиеся черты милого лица. Эллен была совсем другой, совсем, совсем другой...

Аникин пришел в себя первым.

— Ну вот! Не утонул все-таки, — сказал он и улыбнулся.

Нагурский делал Эллен искусственное дыхание. Евгений старался помогать. Он был почти уверен, что все напрасно.

Но он ошибся. Эллен открыла глаза и долго смотрела, ничего не сознавая. Она увидела красивое лицо поляка, и глаза ее удивленно округлились. Но еще больше поразилась она, узнав Евгения,

Уголки ее губ опустились.

— Евгений, — сказала она и задумчиво повторила: — Значит, Евгений...

— Как вы себя чувствуете, Эллен? — спросил он.

Сотуирившись, она дотянулась до руки Евгения, легонько пожала ее и разрыдалась,

Больше Евгений ни о чем не спрашивал.

Да, Эллен была другая, как и все вокруг. Чтобы почувствовать, что ты находишься на Луне, надо, оказывается, быть на самой планете, а не только видеть ее скалы с помощью самой совершенной аппаратуры. Чтобы понимать человека, нужно быть подле него...

Четырнадцать звездолетчиков медленно, один за другим, тянулись по морю пепла к горному kraju.

Эллен и Евгений двигались последними. Эллен шла, низко опустив голову. Она никак не выказала своей радости или удовлетворения, что он все-таки прилетел на Луну. Может быть, она находила это вполне естественным... И вдруг Евгений показался сам себе ничтожным, мелким. Чего он ждал? Признания геройства? А этому здесь совсем иная

мера. Он видел каждый их шаг... Но его не было с ними!.. И, конечно, теперь он не узнавал ее. Не было в ней былой живости, остроты, неиссякающей милой женственности. Тогда она была одна. Вокруг все было сурово, дико, ярко и мрачно. А она была совершенно одна, и судорожно ухватилась за единственное, что связывало ее с Землей, — за его «изображение», за живое человеческое слово, которое звучало в ее шлемофоне.

А человек, с которым рядом шла она по Луне, был другой, совсем другой человек.

Евгению трудно было признаться, что он не может отделить в себе боль обиды от боли утраты...

Громов и Том Годвин лежали в углублении между двумя выступами скалы. С двух сторон вровень с этими выступами были насыпаны камни. Прозрачные колпаки шлемов были сняты. Оба исследователя смотрели в звездное небо, которое дерзнули покорить...

У них были строгие, спокойные лица, даже величественные, может быть, оттого, что они чем-то напоминали скульптуру...

— Я подумала, когда лежала на островке, что они превратились в лунный камень, по пояс вошли в него.

— Мы закроем их каменной плитой, — сказал академик Беляев.

— О нет! — запротестовала Эллен. — Они всегда должны смотреть в звездное небо. Они первые дотянулись до него.

— Нет, — покачал головой академик. — Они люди Земли. Пусть, по обычаям родины, камень накроет их гробницу.

— Я была бы сама собой, если бы рыдала сейчас.

— Не сдерживайтесь, Эллен. Будет легче, — сказал Евгений.

Эллен отрицательно покачала головой:

— Пусть будет труднее.

Джон Смит принес «личные вещи» погибших, оказавшиеся в их скафандрах: золотые самородки Тома Годвина,

стеклянные пробирки с темной жидкостью и красноватой массой, синюю женскую косынку.

Эллен сказала:

— Я не знаю, чей это тонкий шарф; но я завидую этой женщине, даже ее горю...

— Возьмите, — протянул ей косынку академик.

— Нет. Положите шарф с ним. А золотые самородки вместе с Томом. И еще вот это. — Эллен протянула красный камешек.

Евгений узнал свой подарок.

— А это, — продолжала Эллен, беря стеклянные пробирки, — позвольте взять мне. Он очень ценил эти открытия.

— Мы продолжим их, — сказал Евгений.

Эллен скользнула по нему взглядом.

Двенадцать человек, все, кроме Эллен и академика, подняли огромную базальтовую глыбу. Это было возможно только на Луне.

Осторожно несли они, спотыкаясь на неровностях, тяжелую плиту, и осторожно опустили ее на могилу.

Эллен мужественно засняла кинокамерой миг, когда застывшие в холодном и мудром спокойствии лица первых исследователей Луны закрыли надгробием.

Только Евгений видел, каких усилий стоило Эллен держаться.

— Я знаю, — сказала она. — В один из следующих рейсов сюда прилетит скульптор. Он высечет на этом лунном камне их изваяния. Именно так, как представила я их себе на островке, — наполовину вошедшими в камень...

— Им высекут памятник и на Земле, — сказал академик.

Эллен отошла в сторону.

Евгений знал, что она плачет.

Академик дал по радио сигнал, и с исполинской башни «Разума» вылетел снап ракет. Словно выброшенные из жерла вулкана, они оставляли за собой изогнутый дымный след. Все вместе они напомнили расцветшую в черном небе хризантему. Потом звездные огоньки стали медленно падать меж неподвижных звезд. Они походили на огненный дождь...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СЛЕД РАЗУМА

Горный кряж на краю лунного диска называли Горой Памятника.

— Я так подумала, — сказала Эллен, — если мы поднимемся на вершину горы, как это хотели командор и Годвин, мы сделаем им самый лучший памятник.

— Мисс Кенни говорит весьма разумно, — заметил профессор Трипп. — Лучший памятник ученому — завершение начатых им исследований.

— Я уже просил разрешения подняться на кряж, — заявил Евгений.

— Я, во что бы то ни стало, пойду туда. И я не попрошу в пути ни у кого помощи, — решительно сказала Эллен, умоляюще глядя на академика.

Тот крикнул и зашевелил лохматыми бровями:

— Я бы отказал вам, моя дорогая исследовательница, если бы такое восхождение не было предусмотрено в плане работ экспедиции «Разума».

И академик объявил, что для восхождения выделяется группа в составе Евгения Громова, академика Беляева, Эллен Кенни, Джона Смита, Джолиана Сомса, Жака Лавеню и Казимира Нагурского. Профессор Трипп остается руководителем базы на ракете «Разум».

Начало подъема откладывать не стали. Извержение, очевидно, уже ослабло, но хотелось застать вулкан еще действующим, заснять на киноплёнку картину лунной вулканической деятельности, изучить все, что возможно. Геологом и селенологом был сам академик, поэтому он и включил себя в группу.

— Я утратил здесь, дорогие друзья, пять шестых своего, безусловно, излишнего на Земле веса, — словно оправдываясь, говорил он. — Но это не главное. Я, очевидно, сбросил вместе с лишним весом и груз лет, я могу теперь вспомнить, как поднимался на трудные вершины с такими волками альпинизма, как академик Игорь Евгеньевич Тамм или

член-корреспондент Академии наук Гавриил Андрианович Тихов. Я, скажу откровенно, был тогда им под стать. Потом, правда, состарился, но Луна меня омолодила.

Лунный камень лежал на первой лунной могиле. Жизнь шла. Исследования продолжались...

Казимир Нагурский понимал в альпинизме толк и уже доставил с ракеты альпинистский инвентарь, специальные ботинки, альпенштоки, ледорубы, которые здесьгодились лишь для камня, веревки, крюки, клины и даже какие-то новинки, в частности семь железных непрожигаемых зонтиков, которые могли предохранить путников от дождя лавы.

Евгений Громов, как и его брат, был мастером альпинизма и одобрил предусмотрительность поляка.

С первых же шагов восхождения Евгений стал командиром похода. Однако авторитетом в лунных условиях оказалась Эллен. Аникин из-за поврежденной ноги остался внизу, и Эллен, единственная из участников подъема, имела опыт движения по лунной поверхности. Она научилась прекрасно рассчитывать свои силы, очень точно прыгала, давала толковые советы и молча выполняла самые трудные задания.

— Без вас, девочка, мы просто не могли бы подняться сюда, — заметил академик, когда его втащили с помощью веревки на очередную кручу.

Первой на нее запрыгнула снизу Эллен, держа конец веревки.

Привал решили сделать примерно в том месте, откуда Петр Громов и Том Годвин рассматривали утонувшие цирки.

Теперь этой картиной любовался академик.

— Какая наглядность! Вы только посмотрите! — восхищался он. — Превосходное подтверждение теории поднятия и опускания земной коры. Опускаются всегда высокие места. То есть горные страны. Они оказываются впоследствии на дне океанов. На Луне то же самое! Некогда высокогорная лунная страна, полная вулканических, как мы те-

перь знаем, цирков, опустилась. Каждая точка коры, по-видимому, любой планеты совершает как бы колебательное движение, чрезвычайно растянутое во времени. Если бы мы изобразили высоту какой-нибудь точки планеты над уровнем ее океана и показали зависимость этой высоты от сме-ны миллионов лет, то получилась бы волна, синусоида! По-любуйтесь, вот она, окаменевшая диаграмма!

Внизу виднелись полузалитые затвердевшим камнем кольцевые острова. Местами над каменной гладью подни-мались острые хребты, когда-то бывшие горными вершина-ми.

Во время восхождения Эллен и Евгению приходилось быть рядом.

— Итак, Эджин, — начала Эллен на привале. — Что вы подумаете о том, что вынуждены были нарушить свой принцип?

— Я не нарушил, а изменил его. Отныне я посвящу себя полетам и только полетам в космос. Автоматы будут лишь служить экспедициям.

— Уверена, вы будете ценным исследователем, Эджин. К сожалению, мы с вами навсегда меняемся местами.

— Навсегда?

— Да. Я никогда больше не полечу в космос. Я не имею на это права. Я многому научилась. Научилась понимать, какую малую пользу здесь приношу. А я хочу приносить бóльшую. У меня есть перо, Эджин, и я его не уступлю, как вы свой принцип. Мой долг — воспеть все виденное, Я напишу книгу «Лунный путь» — о первой экспедиции на Луну. Это будет, прежде всего, книга о командоре, Эджин. О лунном Георгии Седове, о Петре Громовете... — Эллен по-молчала. — Это будет книга о суровой, но прекрасной Луне, вот об этих пейзажах, которых даже не понять, не предста-вить, находясь на Земле.

— Напишите книгу?

— Да, книгу о нем, о Томе и Ване... даже о себе. И, знае-те, даже о вас, о виртуозном водителе танкетки...

— Очень благодарен.

— Пожалуйста, А вы?

— Я буду готовить полеты. Это очень хлопотное и незаметное дело. Годы готовить, координировать усилия сотен тысяч людей, чтобы потом, если мне доверят ракету, как доверяют летчику-испытателю самолет, направить чудесное творение ума и рук людей к другим планетам. Я ведь искусный водитель, как вы сказали...

— Цели у нас общие, Эджин, а пути разные. Когда-нибудь я возьму у вас интервью во время вашей тренировки.

Евгению хотелось спросить, будет ли в книге что-нибудь о Селене, но он не спросил.

Академик оказался неугомонным. Ему уже не сиделось.

— Друзья, единственно от чего здесь можно устать, так это от отдыха!

Евгений решительно поднялся и перекинул через плечо веревку.

— О'кэй! — сказала Эллен и тряхнула стриженной головой.

Евгению удалось найти удобный перевал, но чтобы воспользоваться им, надо было перебраться через черную пропасть.

— Она словно наполнена сажей, — заметил Джон Смит. — Нужен, по меньшей мере, мост имени Вашингтона.

— Будет мост имени Смита, — пообещал Нагурский.

Он припас ракетный гарпун. Гарпуном надо было точно попасть в одну из трещин на противоположной стороне пропасти, чтобы он застрял там и позволил натянуть привязанную к нему веревку.

Нагурский оказался прекрасным стрелком.

Гарпун прочно застрял в трещине. Веревку удалось натянуть, и все по очереди переправились через пропасть с помощью крюка и подвесной петли, как в свое время переправлялись через лунную трещину первые исследователи.

Евгений предложил было Эллен переправиться с ним вместе, как она это делала с Петром, но она сухо отказалась.

Группа взбиралась все выше и выше. Семь человек помогали друг другу, страховали один другого, старались сделать восхождение более безопасным.

Горизонт стал шире, а выпуклость лунного шара — резче. Но видимость вдаль оставалась совершенно такой же, как вблизи. Никакой дымки! Правда, разобрать детали вдаль было труднее, но не оттого, что они были мельче, а оттого, что контуры гор как бы наслаивались друг на друга.

Евгений вел группу точно. Сделали еще один привал, потом бросок, и... люди увидели «ту» сторону Луны.

Она не могла быть особенной, чем-то коренным отличаться от видимой с Земли части, но... Было на «той» стороне Луны нечто, что заставило всех замереть.

— Вот он, вулкан Петра Громова, — первым произнес академик, поднимаясь на последний камень перевала.

— Великолепный вулкан! — сказал Жак Лавеню.

— Он больше Везувия и Этны, — заметила Эллен.

Да, это было совершенно ново: вулкан на Луне. Посередине огромного цирка над острым коническим пиком клубилось облако дыма, вернее, оно столбом взлетало вверх и там расплывалось туманным шаром.

Черная тень тянулась от вулканического пика через всю арену цирка и достигала противоположной части кольцевого хребта, расцвеченного вертикальными светлыми полосами.

Академик смотрел на действующий вулкан в бинокль и жалел, что окуляры нельзя прижать к самым глазам. Мешал колпак шлема.

Так и не пристроив бинокль как следует, он махнул рукой и передал его стоявшему рядом Джону Смиту.

— Прекрасная труба, сэр. И дымится, — сказал тот и передал бинокль Джолиану Сомсу.

Евгений взял бинокль последним. Эллен искоса наблюдала за ним.

Сначала он глядел на центральный пик, над которым стоял дымный столб, а потом стал почему-то рассматривать усыпанное вулканическим пеплом дно кратера.

Бинокль задрожал в его руках.

— Что вы видите? — тихо спросила Эллен.

— Посмотрите вы, — сказал Евгений.

Эллен взяла у него бинокль и подняла к глазам.

— Это, наверное, мираж, — сказала она.

Евгений вздрогнул, услышав это слово, не сразу поняв его истинное значение.

— Этого не может быть, — продолжала Эллен. — Мы здесь не проходили.

— Что такое? — заинтересовался академик.

— Следы, — сказал Евгений.

— Какие следы? — поразился Беляев.

— Взгляните.

Академик сердито взял бинокль и на этот раз сумел им воспользоваться как следует.

Во всех шлемофонах слышалось тяжелое, прерывистое дыхание.

Академик строго повернулся к Эллен и Евгению:

— Вы не могли здесь пройти?

— Для этого нужно было бы перебраться через кольцевой хребет, — напомнил Евгений.

— Значит, кто-то перебрался? — повысил голос академик.

Теперь в бинокль смотрели все по очереди. То, что они видели, превосходило все допустимое...

От подножия кольцевого хребта по дну кратера к центральному пику вулкана тянулась цепочка... следов. Да, это были следы... безусловно следы! Маленькие лунки в слое пепла.

И каждая — на расстоянии одного шага от соседней...

— Шестиногое лунное чудовище, — сказала Жак Лавеню.

— На Луне чудовищ нет и быть не может, — строго сказал академик.

— Не шестиногое, — заметил Нагурский, рассматривая далекие следы в бинокль. — Скорее, это следы трех двуногих...

— Невероятно! — воскликнула Эллен.

— Это... это... — академик почти задышался. — След Разума!

— Разума? — изумился Лавеню. — Но ведь он...

— Да не ракеты же! — взорвался академик. — Кто мог оставить следы на Луне?

— В самом деле, кто?

— Только разумные существа, — убежденно сказал старый ученый.

— Вот, черт возьми, какая досада! — воскликнул Джон Смит. — Успели раньше нас....

Академик рассмеялся:

— Это что-то вроде квасного патриотизма во всеземном масштабе. Вы что думаете: подвиг открывателей был бы меньше, если б они открыли обитаемую планету? Наши погибшие герои открыли обитаемый космос! Их научная страсть вела их именно к этому месту, куда стремились когда-то и представители чужого, неведомого нам Разума.

— И те, и другие интересовались действующим здесь вулканом, — подсказал Евгений. — Потому и сошлись их пути.

— Хотя и отделены временем в пять тысяч, а может быть, и в пять миллионов лет, — продолжал академик.

— А вдруг это воронки от упавших цепочкой камней, выброшенных из жерла? — усомнился Жак Лавеню. — Такие вулканические выбросы не опровергли бы устоев веры.

— Веры? — воскликнул Нагурский.

— Уважаю любые убеждения, — сказал академик. — Предпочитаю не отвергать, а опровергать. Нам осталось сделать всего лишь шаг, чтобы убедиться в том, что в лунках нет камней и что мы, люди, вовсе не библейские изобретения природы и вовсе не одни существуем во Вселенной! Станет предельно ясно, что множество далеких и близких миров породили Разум. Где-то он окажется древнее и выше, чем у нас. И естественно, что, стремясь к познанию всего сущего, разумные существа летели в космос, как полетели и мы. И они останавливались, черт побери!.. Оста-

навливались!.. Во всяком случае, на Луне и... кто знает, где еще!.. Быть может, теперь и на Земле мы будем искать их следы!

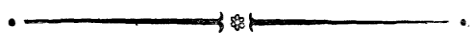
— Пожалуй, я попрошу тогда отлучить меня от церкви, — заметил Жак Лавеню.

— Друзья, — сказал академик, — если бы я не руководил международной космической экспедицией, я приказал бы сейчас же, очертя голову, спускаться в кратер. Кто знает, что мы откроем, идя по следам! Братьев по Разуму, протянутую руку высшей цивилизации!..

— Но вы осторожный руководитель экспедиции и должны поставить здесь точку? — спросила Эллен.

— Точку? — возмутился академик. — Это вы будете писать свою повесть «Лунная дорога» и поставите здесь точку, напишете «конец», а наука, исследования, жизнь... они никогда не кончаются!..

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТОМ ГОДВИН

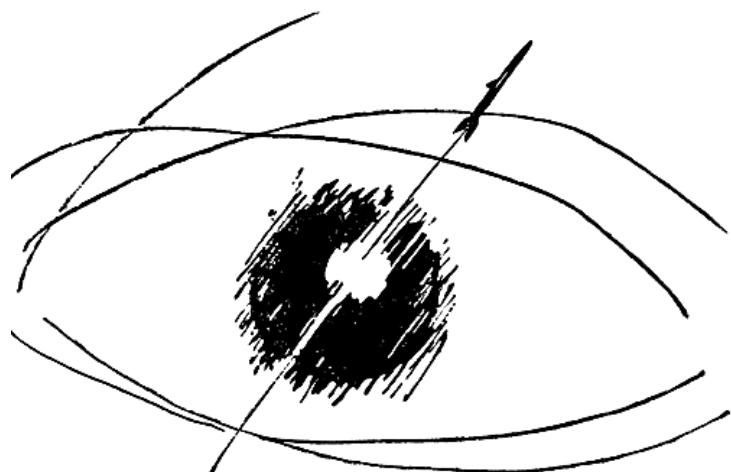
НЕУМОЛИМОЕ УРАВНЕНИЕ

Фантастический рассказ

Перевод А. Ставиской

Художник В. Медведев

Том Годвин
Неумолимое уравнение
The Cold Equations
Рассказ, 1954 год
В антологии
«Научно-фантастические рассказы
американских писателей»
М.: Издательство иностранной литературы, 1960 г.
Предисловие А. Казанцева.

**Научно-
фантастические
рассказы
АМЕРИКАНСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ**

Перевод с английского

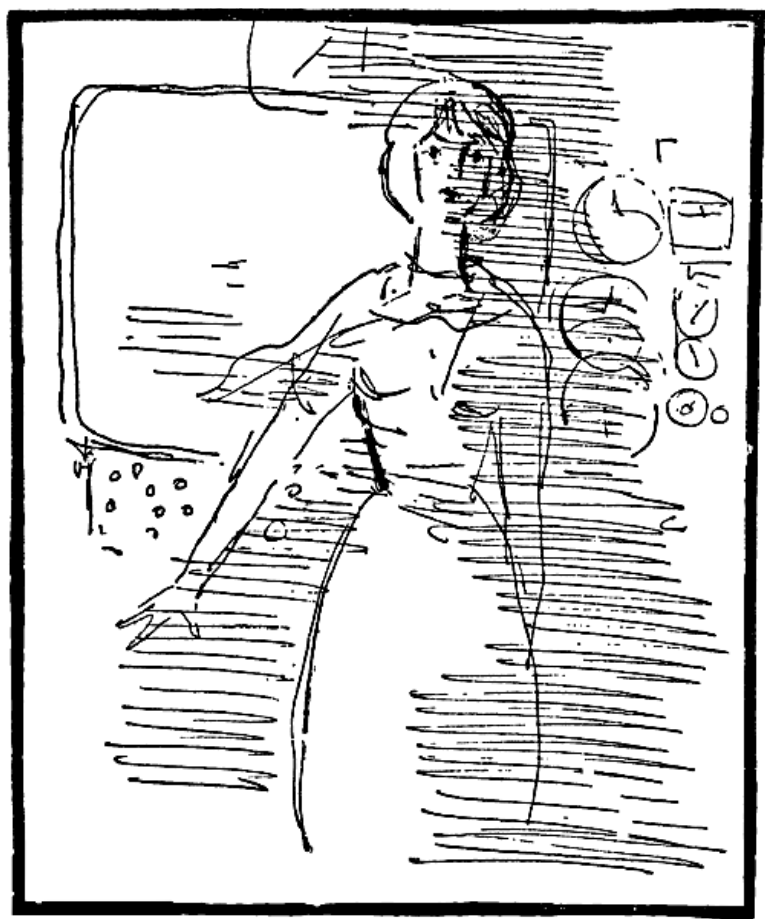
**Издательство иностранной
литературы**

Москва 1960

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ

...Перед нами снова холодная жестокость беспредельного космоса. На этот раз она использована не ради утверждения героизма и благородства жертвующих собой астронавтов — неумолимая механическая жестокость расчетов и уравнений обрекает на неизбежную гибель юное существо, восемнадцатилетнюю девушку, легкомысленно пробравшуюся в рассчитанную лишь на одного человека ракету экстренной помощи, чтобы повидаться с любимым братом, несущим службу на далекой планете. Новеллист Том Годвин написал “Неумолимое уравнение”, психологическую новеллу ужаса. В силу законов неумолимого уравнения вес лишнего человека автоматически вытесняет его из ракеты. Лишний вес — лишняя жизнь. Они должны быть выброшены за борт. Автору не приходит в голову показать в этой острейшей ситуации подлинный героизм, готовность пожертвовать собой. Нет! Холодный и жестокий пилот, истратив положенное количество сочувственных слов и объяснив пассажирке, что по законам космических путешествий каждый лишний пассажир подлежит уничтожению, дает обреченной поговорить по радио с потрясенным братом и написать письма родителям. Затем этот механический исполнитель долга и представитель неумолимой бесчеловечности твердо нажимает рукой красный рычаг и выбрасывает растерянную девушку с голубыми глазами, в маленьких тифельках с блестящими бусинками в космос... Насколько человечнее было бы то же неумолимое уравнение, если бы за скобками оказалось другое лицо, подлинно мужественный человек-герой, оставивший в ракете девушку и включивший автоматическую аппаратуру спуска! Но американский новеллист был заинтересован лишь в нагнетании ужаса, а отнюдь не в показе силы и благородства человека...

Александр Казанцев

Том Годвин
НЕУМОЛИМОЕ УРАВНЕНИЕ

Он был не один.

Об этом говорила белая стрелка крошечного прибора на пульте управления.

Тем не менее, в рубке, кроме него, никого не было. Слышался лишь шум двигателя. Но белая стрелка ползла

вверх. Когда маленький корабль оторвался от “Звездной Пыли”, она стояла на нуле, а теперь она двигалась. Это означало, что за дверцей грузового отсека присутствует какое-то тело, излучающее тепло.

Это могло быть только живое человеческое тело. Он откинулся в кресле. Он был пилотом КЭПа, не раз видел смерть и всегда без колебаний выполнял все, что от него требовалось. Но даже для пилота КЭПа нужно некоторое время, чтобы заставить себя пересечь рубку и хладнокровно, без рассуждений убить человека, которого никогда до этого не встречал.

Однако таков был закон, четко и лаконично сформулированный в пункте восемь мрачного параграфа “л” Межпланетной инструкции: “Любой пассажир, обнаруженный во время полета на КЭПе, подлежит немедленному уничтожению”. Таков был закон, и от него не могло быть никаких отступлений. Он был продиктован не прихотью человека, а условиями границ обитаемого мира. После того как человек вылетел за пределы солнечной системы и началось завоевание Галактики, возникла необходимость наладить контакт с колониями и исследовательскими партиями, работавшими на новых планетах. Напряженными усилиями человеческого гения были созданы огромные звездные корабли. Постройка каждого корабля требовала колоссальных затрат и отнимала много времени. Корабли появлялись на разных планетах строго по графику и уносили колонистов к новым мирам. Они никогда не выходили из графика: любая задержка нарушила бы регулярное сообщение между старой Землей и новыми мирами Границы.

Однако часто приходилось оказывать помощь или снабжать оборудованием и продовольствием группы людей на той или иной планете в непредусмотренное расписанием время. Для этого предназначались КЭПы — корабли экстренной помощи. Маленькие, хрупкие, изготовлявшиеся из легких металлов и пластмасс, они легко умещались в корпусе звездолета. У них был небольшой ракетный двигатель, потреблявший сравнительно немного горючего. На борту

каждого звездолета помещалось четыре КЭПа. Когда приходил сигнал о помощи, ближайший звездолет выпускал КЭП с грузом, а затем продолжал свой путь.

Снабженные атомными конвертерами, звездолеты не нуждались в жидком ракетном топливе, потребляемом кораблями экстренной помощи. Они могли брать лишь очень ограниченный запас этого тяжелого горючего, и поэтому тратить его приходилось чрезвычайно экономно. Счетные машины определяли курс, массу КЭПа, пилота и груза, необходимое количество горючего. Они были очень точны и ничего не упускали в своих расчетах, но они не могли учесть дополнительный вес непредвиденного пассажира.

“Звездная Пыль” приняла сигнал одной из исследовательских партий, работающих на Вудене. Шесть человек были поражены лихорадкой, вызываемой укусом зеленой мошки “кула”, а весь имевшийся у них запас сыворотки уничтожил ураган, который пронесся накануне над лагерем.

Получив сигнал, “Звездная Пыль” уменьшила скорость, выпустила КЭП с небольшим грузом сыворотки, а затем

легла на прежний курс, и вот час спустя прибор показывал, что в грузовом отсеке, кроме маленькой картонной коробки с сывороткой, находилось живое существо. Пилот остановил взгляд на узкой белой дверце. За ней жил и дышал человек, которому предстояло узнать, что его убежище открыли слишком поздно. Пилот ничем не мог ему помочь. Из-за добавочной массы пассажира ему не хватит горючего во время торможения; истратив последние остатки топлива, КЭП начнет стремительно падать. Корабль вместе с пилотом и пассажиром врежется в землю и превратится в груды человеческих костей и обломков металла. Спрятавшись на корабле, этот человек подписал себе смертный приговор.

Он снова взглянул на предательскую белую стрелку и поднялся. То, что ему предстояло совершить, было тяжело для них обоих, и чем скорее все будет кончено, тем лучше. Он пересек рубку и остановился перед белой дверцей.

— Выходите! — Приказ прозвучал резко и отрывисто, заглушив на мгновение рокот двигателей.

За дверью послышался шорох, и затем снова стало тихо. Он представил себе забившегося в уголок пассажира, который вдруг осознал ужасные последствия своего легкомысленного поступка.

— Я сказал — выходите!

Он слышал, как человек двинулся, чтобы выполнить его приказ. Он ждал, не спуская глаз с дверцы. Рука лежала на рукоятке атомного пистолета, висевшего у него на поясе.

Дверь открылась, и оттуда появился улыбающийся пассажир.

— Ладно, сдаюсь. Что теперь будет?

Перед ним стояла девушка.

Он молча смотрел на нее. Рука соскользнула с пистолета. Это было ужасно. Пассажир оказался девушкой, которой не было еще и двадцати лет. Она спокойно стояла перед ним в своих летних туфельках, и ее каштановая кудрявая головка едва доставала ему до плеча. От нее исходил слабый аромат духов. Она подняла к нему улыбающееся лицо, и ее глаза смотрели бесстрашно и выжидающе.

Что теперь будет? Если бы этот вопрос был задан самоуверенным голосом мужчины, он бы ответил на него решительно и быстро. Сорвав с него опознавательный жетон, он открыл бы люк. В случае сопротивления он пустил бы в ход пистолет. Все кончилось бы в несколько минут, и тело случайного пассажира было бы выброшено в безвоздушное пространство. Все было бы просто, будь пассажир мужчиной.

Он вернулся к своему креслу и жестом предложил девушке сесть на стоящий у стены стенд с контрольными приборами. Видя его мрачное лицо, девушка перестала улыбаться. Она напоминала напроказившего щенка, которого застали на месте преступления и который знает, что его ждет наказание.

— Вы еще ничего мне не сказали, — начала она робко. — Я виновата. Что же теперь со мной будет? Мне, наверное, придется уплатить штраф?

Он резко прервал ее: — Что вы здесь делали? Почему вы спрятались на КЭПе?

— Я хотела повидать брата. Он работает на Вудене в правительственной топографической экспедиции. Я его не видела целых десять лет, с тех пор как он покинул Землю.

— Куда вы летели на “Звездной Пыли”?

— На Мимир. Я устроилась там на работу. Брат все время посылал нам деньги — отцу, матери и мне. Он платил за мои курсы по изучению языков. Я окончила досрочно, и мне предложили место на Мимире. А Джерри еще не скоро покончит с Вуденом, он попадет на Мимир не раньше чем через год. Поэтому я здесь и спряталась. Ведь здесь хватит для меня места, и, если нужно, я уплачу штраф. У меня нет больше ни братьев ни сестер, а мы с Джерри не виделись очень долго. Мне не хотелось ждать еще целый год, и я спряталась здесь. Я, конечно, понимала, что нарушаю какие-то правила...

Нарушаю какие-то правила! Она была не виновата, что не знала законов. Она жила на Земле. Там не понимали, что законы Границы по необходимости жестоки и безжалостны,

как и среда, породившая их. Но ведь была же в звездолете надпись на двери! У входа в секцию, где находился КЭП: “Посторонним не входить!” И все-таки она вошла.

— Ваш брат знает, что вы летели на Мимир?

— Конечно. Я еще месяц назад сообщила ему, что окончила курсы и лечу на Мимир на “Звездной Пыли”. Я знала, что он собирается через год уехать с Вудена. Он получит повышение и хочет тогда обосноваться на Мимире.

На Вудене работали две исследовательские партии. Он спросил ее:

— Как зовут вашего брата?

— Кросс. Джерри Кросс. Он в Группе Два. Он дал нам такой адрес. А вы его знаете?

Сыворотку нужно было доставить Группе Один. Группа Два находилась на расстоянии восьми тысяч миль от нее, за Западным морем.

— Нет, я никогда его не встречал.

Он повернулся к пультам и уменьшил торможение, хорошо зная, что это все равно не отвлечет неизбежного конца. Он делал все, чтобы хоть немного его отсрочить. Почувствовав, что корабль задрожал и начал падать, девушка слегка привстала от удивления.

— Мы сейчас летим быстрее? Почему? — спросила она.

— Чтобы сэкономить горючее.

— Так, значит, его мало?

Он медлил с ответом. Затем спросил:

— Как вам удалось спрятаться на корабле?

— Я дождалась, когда никто на меня не смотрел, и пробралась сюда. Кто-то говорил, что пришел сигнал с Вудена и туда направляют КЭП, а я слышала. Я проскользнула в грузовую камеру, а корабль был уже готов к полету. Сама не знаю, как мне это удалось. Все казалось очень просто: попасть на Вуден и увидеть брата. А теперь у вас такое лицо... я понимаю, что это был не очень мудрый поступок.

Она снова улыбнулась ему.

— Я буду примерным преступником. Я хочу возместить все расходы и уплатить штраф. Я умею готовить и чинить

одежду и вообще знаю много полезных вещей. Я даже могу быть сиделкой.

— А вы знали, что мы везем для партии?

— Нет. Вероятно, какое-нибудь оборудование?

Почему она не была мужчиной, преследующим свои тайные и корыстные цели, или преступником, который бежал от, правосудия в надежде навсегда затеряться в огромном новом мире? Никогда еще пилоту КЭПа не приходилось сталкиваться с таким пассажиром. Среди тех немногих, кто пробирался на корабль, бывали люди низкие и эгоистичные, жестокие и опасные, но никогда еще на борту КЭПа не было голубоглазой улыбающейся девушки, готовой уплатить штраф и выполнять любую работу только для того, чтобы увидеть брата.

Он повернулся к пульту управления и нажал кнопку, вызывая “Звездную Пыль”. Это было бесполезно, но он должен был испытать все средства. Нельзя было схватить ее и толкнуть в люк, как поступил бы пилот, будь “пассажир” мужчиной. До тех пор пока КЭП тормозился силой тяготения, отсрочка была неопасной. Из коммуникатора раздался голос:

— Слушает “Звездная Пыль”. Сообщите опознавательные и докладывайте.

— Бартон. КЭП 34ГП. Экстренно. Вызываю командира корабля Делхарта.

Послышалось слабое нестройное гудение. Вызов проходил через соответствующие каналы.

Девушка молча наблюдала за ним. Она больше не улыбалась.

— Вы хотите, чтобы они вернулись за мной? — спросила она.

Коммуникатор щелкнул, и далекий голос сказал:

— Командир, вас вызывает КЭП.

— Они вернутся за мной? — еще раз спросила она. — И я не смогу увидеть брата?

— Бартон! — раздался резкий голос Делхарта. — Что за срочность?

— Пассажир.

— Пассажир? — в вопросе прозвучало удивление. — Тогда почему срочный вызов? Вы его обнаружили вовремя, непосредственной опасности нет. Вам надо связаться с Бюро корабельной информации, чтобы они оповестили ближайших родственников.

— Пассажир еще на борту, и обстоятельства не совсем обычные...

— Необычные? — перебил его командир. В его голосе ясно слышалось нетерпение. — Вы отлично знаете, что у вас мало горючего. И вам не хуже, чем мне, известен закон: “Каждый пассажир, обнаруженный во время полета на КЭПе, подлежит немедленному уничтожению”.

Бартон услышал, как вскрикнула девушка.

— Этот пассажир — девушка.

— Что?!

— Она хотела повидаться с братом. Это — еще совсем ребенок. Она не представляла себе, что делает.

— Понятно, — голос стал мягче. — И вы меня вызвали, надеясь, что я смогу вам чем-нибудь помочь? — Не дожидаясь ответа, он продолжал: — Мне очень жаль, Бартон, но я не в силах ничего сделать. Звездолет не может отклониться от графика. От этого зависят жизни слишком многих людей. Я чувствую то же, что и вы, но я не в состоянии что-либо изменить, как и вы. Выполняйте свой долг. Соединяю вас с Бюро информации.

Голос в коммуникаторе замолк. Оттуда доносилось лишь легкое потрескивание. Бартон повернулся к девушке. Она сидела, подавшись вперед, и смотрела на него испуганными, широко раскрытыми глазами.

— О чем он говорил? Что вы должны сделать? Уничтожить? Что он имел в виду? Этого не может быть!

Оставалось мало времени, и он не мог ей лгать.

— Он сказал то, что следовало.

— Нет!

Девушка отпрянула от него, как будто он собирался ее ударить. Она подняла руку, словно желая отстранить то страшное, что надвигалось на нее.

— Однако, это так.

— Нет! Этого не может быть. Вы не в своем уме. Что вы говорите!

— Мне очень жаль, — он старался говорить с ней как можно мягче. — Мне следовало сказать вам раньше, но я хотел сделать все, что в моих силах. Я вызвал “Звездную Пыль”. Вы слышали, что сказал командир?

— Это невозможно. Если вы выбросите меня за борт, я умру.

— Да.

Она ловила его взгляд, стараясь прочесть в нем правду, и недоверие в ее глазах сменилось ужасом. Она прижалась к стене, маленькая и беззащитная, как мягкая тряпичная кукла. Казалось, в ней угасла последняя искорка надежды.

— И вы собираетесь это сделать? Вы хотите меня убить?

— Мне очень жаль, — сказал он. — Вы даже не представляете себе, как мне вас жаль. Но так должно быть, и никто во всей вселенной не в силах что-либо изменить.

— Вызываю КЭП, — раздался металлический голос в коммуникаторе. — Говорит Бюро информации. Дайте опознавательные данные.

Бартон встал с кресла и подошел к девушке. Она судорожно вцепилась в край своего сиденья. Лицо, поднятое к нему, было совершенно белым под густой шапкой каштановых волос. Тем резче выделялась на нем ярко-красная полоса губной помады.

— Уже?

— Мне нужен ваш опознавательный жетон, — сказал он.

Она разжала руки и нащупала дрожащими пальцами висевшую у нее на шее цепочку, к которой был прикреплен маленький пластмассовый диск. Пилот помог ей снять диск и вернулся на свое место.

— Сообщаю данные. Опознавательный номер T837...

— Одну минуту, — прервал его голос. — На серой карточке?

— Да.

— Время исполнения приговора?

— Я сообщу вам позже.

— Позже? Это не по форме. Сначала требуется точное время смерти...

Он с огромным трудом заставил свой голос не дрогнуть.

— Тогда пусть будет не по форме. Сначала запишите остальные данные. Пассажир — девушка, и она все слышит. Вы это можете понять?

Наступила тишина. Затем голос сказал:

— Простите. Продолжайте.

Он начал читать очень медленно, чтобы дать ей возможность оправиться от первого чувства ужаса и постепенно привыкнуть к неизбежности.

— Номер Т8374 тире 54. Имя — Мэрилин Ли Кросс. Пол — женский. Родилась 7 июля 2160 г. (“Ей только восемнадцать”, — пронеслось у него в голове). Рост — 5 футов 3 дюйма. Вес — 110 фунтов.

Казалось странным, что такого маленького веса было достаточно, чтобы сокрушить целый корабль.

— Волосы — каштановые. Глаза — голубые. Телосложение — хрупкое. Группа крови — 0. (“Господи, кому нужны эти сведения”, — подумал он.) Пункт назначения — Порт-Сити, Мимир.

Он кончил и сказал: — Я вас вызову позже.

Затем снова повернулся к девушке. Она прижалась к стене и смотрела на него каким-то зачарованным взглядом.

— Они хотят, чтобы вы убили меня? Вы все ждете моей смерти?

В ее голосе исчезло напряжение, и она говорила, как испуганный и смущенный ребенок.

— Все хотят меня убить, а я ничего не сделала. Я никому не причинила зла. Я только хотела увидеть брата.

— Все не так, как вы думаете, совсем не так, — сказал он. — Никто не хочет вас убивать. И никто не допустил бы этого, если бы это зависело от людей.

— Но тогда почему все так? Я не понимаю.

Он объяснил ей создавшееся положение. Она долго молчала, а когда наконец заговорила, в ее глазах уже не было ужаса.

— Значит, все это только потому, что у вас мало топлива?

— Да.

— И я должна умереть, чтобы не погибли еще семь человек?

— Именно так.

— И никто не хочет моей смерти?

— Никто.

— Тогда, может быть... Вы уверены, что ничего нельзя сделать? Неужели люди не спасли бы меня?

— Все с радостью помогли бы вам, но никто ничего не в состоянии сделать. Все что я мог — это вызвать “Звездную Пыль”.

— А она не вернется, понимаю. Но, может быть, есть другие звездолеты? Неужели нет никакой надежды?

Она наклонилась вперед, с волнением ожидая его ответа.

— Нет.

Слово упало, как холодный камень. Она снова откинулась к стене, глаза ее потухли.

— Вы в этом абсолютно уверены?

— Да. На расстоянии сорока световых лет нет ни одного корабля, и никто ничего не может изменить.

Она опустила глаза и начала нервно перебирать складки платья. Постепенно она свыкнется с мыслью о своей страшной судьбе. Но на это нужно время, а его у нее очень мало. Сколько же его осталось?

На КЭПе не было установки, охлаждающей корпус. Поэтому необходимо было уменьшить скорость до среднего уровня, прежде чем корабль войдет в атмосферу. А сейчас они приближались к месту назначения со скоростью, превышающей установленную для них счетными машинами. Вот-вот должен был наступить критический момент, когда придется возобновить торможение, и тогда вес девушки станет очень важным фактором, который не учли счетные машины при определении количества топлива. Когда начнется торможение, она должна будет покинуть корабль. Иного выхода не было.

— Сколько я могу еще здесь оставаться?

Бартон невольно вздрогнул: этот вопрос прозвучал как эхо его собственных мыслей. Сколько? Он и сам не знал. Это было известно только счетным машинам. Каждый КЭП получал ничтожное количество дополнительного горючего на случай неблагоприятных условий полета. Все сведения, касающиеся курса корабля, хранили запоминающие элементы вычислительных машин. Эти данные нельзя было изменить. Можно было только сообщить счетным машинам новые данные — вес девушки и точное время, когда он уменьшил торможение.

Не успел он вызвать “Звездную Пыль”, как из коммуникатора раздался голос командира:

— Бартон, Бюро информации сообщило, что вы не закончили рапорт. Вы уменьшили торможение?

Командир уже догадался.

— Я торможу при одной десятой силы притяжения, — ответил он. — Уменьшил торможение в семнадцать пятнадцать, а вес — сто десять. Мне бы хотелось оставаться на одной десятой, пока позволяют счетные машины. Вы сможете сделать расчет?

Пилоту КЭПа строго запрещалось во время полета вносить какие бы то ни было изменения в курс, вычисленный для него счетными машинами, но командир даже не напомнил ему об этом. Делхарт никогда не был бы назначен командиром космического корабля, если бы не умел быстро разбираться в обстановке и не знал хорошо людей. Поэтому он только сказал:

— Я передаю сведения счетным машинам.

Коммуникатор умолк. Пилот и девушка ждали. Счетные машины должны были ответить немедленно. Новые данные вкладывались в стальную пасть первого элемента, и электрические импульсы проходили через сложную цепь. Время от времени щелкало реле, поворачивался крошечный зубец. Электрические импульсы безошибочно находили ответ. Невидимые, они с убийственной точностью решают сейчас, сколько осталось жить девушке, сидящей напротив пилота.

Пять маленьких металлических сегментов на втором элементе двигались один за другим, соприкасаясь с лентой, смазанной краской, а затем другая стальная пасть выбрасывала листок с ответом.

Хронометр на распределительной доске показывал 18.10, когда снова раздался голос командира:

— Вы должны возобновить торможение в 19.10.

Девушка взглянула на хронометр и тут же отвела взгляд.

— Это — оставшееся время? — спросила она.

Бартон молча кивнул, и она опять опустила глаза.

— Запишите исправления в курсе, — сказал командир. — При обычных обстоятельствах я не допустил бы ничего подобного, но я понимаю ваше положение. Вы не должны отклоняться от этих инструкций. В 19.10 представьте рапорт.

Незнакомый технический служащий продиктовал Бартону новые сведения, и тот записал их на бумажной ленте, прикрепленной к краю пульта управления. Он знал, что при сближении с атмосферой ускорение достигнет такой величины, при которой сто десять фунтов превратятся в пятьсот пятьдесят. Техник кончил читать. Бартон коротко поблагодарил и прервал связь. После минутного колебания он выключил коммуникатор. Хронометр показал 18.13. До 19.10 оставался почти час. Ему было бы неприятно, если бы кто-нибудь услышал то, что скажет девушка в этот последний час. Он начал медленно проверять показания приборов.

Было уже 18.20, когда девушка пошевелилась.

— Это — единственный выход? — спросила она.

Он повернулся к ней.

— Теперь вы понимаете? Никто не допустил бы этого, если бы можно было хоть что-то изменить.

— Я понимаю, — произнесла она. Лицо ее уже не было бледным, и помада теперь не выделялась так резко. — Я не имела представления о том, что делала, когда пряталась на этом корабле. Теперь я должна за это расплачиваться.

Она нарушила закон, установленный людьми, — *“не входить”*, и это повлекло за собой нарушение физического

закона: количество топлива h , обеспечивающее доставку КЭПа с массой t к месту назначения, окажется недостаточным, если масса будет $t + x$.

КЭП подчинялся только физическим законам, а их не могли изменить даже горы человеческого сочувствия.

— Я боюсь. Я не хочу умирать. Я хочу жить, но никто ничего не делает, чтобы спасти меня. Никого не трогает, что я умру.

— Трогает, — сказал он, — и меня, и командира, и служащего из Бюро информации. Всех нас это волнует, и каждый сделал то небольшое, что было в его силах. А больше мы ничего сделать не можем.

— Я еще могу понять, что не хватает топлива, — с тоской произнесла она, словно не слыша его последних слов. — Но почему я должна умереть из-за этого? Одна я...

Она не могла примириться с этой мыслью. Никогда раньше она не знала, что такое опасность смерти, ничего не знала о мирах, где человеческая жизнь была хрупкой и эфемерной, как морская пена, разбивающаяся о скалистый берег. Она жила на доброй старой Земле, в спокойном и дружелюбном мире, где люди имели право быть юными и легкомысленными и могли смеяться. На Земле жизнь человека ценили и оберегали. Там всегда была уверенность, что наступит завтра. Она пришла из мира мягких ветров, теплого солнца, музыки, лунного света, и ей была неведома суровая и трудная жизнь Границы.

— Как ужасно быстро все это произошло. Еще час назад я летела на Мимир, а теперь “Звездная Пыль” продолжает свой путь без меня, а я должна умереть. Я никогда больше не увижу Джерри и маму с папой. Никогда... ничего... не... увижу.

Он колебался, не зная, как сделать, чтобы она все поняла и не считала себя жертвой жестокой несправедливости. Она мыслила категориями спокойной и безопасной Земли, где не уничтожали красивых девушек. На Земле ее призывы о спасении заполнили бы эфир и быстроходные черные дозорные корабли вылетели бы ей на помощь; имя Мэрилин Ли Кросс

стало бы известно повсюду, и все было бы сделано для ее спасения. Однако они были не на Земле, и здесь не было дозорных кораблей, не было ничего, кроме “Звездной Пыли”, удаляющейся от них со скоростью света.

Никто, никто не сможет ей помочь. Мэрилин Ли Кросс не будет улыбаться с экранов телевизоров. Мэрилин Ли Кросс останется только в навсегда отравленной памяти пилота КЭПа, а имя ее, занесенное на серую карточку, будет передано в один из отделов Бюро корабельной информации.

— Здесь все не так, как на Земле, — сказал он, — и во все не потому, что никого не волнует ваша судьба; просто... здесь все не так, как на Земле. Граница необъятна, и вдоль нее, на окраине обитаемых миров, далеко друг от друга, разбросаны колонии и исследовательские партии. На Вудене, например, всего шестнадцать человек, шестнадцать человек на целой планете! Участникам исследовательских партий, топографических отрядов, колонистам постоянно приходится бороться с чуждой для них средой, чтобы проложить дорогу тем, кто последует за ними, но среда не дремлет, и поэтому каждая ошибка оказывается роковой. На протяжении Границы нет надписей, предупреждающих об опасности, и их не будет, пока не проложены пути для новых поколений и не освоены до конца новые миры. До тех пор люди должны будут жестоко расплачиваться за свои ошибки, и никто не сможет им помочь.

— Я летела на Мимир и ничего не знала о законах Границы. Меня интересовал только Мимир, и мне казалось, что там безопасно.

— На Мимире — да, но вы покинули корабль, на котором вы летели.

Помолчав, она сказала:

— Все казалось таким заманчивым. На вашем корабле было для меня достаточно места. Я ничего не знала о топливе и о том, что может произойти.

Она замолчала; Бартон отвернулся и стал смотреть на экран телевизора. Он хотел дать ей возможность самой справиться с тяжелым чувством страха, на смену которому

должно было прийти спокойное примирение со своей судьбой.

На экране был ясно виден Вуден — шар, окутанный глубой дымкой атмосферы. Он плавал в пространстве на фоне черной бездны, усеянной звездами. Огромная масса Континента Мэннинга опрокинулась в Восточное море, словно гигантские песочные часы. Все еще была видна западная половина Восточного континента. По мере того как планета поворачивалась вокруг оси, справа на Восточный континент надвигалась узкая полоса тени. Еще час назад на экране был виден весь континент, а теперь тысячи миль скрылись в тени и двигались навстречу ночи на другом конце планеты. Темно-синее пятно, озеро Лотоса, приближалось к полосе тени. Где-то там, недалеко от его южного берега, находился лагерь Группы Два. Скоро должна была наступить ночь, и тогда вращение Вудена отодвинет лагерь за пределы зоны, доступной для рации КЭПа.

Оставалось мало времени, и Бартон не знал, успеет ли она поговорить с братом. Если нет, это, может быть, лучше для них обоих, но он не хотел решать за нее.

Он нажал кнопку, и на экране появилась сетка. Зная точный диаметр планеты, он определил расстояние, которое оставалось пройти, пока южная точка озера Лотоса не попадет в сферу радиосигналов. Что-то около пятисот миль. Это — тринадцать минут. Хронометр показывал 18.30. Даже учитывая возможные ошибки в вычислениях, вращение планеты оборвет голос ее брата не раньше чем в 19.05.

Слева уже показался край Западного континента. За пять тысяч миль от него лежал берег Западного моря, на котором находился лагерь Группы Два. Именно отсюда, со стороны моря, налетел ураган, который обрушился на лагерь и уничтожил половину зданий, включая и склад с медицинским оборудованием. Это была слепая стихия, которая подчинялась только законам природы.

Люди могли познать эти законы, но не в человеческой власти было их переделать. Длина окружности равна $2\pi R$, и

с этим ничего не поделаешь. Соединение химических веществ A и B при условии C неизменно вызывает реакцию D . Закон тяготения представляет собой неумолимое уравнение, и он не делает различия между падающим листом и двойными звездами. Атомная энергия приводит в движение космические корабли, уносящие людей к звездам, и она же может разрушить мир. Законы природы были реальной силой, и вселенная двигалась, управляемая ими. Здесь, на границе обитаемых миров, силы природы были обнажены и иногда они уничтожали тех, кто прокладывал путь с Земли. Эти силы были глухи и слепы, и люди давно поняли, что проклиная их бесполезно. Они поняли, что ждать от них пощады нелепо. Звезды Галактики совершали свое бесконечное движение уже четыре миллиарда лет под действием законов, не ведающих ни ненависти, ни сострадания. Люди Границы хорошо это знали. Но как было понять девушке, пришедшей с Земли, что *количество топлива h не гарантирует доставку КЭПа к месту назначения, если масса его равняется $t + x$!*

Для брата, для родителей, для самой себя она была милой восемнадцатилетней девушкой. Но для законов природы она была просто x , нежелательным слагаемым в неумолимом уравнении.

— Можно мне написать письмо? — спросила она. — Я хочу написать маме и папе. И потом, мне бы очень хотелось поговорить с Джерри. Вы разрешите мне поговорить с ним?

— Сейчас попытаюсь найти его.

Он включил радиопередатчик, нажал сигнальную кнопку и тут же услышал голос:

— Хэлло! Как там дела у ваших ребят? КЭП вышел?

— Это не Группа Один. Это КЭП, — сказал он. — Джерри Кросс у вас?

— Джерри? Он вылетел на вертолете с двумя сотрудниками и еще не вернулся. Солнце уже садится. Он скоро должен быть, самое большее — через час.

— Вы не можете соединить меня с его вертолетом?

— Там не работает приемник. У нас нет запасных частей. У вас срочное дело? Что-нибудь случилось?

— Да, он очень нужен. Когда он вернется, пусть тут же вызовет меня.

— Хорошо, я передам. Я пошлю одного из наших ребят с машиной встретить его на посадочном поле. Может еще что-нибудь нужно?

— Нет. Спасибо. Поскорее разыщите его и вызовите меня.

Он почти до отказа повернул регулятор, затем отрезал кусок бумаги от ленты, прикрепленной к пульту. Оторвав от него полосу со сведениями, которые были получены со “Звездной Пыли”, он протянул девушке бумагу и карандаш.

— Я, пожалуй, напишу Джерри тоже, — сказала она, беря листок. — Он может не успеть вернуться в лагерь.

Она начала писать. Пальцы ее дрожали. Бартон повернулся к экрану и уставился на него невидящими глазами.

Одиноким, незащищенным ребенком. Она хотела сказать своим близким последнее «прости». Излить им свою душу, сказать, что она их любит, утешить их и объяснить, что все это произошло случайно и никто не виноват. Она, наверно, писала им, что ей совсем не страшно. Это была ложь, смелая ложь, которая заставит их сердца сжаться еще сильнее.

Ее брат — обитатель Границы, и он поймет. Он не станет ненавидеть пилота КЭПа за то, что погибла сестра. Он знает, что пилот ничего не мог сделать. Это не смягчит удара, но он поймет. Но отец и мать никогда не поймут. Они люди Земли и никогда не жили там, где жизнь отделяет от смерти линия, такая тонкая, что она обрывается при малейшей неосторожности. Что они будут думать о неизвестном пилоте, отправившем на смерть их дочь? Они возненавидят его холодной, упорной ненавистью. Впрочем, какое это имеет значение? Он никогда не встретится с ними, никогда не увидит их. У него останутся только воспоминания да еще ночи, когда голубоглазая девушка в летних туфельках будет снова появляться и умирать в его снах.

Хронометр показывал 18.37, когда она сложила листок вчетверо и написала на нем адрес. Затем она принялась за

второе письмо. Она дважды смотрела на хронометр, как будто боялась, что черная стрелка достигнет роковой цифры прежде, чем она успеет кончить. Было уже 18.45, когда она, написав адрес, отдала ему оба письма.

— Вы проследите, чтобы их запечатали и отправили?

— Конечно.

Он взял письма и вложил их в карман своей серой форменной куртки,

— Наверно, их можно будет отправить только со случайным звездолетом? Они уже будут все знать? Ведь со “Звездной Пыли” им сразу сообщат? — спросила она.

Он кивнул. Она продолжала:

— Все равно мне хочется, чтобы письма дошли. Это очень важно — и для них и для меня.

— Понимаю. Я позабочусь, чтобы все было в порядке. Она снова взглянула на часы, затем на него.

— Они идут все быстрее и быстрее.

Он промолчал. Девушка спросила:

— Как вы думаете, Джерри успеет вернуться?

— По-моему, да.

Она нервно крутила карандаш.

— Я надеюсь, что он вернется. Мне очень плохо. Мне бы хотелось услышать его голос, и тогда, может быть, я бы не чувствовала себя такой одинокой. Я трусиха и ничего не могу с собой поделать.

— Нет, — сказал он, — вам страшно, но это не трусость.

— А разве это не одно и то же?

Он покачал головой.

— Я чувствую себя очень одинокой. Я никогда не испытывала ничего подобного. Всегда вокруг меня были люди — папа, мама, друзья. У меня было много друзей, и они устроили вечеринку в честь моего отъезда.

Она вспоминала друзей, музыку, веселье — а на экране озера Лотоса входило в тень.

— А с Джерри могло бы так случиться? — спросила она. — Если бы он совершил ошибку, он тоже должен был бы умереть вот так, как я, совсем один, и никто бы ему не помог?

— Это могло случиться со всеми, и так будет всегда, пока существует Граница.

— Джерри ничего нам об этом не рассказывал. Он всегда говорил, что здесь хорошо платят, и посылал домой деньги. Он ничего нам больше не говорил.

— Разве он вам не говорил, какая у него опасная работа?

— Мы не придавали значения его словам. Мы просто не понимали. Жизнь на Границе мне всегда представлялась заманчивой и интересной, как в кино.

Она улыбнулась.

— Только на самом деле все это не так. Совсем не так. Оказывается, не всегда можно пойти домой после окончания сеанса.

— В том-то и дело, — сказал он.

Ее взгляд скользнул от хронометра к дверце люка. Затем она посмотрела на карандаш и листок бумаги, которые все еще держала в руках. Она переменила позу, положила карандаш и бумагу рядом с собой на стенд и вытянула ноги. Он впервые заметил, что ее туфельки были сделаны из какого-то дешевого заменителя кожи. Блестящие металлические пряжки на, них были украшены цветными стеклышками, которые он вначале принял за драгоценные камни. Она, должно быть, не кончила средней школы и поступила на курсы, чтобы скорее начать зарабатывать и помочь брату обеспечить родителей. Ее вещи и деньги, оставшиеся на “Звездной Пыли”, будут переданы родителям. Наверно, они занимают немного места.

— Вам не кажется, что здесь холодно? — вдруг робко спросила она.

Он удивленно посмотрел на нее. Температура в рубке была нормальная, но он сказал:

— Да, здесь холоднее, чем должно быть.

— Мне бы хотелось, чтобы Джерри успел вернуться. Вы и вправду думаете, что он вернется, или вы сказали это, чтобы успокоить меня?

— Я думаю, что он успеет. Они ждут его.

На экране озеро Лотоса совсем вошло в тень. Только на западе была видна узенькая голубая полоска. Значит, он неверно рассчитал время, в течение которого она могла говорить с братом. Через несколько минут лагерь уйдет из сферы, доступной для радиосигналов.

— Джерри в той части Вудена, которая в тени, — он указал на экран. — Вращение планеты скоро сделает связь невозможной. Остается немного времени. Если он появится сейчас, то вы еще успеете. Мне бы очень хотелось, чтобы вы успели.

— У него даже меньше времени, чем у меня?

— Боюсь, что да.

— Тогда, — она выпрямилась и посмотрела решительно на люк, — тогда я прыгну, как только Джерри уйдет из сферы связи. Я не хочу больше ждать. Мне нечего ждать.

Он опять промолчал.

— А может быть, кончить все сразу? Так будет лучше и для меня и для Джерри, а ему все расскажут потом.

“Она ждет, чтобы я не согласился с ней”, — подумал Бартон.

Поэтому он сказал:

— Ему будет тяжело, когда он узнает, что вы его не дождались.

— Уже совсем темно там, где он, и впереди у него длинная ночь, а мама и папа не знают, что я никогда не вернусь. Я им обещала, что скоро, скоро вернусь. Им всем будет тяжело, всем, кого я люблю. А мне бы не хотелось им делать больно. Но ведь я не нарочно.

— Это не ваша вина, — сказал он. — Вы ни в чем не виноваты. Они все узнают и поймут.

— Сначала я боялась умереть, трусила и думала только о себе. Теперь я понимаю, как я была эгоистична. Самое страшное не в том, что умрешь, а в том, что никогда больше никого не увидишь, не сможешь сказать родным, как ты им благодарна за жертвы, которые они приносили, чтобы сделать счастливее твою жизнь. Мне бы хотелось им сказать, что я понимаю, как много они для меня сделали, и что я

очень сильно их люблю. Я никогда этого им не говорила. Когда ты молод и перед тобой вся жизнь, как-то не приходится в голову говорить о таких вещах, да и боишься, что все это будет звучать глупо и сентиментально. Только теперь, когда приходится умирать, на все начинаешь смотреть другими глазами, и становится нестерпимо грустно от того, что не сказала им всего, что могла бы сказать. Я жалею сейчас обо всех мелких огорчениях, которые я им причиняла. Я хочу, чтобы они помнили только о том, что я любила их сильнее, чем они думают.

— Вам не нужно этого им говорить. Они это знают.

— Вы в этом уверены? — спросила она его. — Откуда вы знаете? Ведь вы не знакомы с ними.

— Куда бы вы ни поехали, человеческие сердца повсюду одинаковы.

— И они узнают то, что мне бы хотелось им сказать? Узнают, что я их люблю?

— Они всегда это знали лучше, чем вы можете выразить словами.

— Я помню все, что они делали для меня, помню все мелочи. Ведь они теперь имеют для меня такое значение! Когда мне исполнилось шестнадцать, Джерри прислал мне браслет из огненно-красных рубинов. Браслет был очень красивый и стоил ему почти месячного заработка. А еще лучше я помню ту ночь, когда мой котенок убежал на улицу и там погиб. Мне тогда было лет семь. Джерри обнимал меня, утирал слезы и уговаривал не плакать. Он сказал, что Флосси вышла ненадолго, чтобы купить новую шубку, и что к утру она уже будет ждать меня у кровати. Я ему поверила и легла спать. Я сразу же заснула, и мне снилось, что котенок вернулся. А наутро, когда я проснулась, Флосси сидела у кровати в новой белой шубке, точно как сказал Джерри. А потом, через много лет, мама рассказала мне, что Джерри ночью поднял с постели владельца магазина подарков и грозился спустить его с лестницы, если он не продаст ему белого котенка. Всегда помнишь о людях по тем мелочам, которые они сделали для тебя.

Помолчав, она сказала:

— Я все равно боюсь. Я не могу ничего с собой поделаться, но мне не хочется, чтобы Джерри это почувствовал. Если он вернется вовремя, я буду вести себя так, как будто мне совсем не страшно. И я...

Громкий настойчивый звонок прервал ее.

— Джерри! — Она вскочила на ноги. — Джерри!

Он быстро повернул регулятор и спросил:

— Джерри Кросс?

— Да, — ответил встревоженный голос. — Плохие вести? Что случилось?

Она ответила за Бартона. Она стояла рядом, наклонившись к коммуникатору. Ее маленькая холодная рука лежала у него на плече.

— Хэлло, Джерри! — голос ее только слегка дрожал. — Я хотела видеть тебя.

— Мэрилин! Что ты делаешь на КЭПе?

— Я хотела видеть тебя, — повторила она. — Я хотела видеть тебя и спряталась на этом корабле.

— Ты спряталась на КЭПе?

— Да. Я не знала, чем все это может кончиться.

— Мэрилин! — это был отчаянный крик человека, который теряет последнюю надежду. — Что ты наделала!

— Я... Я... ничего...

Маленькая холодная рука судорожно сжала плечо Бартона.

— Не надо, Джерри, я хотела видеть тебя. Я не хотела огорчать тебя, Джерри!

Что-то теплое капнуло ему на руку. Высвободившись из кресла, он усадил ее и повернул микрофон так, чтобы ей было удобнее.

— Я не хочу делать тебе больно.

Сдерживаемые рыдания душили ее. Брат снова заговорил:

— Не плачь, Мэрилин. — Его голос вдруг стал глубоким и нежным. В нем ясно чувствовалась затаенная боль. — Не плачь, сестренка, ты не должна плакать. Не бойся, родная, хорошо?

— Я... я... — нижняя губа задрожала, и она закусила ее. — Я не хотела плакать. Я только хотела попрощаться с тобой, потому что мне уже пора.

— Конечно, конечно. Ничего не поделаешь, сестренка. — Затем голос изменился. Он быстро и повелительно спросил: — КЭП! Вы запрашивали “Звездную Пыль”? Вы проверили данные счетных машин?

— Час назад я вызывал “Звездную Пыль”. Они не могут вернуться. На расстоянии в сорок световых лет нет ни одного корабля.

— Вы твердо уверены, что все показания счетных машин правильны? Абсолютно уверены?

— Да. Неужели вы думаете, что я мог бы пойти на это, если бы не был абсолютно уверен? Я сделал все что мог.

— Он пытался помочь мне, Джерри. — Ее губы больше не дрожали, но короткие рукава блузки стали совсем мокрыми, так как она все время утирала ими слезы. — Никто не может помочь мне. Я больше не стану плакать. Все будет хорошо с тобой, с папой и мамой. Правда?

— Конечно, конечно. Все в порядке.

Голос становился все слабее. Бартон до конца повернул регулятор.

— Он уходит из радиосферы, — сказал он. — Через минуту голос совсем исчезнет.

— Тебя уже плохо слышно, Джерри! — сказала она. — А я хотела так много сказать тебе. Мы скоро должны проститься. Но, может быть, мы еще когда-нибудь встретимся. Может быть, ты увидишь меня во сне, с растрепанными косичками, как я держу на руках мертвого котенка. Может быть, тебе обо мне напомнит звонкая песня жаворонка, о котором ты мне рассказывал. Может быть, иногда ты будешь просто чувствовать, что я рядом. Думай только так обо мне, Джерри, только так.

Из микрофона донесся приглушенный шепот:

— Только так, Мэрилин. Только так...

— Время истекло, Джерри. Мне пора. До сви...

Она не договорила. Рот искривился. Она с трудом сдер-

живала слезы. Однако, когда она снова заговорила, ее голос звучал ясно и естественно:

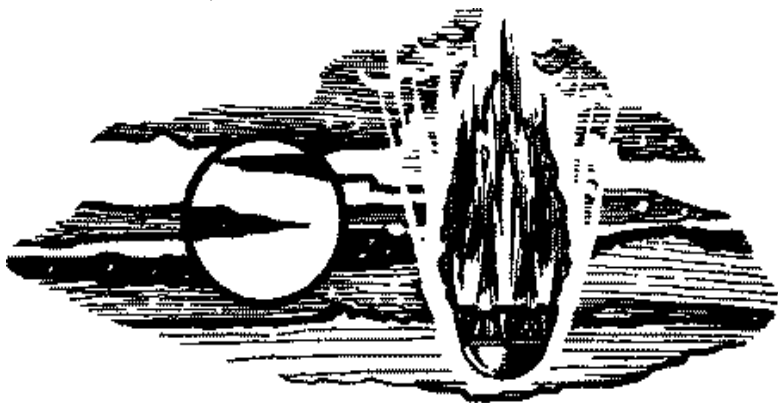
— Прощай, Джерри!

Холодный металл коммуникатора донес последние, едва различимые слова:

— Прощай, сестренка!

Наступила тишина. Девушка сидела неподвижно, как будто все еще прислушиваясь к последним словам брата. Затем повернулась лицом к люку. Бартон поднял черный рычаг. Внутренняя дверца люка отскочила и открыла пустую маленькую камеру. Она медленно направилась к ней. Она шла, высоко подняв голову; каштановые волосы рассыпались по плечам. Маленькие ноги в белых туфельках двигались уверенно и спокойно, стеклянные хрусталики на пряжках загорались огоньками. Он не встал помочь ей. Она ступила в люк и повернулась к нему. Только пульсирующая жилка на шее выдавала, как дико билось ее сердце.

— Я готова, — сказала она.

Он опустил рычаг, и дверца, последний барьер между жизнью и смертью, щелкнула и захлопнулась. Девушка исчезла во мраке. Он поднял красный рычаг. Корабль слегка качнулся, когда из люка вырвался воздух, а затем вернулся в прежнее положение. Он опустил красный рычаг.

С трудом волоча ноги, он побрел к креслу. Добравшись до него, он нажал сигнальную кнопку передатчика и вызвал “Звездную Пыль”.

Было еще рано возобновлять торможение; корабль плавно падал. Тихо мурлыкали двигатели. Белая стрелка прибора, измеряющего температуру в грузовом отсеке, стояла на нуле. Неумолимое уравнение было удовлетворено. Он был один на корабле, где еще ощущалось присутствие девушки, ничего не знавшей о силах, которые убивали, не испытывая ни ненависти, ни злобы. Ему казалось, что она все еще сидит на металлическом стенде рядом с ним, маленькая, испуганная и растерянная, а слова ее, как эхо, звучали у него в ушах:

— Почему я должна умереть? Я не сделала ничего такого, за что меня нужно убивать!

СОДЕРЖАНИЕ

А. Казанцев

ПЛАНЕТА ПЕПЛА

Научно-фантастическая повесть
(газетный вариант)

5

А. Казанцев

ЛУННЫЙ ДОЖДЬ

Глава из повести

137

А. Казанцев

ЛУННАЯ ДОРОГА

Научно-фантастическая повесть
(журнальный вариант)

165

ПРИЛОЖЕНИЕ

Том Годвин

НЕУМОЛИМОЕ УРАВНЕНИЕ

Фантастический рассказ

Пер. А. Ставиской

365

